ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. — ИСТОРИЯ СЕЛА БОЛОТНОЕ.
Летописные заметки за период от 1917 до 1941 года

Введение. — *Село Болотное в пореформенную эпоху (От 1861 до 1917 года)* 9

I. Село крестьян-единоличников и государственный оброк

1. Село в период натурального коммунизма и гражданской войны (1917—1920 годы) 15
2. Село в период новой экономической политики (1921—1928 годы) 54

II. Колхозная Голгофа 93

3. «Страшные годы» — коллективизация 95
4. Упорные единоличники 130
5. Бегство из колхозов. (Переселенцы и отходники) . . . 137
6. Внешний облик колхозной деревни 145
7. Кустарная промышленность 149
8. «Колхозные царьки» 153
9. Скот и люди в колхозе 168
10. Колхозная барщина 174
11. Сельское хозяйство 199
12. «Не жизнь, а мука . . . » 209
13. Могильный режим 231
14. Колхозный гарем 241
15. Сельская интеллигенция 252
16. Пасхальные дни 289
17. «Мы им навоюем! . . » 301
18. Колхозник на радиостанции 317

Часть вторая. — НИЩЕТА КОЛХОЗНАЯ

Материальный быт деревни за период 1945—67 годов 319

1. «Не жилье, а горе...» 323
2. «Разутово-Раздетово...» 349
3. Колхозная «Нееловка» 360

Часть третья. — КОЛХОЗНАЯ ДЕРЕВНЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Социологические очерки 427

1. *Рай в земледельческих коммунах*
   Мечты и пророчества Н. Чернышевского 429
2. *Белорусская колхозная деревня*
   Повесть А. Кулаковского — «Доброселыцы» 433
3. *Воронежская деревня*
   Роман А. Андреева — «Грачи прилетели» 457
4. *Вологодский колхоз*
   Повесть А. Яшина — «Сирота» 471
5. *«Колхозный рай»*
   Фотография частушечная 487
6. Нищие в «социалистическом раю» 505
7. Райские предсказания и адская действительность 507—509

Эпиграфы

«Не имеем мы цельной истории советского крестьянства и его перехода на путь социализма. А разве это не увлекательная, не благодарная тема исторического исследования? Особенно, если учесть, что крестьянство составляет бóльшую часть населения земли».

Профессор Б. Пономарев
(Журнал «Коммунист», № 1, 1963, Москва)

В коммунистических государствах крестьянство распято на Голгофе, а сельское хозяйство сброшено в болото.

Т. К. Чугунов

«В некоммунистических странах земледельцы работают и не знают, даже не подозревают, какая доля отведена, какая судьба уготовлена им международным коммунизмом».

Юрий Мишалов

Часть первая

ИСТОРИЯ СЕЛА БОЛОТНОЕ

Летописные заметки за период от 1917 до 1941 года

ВВЕДЕНИЕ

Село Болотное в пореформенную эпоху

(От 1861 до 1917 года)

На последующих страницах будет описана жизнь одного русского села при советской власти за период от Октябрьской революции до начала германо-советской войны — до 1941 года. Это село находится в Средней России, в Орловской губернии; в очерках ему дано условное название: «Болотное».

Для того, чтобы наглядно представить, какие изменения внесла коммунистическая власть в жизнь дореволюционной деревни, необходимо дать хотя бы самую краткую характеристику жизни этого села за последнюю, пореформенную, эпоху — от Освободительной Реформы 1861 года до Октябрьского переворота.

Жизнь крестьян в эпоху помещичьего крепостного права с наибольшей полнотой и правдивостью ярко изобразили русские писатели: А. Н. Радищев — в книге очерков «Путешествие из Петербурга в Москву» (в 1790 году), Н. Некрасов — в поэмах и стихотворениях, И. С. Тургенев — в очерках, объединенных в книге «Записки охотника» (в 1847-1852 годах). Тургенев, орловский помещик, описывал встречи и наблюдения, которые он имел во время охотничьих блужданий в губерниях Средней России — в Орловской, Курской, Тульской и Калужской, т. е. в тех местах, в которых расположено село Болотное.

Жизнь закабаленных крестьян в эпоху помещичьего крепостного права была бедной, тяжелой и мрачной: рабская зависимость от произвола помещиков; тяжелые повинности — «барщина», «оброк»; нищета: жалкие закопченные хижины, плохая одежда, скудное питание.

Но после отмены крепостной зависимости, в пореформенную эпоху, от 1861 до 1917 года, жизнь крестьян вообще, а в частности, в селе Болотное, изменилась коренным образом.

Село Болотное возрождалось: изменялось, преображалось, развивалось, быстро двигалось вперед. Основою для этого прогресса послужили главные мероприятия Освободительной реформы: уничтожение крепостной зависимости крестьян от помещика и превращение их в свободных людей; отмена «барщины», принудительного труда на помещика; наделение крестьян землей на основе долгосрочного выкупа.

При освобождении от крепостной зависимости крестьяне села Болотное получили земельные душевые наделы в размере 4 десятин (или 4,4 гектара) на каждую мужскую душу. Большинство дворов получило по два душевых надела или по 8,8 гектара земли с рассрочкой выплаты на 50 лет, т. е. от 1861 до 1911 года.

Барщина обыкновенно отнимала у крестьян Болотного три- четыре дня в неделю, половину рабочего времени в летнем сезоне. После отмены ее крестьяне имели в своем распоряжении рабочего времени в два раза больше, чем раньше. Это освободившееся рабочее время земледельцы в пореформенной деревне стали использовать для улучшения своего хозяйства.

Они стали лучше обрабатывать свою землю; снимать в аренду помещичью землю и покосы; разводить больше скота, улучшать его качество; использовать на полях больше удобрений.

В результате этих мероприятий средняя урожайность основной зерновой культуры в Болотном, ржи, за пореформенную эпоху повысилась от 25-30 до 50-60 пудов (или от 4-5 до 8-10 центнеров) с гектара, т. е. в два раза. А урожаи других культур — конопли, картофеля, гороха, крупяных культур — повысились еще больше.

Имея больше кормов (зерна, картофеля, яровой соломы, сена), свободные земледельцы увеличили поголовье скота и птицы в несколько раз. Расширение кормовой базы и разведение лучших пород скота привели к повышению продуктивности животноводства.

Так в результате улучшения растениеводства и животноводства свободные крестьяне, инициативные хозяева, стали получать от земледелия в несколько раз больше дохода, чем в крепостную эпоху.

Кроме того, почти все крестьяне стали получать дополнительные доходы извне: от наемного труда (в качестве батраков, лесных рабочих, работ на отхожих промыслах); от занятий ремеслом и в кустарных предприятиях; от арендованной земли; от обработки земли тех, кто уходит на заработки.

Часть этих дополнительных доходов шла на уплату выкупных платежей за землю, за душевые наделы, полученные после проведения Крестьянской Реформы в 1861 году. Но эти платежи, в среднем около четырех золотых рублей в год с каждого двора, составляли незначительную часть от дополнительных доходов освобожденного крестьянина. А с 1906 года эти выкупные платежи за землю были вообще досрочно отменены правительством министра-реформатора П. А. Столыпина.

Дополнительные доходы от более прибыльного хозяйства свободные крестьяне расходовали на улучшение жизни, на облегчение труда, на расширение и дальнейшее усовершенствование своего хозяйства.

Питание огромного большинства крепостных крестьян было необычайно скудным: хлеб, картофель, лук, пустые щи. Один старик, вспоминая эту полуголодную жизнь, говорил писателю Глебу Успенскому: «Как только выжили!..» А в пореформенную эпоху крестьяне даже малоземельного села Болотное в небогатой Орловской губернии стали питаться удовлетворительно. Они имели достаточно не только хлеба, картофеля и овощей, но и других, более питательных, продуктов: круп, растительного (конопляного) масла, молока, яиц, коровьего масла, сала. По воскресеньям и другим праздничным дням крестьяне ели мясо (в дореволюционной деревне праздничные дни составляли треть года).

Свободные крестьяне смогли значительно улучшить свою одежду. Они могли завести вместо одного, как было прежде, два комплекта одежды: рабочий и праздничный. Для зимы земледельцы теперь имели валенки, для праздников — сапоги или ботинки.

За пореформенную эпоху жители Болотного поразительно улучшили свои жилища. В крепостную эпоху жилищем крестьянской семьи служила обычно ветхая однокомнатная избушка. Она была без дымохода: не хватало средств для покупки кирпича и оплаты мастера. Во время топки дым наполнял жилье, выходил в открытую дверь; все стены и потолок были покрыты копотью. Освещение в крестьянских хатах прежде было «самодельное»: горела лучина или коптилка (фитилек на блюдечке с маслом). В таких хатах было всегда полутемно: вечером — из-за лучиночно-коптильного освещения, а днем — из-за маленьких окон в хате. Такие избушки крепостной эпохи назывались: «черные» или «курные» (от слова «курить»: и топящаяся печь, и лучина, и коптилка — постоянно «курили», т. е. дымили и коптили).

После того, как благосостояние крестьян Болотного повысилось, они стали строить избы гораздо лучшего типа: не осиновые, а березовые или сосновые; не однокомнатные, а двухкомнатные, бóльшие по площади и более высокие. Новые избы строились с большими окнами. Освещались избы уже не лучиною, а керосиновыми лампами. Такие избы назывались «белыми» или «светлыми». В просторных и светлых избах крестьянам веселее жилось и лучше работалось.

Свободные земледельцы использовали свои повышенные доходы также для усовершенствования техники в хозяйстве. Раньше женщины пряли нити для полотна или сукна веретеном, т. е. простой оструганной палочкой. В пореформенную эпоху все женщины Болотного смогли обзавестись прядильными станками — «прялками». Работа на них была более легкой и производительной. За эти качества крестьянки назвали этот станок «самопрялкой».

Огромное большинство крестьян в селе смогло купить однолемешные или двухлемешные плуги, которые во время работы двигались на колесах. Сохой продолжали пахать землю только самые бедные крестьяне, 10—20 процентов, те, кто еще не смог накопить средств для покупки плуга.

Другие тяжелые земледельческие работы тоже были заменены более легкой работой на машинах. Зажиточные крестьяне села купили на земском складе несколько молотилок и веялок. И все крестьяне стали производить молотьбу не цепами, а конными молотилками. Веять зерно они стали не деревянными лопатами на ветру, как прежде, а веялками.

Так пахоту, молотьбу и веяние жители Болотного уже механизировали и сильно облегчили. Некоторые купили сеялки.

Многие земледельцы строили и открывали кустарные предприятия: мельницы, крупорушки, маслеицы; толчеи, овчинные мастерские, волнобойки; портняжные мастерские; кузницы, столярные мастерские и т. д. В селе Болотном за каждые два года открывалось одно новое кустарное предприятие или появлялась новая машина (молотилки, веялки). Каждый пятый двор в селе накануне переворота 1917 года имел кустарное предприятие или машину.

За пореформенную эпоху крестьяне села купили у соседнего помещика около 170 гектаров земли с выплатой стоимости в рассрочку. На этой земле было создано 50 небольших отрубов и три хутора.

Душевые наделы крестьян в земельной общине переделялись через каждые три года. Но часть этой надельной земли, около 25 процентов всей площади, однодесятинные или двухдесятинные усадебные и приусадебные земли, имели форму отрубов и переделам не подвергались. После столыпинских земельных реформ крестьяне села Болотное предполагали вообще ликвидировать земельную общину и разделить всю землю на отруба и хутора. Они ожидали очереди для землеустроительных работ. Но этому делу помешала русско-германская война 1914-1917 годов и революция 1917 года.

Огромный прогресс сделало Болотное в области просвещения. В конце крепостной эпохи в селе было только несколько человек грамотных крестьян: дьячек, из местных жителей, и некоторые люди из бывших дворовых. Никакой школы ни в Болотном, ни в окружающих деревнях не было. А в свободном селе появились школы: сначала частная — в доме дьячка, а потом — трехклассная церковно-приходская школа. Накануне революции 1917 года в селе более 2/3 населения было грамотным. Неграмотными остались, главным образом, старики. А среди детей школьного и подросткового возраста грамотных было около 90 процентов.

В крепостную эпоху начальником села был староста, назначенный помещиком. В пореформенную эпоху сельский староста и писарь стали избранниками народа. Они ежегодно избирались населением, были подотчетны и подконтрольны сельскому сходу — общему собранию крестьян.

Крестьяне нескольких соседних деревень (волости) выбирали волостное правление: волостного старшину и волостного писаря (секретаря).

Они выбирали также постоянных заседателей народного суда и принимали участие в выборах руководителей уездного и губерского земств.

Так освобожденное от крепостнического ярма село Болотное, на основе свободы и личной инициативы, развивалось в пореформенную эпоху, от 1861 до 1917 года. Оно развивалось быстро, неуклонно и всесторонне: в экономическом, политическом, техническом и культурном отношениях.

1. СЕЛО В ПЕРИОД НАТУРАЛЬНОГО КОММУНИЗМА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917—1920 годы)

Большевистская власть в селе

После Октябрьского переворота в 1917 году в столице, большевики, под руководством своего центрального комитета, захватили власть и на местах: в губерниях, а потом в уездах и деревнях. Чиновники Временного Правительства были изгнаны из органов управления и арестованы. Так была установлена большевистская власть и в Орловской губернии.

В уезде, к которому принадлежало село Болотное, власть была захвачена уездным революционным комитетом (ревкомом), который был назначен уездным комитетом коммунистической партии. Впоследствии ревкомы были переименованы в исполкомы.

Только несколько месяцев уездный ревком состоял из большевистских и левоэсеровских комиссаров. После того, как партия левых эсеров была разгромлена в центре и исключена из советской правительственой коалиции, уездный ревком тоже стал однопартийно-большевистским. Это было летом 1918 года.

Уездный ревком назначил волостных комиссаров, а волостной — сельских.

Так власть повсюду была установлена сверху, однопартийная коммунистическая диктатура. Официально она называлась: «советская власть», или «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства».

Большевистский уездный ревком разгромил все местные организации других партий: кадетов, октябристов, эсеров — сначала правых, потом левых. Руководители этих организаций были посажены в тюрьму.

Был издан и широко опубликован приказ о немедленной сдаче оружия властям. За хранение оружия грозила смертная казнь. Это был один из самых первых приказов советской власти в уезде.

Разгромив некоммунистические партийно-политические организации, обезоружив население, вооружив всех коммунистов, большевистская власть осуществляла свою политику, не считаясь с населением.

В деревнях большевиков было очень мало. Но всю власть в деревнях уездный ревком передал только им.

В волостях в те годы были волостные комиссары: земельный, продовольственный, военный, председатель волревкома (волисполкома).

В деревнях было два руководителя: сельский комиссар и председатель комитета бедноты («комбеда»).

Зимой 1917-го года в Болотное вернулись два дезертира из армии. Они вступили в партию большевиков.

Одному из этих большевиков, отходнику-бобылю, горькому пьянице, был вручен пост сельского комиссара.

Председателем комитета бедноты, «комбеда», был назначен молодой отходник, краснобай и беспринципный человек, руководившийся в своей деятельности только интересами личными и своих близких.

В других селениях большевиков тоже было очень мало: один-два на деревню. В местных деревнях было так мало большевиков, что в волости не было даже сельских партийных ячеек: обычно там не находилось даже трех членов партии, чтобы образовать ячейку. Поэтому была только одна партийная организация, которая руководила политическими делами во всех деревнях волости.

В то время советская власть, начиная от столичной и кончая сельской, повсюду — и в конституции и на собраниях — откровенно провозглашала себя «диктатурой»: «диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства». И была, действительно, открытой диктатурой: монопартийной диктатурой партии большевиков.

Сельский коммиссар — в сапогах, галифе, в кожаной тужурке — ходил по Болотному и, размахивая револьвером, командовал, кричал, грозил, отдавал приказы.

— Законов больше нет! — орал он во всю глотку. — Все старые законы товарищ Ленин отменил. Мои приказы — вот закон!.. Это вам не фунт изюму, а всамделишная диктатура пролетариата и сельской бедноты! Потому — у кого оружие, у того и власть!..

Он постоянно производил обыски, конфисковал то, что ему понравится, отбирал у крестьян продукты, скот, вещи, «боролся с самогонкой»...

Большевистская власть провозгласила своей опорой бедноту и свою политику старалась осуществлять через нее. Так, например, проведение продразверстки в деревне было передоверено советской властью сельским группам и комитетам бедноты, «комбедам», которыми обычно руководили местные партийцы или комсомольцы.

Партийный председатель комбеда в Болотном действовал по своему произволу. Земля после революции распределялась в деревнях равномерно по живым душам. Но продразверстку в селе председатель комбеда распределял не по количеству земли, а по другим признакам. Членов комбеда, своих родственников и приятелей, он освобождал от продразверстки, а на другие дворы раскладывал разверстку в многократном размере. У одних крестьян председатель комбеда продукты отбирал. А другим дворам он раздавал продукты.

У зажиточных крестьян власть отобрала все кустарные предприятия и сдала для управления членам комбеда.

Большевисткая власть свою экономическую и политическую борьбу направила против зажиточных крестьян, которых официально называла бранной кличкой: «кулаки». Советская власть отобрала у них кустарные предприятия, часть их земли и конфисковала у них и продукты и скот.

Советское правительство отстранило зажиточных крестьян от всякого участия в политической жизни государства. Их лишили права голоса и не пускали на собрания, мотивируя тем, что они являются «классовыми врагами», ибо они «богаты», имели кустарные предприятия, или тем, что они являются «эксплуататорами», так как до революции нанимали на лето батрака или батрачку.

У местного лавочника конфисковали все его имущество. Сам он в эти месяцы умер, а семья уехала в город.

Семью священника тоже лишили права голоса, подвергали обыскам. Священник с семьей тоже поспешил куда-то уехать.

***

С самого момента своего возникновения, большевистская диктаторская власть приучала все население, а особенно «мелкую буржуазию», «крестьян-собственников», к повиновению и покорности, обуздывая инакомыслящих и непокорных.

Если кто-либо осмеливался возражать, критиковать власть или местного партийного начальника, то уже через несколько дней он мог ощущать тяжкие последствия этой непокорности. Чаще всего местные начальники применяли такие методы борьбы с непокорными:

во-первых, конфискацию продуктов и скота;

во-вторых, донос в уездную «Чека» («Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем»). Этот донос часто оканчивался арестом и тюрьмой.

Предлоги для доноса и ареста легко находили в деятельности и разговорах каждого крестьянина. Высказал кто-либо недовольство советскими порядками, критическое замечание о комиссаре или партийной ячейке — это расценивалось, как «контрреволюция». Выменяла баба за хлеб или картофель у горожанина коробку спичек, кусок мыла или фунт соли, — это называлось «спекуляцией». Неполностью выполнил крестьянин наложенную на него комбедом непосильную продразверстку — это характеризовалось, как «антисоветский саботаж»...

В первые годы революции очень многие крестьяне были арестованы Чекой, побывали в ней на мучительных допросах и посидели в тюрьме.

В тюрьме, по рассказам заключенных, их мучили разными пытками: жарой и холодом, голодом и жаждой, истязали побоями. Один, побывавший в тюрьме, местный политический деятель рассказывал о том, как его сначала мучили голодом, добиваясь от него требуемых показаний. Потом накормили селедкой и несколько дней не давали ни капли воды и никакой жидкой пищи. Жажда мучила, с ума сводила... А потом дали некипяченой воды и вызвали мучительное растройство желудка...

В те годы было много расстрелов. Каждый уездный комиссар мог не только расстрелять, но и просто застрелить жителя, и за это он ни перед кем не отвечал. Расстреливала не только Чека, но и военный комиссар, и продкомиссар, и другие.

Были расстрелы крестьян за укрытие хлеба при разверстке.

Военный комиссар в пьяном виде разболтал, как он со своим отрядом самолично растрелял двух юнцов, уклонившихся от призыва в Красную армию. Когда в 1918 году был объявлен приказ советской власти о принудительном призыве в Красную армию, два юноши не явились на призывной участок и скрывались. Их скоро поймали и

привели к уездному военному комиссару на расправу. Тот решил: для устрашения других призывников точно выполнить приказ правительства о расстреле дезертиров и уклоняющихся от военной службы. Восемнадцатилетние юноши, после оглашения приказа о расстреле, рыдали у вырытой могилы, как обезумевшие, ползали на коленях у ног военного комиссара, умоляли его пощадить их, обещали верно служить в Красной армии. Но ничего не помогло. Беспощадный комиссар выполнил жестокий приказ советского правительства . . .

Некоторые расстрелы уездная Чека производила даже публично. В 1917 году для сведения населения был опубликован приказ Чека о сдаче органам советской власти всякого оружия, имеющегося у населения, и о растреле за невыполнение этого приказа. Во время последовавшего затем обыска в уездном городе в одном доме был найден револьвер. Чека немедленно арестовала офицера, не сдавшего свое оружие советской власти, и его отца, земского деятеля, на квартире которого оружие было найдено. На второй день на окраине города днем была назначена публичная казнь — расстрел — офицера и его отца. Расстрел был произведен отрядом Чека, в присутствии большого количества любопытных. В городе была совершена публичная казнь, о которой раньше ни местные жители, ни их предки даже не слышали. Эта казнь возымела свое действие: население было ошеломлено и запугано большевистским террором . . .

***

Так узурпаторская власть осуществляла свою диктатуру драконовскими мерами. Беспощадным террором она приучала подсоветское население к соблюдению главного правила поведения в условиях диктатуры: «держать язык за зубами и повиноваться власти всегда, во всем и беспрекословно!» . . .

Национализация кустарной промышленности

Советская власть провела национализацию (огосударствление) всех промышленных предприятий — крупных, средних и мелких, кустарных, — не только в городе, но и в деревне.

Все кустарные предприятия и машины в Болотном — мельницы, толчеи, маслеиицы, молотилки и т. д. — были отобраны у хозяев, объявлены государственной собственностью и переданы для управления местному комитету бедноты.

Как было организовано управление ими и как они работали после этого, может показать пример с мельницами. Две мельницы комбед закрыл: хлеба после разверстки оставалось у крестьян очень мало. Третья мельница, лучшая, «голландская», работала под управлением комбеда.

Заведывал мельницей представитель местного комбеда. Но мельничного дела он не знал, выполнять физическую работу не хотел. Поэтому он взял к себе на помощь «мельничного рабочего», бывшего мельника, который выполнял всю работу.

Но на государственной мельнице требовалось еще вести и канцелярскую работу. Весь помольный сбор с каждой мельницы должен был поступать в Упродком (уездный продовольственный комиссариат). Поэтому требовалось: записывать на каждой мельнице все зерно, привезенное для помола, в особых квитанциях; записывать весь помольный сбор; составлять ежемесячные отчетные ведомости о помоле и помольном сборе; отправлять все эти квитанции и ведомости, вместе с помольным сбором, Упродкому. Заведующим мельницей был человек малограмотный, а мельнику он не доверял. Поэтому для канцелярских дел он взял к себе на мельницу еще и другого помощника: грамотную девушку, учетчицу.

Если на частной мельнице всю работу выполнял один человек, хозяин, то теперь на государственной — работали три человека: заведующий, рабочий и учетчица.

Но работа мельницы от этого не улучшилась, а ухудшилась. Мельничные работники получали за свой труд ничтожную плату: паек, несколько килограммов муки. Все они, особенно заведующий, старались украсть хлеба: для семьи, на другие нужды. А сделать это они могли, обманывая государство или помольщиков. В некоторых случаях они совсем не записывали в квитанциях ржи, привозимой для помола, а взятый при этом помольный сбор забирали себе, надувая государство. В других случаях мельничные работники записывали в квитанциях уменьшенный вес сданного на помол зерна. «Недовес» забирали себе и обкрадывали, таким образом, помольщиков.

Таким же образом проходила «работа» и других заведующих кустарными преприятиями и машинами: на маслобойке, на молотилках и т. д.

А некоторые предприятия были закрыты и совсем не работали: толчеи, овчинная мастерская, волнобойка. Толчеи и волнобойка не работали потому, что государство отбирало у крестьян почти все замашки и всю волну. Овчинная мастерская не работала из-за того, что государство отбирало у крестьян весь скот; убой же скота хозяевами воспрещался.

Среди закрытых предприятий были такие, которые работали иногда тайно, по ночам. Там работали их бывшие хозяева, которые один ключ сдали комбеду, а другой, запасной, оставили у себя...

О сохранности и ремонте государственных предприятий никто не заботился: ни правительство, ни комбед. Кустарная промышленность в селе в эти годы влачила жалкое существование: работала плохо, некоторые кустарные предприятия были разрушены. Мельницы и толчеи в это время стояли с поломанными крыльями.

Социализация земли

Перед Октябрьской революцией Ленин аграрную программу партии большевиков формулировал как «национализацию», то есть, превращение всей земли в государственную собственность. Но потом, в процессе политической борьбы с партией социалистов-революционеров, «эсеров», он заимствовал у нее программу «социализации» земли, то есть, передачу ее земельным общинам. Впоследствии советской властью опять официально была провозглашена «национализация» земли (в «Земельном кодексе» и в Конституции).

На практике ленинская «аграрная революция» проходила так:

Прежде всего было ликвидировано помещичье землевладение: помещичьи имения, «дворянские гнезда». В волости, к которой принадлежало село Болотное, до революции было три имения. После Октябрьской революции советская власть конфисковала их.

Одно из этих помещичьих имений — самое богатое и благоустроенное, с винокуренным заводом — было превращено в государственное имение, совхоз (советское хозяйство). По плану Ленина, совхо-

зы должны были стать образцовыми хозяйствами крупного социалистического земледелия и убедить крестьян в выгодности и необходимости перехода от мелкого индивидуального хозяйства к крупному социалистическому. Бывший владелец этого имения жил в каком-то большом городе и посещал свое имение только изредка. Конфискация имения произошла без него.

Владелец второго имения — наследник того помещика, который в крепостные времена владел и селом Болотное, — умер в первые же дни после Октябрьского переворота. Получив весть о захвате власти большевиками, этот земский деятель, член Государственной Думы, сказал своим родным: «Эту партию я еще в Думе узнал. Она все погубит... Теперь помирать надо...» И вскоре, действительно, умер. Семья его поспешила куда-то уехать. Волостной ревком передал землю этого имения для общего передела деревне, где была помещичья усадьба. А дом, усадьба и скотный двор были разграблены. Крестьяне той деревни расказывали, что разграблением руководил большевистский ревком. Руководители власти сначала главную часть имущества (из ценных вещей и скота) забрали себе. А потом они не только призывали «грабить награбленное», но даже принуждали к грабежу. »Нет, вы, почтенные, хитроумные мужички, от этого дела не откручивайтесь, — приставали они к крестьянам, которые в грабеже не хотели принимать участия. — Хоть щепку да возьмите из имения: чтоб отвечать — так всем, скопом!..»

Третье имение, помещика, сына купца, внука крепостного крестьянина, было передано соседней деревне для организации на нем большого поселка. Посельчане, в распоряжение которых власть передала все имение, со своими постройками, инвентарем и скотом, сделали владельцу ряд уступок. Они оставили ему дом, все постройки, сельскохозяйственный инвентарь, несколько лошадей, часть продуктивного скота, сад и всю его большую усадьбу, с изрядным участком полевой земли, луга и леса. Помещик заявил, что он с семьей остается в доме и будет обрабатывать землю, как это делал его дедушка, крепостной крестьянин. Так он, действительно, и сделал: со своими детьми сам стал заниматься земледелием.

Таким образом, все три помещичьих имения в волости были ликвидированы, но разными путями: одно было превращено в государственное имение (совхоз); другое — преобразовано в поселок; третье было разграблено, а земля — разделена в общине.

***

Наряду с помещичьими имениями, большевистская власть ликвидировала столыпинские хутора, трудовые фермерские хозяйства. Она назвала их «кулацкими гнездами» и ставила своей первоочередной задачей: ликвидировать их, как и «дворянские гнезда».

Власть объявила приказ: все хутора и отруба присоединить к соседним земельным общинам для общего передела. А самим хуторянам (фермерам) приказано было: срочно сломать все свои постройки и вернуться в те деревни, где они жили раньше.

Хуторяне против этого приказа бурно протестовали. Они доказывали власти, что их хутора, как небо от земли, отличаются от помещичьих имений, с которыми советская власть пытается их смешивать.

Во-первых, хуторяне приобрели землю за свои трудовые деньги.

Во-вторых, их хутора — площадью от 12 до 30 десятин (от 13,2 до 33 гектаров), представляют собой только трудовой надел для крестьянской семьи, на хуторе нет земельных излишков.

В-третьих, столыпинский хутор — это трудовое крестьянское хозяйство, которое ведет своим трудом семья хуторянина, без наемного, батрацкого труда. Не больше десяти процентов хуторян нанимали сезонных работников, батрака или батрачку, в зависимости от недостатка в семье работника той или другой категории: женщины, мужчины или подростка.

Доказывая все эти обстоятельства местным органам власти, хуторяне просили оставить их там, где они жили, на их участках, за какие они выплатили много денег и которые успели уже значительно благоустроить. Они не возражали против того, чтобы земельная площадь их хуторов была доведена до той нормы, которая установлена в соседних земельных общинах.

С этими ходатайствами, письменными и устными, хуторяне ездили в уезд, в губернию и даже в столицу. Но ничего не помогало. Большевистская власть, замышляя уничтожить частную земельную собственность и организовать «социалистическое земледелие», не хотела оставить индивидуальных трудовых ферм, непримиримых и наглядных антиподов социалистической собственности.

Власть зимой 1917-1918 года принудила хуторян ломать свои постройки и переносить их в деревни, откуда они недавно выселились

на участки. Власть обязала фермеров возвращаться в земельную общину, от пут которой они бежали.

Столыпинские хутора были ликвидированы властью повсеместно. Коммунистическая власть видела в них своего непримиримого врага и относилась к «антисоциалистическим кулацким гнездам» еще более враждебно, чем к «дворянским гнездам»: помещичьи имения в среде крестьян авторитетом не пользовались, а столыпинские хутора были наглядным воплощением мечты крестьянина.

***

Крестьяне Болотного никакой дополнительной земельной площади из конфискованных помещичьих имений не получили. К земельной общине были присоединены только три столыпинских хутора, которыми до революции уже пользовались члены их же земельной общины.

По распоряжению советской власти, земля между крестьянскими дворами в общине Болотное и во всех других деревнях распределялась чересполосно, «по живым душам», то есть, пропорционально числу членов семьи в каждом дворе.

Ввиду постоянного изменения в численном составе семейств (рождение, смерть, браки), передел земли между членами общины производился ежегодно.

Площадь земли на двор в среднем осталась без изменения. Но между крайними полюсами земельной общины произошло выравнивание: за счет многоземельных увеличилась площадь малоземельных; была также выдана земля и жителям безземельным (перед революцией 1917 года в Болотном было 3 безземельных двора из общего количества 130).

Что касается формы землепользования, то она осталась прежней: чересполосица и переделы в общине. Даже еще ухудшилась.

Если прежде вся земля переделялась между членами общины через каждые три года, то теперь она стала подвергаться ежегодному переделу.

Ежегодно стали подвергаться переделу также усадебные и приусадебные участки, которые прежде, до революции, переделам вообще не подвергались.

Прежние неделимые участки, хутора и отруба на купленной земле, тоже были пущены в общий ежегодный передел.

До революции община выделяла священнику двенадцать десятин, 13,2 гектара, земли в трех постоянных участках: две десятины — усадьба, восемь десятин — полевая земля и две десятины — луг. После революции советская власть приказала: эту землю пустить в общий передел, и священнику общественной, государственной земли, как «нетрудовому элементу», не выделять.

Продразверстка и государственное распределение

Типичная картина деревенской жизни тех лет была такова: от двора ко двору ходил большой вооруженный отряд — из «продармейцев», партийцев, комсомольцев, милиционеров, членов комбеда. Отряд отбирал у крестьян продукты, скот.

— Продразверстка! — летела по селу тревожная весть...

В деревне это слово звучало, как «чума!..» Передавая друг другу тревожную весть, крестьяне злобно и неистово ругались...

Свое название «подразверстка» получила от способа ее проведения. Общую сумму продуктом, которую правительство намечало собрать для армии и городского населения, оно распределяло, «разверстывало», по губерниям. Губернские органы власти распределяли эту разверстку по уездам, уездные — по волостям, волостные — по деревням. А сельская власть (комбед) «разверстывала» наряды по крестьянским дворам, собирала и сдавала уездному органу власти — Упродкому (Уездному Продовольственному Комиссариату).

Распределение продразверстки по дворам и изъятие продуктов и скота советская власть передоверила сельским комитетам бедноты, во главе которых стояли местные партийцы или комсомольцы.

Председатель комбеда в Болотном был молодой большевик, дезертир, из отходников.

Продразверстку по дворам сельский комбед распределял по своему произволу. Чаще всего так: своих родных, приятелей — собутыльников, местных начальников, а также членов группы бедноты, он от продразверстки совсем освобождал. А на другие дворы распределял и долю освобожденных от разверстки. Но этого мало. С людей, не принадлежащих к его окружению, он старался собрать продуктов сверх нормы, как можно больше: «излишки» от сданной продразвестки

он раздавал родным и приближенным, местным начальникам, сбывал за водку, за вещи. Продукты в тот голодный период имели наибольшую ценность, выполняли роль денег.

Крестьяне были возмущены такой практикой продразверстки, но жаловаться было некому и некуда: такая практика была повсеместно, «от Москвы до самых до окраин». Даже придворный большевистский поэт, Демьян Бедный, охарактеризовал тогдашних коммунистов — начальников так:

«. . . Воры, взяточники, бражники
Повылазили вперед . . .»

Жители Болотного видели, что честного большевика — шахтера выбросили из партии и с поста волостного комисара, за то, что он пытался бороться с произволом и несправедливостью при выполнении продразверстки и распределении городских товаров.

Крестьяне были возмущены и самой продразверсткой и методами ее проведения.

Во-первых, работники земли были недовольны тем, что власть отбирала у них продукты и скот совершенно бесплатно, ничего не давая им взамен и не обещая этой оплаты даже в будущем.

Во-вторых, хлеборобы были недовольны тем, что у них забирают все продукты, за исключением самой скудной нормы, не оставляя им ничего для кормления скота, птицы, для нужд обмена.

В-третьих, крестьянство было недовольно развесткой потому, что она не была регулирована заранее никакими определенными законами: ни по ее размерам, ни по срокам, ни по ее соотношению к земле. Она сваливалась на крестьян, как снег на голову. Выполнили крестьяне одну разверстку, вскоре получали приказ о другой. В первый раз комбед наложил на этот крестьянський двор такую сумму, а завтра наложит иную: все от него зависело. Свою полную зависимость от комбеда крестьяне выразили в новой пословице: «Все под комбедом ходим», по аналогии со старой: «Все под Богом ходим»...

Что касается одного вида продразверстки — мясопоставок, то здесь дело обстояло еще печальней, чем с поставками зерна и картофеля.

Весь скот в деревне, вплоть до каждого ягненка и цыпленка, органами местной власти был взят на строжайший учет. Убой, продажа скота или птицы хозяином были абсолютно воспрещены, под

угрозой тюремного заключения и конфискации имущества. По приказу советской власти, крестьянин должен был кормить, выхаживать и сохранять свой скот и птицу, в ожидании того момента, когда власть сочтет нужным конфисковать этот скот для нужд государства. Но есть мясо от своего скота или обменять свой скот и птицу на что-либо необходимое, крестьянин не имел права...

Естественно, что при этих обстоятельствах, крестьяне возмущались и продразверсткой и властью, которая ее проводила.

Возмущение было настолько сильное, что в деревнях уезда происходили постоянные столкновения безоружных крестьян с вооруженными продовольственными отрядами. В одной деревне крестьяне убили председателя комбеда. В другой убили уездного комиссара, который при изъятии хлеба угрожал револьвером. Вооруженные карательные отряды перестреляли десятки людей в этих деревнях...

В эти годы советская власть отбирала у крестьян все продукты сельского хозяйства: зерновые, картофель, мясо, молоко, яйца, шерсть и другие.

А крестьяне в эти годы от государства ничего не получали, хотя они сильно нуждались, особенно в таких товарах широкого потребления, как соль, керосин, спички, мыло, гвозди, посуда, инструменты, обувь, мануфактура и т. д.

После Октябрьского переворота торговля была совершенно разрушена.

Магазины, ларьки, склады с товарами в уезде были конфискованы местными органами власти якобы «для снабжения бедного населения».

Но почти все это пошло местным начальникам да их близким. Секретарь уездного комитета коммунистической партии забрал себе лучший особняк в городе и обставил его с такой роскошью, которой там не было никогда у прежнего его хозяина-помещика, предводителя дворянства. Сам этот «партийный вождь уездного масштаба», присланный из Губкома, пожилой человек, вчерашний рабочий, женился на молоденькой купеческой дочери, погибавшей от голода и притеснений. Он устроил для своей молодой жены такую роскошную жизнь, что она хвалилась своим бывшим подругам: «Такой роскоши я никогда не видала в доме своего отца, купца первой гильдии»...

Другие уездные начальники шли по стопам своего «вождя», растаскивая конфискованные товары, имущество, драгоценности.

Из конфискованных товаров и ценностей бедному населению достались только «рожки да ножки».

Национализированная крупная промышленность в больших городах и мелкая кустарная промышленность в мелких городах и деревнях почти не работала.

***

Денежная система в советском государстве была тоже разрушена. Начало этому разрушению положило еще Временное Правительство, выпустив много бумажных денег в крупных банкнотах: двадцати- и сорокарублевые «керенки». Это обесценило деньги.

Но большевистское правительство, Совет народных комиссаров, сознательно и планомерно разрушало денежную систему. Ленин считал денежную систему сущностью и символом капитализма и стремился построить натуральное социалистическое хозяйство, безденежный продуктообмен между городом и деревней через государственные органы распределения. Ленин писал, что осуществив социализм, новое государство, в знак своего презрения к золоту, построит из него общественные уборные... Исходя из такой оценки денег, большевистское правительство систематически и планомерно разрушало денежную систему.

Советское правительство объявило недействительными все бумажные деньги и всякие ценные бумаги прошлого, как деньги царского правительства, так и деньги Временного правительства. Оно приказало, под угрозой строжайших наказаний, сдать органам власти все золотые и серебряные монеты и драгоценности.

А для расплаты со служащими и рабочими стало выпускать огромное, произвольное и безучетное количество бумажных денег, или, по официальной терминологии, «денежных знаков». Деньги теряли свою ценность со сказочной быстротой, «не по дням, а по часам». Сначала правительство выпустило «денежные знаки» сторублевого достоинства, потом — тысячерублевого, а затем — миллионного и миллиардного...

Что касается реальной ценности денег, то о ней можно судить по такому факту: стоимость коробки спичек на черном рынке в те времена дошла до миллиарда рублей... Деньги в первые годы советской власти потеряли всякое значение.

Расценивая деньги и торговлю, как основу капиталистической экономики, вожди большевизма строили социалистическую экономику без денег и без торговли. Советское правительство в те годы заменяло деньги и торговлю прямым государственным распределением среди населения всех материальных благ в их натуральной форме: в виде продуктов питания, одежды, обуви, жилищ и т. д. Это распределение большевистская власть организовала, как прямой продуктообмен между городом и деревней — через государственные органы. Коммунистические вожди в те годы строили экономику в форме натурально-потребительского коммунизма.

Советская власть забирала у крестьян продукты для армии и городского населения бесплатно. Она предполагала снабжать крестьян промышленными товарами из города тоже бесплатно.

В первые годы революции государственные магазины (вернее, склады) носили тогда характерное официальное наименование — «потребительские коммуны»: «сельские потребкоммуны» и «городские потребкоммуны».

Но промышленных товаров для распределения среди населения у советского правительства было очень мало. Из магазинов и складов товары были расхищены на месте начальниками; остальные товары были расхищены на пути следования от этих складов, через длинную цепь государственных органов, до «потребительских коммун».

А новых продуктов национализированная промышленность, крупная, средняя и мелкая, кустарная, почти не производила; она была разрушена из-за плохого руководства и недостатка сырья.

Это состояние социалистической экономики в те годы даже советские поэты характеризовали саркастически.

Например, Демьян Бедный так изображал советскую промышленность того времени:

«Главтабак — без табаку,
Главтелега — на боку,
У Главмыла — нету мыла . . .»

А Маяковский в своем стихотворении «Прозаседавшиеся» издевался над бесконечными заседаниями всевозможных комиссий по поводу распределения . . .

«склянки чернил . . .
Губкооперативам».

Пока ничтожное количество товаров из государственных складов проходило через бесконечную цепь распределительных органов (склады: местный — центральный — губернский — уездный — волостной — сельский), от этих товаров оставались только «рожки да ножки». А эти последние попадали сельским коммунистам — начальникам и «комбедам».

Крестьянам из этих «потребительских коммун» ничего не доставалось.

Расходясь от «потребительской коммуны» по домам с пустыми руками, и видя, как члены комбеда порой все же несут оттуда что-либо из «рожек и ножек» — фунт соли, кусок мыла или коробку спичек, — мужички отчаянно ругались:

— Когда берут продразверстку, то это с нас, а не с бедноты. А когда что-либо дают в «коммунии», то это — бедноте, а нас — мимо. Вот уж, действительно «коммуна»: кому — на, кому — нет ничаво... Растак ее так... с перетаком!..

***

Всякая частная торговля — и денежная и обменная — в те годы расценивалась советской властью как «спекуляция» и была воспрещена под угрозой конфискации имущества и тюремного заключения.

Официальная мотивировка этого воспрещения была такая: правительство строит экономическую систему государственного распределения материальных благ среди населения, а денежная торговля эту политику натурально-потребительского коммунизма подрывает. Следовательно, торговля представляет собою деятельность антикоммунистическую, антисоветскую. Кроме того, торговые операции при денежной торговле, в условиях обесцененных денег, неминуемо исчисляются в повышенных, то есть, «спекулятивных» ценах.

Обменная торговля тоже представляла собою антизаконную, антисоветскую деятельность, ибо она тоже нарушала советские законы и подрывала систему планового государственного распределения. Если крестьянин за ковригу хлеба или за мешок картофеля выменял у горожанина старую рубашку, то, с точки зрения тогдашней политики советской власти, оба они нарушили советские законы о государственном распределении, совершили преступление. При продразверст-

ке крестьянин должен был сдать все свои продукты, кроме необходимейшего минимума, государству. А если у него есть мешок картофеля или коврига хлеба для обмена, то это значит, что крестьянин при продразверстке скрыл от государства эти продукты и за счет этих «излишков» теперь «спекулирует»... Аналогичное обвинение советская власть предъявляла и горожанину: почему он не сдал свою «лишнюю» рубашку «собесу» (отделу социального обеспечения) для бесплатной раздачи бедным, поскольку он сам получает свой продовольственный паек бесплатно? А вместо выполнения своего государственного долга он, горожанин, стал «спекулировать» рубашкою, обменивая ее на картофель...

Так перед советской властью оказывались «виновными» оба участника любой торговой операции.

На практике дела «о спекуляции» чаще всего заканчивались не тюрьмой и конфискацией имущества, а только конфискацией товаров, участвующих в торговой сделке. В приведенном примере милиционер забирал и рубашку горожанина и мешок картофеля у мужика, для запугивания «спекулянтов» составлял протокол, а потом и картофель и рубашку «конфисковал» в свою личную пользу, а протокол уничтожал...

«Потребкоммуна» в уездном городе могла снабжать городское население только голодным пайком: обычно от 50 до 100 граммов хлеба на человека в день да немного картофеля. Только руководители партийно-советских учреждений получали на особом складе «паек ответственного работника», или «ответственный паек», в котором было и мясо, и масло, и яйца, и сахар, и крупы, и фрукты.

Что касается деревенских «потребкоммун», то массе крестьян там вообще ничего не выдавали.

При этих обстоятельствах и крестьяне и горожане, несмотря на категорическое воспрещение и опасность всякой торговли, никак не могли обходиться без нее, не могли без торговли жить. Запрещенная торговля была тайной. Из-за инфлянции она была натуральной.

Торговля, антизаконная, наказуемая, тайная, была очень затруднена. Она была выгодной только для милиционеров и местных начальников, которые почти все конфискованные продукты и вещи забирали себе или вымогали взятку, обещая смотреть на такую торговлю «сквозь пальцы». Для участников же тайной торговли она

была невыгодной. При свободной торговле, т. е. при отсутствии конфискаций, арестов, взяток, неминуемых «накладных расходов» тайной торговли, горожанин мог бы получить за свою вещь больше продуктов, а крестьянин за свои продукты — больше вещей.

***

Острая нужда горожан в продуктах, прежде всего в хлебе, а крестьян — в предметах широкого потребления, прежде всего в соли, керосине, спичках, мыле, — при сложившихся обстоятельствах не могла быть нормально удовлетворена на месте: торговля была воспрещена, транспорт разрушен.

Тогда многие люди из Орловщины стали пробираться за хлебом и солью на Украину и даже к соленым озерам. Этих людей, ехавших обычно с мешками, прозвали «мешочниками», а советская власть заклеймила «спекулянтами».

Дорога тогда была трудной и очень опасной. Часто приходилось «мешочникам» ехать на крышах вагонов, на буферах и гибнуть под колесами. Нередко приходилось плестись пешком. Повсюду рыскали «заградительные отряды», которые все отбирали. На окраинах России кипела гражданская война. Многие возвращались из таких поездок с пустыми руками. Другие — больные и искалеченные. Иные — погибали в дороге.

Вернувшиеся рассказывали разные вести о тех краях, куда они ездили. Так, например, об Украине рассказывали, что пшеницы там у крестьян много, выменять ее на какую-либо вещь или серебряную монету можно было бы сравнительно недорого, — но как, при тогдашнем транспорте и заградительных отрядах, привезти оттуда мешок пшеницы?!. Говорили: хлеборобы не имеют никакого интереса сдавать бесплатно хлеб государству. Они хлеб прячут или выделывают из него «горилку». Вся Украина затоплена морем горелки и превращена в пьянствующую Запорожскую Сечь. Соберутся несколько соседей и пьянствуют оравой без перерыва: сегодня «дуют горилку» у одного соседа, завтра — у другого, послезавтра — у третьего и т. д., а через неделю — опять у первого...

Некоторые орловцы в поисках соли добирались даже до соленых озер — Эльтона и Баскунчака.

Вернувшись, рассказывали, что к этим озерам со всех сторон собиралось много людей: они хотели раздобыть там соленой гущи и, высушив ее, достать соли. Но вокруг озер стояли цепью красноармейцы и никого к озерам не допускали, угрожая стрельбой.

— Ну ж и власть! — ругались эти неудачники, которым пришлось от соленых озер возвращаться, «не солено хлебавши»... — Люди мучаются, болеют, гибнут без соли. А власть — как собака на сене: ни сама не добывает, ни людям не дает!..

***

Политика продразверстки, воспрещение всякой торговли привели советскую деревню к разорению.

Крестьяне, у которых отбирали все продукты, потеряли всякий интерес к своему труду: они работали неохотно, спустя рукава. Навоза в поле за первые три года революции, до НЭП-а, земледельцы не вывозили совсем: не видели в этом никакого интереса, никакой цели.

Каждый год в Болотном и во всех других деревнях создавались «посевкомы», т. е. комитеты по посевной кампании. Они состояли из местных начальников, партийцев, комсомольцев, членов «комбеда». Члены посевкома ходили по дворам, по полям, «агитировали» и понукали потомственных земледельцев к тому, чтобы те вспахивали и засевали всю землю. А пахари, потерявшие всякую материальную заинтересованность в работе, старались пахать как можно меньше: лишь бы норму хлеба для семьи выработать. Площадь под посевами в Болотном и повсюду за все годы продразверстки от 1918-го до 1921 года — с каждым годом неуклонно уменьшалась и урожайность падала.

А советская власть накладывала на крестьян разверстку за разверсткой и ежегодно создала посевком за посевкомом...

Острый недостаток хлеба стал ощущатся у самих крестьян. Большинство жителей села в те годы ели хлеб с примесью: с натертым картофелем и жмыхами. Высшую степень материального благополучия хлеборобы определяли тогда так:

— В этом дворе хорошо живут: чистый хлеб едят (без примеси)...

***

У крестьян не было керосина. Вместо керосиновых ламп в хатах теперь мерцали коптилки. Деревня погрузилась в темноту...

Особенно болезненно ощущался недостаток соли. Запасов дома не было. А доставка соли в деревни была прекращена сразу же после большевистского переворота: разрушены были торговля, транспорт, всюду полыхала гражданская война.

Люди стали расходовать соль с плюшкинской скупостью. Израсходовав всю, взялись за селедочные боченки, в которых хранилась соль: расколят боченок и вываривают щепочки. Потом то же проделывали с деревянными солонками.

В конце концов, почти все жители села остались совсем без соли. Они без аппетита ели несоленый суп, хлеб с примесями, ослабевали. Цынготные заболевания широко распространялись в деревнях.

В Болотном, во всех других деревнях уезда, губернии, по всей России свирепствовал тиф. Много людей умирало в те годы и в городах и в деревнях: от голода, истощения, от войны, скученности, тифа.

Советское правительство, вызвавшее это бедствие своей антинародной и неумной политикой, ограничивалось «плакатной борьбой» с этими бедами. Повсюду были развешены плакаты: «Вошь — враг социализма!» Объявим войну тифу!» «Проведем неделю бани!»..

ОБРОК И БАРЩИНА

(«Продразверстка» и «труд-гуж-повинности»)

Самой важной и тяжелой государственной повинностью, которую выполняли крестьяне в тот период, была «продразверстка», неурегулированный оброк, или дань для покорителей. Земледельцы Болотного и других орловских деревень бóльшую часть выработанной продукции растениеводства и животноводства сдавали правительству.

А власть выдавала из этой продукции паек городскому населению и кормила армию, которая в 1920 году доходила до 5 миллионов человек (вместе с рабочими хозяйственной части). Изрядная доля продуктов животноводства шла «ответственным работникам», т. е. городским руководителям учреждений.

Значительную часть продукции, собранной по «продразверстке», местные начальники, сельские и волостные, забирали для себя, своих семейств, родственников, приятелей и приятельниц.

Часть собранных продуктов местные органы власти — комбед, сельсовет — раздавали сельской бедноте. Это была оплата бедноты за ее участие в изъятии продукции у крестьян, подкуп того слоя населения, который большевистская власть считала своей «опорой в деревне».

***

Местная власть реквизировала у зажиточных крестьян также продуктивный скот (крупный рогатый скот, овец, свиней) и раздавала бедноте. Много скота у крестьян местные начальники реквизировали для себя, своих родственников и приближенных.

***

У тех крестьян, которые имели более двух лошадей, власть отбирала «лишних» коней, инвентарь и передавала их бесплатно тем безлошадным семьям, которые хотели сами обрабатывать землю.

Половина безлошадных крестьян из бывших отходников приобрела лошадей и стала заниматься земледелием. Другая половина осталась и дальше безлошадной.

Покровительствуя во всем бедноте, комбеды в деревнях возложили на крестьян, имеющих лошадей, обязанность: обрабатывать землю безлошадных крестьян бесплатно.

Это вызвало большое недовольство крестьян и горячие протесты:

— Давно барщины не было. Теперь советская власть новую барщину ввела...

— Одних помещиков прогнали, а новые появились...

— Ежели эти люди хотят иметь землю, то пусть ее сами и обрабатывают, — ворчали крестьяне. — А если не хотят, — никто их к этому не принуждает. Почему же мы должны выполнять эту новую барщину: бесплатно работать на новых помещиков?!

Но власть не обращала никакого внимания на эти протесты.

***

«Лошадные» крестьяне должны были обслуживать своим транспортом и другие нужды «безлошадных»: возить для них дрова, строевой лес для ремонта и нового строительства, доставлять зерно на мельницу и возить муку оттуда, привозить для них зерно и картофель, реквизированное во время «продразверстки», и т. д.

Земледельцы должны были обслуживать также все потребности в транспорте своего местного, сельского начальства: обрабатывать их землю; привозить для них продукты, дрова, строевой лес; возить их почти ежедневно то в волость, то в уезд: по служебным и личным делам.

***

В тот период село Болотное, как и все деревни советского государства вообще, почти ежедневно посещали агитаторы из партийных комитетов или уполномоченные от различных уездных учреждений по проведению всевозможных политических, хозяйственных или пропагандных кампаний.

Крестьян «сгоняли» на собрания, обязывая их терпеливо и почтительно выслушивать длинные, путаные, пустые и громогласные речи на всевозможные, нередко несуразные, темы: «Вошь и тиф — враги социализма», «Маркс и Энгельс о матриархате и патриархате»,

«Международное и внутреннее положение Советской Республики», «О жизни на Марсе», «Есть ли Бог?» и т. д. и т. п.

В то время различные государственные, партийно- комсомольские, профсоюзные и другие учреждения вырастали как грибы после дождя. В маленьком уездном городишке их было до полусотни, с сотнями отделов, с тысячью служащих. Главные их усилия были направлены на то, чтобы представить жизнь и труд крестьян-собственников, как «идиотизм деревенской жизни» (Маркс), распропагандировать «несознательную» деревню коммунистическими идеями, обобрать и так запугать ее, чтобы она для борьбы с властью не посмела шевельнуть ни языком, ни пальцем. Немудрено, что при таких обстоятельствах всевозможные «уполномоченные» и «агитпропагандисты» (мужички называли их иронически: «агитпробки», «упал-намоченные» и «чересчур-уполномоченные») кишели в Болотном и повсеместно, как вши в тифозном бараке.

Эти агитаторы и уполномоченные возлагали на крестьян ряд повинностей: идти на собрания и терпеливо выслушивать их чепуху; принимать резолюции с трафаретными концовками: «долой!», «да здравствует!», «приветствуем!», «выполним!», «Мы, на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем! . .»

Крестьяне обязаны были предоставлять этим «командированным товарищам» стол и квартиру: на сутки или на неделю, всецело по усмотрению начальников. Уполномоченный, придя на квартиру, сначала поиздевается над иконой в углу, поругает хозяйку за ее «темноту» и «несознательность». А потом, переложив револьвер из одного кармана в другой, прикажет хозяевам квартиры: «Я люблю покушать не тошшевато.Сообразите-ка поскорее яичницу на самой большой сковороде!»

После того, как «командированные товарищи» выполнят свои задания, им дают подводу. Крестьяне отвозят их по дальнейшему маршруту: в другую деревню, в волость или в уездный город.

А для проведения продразверстки в село обычно приезжали не одиночки-уполномоченные, а целый «продотряд» вооруженных людей. И крестьяне должны были всех их привозить, хорошо кормить и отвозить дальше.

Кроме выполнения «трудгужповинности» в селе, крестьяне должны были регулярно посылать «дежурные подводы» в волость и уезд-

ный город: для обслуживания командированных начальников и нужд городских учреждений и служащих.

Земледельцы в те годы ремонтировали дороги, строили мосты; ремонтировали дома начальников и помещения учреждений: сельских, волостных, уездных.

В этот период по всей территории России бушевала гражданская война. Крестьяне возили военные обозы, кормили армейских и обозных лошадей, давали квартиру, а часто и продукты, солдатам.

Очень нелегка была «шапка мужика» в ленинский период советской власти!..

Ленинское правительство сразу же ввело в советской деревне крепостнические порядки.

Оно, с помощью вооруженных продотрядов, собирало с крестьян натуральный неурегулированный оброк-дань: «продразверстку».

Одновременно большевистская власть ввела и государственную барщину, бесплатный принудительный труд крестьянина вместе с лошадью: «труд-гуж-повинность».

В эпоху помещичьего крепостного права крестьяне Болотного выполняли только одну «повинность»: барщину. А после Октябрьского переворота большевистская власть ввела в Болотном, как и во всех других деревнях советского государства, две крепостные повинности одновременно: и государственный оброк («продразверстку») и государственную барщину, которая носила официальное название «труд-гуж-повинности». «Труд-гуж-повинность» — это значит: трудовые и гужевые (транспортные) «повинности» (обязанности), или работа крестьянина с гужом, т. е. с запряженной лошадью.

Крестьяне спрашивали у советских начальников и большевистских пропагандистов: почему советская власть безвозмездно отбирает у них продукты, скот и заставляет их бесплатно работать на правительство, начальников и на бедноту? И получали такой ответ: «Вся земля теперь не ваша, она является государственным, общенародным достоянием. Правительство дает вам землю для использования. А за это землепользование вы должны сдавать государству «продразверстку», выполнять «труд-гуж-повинности» и всякие другие требования правительства».

Выполнение государственного оброка («продразверстки») и государственной барщины («труд-гуж-повинности») занимало у крестьян не менее четырех дней в неделю. А для выработки продукции для

семьи, для их работы на себя, у них оставалось только дня два в неделю. Так свободные земледельцы пореформенной деревни после октябрьского переворота превратилась в правительственных роботов, в государственных крепостных.

Крестьяне тогда же. еще в 1918 году, ясно опознали эти советские порядки и точно назвали их: «новый оброк и новая государственная барщина»; «новое, второе крепостное право».

Такую же характеристику и в тех же словах давали советским порядкам восставшие против большевистской власти кронштадтские солдаты и матросы и тамбовские крестьяне в 1920-21 годах.

Сельские учительницы

К учителям, которые до революции в большинстве случаев происходили из духовного сословия и зажиточных крестьян, — большевики относились с подозрением.

Местные начальники на каждом шагу ругали учителей «гнилой интеллигенцией». А Наркомпрос дал им такое новое официальное наименование, которое одним своим звучанием внушало презрение и насмешку: «шкрабы» (сокращение от полного названия: «школьные работники»). Причем, «шкрабами» называли и учителей и уборщиц, так как и те и другие, по мнению Наркомпроса, в одинаковой мере были «школьными работниками» советской власти.

Учителя получали в те годы заработную плату совершенно обесцененными советскими бумажными деньгами, «денежными знаками», или «дензнаками». Эти «дензнаки» (или «совзнаки», как называли их иронически) потеряли всякую ценность, на них ничего невозможно было купить.

Городские учителя в те годы получали голодный паек, наряду с другими служащими советских учреждений. А о сельских учителях правительство и партийно-советские учреждения просто «забыли», вернее, игнорировали их полностью.

По вопросу о пайке местные учителя обращались в уездный отдел народного образования. А там разводили руками: «Никаких инструкций ни от Наркомпроса, ни от Наркомпрода о снабжении «шкрабов» нет» . . .

В читальне уездной библиотеки учителя рассматривали советский журнал, в котором карикатура изображала главную деятельность

тогдашнего наркома (министра) просвещения Луначарского. Развалясь в кресле оперного театра, нарком просвещения с блаженной, медовой улыбкой смотрит на сцену. А там порхают балерины перед растаявшим министром. Подпись под карикатурой: «Иван в раю»... Учителя ворчат:

— Конечно, «Ивану в раю» не до нашей адской жизни, не до наших мелких дел и забот...

Выпроважая от себя учителей, руководитель уездного отдела народного образования говорил им:

— Постарайтесь уладить вопрос как-нибудь сами, на месте...

Учительницы возвращались в свои квартиры голодные и хмурые...

***

Молоденькую учительницу стали часто навещать местные начальники. Узнавши ее материальную нужду — в продуктах, в дровах, — начальники соблазняюще намекали:

— Оно, конечно, вся власть на местах. Все от нас зависит: ежели мы захотим, то у вас будет все: и паек и дрова. А если не захотим — помрете с голоду и холоду. Все будет: лишь бы вы нос не задирали... да нам навстречу во всем шли...

Но учительница «навстречу» начальникам идти не хотела... А, следовательно, мерзла и голодала.

Но этого мало. Ее стали «допекать». То явятся начальники на уроки: проконтролировать, как учительница занимается... То придут на квартиру и начнуть донимать политическими вопросами: как они выражались, «хотели прощупать учительницу с точки политической»... Однажды учительница пропустила день школьных занятий из-за погоды: побывав выходной день в гостях у родных, она из-за проливного дождя не могла оттуда выехать во-время. Пьяный сельский комиссар, узнав об этом, явился к учительнице, в присутствии учеников набросился на нее с грубой руганью и, размахивая револьвером, даже угрожал арестовать ее...

Тогда один пожилой зажиточный крестьянин сжалился над учительницей и предложил ей в своем доме квартиру и стол. Учительница с радостью перебралась к нему.

Но вот пришла очередная продразверстка. У ее хозяина, у которого она имела теплый угол и питание, отобрали все продукты, оставив ему только голодную норму. Крестьянин просил местное начальство: оставить норму продуктов также и на долю учительницы, которая никакого пайка не получает и питается у него. Но начальство, недовольное учительницей, ничего для нее не оставило, ссылаясь на то, что в инструкции о пайке для учителей ничего не говорится.

Притесняемая учительница вынуждена была покинуть гостеприимного хозяина и уехать из села, к своим родным, которые тоже бедствовали.

***

Два года не было в школе ни учителя, ни школьных занятий. Потом в село прислали новую учительницу.

Поздней ненастной осенью, вскоре после ее приезда, мне довелось встретиться с нею, в ее школьной квартире.

Изможденная старуха, в изношенном пальто, в лаптях, она сидела на скамейке в своей пустой и холодной школьной комнате, кашляла и горько жаловалась на свою судьбу. На столе горела коптилка.

— Уж тридцать лет работаю я в сельских школах нашего уезда. И вот доработалась... В первые годы своей службы я получала жалованье только 10 рублей в месяц. Одной мне хватало этого жалования на сносное житье. А потом постепенно жалованье учителям повысилось до 30 рублей в месяц. В это время мать моя овдовела и жила со мной, на моем иждивении. Мы вдвоем на мое жалование жили без нужды: жили в теплой и освещенной комнате, были сыты, обуты, одеты. И даже могли завести библиотечку: книги были нашей страстью. А теперь?..

Учительница посмотрела кругом — на пустую холодную комнату, на коптилку, на свои лапти — и поежилась от холода: и внешнего и внутреннего. Поплотнее закутались в шаль...

— Мерзну вот. И в школе и дома: сельский комиссар не доставляет дров ни школе, ни мне. Спасибо соседям: притащили по вязанке сучьев от своих костров. А то совсем замерзла бы... Раньше, до революции, никогда и ни в одной деревне этого не было, чтобы

школьники занимались в нетопленной школе, а учительница оставалась бы без дров, без керосина, без ботинок, и даже без хлеба...

— И без хлеба? — переспросил я.

— Да, и без хлеба. Попла на днях к сельскому комиссару и комбеду: паек просила. А они осклабились и заявили: «По инструкции, — говорят, — шкрабы для снабжения ни в какую категорию не попали: ни к сельской бедноте, ни к городским рабочим и служащим»... Спасибо соседкам-бабам: пока спасают. Хлеба у них у самих недостает, а картошки принесли...

И учительница показала на мешок картофеля, стоявший в углу комнаты.

— Вот варю картошку в мундирах и тем питаюсь. Но хлеба нет и соли не спрашивай. А местные начальники не только мучают свою учительницу голодом и холодом, но еще и издеваются. — «А за что мы должны, собственно говоря, кормить Вас? — заявил сельский комиссар. — Ежели стать на точку политическую, то Вы для нас только балласт мелкобуржузного класса, гнилая винтельгенция... На собраниях несознательная мужицкая масса ругает советскую власть на чем свет стоит, а Вы никакой агитации за советскую власть не ведете: все помалкиваете. А что касаемо подхода с другого боку, то что мы тут должны поставить в угол угла?.. Вы старуха и никакого антиреса, в общем и целом, для нас не представляете»... Вот так товарищи-комиссары и загнали старуху-учительницу «в угол угла»... Как из него выбраться?!. А жалованье наше? Вы сами знаете, что представляют собою «совзнаки»... На днях в уездном городе выдал нам «наробраз» (мы его «безобразом» называем) — запоздавшее жалованье за три месяца: несколько миллионов советских рублей. За все это трехмесячное многомиллионное жалованье смогла купить... одну коробку спичек... Вот так и приходится доживать жизнь: без хлеба и без соли, без дров и без керосина. Но зато в лаптях и холоде...

— За тридцать лет добросовестной работы дослужилась: стала «советской миллионершей!..»

Учительница разволновалась и едва сдерживала слезы...

Гражданская война в деревне

Большевистская власть внесла гражданскую войну в каждую деревню.

Власть разжигала гражданскую войну прежде всего своей экономической политикой.

Она ликвидировала трудовую собственность зажиточного слоя деревни: хуторян, отрубников, обеспеченных землей крестьян; кустарей и мелких торговцев.

Власть отобрала эту трудовую собственность у крестьян бесплатно. Советское правительство объявило эту собственность государственной и передало ее под управление одной группе крестьян — комбеду, которым руководил коммунист.

Советская власть постоянно, бесплатно и произвольно отбирала у крестьянского населения продукты и скот, оставляя хозяевам голодную норму.

А бедноте советская власть всячески покровительствовала за счет зажиточных и середняков. Безземельных и малоземельных власть снабдила землей. Правительство обязало крестьян бесплатно обрабатывать землю безлошадных. От продразверстки беднота была свобождена. Мало того: после каждой продразверстки бедноте раздавали часть собранных продуктов.

Зажиточная группа крестьян была совсем отстранена от политической жизни: советская власть лишила зажиточных права голоса. их не допускали даже на собрания. А бедняки были поставлены у власти: сельским коммиссаром, председателем комбеда. Бедняки стали управлять национализированными кустарными предприятиями. Комитет бедноты ведал проведением продразверстки и распределением поступавших из города промышленных изделий.

Между зажиточными и беднотой в те годы царила острая вражда. Бедняки нередко использовали в это время такую форму борьбы, как доносы органам власти. На одного донесут, что он спрятал от разверстки часть продуктов. На другого — о том, что он выменял себе что-либо за продукты. Сообщат, что хозяин по ночам тайно работает в конфискованном кустарном предприятии. Донесут об «антисоветских разговорах». Или о таких дореволюционных «преступлениях»: наем батрачки, служба сельским или церковным старостой...

Доносы часто заканчивались конфискациями, штрафами, тюремным заключением.

Зажиточные платили бедноте той же монетой. Землю их обрабатывали плохо. Доносчиков иногда избивали. Ругали их беспощадно, составляли на них насмешливые частушки. Грозили им «припомнить все, когда власть комбеда закончится»...

Вражда между основной, середняцко-зажиточной массой крестьян и советской властью развивалась в основном из-за экономической политики большевистского правительства: национализации кустарных предприятий, социализации земли, продразверстки, конфискаций, воспрещения всякой торговли.

Вражда эта проистекала также из-за политических вопросов. После отмены крепостного права крестьяне свободно выбирали, контролировали и сменяли свою местную власть, местное самоуправление: сельского старосту, сельского писаря, волостного старшину, членов земской управы. А большевики отменили все формы самоуправления, узурпировали власть и удерживали ее насильственно, террором. Политика же власти была явно атинародной, противоречила интересам основной массы крестьян.

Поэтому взаимоотношения между местными руководителями власти, сельским комиссаром и комбедом, и крестьянами, между волостными комисарами и населением — были враждебными.

Избиения, покушения на этих работников и даже убийства их в уезде были нередки.

***

По вопросу о Брестском мире, который был заключен советским правительством с Германией, у крестьянского населения с властью тоже произошел острый конфликт.

Большевики обещали крестьянам немедленный и справедливый мир, «мир без аннексий и контрибуций». Многие солдаты желали такого «мира без аннексий и контрибуций». Крестьяне выражали это свое пожелание на своеобразном языке, как «ничейный мир», «мир вничью».

Но вместо такого справедливого мира советское правительство заключило с Германией такой мир, какой даже Ленин не мог назвать иначе, как «похабным».

По всем деревням разъезжали агитаторы от уездного комитета партии большевиков, чтобы успокоить крестьянское неселение, в связи с заключением «похабного» Брестского мира.

— Где же ваш обещанный «мир без аннексий и контрибуций»? — грозно приступали к агитаторам мужички на собрании в Болотном. — Разве-ж немцы нас победили, что вы заключили с ними такой позорный мир?! . «Похабный» мир заключили вы, большевики, без нашего согласия. А теперь приходите к нам, уговаривaете нас, успокаиваете. А кто будет расплачиваться за такой постыдный мир?! .

Агитаторы пытались ссылаться на то, что советское правительство вынуждено было заключить такой мир потому, что солдаты, мол, воевать не хотели и разбежались по домам, оставив фронт.

— Теперь вы осуждаете дезертиров. А кто же призывал солдат: бросать фронт и уходить домой?! . Не вы ли сами, товарищи большевики?! .

— Да, ведь, вас мало кто послушал. Вы посмотрите на наше село: все солдаты еще в армии пребывают. Кроме двух большевиков, у нас в селе нет дезертиров. Вот они, рядом с вами сидят: сельский комиссар и комбед. Воевать за родину не захотели, — теперь воюют тут с бабами во время подразверсток ... Так что напрасно вы о дезертирах болтаете и с больной головы на здоровую все сваливаете.

— Конечно, солдаты хотели мира. Но только мира справедливого, «ничейного мира». А ежели враг справедливого мира не хочет, то ясно, что войну надо продолжать, другого выхода нет.

Такие высказывания крестьян на сходах выражали не заимствованные у партийных пропагандистов мысли, а собственные думы крестьян. В селе левых эсеров не было. Из уездных органов власти их вскоре исключили. Часть левых эсеров сидела в тюрьме. Другая часть вошла в партию большевиков.

Так, вместо войны внешней, в советской России ширилась и углублялась война внутренняя, гражданская — во всех деревнях и городах.

Деревня в эти годы переживала смутное время: всякие конфискации, в особенности продразверстки, вражда и междоусобица, доносы и ругань, бунты и расправы ...

***

На окраинах советского государства междоусобица среди населения приняла форму гражданской войны крупных воинских соединений -- белых и красных. С окраин к центру советской России двигались белые армии, кольцом окружая центральные губернии. Осенью 19-го года с юга к пределам Орловской губернии приближалась Деникинская армия.

Почти все жители Болотного, за исключением части бедняков и молодежи, были очень недовольны большевистской властью и желали ее свержения.

А Белую армию крестьяне ожидали с надеждой. Они надеялись на то, что после свержения «босяцкой, самозванной власти» будут восстановлены нормальные порядки: свобода трудовой частной собственности, частнохозяйственной трудовой деятельности, возвращение хозяевам кустарных предприятий, отмена продразверстки, свободная торговля, мир и порядок в стране.

Крестьяне надеялись на то, что делами села станет по-прежнему управлять общее собрание всех жителей села и избранные, уважаемые ими, руководители.

А назначенные партией «самозванцы», сельский комиссар и комбед, будут с позором изгнаны из органов самоуправления.

Что касается судьбы крестьянской земли, то у крестьян было предположение, что вся она будет разделена на отруба и хутора, так,как это уже было начато в последние годы перед революцией.

Что касается помещичьей земли, то для крестьян Болотного этот вопрос был неактуален: это село помещичьей земли не получило.

Крестьяне же соседних деревень, к которым после революции часть земли отошла, предполагали, что вопрос о помещичьей земле будет разрешен справедливо, на основе, приемлемой для крестьян и для помещиков. Вероятно, предполагали крестьяне, новая власть обяжет земельные общины, поселки или отдельных хозяев, отрубников и хуторян, оплатить эту помещичью землю в виде долгосрочной выплаты, подобно оплате столыпинских хуторов, только дешевле.

Предположение о восстановлении помещичьего землевладения никому из крестьян и в голову не приходило: такое предположение казалось им невероятным, немыслимым.

При таких настроениях мужички провожали отступающих большевиков со злорадством, а деникинцев встречали с надеждой.

Жители Болотного впоследствии рассказывали любопытные эпизоды из тех дней.

***

Оступая перед наступающей Деникинской армией, уездная власть вывозила из складов все, что можно было вывезти: продукты, мануфактуру, вещи, инструменты и т. п. Для перевозки этих ценностей до ближайших станций, на расстояния до 100 километров, были мобилизованы крестьяне с лошадьми и созданы обозы. Возвращаясь из такого обоза к своему селу, подводчики из Болотного встретили несколько экипажей с отступающими большевистскими начальниками уезда.

Комиссары стали запугивать крестьян:

— Поезжайте, поезжайте, землячки. Завтра золотопогонники, деникинские офицеры, придут к вам в гости. Они вам пропишут Кузькину мать!..

— За что же?!. Что мы им плохого сделали?! — отвечали обозники. — Это вам, товарищи комиссары, видно, чуточку припекло, что вы бежите. А нам бояться их нечего...

Крестьяне злорадно смеялись над уезжающими комиссарами. И кричали им вдогонку:

— Скатертью дорога, товарищи-босяки!.. Ни дна вам, ни покрышки!..

***

Оступающие части Красной армии разместились в Болотном и соседних деревнях.

Местные жители присматривались к ним с усмешкой: красноармейцы были неорганизованы, недисциплинированы.

Один крестьянин рассказал о своих наблюдениях. В его хате ночевало шесть красноармейцев. Вечером, когда они улеглись спать, к ним пришел ротный командир, разбудил солдат, двух из них назначил часовыми на окраину села. Солдаты слушали приказ командира, отвернувшись от него, почесывая спину и зевая во всю пасть... А когда командир ушел, назначенные часовые почесали затылки, выругались матом: «Тебе воевать надо — ты и иди!.. А нам что?!.» И завалились спать. Со стороны других солдат никаких замечаний не

последовало: видимо, это было в порядке вещей. Так и ночевала эта воинская часть совсем без охраны...

— Ну-ж, и солдаты!.. Ну-ж, и войско!.. — удивлялся рассказчик, бывший солдат царской армии.

***

Мнение крестьян о большевистской власти и Красной армии было отрицательное: они уже видели и знали эту власть и эту армию.

Но что собою представляет Деникинская армия и белая власть, — крестьяне еще не знали. Они ожидали деникинцев хотя и с надеждою, но, вместе с тем, настороженно.

От бывалых односельчан — «мешочников» и раненых красноармейцев — жители Болотного слышали тревожные вести.

Вернувшиеся с Украины «мешочники» рассказывали, что Белая армия, захватывая там деревни, устраивала террор: массами отправляла крестьян в тюрьму, устраивала публичную порку розгами, расстреливала людей. Офицеры Белой армии нередко мстили крестьянам за занятые помещичьи земли, за разграбленные имения.

Один раненый красноармеец, вернувшийся с Колчаковского фронта, рассказывал тоже страшные вести. Одна воинская часть Красной армии, около 300 человек, вся целиком сдалась в плен. А колчаковцы поместили их всех в сарае, замкнули там, подожгли сарай и сожгли пленных, а тех, кто пытался вылезть через крышу, расстреляли из пулеметов... Рассказчик, единственный из этих трехсот, незаметно выскользнул из сарая, когда он еще не был замкнут, спрятался в рядом расположенном овраге, видел эту страшную картину, слышал крики сжигаемых заживо людей...

Но орловские крестьяне, слушая такие рассказы очевидцев, в большинстве своем отказывались им верить:

— Не может этого быть!.. Что они, белые, сумасшедшие что ли?!.

— Это вы, братцы, с перепою нам страшные сказки рассказываете.

***

Наконец, орловцы дождались прихода Деникинской армии. Фронт гражданской войны докатился до них.

Село Болотное несколько недель находилось на самой линии огня.

Ежедневно село и соседние деревни были свидетелями боев красных с белыми. Деревни переходили от красных к белым и наоборот, иногда дважды в день. Население сначала пряталось в погребах. Но потом местные жители, особенно мальчишки, так привыкли к боевой обстановке, что уже редко прятались, а больше наблюдали за боями.

Крестьяне видели, что при артиллерийской перестрелке обе воюющие стороны, и белые и красные, щадили деревни. Батареи располагались всегда вне деревень и вели перестрелку через селения.

Но пулеметные очереди не раз строчили по деревням. Странно поступали воюющие стороны с обозами. Обе стороны забирали в обоз местных крестьян с подводами. Обозы нередко подводили к самому огню, под обстрел. Все местные жители ездили в обозах, побывали под огнем, даже артиллерийским. Среди мирных жителей были раненые и убитые.

Крестьяне жаловались на то, что и белые и красные сильно грабили их. Забирали для лошадей много сена; отбирали овес, иногда до последнего зерна. Отбирали продукты и скот. Это делали руководители воинских частей. А, кроме того, многие солдаты своевольничали в индивидуальном или групповом порядке, без ведома начальства. Убивали птицу и мелкий скот, забирали яички. Грубо приставали к женщинам.

Про одну воинскую часть Красной армии, полк Красного Кубанского Казачества, жители рассказывали, что эта воинская часть вела себя по-бандитски, хуже всех воинских частей, которых видели крестьяне за время фронтовой жизни. Эти красные казаки ходили с нагайками по избам, обыскивали сундуки, забирали вещи, отбирали одежду, забирали лошадей, насиловали женщин. Командование полка не обращало никакого внимания на жалобы крестьян.

***

За время пребывания деникинских частей в Болотном и в соседних деревнях произошли события, которые ошеломили крестьян.

Ночью в селе деникинцы расстреляли пять красноармейцев, попавших в плен. Расстреляли публично: в присутствии многочисленных крестьян-обозников, которые ночевали в селе и грелись у огней

в эту холодную, осеннюю ночь. Многие жители села, которые беседовали у огоньков с обозниками, также наблюдали картину расстрела.

По рассказам очевидцев, дело происходило так. Пленных красноармейцев привели на школьную площадь, к большому костру. Там белый офицер стал избивать пленных рукояткой револьвера.

— Ах бандиты: земли помещичьей захотели!.. — ревел он в бешенстве. — Имения наши захватили!.. Я вас награжу «имением»: получите три аршина земли на всю банду!.. И всем остальным земельным грабителям то же будет!..

Перед расстрелом офицер приказал конвою раздеть пленных красноармейцев догола, оставив на них только одну часть белья: на одних были оставлены кальсоны, на других — нижняя рубашка.

Расстрел производился у костра, в присутствии толпы: обозников и местных крестьян. Расстреливали поодиночке. Каждого упавшего под пулями красноармейца конвой прикалывал еще штыками...

После расстрела офицер приказал, чтобы жители села не убирали трупов двое суток.

— Пусть все мужики смотрят и на ус мотают. А когда хоронить будете, то не смейте хоронить их на кладбище: в буераке, как собак, закопайте!..

Утром весть о расстреле с молниеносной быстротой разнеслась по всему селу. С утра и до самого вечера местные крестьяне, от глубоких стариков до детей школьного возраста, толпились на школьной площади, рассматривая истерзанные, окровавленные и посиневшие трупы расстрелянных. Русские люди жалостливы, они плакали, рыдали, над этими трупами. И ненависть закипала в их сердцах...

***

На следующий день другой белый офицер хотел застрелить одного старика, жителя Болотного. Сын этого крестьянина, давно живший в городе, был большевик. Старик говорил офицеру, что он не может отвечать за своего взрослого сына: он уговаривал сына не вступать в эту проклятую партию, но сын его не послушался. Офицер был неумолим и приказал старику итти с ним в штаб воинской части. Соседи, услышавшие этот разговор, вмешались. Они умоляли офицера не обижать невинного человека. Он зажиточный крестьянин, верующий, цер-

ковный староста. Старик сам противник большевиков, разве он виноват, что сын у него такой непутевый?! . Офицер, наконец, смягчился. Он отпустил крестьянина, приговоренного было к смерти за своего сына:

— Ну, хорошо, пока помилую. А потом мы в штабе обсудим и решим, как с тобой поступить . . .

***

В соседнем селе командир стоявшей там воинской части Белой армии приказал: арестовать всех 29 домохозяев того поселка, который после революции, по указанию советской власти, выселился на помещичью землю. Связанных посельчан привели в село и на церковной площади стали расстреливать публично, в присутствии жителей села, собранных для этой цели.

— Я учиню такую расправу, чтобы и вы, и дети, и внуки ваши не только не стали бы забирать помещичью землю, но даже боялись бы взглянуть на нее! — кричал толпе крестьян офицер, руководивший расстрелом . . .

Никакие вопли и мольбы родных не помогали . . .

Расстреливали по одному, отводя каждого недалеко в сторону. Трех уже расстреляли. Повели на расстрел четвертого . . .

Но тут верхом на коне прискакал местный помещик, бывший владелец земли, на которую выселился поселок. К нему на усадьбу сбегали родные приговоренных к расстрелу и просили его немедленно вмешаться в это дело, спасти людей от смерти.

Помещик пригласил офицера в дом священника и там настойчиво упрашивал его не расстреливать посельчан. Он говорил о том, что эти люди заняли помещичью землю не самовольно, а по решению советской власти. Рассказал, что посельчане оставили ему дом, постройки, усадебную землю, часть скота, лошадей, — и все это сделали вопреки указанию власти. Он говорил о том, что посельчане охотно заплатят ему впоследствии и за землю, и за скот, который они взяли.А вслучае расстрела — их родные и соседи будут жестоко мстить помещику. Расстрел посельчан поставит под угрозу жизнь помещика и его семьи. С большим трудом помещику удалось уговорить офицера, и тот освободил людей от расстрела, заявив, что впоследствии они будут наказаны по суду за захват помещичьей земли . . .

Какой оборот дело приняло бы в той соседней деревне, в которой имение было разграблено, а вся помещичья земля была пущена в общий передел для всей деревни, — не известно: она в руки белых не попадала.

***

После таких страшных событий сочувствие к белым у крестьян пропало.

В красноармейских частях, которые вновь занимали эти деревни, царило сильное возбуждение: они рвались отомстить за белый террор.

Несколько недель фронт топтался на месте. Потом Красная армия перешла в массивное наступление, и фронт покатился назад.

И в Болотном и в во всех других деревнях, которые Красная армия вновь занимала, политические комиссары и местные возвращающиеся начальники устраивали торжественные похороны жертв белого террора и митинги. На митингах большевисткие ораторы говорили о терроре Белой армии, о намерении белой власти восстановить помещичье землевладение, называли Красную армию «Армией-освободительницей» и обещали крестьянам после победы над белыми устроить «богатую и свободную жизнь»...

Некоторые белые офицеры показали себя так, что об их уходе сельские жители не пожалели.

***

Но и возвращению большевистской власти земледельцы не могли радоваться: они уже знали эту власть.

— Думали: вот белые прогонят большевиков — мужикам облегчение дадут, — разговаривали между собой крестьяне. — Живите, дескать, и хозяйствуйте свободно. А они... дали «свободу»! Нечего сказать...

— Чудны дела Твои, Господи! Прямо взбесились «господа»: грабят мужиков да бьют, бьют да грабят... И красные и белые, и товарищи-босяки и их благородия. Видать, им одно только и нужно: на мужицкую спину вскарабкаться да на нас и ездить... Хрен редьки не слаще.

— Нам своя власть нужна: мужицкая, народная. А не помещичья, не босяцкая. Господ нам никаких не надобно: ни белых, ни красных. Мы сами, без господ, управимся . . .

***

Но вернувшаяся большевистская власть с мнением крестьян считаться не захотела. Она восстановила все прежние советские порядки. Над деревней вновь нависли мрачные свинцовые тучи: произвол власти, продразверстка, голод, тиф . . .

Террор советской власти не ослабел, а усилился. Многие крестьяне, которые особенно сильно радовались приходу белых, были посажены в тюрьму. Многих, уклоняющихся от призыва в Красную армию, военкомат беспощадно расстреливал: для устрашения других.

В двух волостях уезда вспыхнули восстания. Но восставшие были безоружны. Они были легко разгромлены вооруженными отрядами Чека. За подавлением восстаний следовали массовые расстрелы жителей восставших деревень.

Окоченевший труп сельского комиссара утром был обнаружен в болоте, в канаве. Упал ли он туда ночью сам, проходя пьяный мимо канавы, или ему «помогли» попасть туда, следствие не могло установить. Сожаления среди местных крестьян его смерть во всяком случае не вызвала . . .

Голод был не только в Средней России. Он захватил и Поволжье. В 1920 году через орловские села потянулись обозы поволжских крестьян: спасаясь от постигшего голода, они ехали на телегах в далекий путь, на Украину. Некоторые орловские крестьяне присоединялись к ним: бывшие отходники надеялись найти в богатых украинских областях работу и хлеб.

2. СЕЛО В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ-НЭП-а (1921 — 1928)

Замена разверстки «продналогом»

Ведя постоянную борьбу против большевистской власти, крестьяне выдвигали свои главные требования.

В области экономики: замена разверстки, произвольного оброка, умеренным налогом; отмена барщины, «трудгужповинности»; восстановление частной кустарной промышленности»; восстановление свободной трговли.

В политике: роспуск комбедов; отмена большевисткой партийной диктатуры над народом; установление выборной народной власти, снизу до верху, от сельского самоуправления до центрального правительства.

Крестьянское сопротивление большевисткой власти было массовым и упорным. Вспышки бунтов происходили повсеместно и иногда охватывали целые губернии, например, Тамбовское восстание. Наконец, большое восстание вспыхнуло даже в армии, среди кронштадских моряков, которые раньше были опорой советского правительства.

Власть не имела опоры в массах: рабочие голодали, крестьяне бунтовали, армия поднимала мятежи. Положение большевистского правительства было очень опасным. Тогда Ленин выжден был круто повернуть руль государственного управления: отказался от политики натурального коммунизма (большевисткие идеологи задним числом назвали его дипломатически «военным коммунизмом») и провозгласил «новую экономическую политику», сокращенно «НЭП», то есть политику экономических уступок труженикам-собственникам, в первую очередь, крестьянству.

Речи Ленина об отказе от политики «военного коммунизма» и переходе к НЭП'у, декреты советского правительства о «продналоге»

и свободной торговле оказали тогда на крестьян сильное впечатление, обрадовали их. Большая часть крестьян поверила речам Ленина о том, что НЭП вводится «всерьез и надолго».

Декрет о «продналоге» отменял систему продразверстки, при которой государство отбирало у крестьян все продукты, кроме тощей нормы, и весь скот. Вместо разверстки был введен «продналог», основанный на другом принципе: теперь советское правительство один раз в год, до начала весенних полевых работ, устанавливало определенный натуральный налог с гектара земли и с каждой головы скота.

После выплаты этого налога государству, каждый крестьянин получал об этом справку от местных органов власти и мог распоряжаться остальными продуктами и скотом всецело по своему усмотрению: потреблять, обменивать, продавать.

Первый «продналог» был установлен ранней весной, в марте 1921 года.

Он был огромный. Крестьяне села Болотное должны были сдавать государству в качестве продналога около половины своего урожая и около половины продуктов животноводства.

По существу, это был государственный натуральный оброк, который советское правительство взимало с подвластного ему населения.

Он был подобен тому оброку, который взимал помещик со своих крепостных крестьян, живших в оброчной деревне.

Но все же эта система натурального оброка, или «продналога», была для крестьян легче предшествующей ей системы «продразвестки».

Во-первых, продналог был точным и определенным на целый год, а продразверска этих качеств не имела: она была неурегулированным, совершенно произвольным оброком-данью.

Во-вторых, система продналога заинтересовывала крестьянина в труде, давала стимул для прилежного и умелого хозяина: чем более высокой урожайности добьется крестьянин на своем поле, тем больше продуктов останется у него после уплаты продналога; чем больше скота и птицы вырастит крестьянин, чем более высокой продуктивности добьется от животноводства, тем больше продуктов животноводства — мяса, масла, молока, яиц, шерсти — останется в пользу хозяина.

Поэтому крестьяне одобрительно отнеслись к декретам советского правительства о продналоге: они увидели в системе продналога значительное облегчение по сравнению с разверсткой.

Крестьяне Болотного и всех других российских деревень опять с прилежанием занялись своим трудом, так как увидели, что теперь они будут работать не напрасно, а с пользой для себя.

В период продразверстки крестьяне обрабатывали свою землю плохо, нерадиво. Немало полос земли они оставляли совсем необработанными и незасеянными. А теперь они стали работать на своих полях опять прилежно и тщательно: проводили многократную пахоту и боронование, прополку и пропашку, подготовку семян к посеву.

За годы продразверстки, от 18-го до 21-го года, крестьяне были не заинтересованы своим хозяйством. Они не вывозили в поля навоз со своих дворов. Навозу за три года накопилось столько, что деревенские дворы превратились в настоящие «Авгиевы конюшни». А теперь при НЭП-е все эти Авгиевы конюшни были очищены и весь навоз вывезен в поля. Это сделали сами крестьяне, по своей инициативе и без всякой агитации и приказов.

В 20-м году, последнем году продразверстки, крестьяне Болотного и всех других деревень оставили много полос земли невспаханными и необработанными: при продразверстке не было для крестьян никакого интереса в этом деле. А в 1921 году, в первую же весну НЭП-а, крестьяне засеяли каждую полоску, каждый клочек земли в яровом поле. Они свезли навоз на брошенные прошлой осенью полосы в озимом клину, вспахали их, засеяли яровыми культурами: яровой пшеницей, ячменем, горохом, просом, гречихой, картофелем, овсом. И все это земледельцы сделали сами, безо всяких «посевкомов»...

В результате такой материальной заинтересованности крестьян в своем хозяйстве и прилежного труда — за первый же год НЭП-а в сельском хозяйстве произошло настоящее «чудо». Осенью земледельцы собрали с ярового поля удвоенный урожай, по сравнению с предыдущим годом, последним годом натурального коммунизма. Крестьяне имели теперь на своих дворах больше скота и птицы, чем раньше.

Поощряемые личным материальным интересом, хлеборобы вырабатывали теперь в своем хозяйстве столько продуктов, что их вполне хватало и для выплаты продналога государству, и для самих крестьян, и для продажи на рынке горожанам.

За первые два года НЭП-а в разрушенной стране был преодолен голод.

А потом по всей стране, в селах и городах, было изобилие всех продуктов: хлеба и катофеля, мяса и рыбы, масла и круп, молока и

яиц, овощей и фруктов. Продуктов было полно везде: в селах и городах, в частных магазинах и на государственных складах, в крестьянских амбарах и на базарах.

В годы гражданской войны и натурального коммунизма продукты питания ценились гораздо дороже промышленных товаров и кустарных изделий. В годы НЭП-а крестьяне произвели так много продуктов, что цена их понизилась почти до предреволюционного уровня. А цены на промышленные товары, которых государственные фабрики выпускали недостаточно, были гораздо выше этого уровня.

Крестьяне и горожане в годы НЭП-а питались удовлетворительно. Люди ожили, поправились. Эпидемии, тифозные и гриппозные, прекратились.

За годы Русско-Германской войны (1914-1917) рост числа жителей в Болотном почти приостановился из-за того, что много мужчин было в армии, и число браков за эти годы сильно сократилось.

За годы гражданской войны, 1918-1920 годы, число жителей села резко сократилось: от 900 до 800 человек. Люди гибли на фронтах, умирали от голода и тифа. Мужская молодежь была в армии. Браков за эти годы почти совсем не было.

Но в годы НЭП-а, когда гражданская война была закончена, голод и разруха были преодолены, солдаты вернулись домой, число браков резко повысилось: рождаемость в селе далеко перегнала число смертей. Население села к 1928 году опять дошло до довоенного уровня: от 800 поднялось до 900 человек.

Финансовая реформа и сельскохозяйственный налог

В первом году НЭП-а, в 21 году, крестьяне сдавали советскому государству «продовольственный налог», т. е. натуральный оброк: с каждого гектара земли — столько-то ржи, овса, картофеля, с каждой коровы — столько-то молока, с каждой овцы — столько-то шерсти, за каждую свинью, корову, овцу — столько-то мяса.

Из фондов продналога государство содержало армию и выдавало продовольственные пайки горожанам: рабочим и служащим.

После выплаты продналога и образования фонда для питания своей семьи, у крестьянина оставались излишки продуктов и скота. Эти излишки крестьянин мог продавать: свободная торговля была теперь разрешена.

Но прежние деньги, царские, «керенки», были аннулированы, а советские «денежные знаки», «миллиончики», «миллиардики», были совершенно обесценены. Поэтому в первый год НЭП-а торговля продолжала сохранять свой меновой характер, как и в период натурального коммунизма. Только теперь эта торговля стала легальной.

Но меновая торговля была очень затруднительна и неудобна для всех. Даже для тех, кто имел для обмена продукты и изделия: для крестьян, кустарей и ремесленников. Например, крестьянин привез на базар рожь и хочет выменять за нее ботинки для дочери-невесты. Но горожанин, который вынес на базар подходящие женские ботинки, просит за них в обмен не хлеб, который он уже приобрел, а поросенка. Операция не может состояться.

А для рабочих и служащих, которые, кроме скудного пайка, получали от государства за свою службу еще и обесцененные «дензнаки», меновая торговля была совсем недоступной.

При свободной торговле стала ощущаться острая потребность в универсальном средстве обмена, устойчивых деньгах.

Тогда советская власть вынуждена была дополнить законы о продналоге и свободной торговле еще финансовой реформой: выпустить на рынок устойчивые деньги.

Совнарком провел финансовую реформу с обычной для него решительностью. Как в первые месяцы после Октяборьского переворота, советское правительство объявило упраздненными все прежние законы и аннулированными все прежние деньги (царские деньги, «керенки»), — так и теперь, в 1922 году, оно одним декретом аннулировало все прежние советские «дензнаки».

А вместо них правительство выпустило новые деньги, советские «червонцы», т. е. бумажные деньги различного достоинства: рублевые, пятирублевые, десятирублевые, сотни и т. д.

На новых деньгах была написана гарантия правительства: они «обеспечиваются государственным золотым фондом и всем достоянием республики».

Были выпущены также и мелкие медные — по 1, 2, 3, 5 копеек — и серебряные монеты: по 10, 15, 20 копеек.

Население было оповещено правительством о том, что деньги выпускаются в ограниченном количестве, чтобы они не теряли своей ценности.

Заработная плата рабочим и служащим государственных, кооперативных и частных учреждений и предприятий была установлена после денежной реформы уже не в миллионах, а в рублях. Реальная стоимость советского рубля эпохи новой экономической политики была не в миллионы раз, а только в два-три раза ниже золотого дореволюционного рубля.

Чтобы деньги сохранили свою ценность с самого начала, советское правительство провело такое мероприятие, которое сразу же создало спрос на них со стороны основной массы населения, крестьянства: натуральный «продналог» был заменен денежным «сельскохозяйственным налогом». Крестьяне стали сдавать государству не продукты, а деньги. А чтобы добыть деньги, они вынуждены были продавать государству и горожанам — рабочим, служащим, кустарям — свои продукты за деньги.

Кустари и ремесленники также стали сдавать государству не продукты, а денежный налог.

Для рабочих и служащих тоже был введен подоходный налог на заработную плату.

Благодаря всем этим обстоятельствам советские деньги в период НЭП-а приобрели такое же огромное значение, как и деньги в дореволюционное время.

Главная житейская забота людей заключалась теперь не в том, чтобы получить от государства ордер на продукты и вещи или придумывать всевозможные комбинации для приобретения натуральных материальных благ, а только в том, чтобы заработать или раздобыть денег: будут деньги — будет все.

Жители Советского Союза стали считать деньги не на «миллионы», а на рубли и даже на копейки. Люди стали ценить, экономить, накоплять деньги.

Финансовая реформа облегчила, нормализовала и оживила торговлю. А нормальная и оживленная торговля создала важную предпосылку для упорядочения всей экономики страны, всей жизни людей.

Поэтому денежная реформа встретила благоприятное отношение всех слоев населения: и крестьян, и кустарей, и рабочих, и служащих.

Жители Советского Союза говорили:

— Ленин хотел из золота уборные строить. А теперь советская власть опять ввела деньги и свободную торговлю. Кажется, «товарищи» помаленьку начинают умнеть. Может быть, и совсем поумнеют?!.

Восстановление кустарной промышленности

После провозглашения НЭП-а советское правительство возвратило все кустарные предприятия бывшим владельцам.

Все кустари Болотного тоже получили от комбеда обратно все свои предприятия.

В правительственных декретах была провозлашена свободная деятельность всех кустарей и ремесленников как в городе, так и в деревне.

Государство взимало теперь с каждого кустарного предприятия определенный денежный налог. Но кустарей налог этот особенно не печалил: по сравнению с экспроприацией налог теперь казался им «благодатью».

В годы натурального коммунизма, когда кустарные предприятия были национализированы и находились в распоряжении комбедов, эти предприятия пришли в упадок. Печально было смотреть на них: худые крыши, обломанные крылья, скрипящие части машин. Поэт Сергей Есенин, посетив свою родную деревню, описал в стихотворении «одноухую» мельницу, у которой три крыла были обломаны, а осталось только одно, которое напоминало поднятое, настороженное ухо . . . В таком же состоянии находились кустарные предприятия и в Болотном, в период управления комбеда.

Наблюдая развал кустарной промышленности и обнищания сельского хозяйства, местная деревенская молодежь высмеивала комбед в ядовитых частушках:

Ну-ж, комбед:
Наделал бед —
Не поправить
В десять лет. . .

При НЭП-е, получив от комбеда обратно свои полуразрушенные кустарные предприятия, кустари прежде всего отремонтировали их, привели в порядок, а потом возобновили их нормальную работу.

В селе были восстановлены и возобновили свою работу все до единого 26 кустарных предприятий и машин. Вместо одной мельницы, которая работала в годы «военного коммунизма», опять пошли на полный ход все три мельницы.

Так же успешно возобновили свою работу кустарные предприятия во всех других деревнях и городах на Орловщине и по всей России.

Бродячие ремесленники — жестянщики, шорники, валенщики и другие — опять стали ходить по деревням со своими инструментами и работать в крестьянских избах.

Базары в городах были завалены не только продуктами сельского хозяйства, но и изделиями кустарной промышленности. Этому радовались все жители города и деревни.

А кустари и ремесленники, обслуживая своих заказчиков и покупателей и складывая в кошелек «новые рублики, которые обеспечены достоянием республики», весело балагурили на базарах, на своих предприятиях и в избах.

— Посмотрите, люди добрые: при комбедах все умерло, а без них все опять воскресло...

— Развалить любое дело каждый дурак сможет, всякий пьяница сумеет. А наладить дело это будет чуточку потруднее, дорогие товарищи...

— Всякое дело умельца дожидается. «Дело мастера боится» — говорит старинная пословица. А «пословица вовек не сломится».

— Каждое рукомесло, оно умелые и свободные руки любит. А ежели работник без рук, или руки у него связаны, тогда никакое дело на лад не пойдет. И никакой декрет тут делу не поможет, хоть бы его и сам товарищ Ленин написал...

— Каждый работник в своей работе интерес имеет: для себя пользу. Ежели этот «интерес» есть, то работника не нужно ни агитировать, ни подгонять: он сам свой «интерес» добре понимает.

— И помогать мастерам тоже не надобно: они сами свое дело ха-ра-шо знают. На то у них, слава Богу, голова с мозгой на плечах обретается и золотые руки ей в помощь ловко привешены. Пусть «товарищи» сами себе помогают...

Лукаво подмигивая в сторону партийных начальников и бывших руководителей распущенного комбеда, кустари и ремесленники часто вспоминали басни Крылова.

— Еще до революции, в старой школе, мы охотно разучивали наизусть басни дедушки Крылова. Мы все их назубок знали. Драгоценные басни, кладезь мудрости! Но «товарищи» почему-то их не взлюбили: все выбросили из новых учебников... А напрасно: там есть чему поучиться. Какую басню ни возьми, она не в бровь, а в глаз нашим «руковоразводителям». Припомним:

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать — пирожник . . .»

Или — другой совет:

«А вы, друзья . . . (ну, скажем по-новому:
«товарищи») . . . как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь! . .»

Мужички внимательно слушали и понимающе посмеивались . . .

Понаблюдавши работу кустарей и ремесленников, рассмотревши их изделия, крестьяне вновь и вновь повторяли:

— Да, у мастеров — золотые руки! . .

А послушав их беседы, добавляли:

— Руки золотые, да и голова — не кочан капусты . . . А язык? — Что твоя бритва . . .

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ЕДИНОЛИЧНОЕ И ОБОБЩЕСТВЛЕННОЕ

Совхозы

По плану Ленина, совхозы должны были служить образцовыми сельскохозяйственными предприятиями социалистического типа. Они должны были показать крестьянам пример социалистического земледелия, чтобы крестьяне впоследствии сами, под влиянием этого наглядного образца, объединили свои мелкие частные хозяйства в единое крупное коллективное хозяйство.

При новой экономической политике, после проведения денежной реформы, был объявлен новый руководящий принцип в области советской экономики: «хозяйственный расчет» (прибыльность), включающий в себя в качестве необходимого элемента «контроль рублем».

Все доходы и расходы совхозов стали исчисляться в деньгах. Бюджет и работа совхозов подверглись «контролю рублем». При этих обстоятельствах легко было увидеть и показать экономическую эффективность государственных имений.

Какова же была эффективность совхозов, социалистических государственных имений?

Совхоз в той волости, где было расположено село Болотное, оказался убыточным. Почти все совхозы на Орловщине были в таком же положении.

Только несколько совхозов в губернии с трудом сводили свой бюджет концы с концами.

А прибыльных совхозов не было ни одного.

Советская печать отмечала нерентабельность совхозов повсеместно, по всей России.

Получился удивительный парадокс: крупные государственные имения, которым советское государство передало бесплатно помещичью землю, строения, инвентарь, скот, — имения, освобожденные советским правительством от всяких налогов, — работали убыточно.

Они не только не давали государству никакой прибыли, но даже приносили ему большой убыток и получали для покрытия своих расходов дотации от государства.

Чем же был вызван такой парадокс? Почему же совхозы работали убыточно?

Несколько причин обусловили это. Директорами совхозов назначались партийцы, которые происходили из отходников, рабочих и интеллигентов. Они сельского хозяйства не знали и руководили совхозами плохо.

Наемные рабочие совхозов работали гораздо хуже, чем крестьяне на своих полях, потому что они работали в чужом хозяйстве. Совхозники работали хуже, чем рабочие на фабриках, ибо их зарплата была гораздо ниже зарплаты фабричных рабочих.

Бюрократическая государственная система и личные интересы директоров приводили к тому, что в совхозе числились на службе и получали зарплату много бездельников: большая канцелярия директора, его родственники и приятели, партсекретарь, председатель рабочкома и прочие дармоеды.

Расхищение продуктов совхоза происходило в больших масштабах. Продукты питания из совхоза бесплатно брал директор для своей семьи, часто — для оравы своих родственников и приятелей, для совхозного начальства: секретаря партийной ячейки и руководителя профсоюзной организации.

«Ответственные работники», руководители волости, уезда, губернских учреждений, вынуждали директоров совхозов к тому, чтобы те снабжали начальство самыми ценными продуктами из совхозов: маслом, мясом, фруктами. Директоры совхозов отправляли своим начальникам продукты из совхоза возами: в волость, в уезд, в губернию.

Один директор совхоза откровенно рассказывал об этом так:

— Если мой совхоз будет бесплатно снабжать уездное начальство продуктами, то за убыточность совхоза меня поругают немного на заседаниях для отвода глаз. И все. Но ежели я не буду снабжать начальников, то берегись! Будь совхоз самым прекрасным и прибыльным государственным предприятием, мне в совхозе не удержаться. Выгонят с позором. Или даже какое-либо политическое обвинение «пришьют» — «вредительство», «уклон» — и загонят в тар-тарары...

Из-за этих причин совхозы в годы НЭП-а показали всем только один пример: бесхозяйственности и нерентабельности.

Ясно, что у крестьян совхозная практика, практика «крупного социалистического земледелия», вызывала только насмешку и вражду.

Советское правительство в годы НЭП-а часть совхозов совершенно ликвидировало: землю их отдало для устройства крестьянских поселков, а лошадей и сельскохозяйственный инвентарь — передало товариществам по совместной обработке земли (ТОЗ-ам).

В других совхозах земля была передана под поселки и ТОЗ-ы, а винокуренные заводы с усадьбой были оставлены только в качестве заводов, а не совхозов.

Самые же лучшие совхозы были снабжены тракторами и другими машинами и получили от государства задание: во что бы то ни стало, на основе машинной техники, добиться рентабельности и свою задачу — стать для крестьян «образцовыми социалистическими сельскохозяйственными предприятиями» — выполнить.

Но эту задачу даже лучшие совхозы так и не смогли выполнить, хотя и были уже оборудованы машинной техникой. За все годы НЭП-а, когда на предприятиях проводился «контроль рублем», совхозы продолжали оставаться предприятиями нерентабельными, обузой государственного бюджета.

ТОЗ-ы

Большевисткие политки расценивали совхозы, как «предприятия последовательно социалистического типа», как высшую форму социалистического земледелия. Эта форма в годы НЭП-а доказала свою несостоятельность и перед государством и перед крестьянами.

Тогда руководители советского государства решили организовать самую простейшую форму социалистического земледелия: товарищества по совместной обработке земли, сокращенно ТОЗы.

По распоряжению правительства, местные представители власти собирали безлошадых крестьян в каждой деревне и говорили им:

— Почти все крестьяне имеют лошадей, инвентарь и могут сами обрабатывать свою землю. А у вас нет ни лошадей, ни инвентаря. Поэтому вы должны платить за обработку земли своим соседям, Советская власть желает помочь вам. Но снабдить каждого безлошадного лошадью и инвентарем власть не может: нет у нее для этого средств. Поэтому мы предлагаем вам сделать так: всем безлошадным

объединиться в кооператив, товарищество по общественной обработке земли, ТОЗ. А государство снабдит ТОЗ бесплатно лошадьми и инвентарем из ликвидированных совхозов. Например, в Болотном 10 безлошадных дворов. На десяток семейств, членов ТОЗ-а, власть выдаст вам три лошади, инвентарь. А вы содержите лошадей и обрабатывайте землю сообща.

В некоторых деревнях уезда ТОЗ-ы были организованы.

Но работали они плохо. Каждая семья обрабатывала свою землю сама. А лошадей использовали так: по одному дню, по очереди, лошадь находится в распоряжении каждого члена кооператива, и в эти дни лошадь кормит тот, кто ее использует на работе. Уход за лошадьми, присмотр за упряжью и инвентарем производился по пословице: «У семи нянек — дитя без глазу»...

В ТОЗ-е возникали постоянные нелады и ссоры из-за многих вопросов: очередь в использовании лошадей; непогожие дни, когда лошади совсем или частично не использовались; кормежка лошадей в нерабочее время; порча и ремонт инвентаря и упряжи и т. п.

Нелады на этой почве, да еще людей, которые, как безлошадные отходники, сельскохозяйственных работ не знали, за лошадьми ухаживать не умели, приводили к быстрому распаду большинства ТОЗ-ов.

Остальные товарищества влачили жалкое существование и вызывали постоянные насмешки крестьян-единоличников. В первые годы революции «собес» («социальное обеспечние») было олицетворением всего жалкого и беспомощного. В годы НЭП-а в деревнях слово «ТОЗ» имело тот же смысл...

Наблюдая эту картину развала ТОЗ-ов или их жалкой беспомощности в соседних деревнях, безлошадные Болотного даже и не пытались создавать ТОЗ.

В годы советской власти, когда земля у каждой семьи была, половина бывших безлошадных в Болотном приобрела себе лошадей и инвентарь. Они обрабатывали свою землю сами.

Оставшимся безлошадным землю обрабатывали их соседи. Но уже не бесплатно, как в период натурального коммунизма, а за плату, по добровольному соглашению. Плата за обработку была денежная или натуральная. В большинстве случаев земля обрабатывалась на условиях испольщины: половина валового урожая шла хозяину земли, а другая половина — ее обработчику.

Такие условия обработки земли были для безлошадных более приемлемы, чем личная обработка земли с помощью лошади и инвентаря ТОЗ-а.

Сельскохозяйственный налог в годы НЭП-а составлял около половины валового урожая в деревнях на Орловщине. Но безлошадных советская власть освобождала от сельскохозяйственного налога. При этих условиях безлошадные также имели выгоду от земли: половина урожая с их земли шла обработчикам, а другая половина — безлошадным, хозяевам земли.

А если бы советская власть не освобождала их от налога, тогда безлошадным не было бы никакого интереса иметь землю, так как одна половина урожая шла бы государству в виде налога, а другая — обработчику земли. Безлошадным ничего из урожая не оставалось бы, и они вынуждены были бы отказаться от земли.

Поселки

В годы НЭП-а советская власть охотно разрешала крестьянам выселяться из деревни и селиться поселками, не менее 10 дворов.

Власть даже поощряла это и призывала селиться в первую очередь на бывшей помещичьей земле и на земле бывших хуторян и отрубников.

Из Болотного в 1922 году выселились два поселка: один из 10 дворов, другой из 16-ти.

Поселки выселились на землю бывших хуторян и на отрубы пятидесяти болотинских домохозяев, которые до революции купили у помещика 100 десятин земли.

На поселках крестьяне устроились гораздо лучше, чем в деревне.

Они заняли лучшую землю, которая была хорошо возделана и удобрена хуторянами и отрубниками.

Каждому домохозяину поселок выделил большую — гектарную — усадьбу.

Дворы на этих усадьбах расселились редко. Жить стало гораздо свободнее, чем в деревне, и безопаснее от пожаров.

За все довоенные годы, с 1922 до 1941, за 20 лет, на двух поселках не было ни одного пожара. А за эти же годы в селе были большие пожары.

На своих обширных усадьбах поселяне завели большие огороды и сады. Некоторые завели и пасеки.

Всю полевую землю земельная община поселка разделила на три поля, а в каждом поле для каждого домохозяина выделила только по одной полосе. Площадь полос была пропорциональна числу душ в семье.

Переделы земли крестьяне считали делом вредным для хозяйства. Поэтому они решили: закрепить за каждым двором его полосы навсегда и больше их не переделять.

Но распоряжения оветского правительства говорили об обязательных ежегодных переделах земли внутри каждой земельной общины, в связи с ежегодным изменением числа душ в семьях. Поселяне решили: держать свое «антизаконное», с точки зрения советского правительства, решение в строгом секрете от органов власти и даже от соседних общин.

Но для того, чтобы компенсировать те дворы, у которых число душ значительно возрастет из-за браков и рождений, жители поселков решили создать запасной земельный фонд. Из этого фонда поселки наделяли землей «прибавившиеся души».

Такими мероприятиями поселяне, вопреки советским законам, стремились уменьшить недостатки общинного землепользования и, по мере возможности, приблизить поселково-общинную форму землепользования к отрубной форме.

В значительной мере им удалось достичь своей цели. Об этом говорят и полная отмена переделов земли, которые в советской деревне происходили ежегодно, и сведение земли каждого двора до четырех участков, вместо 30-40 полос, которыми пользовался каждый домохозяин в земельной общине в деревне.

Хутора

При НЭП-е, когда советская власть разрешила крестьянам выселяться на поселки, многие стали хлопотать о выделении им индивидуальных участков, отрубов и хуторов, по образцу прежних столыпинских хуторов.

Но власть этого никак не разрешала, хотя в законах о земле и провозгласила свободу выбора форм землепользования.

Ленин при НЭП-е провозгласил свой план: «превратить Россию нэповскую в Россию социалистическую», переделать нэповскую деревню на социалистический лад. В хуторах он видел антипода социалистической формы земледелия, в хуторянах — самых непреклонных врагов большевистского плана. Поэтому советская власть всячески искореняла фермерскую форму земледелия и не позволяла возродиться ей вновь.

Но тяга крестьян к фермерскому хозяйству была такая сильная, а средства у зажиточных крестьян при НЭП-е были настолько значительные, что некоторые крестьяне всякими нелегальными путями ухищрялись все же устраивать хутора.

Три крестьянских двора из Болотного выселились на поселок. А потом попросили поселковую общину выделить им землю в отдаленном углу поселковых владений. Община на это согласилась.

Переселившись туда, эти дворы разделили отведенную им землю на три отдельных участка и работали на них совершенно самостоятельно. Они условились о том, что землю они никогда переделять не будут. Строения расположили каждый на своем участке, далеко друг от друга.

Официально этот маленький поселок считался составной частью соседнего большого поселка. Но практически это были три совершенно самостоятельных хутора.

Местные начальники, получив соответствующую «мзду», делали вид, что они ничего не замечают...

Эти три крестьянина до революции жили в деревне, хуторов не имели. Это были не прежние столыпинские, а новые хуторяне. Хуторская система хозяйствования была притягательна для всех крестьян: и для тех, кто на хуторах жил, и для тех, кто их только видел.

А в соседней деревне один столыпинский хуторянин смог сохранить свой хутор еще с дореволюционного времени.

В 1918 году, когда всех хуторян власть сгоняла с их участков и прогоняла обратно в деревню, этот хутор под каким-то вымышленным предлогом был «временно» оставлен. А затем этот «временный период» растянулся на целое десятилетие.

Формально владелец хутора был причислен к земельной общине соседней деревни. А на практике он владел этим хутором, жил и работал на нем совершенно самостоятельно.

Дом хуторянина был расположен в укромном местечке: в лесу, вдали от дорог. Он не «мозолил глаза» ни проезжающим начальникам, ни соседним крестьянам. Но главная причина чудесного спасения столыпинского хутора заключалась в том, что близкий родственник хуторянина был одним из уездных начальников и покровительствовал ему.

При таких обстоятельствах некоторые хутора, вопреки нетерпимому отношению большевистской власти к ним, могли существовать более десятилетия после Октябрьского переворота, вплоть до коллективизации.

Но от погрома коллективизации не мог уже спастись ни один хутор.

Раздел земельной общины в селе

За годы НЭП-а около $^1/_5$ части дворов Болотного переселились на поселки. Из них некоторые даже на хутора.

Большинство же крестьян, $^4/_5$ семейств, вынуждены были остаться на месте, в селе.

Но и оставшиеся в деревне, на основе опыта дореволюционных хуторов, отрубов и нэповских поселков, всячески стремились к тому, чтобы по возможности уменьшить отрицательные стороны земельной общины.

С этой целью оставшиеся на месте жители села совершенно самостоятельно выработали и осуществили план раздела одной большой земельной общины на три маленьких. Общинная земля была разделена на три части. К каждому поселку примыкала принадлежащая ему земля.

Из-за такого раздела села и полей, земля была приближена к земледельцу. Расстояние от полей до жилья пахаря было сокращено вдвое. Это облегчило работу крестьян.

Вместо многих узких полос крестьяне стали разделять теперь землю на небольшое число широких полос.

Переселение из села на поселок каждого пятого двора позволило оставшимся жителям расширить усадебные участки земли.

А в соседней деревне, после огромного пожара, уничтожившего всю деревню, крестьяне провели также и расселение дворов. Для каж-

дого двора была выделена гектарная усадьба, так же, как на поселках. Поэтому постройки были теперь расположены далеко друг от друга и окружены ракитами и садами.

Прежде земледельцы всегда жались поближе к воде и селились в деревнях очень тесно. Но пожары, наконец, заставили их расселиться.

Так в период НЭП-а крестьяне устраивали свое жилье и хозяйство в деревнях, на поселках и даже на хуторах.

С наибольшей силой крестьяне стремились на хутора. Но эту форму хозяйства большевистская власть преследовала. Поэтому только редкие единицы могли всякими незаконными путями устроить хутора.

При невозможности попасть на хутора, крестьяне стремились попасть на поселки, а поселки — преобразовать так, чтобы они как можно более уподобились хуторской форме хозяйствования.

А поневоле оставшиеся в деревне люди стремились к разделу деревни на поселки, к переходу на поселковую форму жизни и хозяйствования.

Так крестьяне нэповской деревни упорнее всего отталкивались от земельной общины и социалистических форм земледелия: совхозов и ТОЗ-ов. А сильнее всего хлебопашцы стремились к фермерской форме земледелия (хутора, отруба) и полуфермерской — поселковой.

Торговля кооперативная и частная

После проведения денежной реформы бесплатное государственное распределение продуктов и промышленных изделий было отменено. Оно было заменено торговлей.

Все прежние государственные распределительные склады, «потребкоммуны», были преобразованы в кооперативы.

Советское правительство создало кооперативы во всех городах и деревнях страны.

Кооперативная организация получила официальное наименование «Единое потребительское общество», сокращенно: «ЕПО». В деревнях эти кооперативы назывались «сельпо», в городах — «горпо».

Все потребительские кооперативы были организованы в единую систему уездных, губернских и всесоюзного объединений, под руководством Центросоюза. А Центросоюз, как и все другие центральные учреждения в Советском Союзе, советские, профсоюзные и т. п., был

назначен Центральным Комитетом Коммунистической партии, которая управляла страной монопольно.

По приказу сверху, «потребкоммуна» Болотного тоже была преобразована в «сельпо».

Организация «единого потребительского общества» происходила в селе обычными советскими методами. На сельском собрании было зачитано сообщение органов власти о том, что все товары, которые будут направляться из советских фабрик, из города в деревню, будут теперь продаваться только за деньги, через магазины «сельпо». Никакого бесплатного распределения городских товаров больше не будет. Но продажа товаров будет производиться только членам кооператива, то есть, тем, кто будет иметь кооперативную книжку. А для того, чтобы получить эту книжку, нужно уплатить в кооператив вступительный и паевой взносы в таком-то размере. Деньги эти нужны для того, чтобы сельпо могло за наличные покупать товары, которые будет получать в складе уездного потребсоюза, а также на содержание работников сельпо и прочие расходы кооператива.

Для того, чтобы преодолеть недоверие людей к власти и ее обещаниям, в магазине переменили вывеску и сразу же начали торговлю товарами, которые были для этой цели присланы на первый раз в кредит. Заведующий складом «потребкоммуны», переименованный в заведующего магазином сельпо, начал продажу поступивших товаров (соли, мыла, спичек, керосина и т. п.) пайщикам, которые записывались у него и тут же получали кооперативную книжку.

Все домохозяева должны были записываться в сельпо, чтобы иметь возможность покупать там товеры. Через неделю на собрании пайщиков сельпо были проведены «выборы» правления кооператива и ревизионной комиссии. А правление назначило зарплату для «продавца» и сторожа, назначило этих служащих кооператива, и сельпо приступило к работе.

В уездном городе были открыты оптовые склады для снабжения товарами всех сельпо уезда.

Горпо открыло в городе специальные розничные магазины: продуктовый, галантерейный, железо-скобяной, книжно-писчебумажный и т. п.

Когда Ленин намечал свой план «превращения России нэповской в Россию социалистическую», план перехода от отступления к наступ-

лению социализма, он придавал огромное значение кооперации, как «столбовой дороге к социализму». Крестьяне, по этому плану, должны были увидеть выгоды социалистического хозяйства и научиться его вести сначала в простейших кооперативах, потребительских. Затем они научатся организовывать общественное хозяйство в сбытовых кооперативах, а потом, в конце концов, перейдут к кооперативам производственным. Поэтому Ленин, разъясняя партии огромное значение кооперации, говорил о необходимости «культурной торговли» и призывал коммунистов: «Учитесь торговать!»

С этой целью — научиться лучше торговать — советская власть и допустила свободную частную торговлю в магазинах. Умение торговцев, их знания и опыт, их конкуренция — должны были помочь советским кооперативам получить торговый опыт.

Государство, установив налог на торговлю, допустило свободное существование мелкой частной торговли.

После этого частные лавочки и ларьки стали появляться и в городе и в деревнях, как грибы после дождя.

В деревнях возобновили свою деятельность прежние, дореволюционные торговцы. Часто появлялись также и новые торговцы из местных крестьян.

Торговец, который имел до революции лавочку в Болотном, умер. Семья его осталась жить в городе. Во время НЭП-а в селе появился новый частный торговец, из местных крестьян-кустарей.

Но лавочка его торговала нелегально. Торговец не доверял утверждениям большевистких вождей о том, что НЭП вводится «всерьез и надолго».

— «Товарищей» я хорошо знаю, — говорил он: и в деревне обучен и в тюрьме немало посидел. Я не верю их обещаниям. Вот как только люди пообрастут маленько шерстью, так «товарищи» и примутся опять за стрижку. А после стрижки и шкуру сдерут... Нет, уж лучше торговать потихоньку, незаметно.

Этот хитрый торговец высказывал также и другое соображение.

— Налог за торговлю на частника навален очень большой. Гораздо больше, чем налог на кооперативную торговлю. Ну, а взятка председателю сельсовета, за торговлю без резрешения, этот «налог» гораздо меньше. При «господах-товарищах» лучше торговать без вывески: и выгодней и безопасней.

Товарами, которых было достаточно в кооперативной лавочке, частный торговец обычно не занимался. Он добывал для торговли дефицитные товары: мануфактуру, обувь, гвозди, инструменты и т. п. Разыскивал эти дефицитные товары везде: на государственных оптовых складах, у кооперативных работников (за взятку), у перекупщиков. Ездил за ними и в соседние губернские города и даже в столицу.

А нередко «добывал» их и у местного продавца сельпо. Как только в кооператив поступал какой-либо дефицитный товар, оба торговца, частник и кооператор, устраивали секретное совещание и договаривались о том, как «оборудовать дело» к обоюдной выгоде. Например: большую часть таких товаров кооператор продавал частнику оптом за взятку, а остаток — на следующий день продавал в магазине пайщикам по установленной цене. А так как спрос на этот дефицитный товар и после этого оставался не удовлетворенным, то потом выступал на сцену частник: он тихонько продавал этот товар в своей лавочке, с изрядной «накидкой». Так оба торговца,и продавец сельпо и частный торговец, оказывались после такой торговли с «прибылью»...

В большинстве деревень частные торговцы имели легальную торговлю. Но и они такими приемами пользовались часто.

В период НЭП-а были и хорошие сельские кооперативы, где торговля производилась честно и злоупотреблений не было. Пришлось наблюдать один большой кооператив, который объдинил все сельпо своей волости в качестве своих отделений. Правление, торговые и счетные работники были честные и деловые люди, к тому же они были заитересованы премиями (за повышенный товарооборот), которые были введены в этом кооперативе. Торговля велась деловито и честно. На отчисления от прибыли кооператив содержал избы — читальни в каждой деревне своей волости, с условием, что каждая изба-читальня, наряду с общим и политическим просвещением, будет заниматься также кооперативным просвещением: в читальне были кооперативные газеты, журналы, книги.

Но таких хороших кооперативов было мало. Плохих же кооперативов было большинство. Там плохо торговали, к покупателям относились равнодушно. Порча, всевозможные потери и хищения товаров и денег встречались часто.

В городах частные торговцы сосредоточили свою деятельность в некоторых областях, главным образом, в продуктовых магазинах: в мясных, рыбных, молочных, овощных, фруктовых, булочных.

В огромном большинстве случаев и в городах и в деревнях частные торговцы торговали лучше кооперативов. Частная торговля побеждала в свободной конкуренции торговлю кооперативную. Побеждала, несмотря на то, что частные торговцы начинали свое дело обычно с малыми средствами, налога платили больше, чем кооперативы, и в снабжении товарами из оптовых складов стояли на втором месте.

Победа частной торговли над кооперативной объясняется многими причинами.

Частные торговцы обычно знали торговое дело гораздо лучше, чем лей, чем кооперативные работники, которые при постоянном жалованье материально в работе были заинтересованы слабо (премии за товарооборот выплачивались в очень немногих кооперативах).

Частные торговцы были больше заитересованы успешной торговкооперативные работники.

Частный торговец был сильно заинтересован в целости и сохранности продуктов и товаров, ибо их порча представляет для него прямой материальный ущерб. А кооперативный работник в этом деле был мало заинтересован: за порчу и гибель товаров с него не взыскивалось.

Расходы на содержание торгового аппарата в кооперативе были большие, чем у частного торговца. В маленькой сельской лавочке обычно работал один человек, хозяин-торговец. А в сельпо — по крайней мере, два: продавец и сторож. В некоторых кооперативах оплачивали и председателей правления и ревизионной комисси. Но даже если эти руководители кооператива не оплачивались официально, то они оплачивались нелегально: зависимый от них продавец старался «угодить» им... кооперативными товарами.

Хищение товаров, растраты денег, неэкономные расходы — эти беды часто встречались в кооперативах. А в частной торговле их не было: частный торговец не будет обкрадывать самого себя.

Частные торговцы в интересах своей торговли могли маневрировать ценами и при покупке и при продаже, а кооператоры делать этого легально не могли.

Взятку частный торговец и кооператор используют для различных целей: частник — для увеличения своего торгового оборота и повышения своей прибыли, а кооператор — на пользу себе, но во вред кооперативу.

Лучшие работники частной торговли отбирались автоматически:

если частник будет плохим торговцем, то он быстро обонкротится и вынужден будет свою торговлю закрыть.

А плохой кооперативный работник в условиях советского государства, то есть, при отсутствии демократии в кооперативной организации, если его поддерживает местное партийно-советское начальство, — может служить в кооперации многие годы и наносить большой ущерб покупателям и кооперативу в целом. В условиях монопольной диктатуры коммунистической партии в государстве, кооперативные работники в незначительной мере зависят от пайщиков. Но зато они очень зависят от партийных организаций.

Такая уродливая зависимость кооперативов от внекооперативной силы очень снижала качество торгово-кооперативных работников и кооперативной торговли. А плохая работа кооперативов не только наносила экономический вред пайщикам, но и отталкивала их от кооперации.

Некоторые пайщики отказывались выплачивать кооперативные взносы, мотивируя это такими соображениями:

— Зачем мне такой кооператив, который требует с меня большие членские взносы, а обслуживает меня плохо?!. Лучше я буду покупать у частных торговцев, которые не требуют с меня никаких взносов и обслуживают меня лучше.

Если все же уход пайщиков из плохих кооперативов не был массовым, то это объясняется некоторыми практическими соображениями. Каждый пайщик хорошо понимал, что советская власть в любой момент может закрыть частную торговлю, и тогда пайщик, покинувший кооператив, попадает в затруднительное положение: кооператив может отказать ему в продаже товаров.

Поэтому формально числилось в кооперации почти поголовно все взрослое население Советского Союза. А фактически население в большей мере обслуживалось частными торговцами, чем кооперацией.

За все годы НЭП-а, в силу вышеизложенных причин, частная торговля, начатая после периода натурального коммунизма с нуля, быстро расширялась и все более оттесняла кооперативную торговлю.

А кооперативная торговля, в начале НЭП-а почти монопольная владычица торгового рынка, постепенно сдавала свои позиции и отступала перед частной торговлей.

Этот процесс происходил повсеместно: и в деревнях и в городах. Так было и в Болотном.

Культурная жизнь села

Преодолев голод и разруху первых лет революции, нэповская деревня, сытая и одетая, зажила интенсивной многосторонней жизнью.

На предыдущих страницах было показано оживление хозяйства деревни: сельского хозяйства, кустарной промышленности, торговли.

Деревня почти восстановила дореволюционный стандарт жизни, разрушенный гражданской войной и политикой натурального коммунизма.

А на этой основе произошло оживление всех других сторон жизни крестьянства: культурной, церковно-религиозной, общественно-политической.

Школа

После разрухи революционных лет школа в Болотном была отремонтирована, снабжена топливом и возобновила свою работу. В ней было теперь уже не три класса, как в дореволюционной школе, а четыре. С четырьмя классами занимались две учительницы.

В советской республике церковь была отделена от государства. А школа отделена от церкви и превращена в чисто светскую школу. Закон Божий в школе больше не преподавался.

В те годы Наркомпрос дал директиву о том, чтобы школьное образование было «безрелигиозным», то есть не связанным с религией. Учителям запрещалось использовать школьное преподавание для религиозного обучения и воспитания. Но и антирелигиозного воспитания от учителей в те годы Наркомпрос не требовал.

После Октябрьского переворота все дореволюционные учебники и хрестоматии из школ были изъяты и уничтожены советской властью, как«враждебные коммунизму», «не созвучные эпохе». Школьные библиотеки тоже были уничтожены. Захвативши в свои руки органы просвещения, большевистские Скалозубы не пощадили ни былины о русских богатырях, ни книжки о Петре Великом и Суворове, ни многие произведения классиков, «реакционных писателей-помещиков».

Для школ были наспех составлены брошюры и хрестоматии. Они были заполнены коммунистической пропагандой. Басни Крылова в школьных хрестоматиях были заменены баснями Демьяна Бедного,

бессмертные творения Пушкина — «произведениями» Юрия Либединского, Гладкова и других большевистских «классиков революционной литературы», в защиту которых Демьян Бедный, «вождь литературного фронта» того времени, мог привести только один аргумент: «Хоть сопливенькие, да наши»...

Буквари тех лет и для взрослых и для детей начинались революционно-большевистскими декларациями: «Мы не рабы!», «Да здравствует Великая Октябрьская революция!», «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!..»

Для начальных школ в период НЭП-а были выработаны новые программы — «программы ГУС- а» (Государственного Ученого Совета Наркомпроса). Эти программы были построены на так называемой «комплексной системе» обучения.

В прежней школе арифметика и русский язык, родиноведение и природоведение изучались в школе на уроках отдельно и независимо друг от друга. «Программы ГУС-а» и «комплексная система» обучения требовали от учителей,чтобы все эти знания изучались в школе не разрозненно, а в тесной связи друг с другом, по комплексным темам.

При обучении детей младшего возраста эта система имела положительную сторорну. Но педантичное следование этой системе приводило к натяжкам, по поводу которых учителя иронизировали: «Неужели воробья непременно надо увязывать с мировой революцией?!.»

В начальных школах в годы НЭП-а получил большое распространение экскурсионный метод обучения. В нормальном размере метод этот полезен и целесобразен. Но учителя тех лет, часто очень молодые и неподготовленные, нередко злоупотребляли им так, что большую часть школьных занятий превращали в экскурсии. Из-за этого молодым учителям было легко, ребятам весело, но грамотность в школах была невысокой.

Возможности для учения в средней и высшей школах в годы НЭП-а для детей трудящихся были облегчены. Обучение в общеобразовательных школах было бесплатное. А в специальных средних и высших школах, в техникумах и вузах, государство платило студентам скромную стипендию. Советская власть готовила кадры интеллигенции и руководителей государственной жизни.

Крестьяне, стремясь своих детей «вывести в люди», отправляли их на ученье в города: в средние и высшие учебные заведения.

Из Болотного за эти годы тоже ушли десятка два юношей и девушек в города, в средние школы: в «школы второй ступени» (так назывались тогда старшие классы средней школы для детей от 12 до 17 лет); в рабочие факультеты («рабфаки») — средние школы для взрослых; в техникумы — профессиональные средние школы для подготовки учителей начальных школ, медицинских сестер и т. п.

А некоторые, по окончании средних школ, шли дальше — в высшие школы, чтобы стать врачами, учителями средней школы, агрономами, инженерами.

Поход крестьянской молодежи на ученье в годы НЭП-а был массовый.

Вечерние школы для подростков и взрослых

В те годы советская власть поставила перед учителями, избачами, учащимися средних школ задачу: полностью ликвидировать неграмотность в Советском Союзе.

Все дети от семи до четырнадцати лет были обязаны посещать начальную школу или семилетку.

А неграмотные подростки от 14 до 18 лет обязаны были обучаться в вечерних школах: в школах по ликвидации неграмотности и в школах для малограмотных.

Начиная с Октябрьской революции, обучение грамоте было обязательно также и для неграмотных взрослых, до 50 лет. Иногда ретивые комсомольцы тащили в ети школы даже стариков и старух, осуществляя лозунг поэта Маяковского, написанный на школьных плакатах:

«Безграмотная старь,
Садися за букварь! . .»

В большинстве случаев в таких школах работали местные учителя, ученики старших классов средних школ и грамотные комсомольцы в порядке «общественной нагрузки», то есть бесплатно.

В некоторых волостях уезда были организованы также и школы для крестьянской молодежи (ШКМ). Они были дневные и вечерние.

Программа этих школ была равна трем старшим классам школы-семилетки.

Школы эти имели «практически-агрономический уклон»: они стремились подготовить из своих учеников культурных, передовых сельских хозяев.

Изба-читальня

В период НЭП-а вожди большевизма придавали большое значение «культурной революции», то есть, школьному образованию и внешкольному политическому просвещению народных масс. Они хотели подготовить кадры своей интеллигенции и распространить коммунистическую идеологию в массах, убедить крестьянскую массу в необходимости «построения социализма». Руководителем Главполитпросвета была поставлена жена Ленина, теоретик коммунистической педагогики, Крупская. На это дело были отпущены большие средства.

В эти годы в каждой волости была организована изба-читальня, сельский клуб. В той волости, к которой принадлежало Болотное, тоже была изба-читальня.

В ней была библиотека, главным образом, с политической литературой. Была читальня, с газетами и журналами.

Заведывали избами-читальнями обычно комсомольцы. Это была платная работа. Назначение избачей производил уездный отдел народного образования, сектор политпросвета.

Под руководством избача или местных учителей в избе-читальне работали театральные и музыкально-хоровые кружки. Они устраивали концерты и театральные постановки в деревнях волости.

В волостной избе-читальне и по деревням устраивались кинопостановки. УОНО (Уездный отдел народного образования) для этой цели организовал разъездное кино, «кинопередвижку».

В некоторых волостях, кроме волостной избы-читальни, были организованы также и сельские. Они содержались не на государственном бюджете, а на общественные средства: местного кооператива, земельной общины или группы крестьян.

Развлечения сельской молодежи

В годы НЭП-а, когда голод и нужда предыдущего периода были изжиты, деревня опять зазвенела песнями, гармониками, балалайками, завихрилась плясками, — как в дореволюционное время.

В хороводах молодежь пела народные песни. А кроме того, в большом ходу были тогда и частушки. До революции частушки в Болотном распевались не так часто; больше пели народные песни. А после революции частушек появилось очень много.

Частушки носили самый разнообразный характер: лирические, бытовые, политические, антипоповские, изредка антирелигиозные и т. д. Очень много частушек высмеивали легкомысленные браки, разводы и другие особенности советского быта.

Одна из политических частушек была приведена раньше — о комбеде. Молодежь распевала также и много других политических частушек: о коммунистах и комсомольцах, о советской власти, о разверстках, о сельском комиссаре, о пьяницах-начальниках и т. п.

Комсомольцы пели частушку:

«Отчего и почему,
И по какому случаю,
Комсомолок я люблю,
А беспартийных мучаю?..»

Деревенские девушки — некомсомолки не остались в долгу и переделали ее на свой лад:

«Отчего и почему,
И по какому случаю,
Беспартийных я люблю,
А комсомольцев мучаю?..»

В нэповской деревне молодежь распевала очень много частушек. За неделю, в одном селе, я собрал более сотни частушек. Вся деревенская жизнь, советские порядки, быт деревни, психология молодежи, — все было отражено в этих частушках.

О происхождении частушек молодежь Болотного рассказывала, что часть из них была составлена местными девушками и юношами, а другая часть заимствована, перенята от молодежи других деревень уезда.

Молодежь в те годы интенсивно общалась: посещение кино и театрально-концертных постановок в волостной избе-читальне; общие хороводы нескольких деревень; частые встречи около храмов и на уездных базарах и ярмарках.

Религиозная жизнь деревни

В период Октябрьской революции и гражданской войны многие священники оказались в тяжелом положении: государственного жалованья их лишили, никакого пайка не выдавали, земли тоже не давали. А крестьяне из-за разверсток в это время сами голодали.

Священники из-за этих обстоятельств были вынуждены снять с себя духовный сан и просить власть о предоставлении им работы в учреждениях. Нередко при этом они делали, вероятно, вынужденно, позорящие их заявления.

Некоторые вступали в партию и получали потом «ответственную работу». Один священник в уезде, вступив в партию, получил работу в качестве преподавателя общественно-политических предметов в средней школе. Другой быстро пошел по ступеням административной иерархии и стал секретарем губисполкома.

Многие священники уезжали из своих приходов. Они снимали духовное облачение, принимали светский вид и поступали на какую-либо службу, скрывая свое духовное звание в прошлом.

Только небольшая часть священников могла в те годы остаться в своих приходах и продолжать свое дело.

Священник из Болотного тоже в то время уехал куда-то со своей семьей, скрылся.

В период НЭП-а церковно-религиозная жизнь в деревне опять возобновилась. Власть особых придирок к священникам в это время не чинила, а крестьяне теперь легко могли содержать священника с семьей. Многие скрывавшиеся по разным углам священники опять вернулись в свои приходы. В сельских храмах повсеместно и регулярно совершались теперь церковные богослужения.

В Болотное приехал новый священник, одинокий, тихий, скромный старичок. Он был сторонником старой, «тихоновской церкви», считающей своим главой патриарха Тихона, который предал анафеме советскую власть. Священники этой церкви считали необходимым сохранять в полной неприкосновенности все традиции старой церкви.

В соседнем селе был молодой священник новой, «живой», или «обновленческой церкви». Прежде он был дьячком, а теперь получил сан священника. «Обновленческая церковь» к советской власти относилась лояльно и стремилась к реформированию старой православной церкви.

Священники «старой» и «обновленческой» церкви враждовали между собой. Они в эти годы часто съезжались в уездном городе на церковные собрания и проводили там бурные дискуссии, под наблюдением и под воздействием «недреманного ока», председателя уездной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Своими публичными заявлениями о том, что священнической деятельностью они занимались только по материальным соображениям, а на самом деле религию считали обманом, священники-расстриги подрывали авторитет духовенства. Постоянные ссоры священников, тихоновцев и обновленцев, подрывали этот авторитет и дальше.

Косомольские организации в это время вели усиленную антирелигиозную пропаганду, нередко в красочной форме карнавалов, антирелигиозных вечеров и т. п. Из-за этих обстоятельств среди молодежи были значительно распространены атеистические настроения и взгляды.

Среди взрослых были распространены не антирелигиозные, а антипоповские настроения, критика священников.

При этих обстоятельствах сильно расширялось в деревнях сектантское движение, главным образом, баптистское. В эти годы сектанты-баптисты очень энергично проводили свою проповедь среди населения. А раньше, до революции, эта проповедь преследовалась священниками и властью.

Баптисты в праздничные дни группами ходили по деревням и поселкам. Они приносили с собой и раздавали сельским жителям Евангелие, баптистские брошюры и листовки. Они неутомимо кочевали по деревням, пели духовные песни и проводили беседы на религиозные темы.

В деревнях часто происходили жаркие дискуссии баптистов с комсомольцами. Нередко происходили такие беседы и песнопения и в избе баптиста в Болотном.

Этими собраниями интересовались крестьяне: и взрослые и молодежь. Приходя в села, баптисты приглашали на такие собеседования комсомольцев, священников и всех жителей села. Но священники на эти диспуты обычно не являлись, избегали их.

Закончив свои песнопения, беседы и диспуты с комсомольцами, баптисты заявляли, уходя:

— Ну, а батюшка не пришел на беседу. Видно, он не крепок в своей вере и не силен в Божественном писании...

Сектанты отличались трезвым и скромным поведением, духом взаимопомощи, начитанностью и культурностью. Сектантское движение в годы НЭП-а сильно расширилось в уезде. Религиозные организации баптистов появились во многих деревнях. В соседней деревне около половины ее населения перешло в баптистскую организацию.

А в Болотном баптистов было мало. Быть может, это объясняется тем обстоятельством, что последний священник, скромный старичок, пользовался у крестьян села всеобщим уважением.

Политическая активность крестьянства

Крестьяне, восстановив свое хозяйство, подняв свой материальный уровень жизни почти до нормального и накормив городское население, стали чуствовать себя более уверенно и крепко во всем, в частности, и в общественно-политических делах. На собраниях, съездах, при выборах, отчетах — земледельцы стали принимать активное участие.

В годы революции и гражданской войны зажиточные крестьяне, кустари, учителя духовного происхождения были лишены права голоса и выключены из легальной общественно-политической жизни. Теперь эта категория населения, под давлением крестьян, была восстановлена в гражданских правах.

На собраниях крестьяне были не только слушателями. Они в выступлениях при обсуждении отчетов, докладов, вносили свои предложения и пожелания. Особенную активность проявляли сельские жители при выборах советов, правления кооперации и т. п., хорошо понимая огромное значение местных органов власти и экономических учреждений.

Партийные организации при всяких перевыборах предлагали свой список и старались навязать его собранию. Беспартийные одиночки предлагали дополнительных кандидатов. Во время голосования в тех случаях, когда беспартийных было большинство, самых неприятных партийных кандидатов собрания нередко «проваливали», а беспартийных, уважаемых, деловых людей, выбирали.

На учительской конференции в том уезде, к которому принадлежит Болотное, беспартийные педагоги «провалили» весь список большевистской фракции и выбрали в правление профсоюза исключитель-

но беспартийных учителей. Это был большой политический скандал на всю губернию . . .

Такие же случаи нередко происходили и при выборах советских и кооперативных органов в деревне.

При обсуждении отчетов советских, профсоюзных, кооперативных органов крестьяне были очень активны: была основательная критика недостатков, дельные предложения. Активность эта проявлялась также и при обсуждении больших политических проблем. После типичных для того времени докладов большевистских пропагандистов — «О международном и внутреннем положении Советского Союза» — крестьяне задавали докладчикам много вопросов, нередко для коммунистов очень неприятных. А потом выступали в прениях, часто с умными речами.

Перед Генуэзской международной конференцией в 1922 году коммунистическая партия рассылала своих пропагандистов по всем городам и деревням Советского Союза. Приехал пропагандист из уездного комитета партии и в село Болотное. На общем собрании крестьян он произнес обычную речь по шпаргалке. И по этой же шпаргалке закончил ее так: «На эту конференцию приглашены и представители Советского Союза. Но советские граждане ни в коем случае не должны отпускать любимого вождя, товарища Ленина, на эту конференцию, так как ненавидящая его буржуазия может организовать за границей на него покушение. А без Ленина мы все погибнем!» . .

После докладчика выступили некоторые крестьяне и возражали ему:

— Вот, к примеру, мы, головы семейств. Когда важные дела на собрании обсуждаются, мы должны сами пойти на это собрание. Кому же доверить важное дело? А если дело неважное, тогда его можно и ребятишкам поручить. Ежели предстоит важное дело, тут ни на кого полагаться не следует. А бояться тут нечего. Товарищ Ленин долго в чужих краях жил, — не боялся; такую революцию сварганил, что аж волосы дыбом встают, — не пугался . . . А теперь съездить на конференцию в Италию — что же тут страшного?! . Волков бояться — в лес не ходить . . .

После обсуждения резолюция докладчика была отвергнута, а принята резолюция крестьянская: «Просить главу правительства, товарища Ленина, выехать на Международную конференцию и там защищать интересы нашего государства». . .

С этого собрания уездный пропагандист уходил рассвирепевший, местные партийцы — обескураженные, а мужички — с лукавой усмешкой . . .

Политическая активность беспартийных крестьян в эти годы проявлялась даже при обсуждении отчетов правительства на съездах советов.

В годы НЭП-а на губернские съезды советов приезжали народные комиссары из Москвы и выступали с отчетом Совнаркома. На Орловский губернский съезд советов приехал однажды народный комиссар (министр) Луначарский и сделал на нем отчет советского правительства.

В те годы руководители коммунистической партии декларировали свое уважение перед мужичком, ухаживали за ним. Достаточно только вспомнить, что в те годы Сталин выступал против Троцкого в качестве «друга и защитника» крестьянства: против планов Троцкого об индустриализации страны и «первоначальном социалистическом накоплении» за счет деревни, против планов экспроприации частного крестьянского хозяйства.

Дух этого лицемерного ухаживания за мужиком Луначарский выразил в наиболее яркой форме, закончив свой отчет на съезде словами: «Да здравствует Его Величество Народ! . .» Речь его была напечатана во всех газетах. Но печать не сообщила эпизод, который произошел на съезде: о нем рассказывали его участники.

Сидевший в президиуме съезда беспартийный крестьянин с почтенной бородкой выступил с таким «приветствием»: «Я, конечно, приветствую власть. Но пословица говорит: «Хлеб-соль ешь, а правду режь». Мужички, избирая меня на съезд, дали мне наказ: «Налог на крестьянское хозяйство очень велик. До революции средний мужик платил со своего хозяйства не больше трех рублей, а теперь советская власть требует с него двести рублей. Мы снизили цены на все продукты почти до цен дореволюционных. А налог с нас повысили в 70 раз. Это немыслимое дело. Нужно налог сильно уменьшить! Вот этот наказ «Его Величества Мужика» я тут, на съезде, перед представителями власти, и докладываю . . .»

Активность беспартийных крестьян доходила до того, что на съездах советов и в Центральном Исполнительном Комитете Советов они стали организовывать . . . «фракции беспартийных».

А деревенская молодежь стала самочинно создавать организации самостоятельного, независимого от опеки Комсомола, Союза Крестьянской Молодежи. Эти организации были культурными, а не политическими, самодеятельными, а не подчиненными партийно-комсомольским «нянькам».

В политической активности крестьянства Коммунистическая партия увидела угрозу своей монопольной диктатуре в советском государстве. И стала опять резко подавлять эту активность крестьянства и вообще «Его Величества Народа».

Фракции беспартийных, совещания и организации без партийного руководства в них, были распущены и воспрещены.

Для выборов была принята новая система: выборы во всех организациях стали проводить не в индивидуальном порядке, а только по спискам. На каждом съезде, в каждой организации выдвигался от имени фракции и партийного комитета список и предлагалось: «проявить доверие к партии и голосовать единодушно». Если кто-либо со списком фракции был не согласен, то он должен был предложить на голосование другой список, за подписью не менее десяти делегатов этого съезда. Но когда же и как на самом собрании можно составить новый список? А если бы он был составлен заранее, то его составители были бы обвинены в том, что они проводили воспрещенные «совещания беспартийных», организовали «фракцию беспартийных», то есть, организовали нелегальную организацию, деятельность которой направлена против коммунистической партии, а следовательно, против советской власти... Налицо были бы все данные для обвинения беспартийной группы в организации антисоветской партии и «контрреволюционного заговора» против советской власти. А такое обвинение вело в тюрьму и ссылку.

Таким образом, для беспартийных оставался только один путь — голосовать за список фракции, или, в лучшем случае, при голосовании воздержаться.

Участники съездов стали убеждаться в том, что всех тех беспартийных, которые выступали с критикой партийных руководителей или организаций, вскоре репрессировали. На одного наложат огромный налог с его кустарного предприятия или сельского хозяйства. Другого лишат права голоса. Третьего посадят в тюрьму «за контрреволюционную пропаганду». Четвертого уволят со службы, как «ненадежный элемент».

После этого беспартийные стали «помалкивать» на собраниях, «держать язык за зубами», чтобы не попасть в беду.

Но быть на собраниях и съездах на положении «мольчальников» и «такальщиков» крестьянам, хорошим хозяевам и умным людям, было обидно и неприятно. И они стали игнорировать собрания. Собрания стали малолюдными, казенными, скучными.

Организации — советские, кооперативные, профсоюзные — опять захирели.

Большевистские вожди заговорили об «оживлении советов», выдвинули лозунг: «лицом к деревне!» Тем самым они признали ,что советы и все другие организации стали полумертвыми и что партия обращена к деревне не лицом...

Но «оживить советы» можно было только предоставлением крестьянам, беспартийным массам вообще, неограниченных гражданских прав: свободы слова, полной свободы выборов и контроля, свободы общественных и политических организаций, отмены узурпации, произвола и принудительной партийной опеки над массами.

Пойти на такие политические уступки крестьянству, народу, большевистская партия, установившая свою монопольную диктатуру в стране, не могла. Она хорошо понимала, что свободный и полноправный народ партию диктаторов-узурпаторов у власти не оставит.

Взаимоотношения партии с крестьянством на этой почве опять стали обостряться.

Если для открытого проявления политической активности крестьянства не осталось возможности, то эта активность приняла формы скрытые.

Среди селькоровских писем преобладающее место заняли тогда разоблачительные корреспонденции, а в газетах на видное место выдвинулась сатира: фельетоны, басни, сатирические стихи.

По отношению к самым оголтелым душителям народной активности, советским «Держимордам» всех видов, крестьяне нередко применяли и террор: избиения и убийства.

Селькоровское движение и крестьянский террор развивались в последние годы НЭП-а повсеместно, в частности, и на Орловщине.

Власть активно занялась удушением критической печати, селькоровского движения, и массовым террором против лучших журналистов и селькоров. Многие из них были выброшены из вузов, со службы,

попали в ссылку, в тюрьму, в лагери, были репрессированы всякими другими способами.

Так сильно обострилась борьба между экономически окрепшими крестьянами, добивавшимися свободы и политических прав, и большевистской властью, не желавшей делать крестьянам никаких политических уступок.

Беспартийная интеллигенция в огромном большинстве выступала в это время вместе с крестьянством: за политические права народа, против диктатуры партии.

Куда направлялась нэповская деревня?

При НЭП-е, когда была допущена частная трудовая собственность и личная инициатива, хозяйство ожило, возродилось: и сельское хозяйство, и кустарная промышленность, и частная торговля. Население было сыто, одето, обуто.

Но руководителей коммунистической власти это не удовлетворяло. Цель вождей стояла не в том, чтобы ожило хозяйство и материальные потребности населения были удовлетворены. Эта цель состояла в том, чтобы вся экономика России, а потом и всех других стран, стала социалистичской. Тогда дела вождей большевистской партии будут записаны на золотых страницах истории под названием: «Величайшая революция в мировой истории, новая социалистическая эра». Ленин всю жизнь лелеял эти сверхчестолюбивые планы о Всемирной Социалистической Революции: о переводе частного хозяйства на рельсы социализма, о величайшем «скачке» от частнособственнической «предистории» к социалистической «истории» человечества.

Поэтому после введения НЭП-а он через год уже провозгласил: «Отступление закончено. Россия нэповская будет Россией социалистической!»

Усилия партии и в годы НЭП-а были направлены на социалистическое преобразование нэповской деревни.

Каков же результат этих усилий?

Практика показала нерентабельность совхозов, «предприятий последовательно-социалистического типа», и слабую работу и даже развал ТОЗ-ов, земледельческих кооперативов простейщего типа.

Эта практика показала возрождение индивидуального крестьянского хозяйства: на хуторах, в поселках, деревнях. Причем, крестьяне сильнее всего стремились к максимально свободным формам индивидуального хозяйствования: к хуторам. Но, если нельзя было выйти на хутор, то выходили на поселки. А в поселках вводили, вопреки законам советской власти, отрубную форму хозяйствования. Если же нельзя переселиться на поселок, то земледельцы разделяли деревню на поселки...

Кустарная промышленность ярко показала преимущество частного владения по сравнению с общественным: развал кустарной промышленности в руках комбедов и государства и ее возрождение в руках частных хозяев.

В области торговли частники в большинстве случаев лучше обслуживали население, чем кооперативы, успешно конкурировали с кооперацией, отвоевывали у нее рынок и вытесняли ее. К концу НЭП-а крестьяне и покупали и продавали больше товаров в секторе частной торговли (у деревенского частного торговца, на базаре, в городских частных ларьках и магазинах), чем в кооперативном секторе.

Большевистская власть всеми мерами старалась убедить крестьян в выгодности для них социалистических форм хозяйствования и старалась насадить эти формы в деревне, чтобы привести нэповскую деревню к социализму.

Но сама нэповская деревня отовсюду получала опыт, говорящий о другом: соцалистические хозяйства давали отрицательные примеры, а частные, крестьянские, показывали образцы положительного хозяйствования.

И поэтому нэповская деревня, вопреки коммунистической власти, стремилась в сторону, противоположную социализму: к частному, индивидуальному хозяйству, к полной свободе и личной инициативе.

В годы НЭП-а частнособственническая линия крестьянства побеждала социалистическую направленность, которую пропагандировала и всячески поощряла большевистская власть в деревне.

Надежда идеолога правой фракции Коммунистической партии Н. Бухарина на то, что медленно, постепенно и добровольно даже «кулак врастет в социализм», оказалась явной утопией: «врастать в социализм» не хотели ни зажиточные крестьяне, ни середняки; даже из бедняков только немногие были склонны к этому.

Перед партией во весь рост вставала огромная проблема — о путях развитая нэповской деревни: или, в угоду крестьянству, отказаться от плана социализации сельского хозяйства, как плана нереального, утопического, вредного, или проводить этот план принудительно, вопреки интересам и воле крестьянства и всего населения, которому социализированное хозяйство несет голод.

Власть над партийным аппаратом в этот период захватила фракция Иосифа Сталина и Лазаря Кагановича, которая выбрала второй путь: принудительную социализацию деревни.

На смену нэпу в деревню ворвалась «колхозная революция сверху», как назвал коллективизацию Сталин. Нагрянули «страшные годы»: так окрестили этот период сами крестьяне ...

КОЛХОЗНАЯ ГОЛГОФА

«В колхозах будет рай: живи
и не умирай!»

Лозунг коммунистических пропагандистов
в период коллективизации.

В колхозах — везде «рай»:
ложись и помирай...

Пословица колхозников.

3. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ — «СТРАШНЫЕ ГОДЫ» . . .
(1929—1934)

«Колхозный рай» и большевистская дубина

Агитация коммунистических пропагандистов об организации колхозов закончилась полным провалом.

Тогда из Москвы были даны на места новые партийно-советские директивы: не ограничиваться агитацией, а в административном порядке применять репрессии ко всем крестьянам, которые не пожелают вступать в колхозы. Рекомендовались репрессии: «раскулачивание» (конфискация всего имущества, включая одежду и жилище); тюремное заключение; ссылка в лагерь — главы или всей семьи раскулаченных. В первую очередь репрессировали зажиточных крестьян и «антиколхозных агитаторов», т. е. тех, кто активно выступал против колхозов.

Коллективизацию рекомендовалось проводить сплошную, т. е. поголовно всех крестьян в каждой деревне и всех селений в «районе сплошной коллективизации». При таких методах проведения коллективизации перед каждым крестьянином была поставлена альтернатива: или в колхоз — или в лагерь!

В своих статьях и речах Сталин сформулировал этот новый путь коллективизации в виде лозунга: «Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации».

Прежде всего партийные комитеты исключили из партии и сняли с постов тех коммунистов, которые возражали против принудительной коллективизации, а также тех, кто по своему характеру («мягкотелости», как выражались твердокаменные большевики) не могли осуществлять террористических мероприятий. Таких, исключив из партии, сослали в лагерь за «правый уклон», как «подкулачников», или за «буржуазный либерализм».

Террор забушевал по всем деревням Советского Союза. Об этом терроре знакомые из Болотного сообщали в письмах. И при случайных встречах рассказывали.

— Мельника Ивана Федоровича раскулачили и отправили в тюрьму за «антиколхозную пропаганду». Потому — на собраниях никогда не могли переспорить его большевистские агитаторы. Приехал из города отряд его арестовывать. Пришли к нему в дом. — «Ну, неугомонный агитатор, выбирай себе дорогу: в тюрьму или в колхоз? . .» — «Лучше в тюрьму, чем в колхоз, товарищи-тюремщики! . .» — насмешливо отрапортовал этот старый унтер-офицер. И увезли его в тюрьму. А семью в колхоз загнали.

Потом, когда тюрьмы были сплошь забиты арестованными, раскулаченных стали ссылать в лагери.

— Егор Иванович богатый был мужик: крупорушку и лавочку имел. К тому же и зубастый говорун: на собраниях «товарищам» спуску не давал. Теперь отобрали у него все: и дом, и лавочку, и крупорушку. А самого с семьей в лагерь отправили.

— У Тимофея Ильича «товарищи» тоже все отобрали: и мельницу, и лошадей, и скот, и дом. Самого хотели в лагерь сослать. Да из города сообщили, что весь транспорт раскулаченными ссыльными загружен до отказу. Поэтому приказано: с отправкой в Сибирь пока подождать. Но из дома все же приказали выгнать. А семья у него немалая: двенадцать душ. Самая большая семья в нашем селе. Так и скитаются теперь, бедняги, по чужим сараям, а свой дом пустой стоит: заколочен досками, замкнут, а на замке бумажка с печатью висит . . .

Через некоторое время другой крестьянин рассказал продолжение этой истории:

— Собрались как-то соседи около сарая, где ютилась и мерзла семья раскулаченного мельника. Ругали жестокую власть. Потом взяли топоры, пошли к дому мельника, сбили замок с двери и доски с окон и сказали: «Иди в свою избу и живи в ней. А за то, что замок с печатью сбили, не ты, а мы в ответе . . .» Поблагодарил мельник односельчан, перебрался в свой дом. Но через несколько дней приехал отряд милиции из города и объявил мельнику решение райкома и райисполкома: мельника и его семью сослать в лагерь. Но если он согласится вступить в колхоз, то оставить его на месте и вернуть ему

дом. Мельник поставил вопрос перед семьей: «Я теперь стар, мне все равно, где помирать: в колхозе или в лагере. Решайте вы». Семья решила вступить в колхоз: в лагере — думали — будет еще хуже, чем в колхозе...

В колхоз или в лагерь?..

Зажиточных крестьян «раскулачивали», конфисковали у них все имущество, включая дом и одежду, только за то, что они упорно отказывались вступать в колхоз.

Всех других крестьян загнали в колхоз потом, поставив перед ними ту же альтернативу: или в колхоз или в лагерь!..

При этом партийная организация создала в помощь себе в каждой деревне группу бедноты — из безлошадных. Их соблазняли раздачей продуктов, одежды из конфискованного имущества раскулаченных, обещаниями, что они, ничего в колхоз не внося, станут коллективными собственниками всего колхозного имущества — лошадей, скота, инвентаря — и руководителями колхозных предприятий. Партийные уполномоченные уговаривали группу бедноты на собраниях не возражать против коллективизации, выступать в защиту ее, а на тех, кто говорит против колхозов, доносить и их «обезвреживать»...

Некоторые участники групп бедноты эти «обязанности» выполняли и помогали власти загонять в лагери «подкулачников» и «антиколхозных агитаторов». Другие от выполнения этих «ароматных задач» сторонились.

За всякое критическое замечание о колхозах, о партии или власти, за всякое возражение партийцу-докладчику на собрании следовал немедленный арест, тюрьма, лагерь.

Один крестьянин из Болотного был арестован только за одну реплику на собрании. Пропагандист из района, распевая о будущем «колхозном рае», восхвалял Сталина: «К этому призывает нас наш великий вождь и организатор всех наших социалистических побед». Горячий мужик бросил с места рифмованную реплику: «Главный виновник всех наших бед...» Сразу же после собрания крестьянин был арестован, увезен в город и пропал без вести. Его жена не могла добиться даже никакого ответа, что же власть сделала с ее мужем: посажен ли он в тюрьму, сослан в лагерь или расстрелян...

После таких жестоких расправ за каждое слово, крестьяне замолчали, будто воды в рот набрали.

Только немногие одиночки не страшились даже лагеря и тюрьмы и в условиях беспощадного террора продолжали открытую борьбу против принудительной коллективизации.

«Единогласная резолюция»...

После того, как все деревенские жители были терроризованы той расправой, которая была учинена над всеми открытыми противниками коллективизации, на собраниях против колхозов уже никто не высказывался. Все упорно молчали, стиснув зубы.

Но когда дело доходило до голосования, резолюция о необходимости организовать колхоз в Болотном неизменно была отвергаема: за нее поднималось только несколько голосов из группы бедноты да из семей комсомольцев.

Тогда партийные уполномоченные стали применять, по приказу свыше, мошеннические уловки.

Такая уловка была применена и на собрании в Болотном. Уполномоченный райкома партии сделал на собрании доклад (наверное, уже полусотый!) и призвал к немедленной организации колхоза.

В ответ на призыв высказаться последовало гробовое молчание.

— Ну, дело теперь, конечно, для всех советских крестьян яснее ясного стало: без колхоза не обойтись, — сказал уполномоченный. — Будем голосовать: кто п р о т и в организации колхоза?.. Всех тех, кто будет голосовать против колхоза, мы запишем в протокол: своих противников советская власть должна знать поименно...

Ни одна рука не поднялась: кто же в лагерь хочет?!

— Итак, «против» — никого нет. Значит, все « з а » голосуют!.. Правильно!.. Так в протоколе и запишем: постановление об организации колхоза принято единогласно, — явно издевательски провозгласил коммунистический начальник...

И объявил собрание закрытым.

...Крестьяне возмущенно шумели, расходясь кучками по домам...

А через несколько дней группа вооруженных коммунистов с отрядом милиции уже отбирала у крестьян лошадей и сельскохозяйственный инвентарь в колхоз...

Всю деревню — в лагерь!..

Тех, кто отказывался вступать в колхоз, отправляли в лагерь. Об одной деревне мне рассказывал очевидец.

На собраниях все крестьяне категорически заявляли: «В колхоз мы не пойдем». Им притрозили «раскулачиванием» и ссылкой. Но они упорно стояли на своем: ни один не пошел в колхоз. Все крестьяне каждый раз голосовали единодушно против колхоза...

Тогда в деревню приехал большой отряд НКВД с пулеметами. Чекисты забрали и угнали в город весь скот из деревни.

Потом вывели в поле поголовно всех жителей деревни: мужчин и женщин, стариков и детей.

Запалили деревню со всех концов. На глазах у этой плачущей толпы людей сожгли их деревню дотла...

А самих жителей погнали под конвоем на ближайшую станцию. Там загнали их, как скот, прикладами винтовок в товарные вагоны, замкнули и отправили в Сибирь, в лагерь.

Всю деревню, целиком!..

Так проводилась «сплошная коллективизация». Крестьян по одиночке, группами или целыми деревнями загоняли в колхоз или в лагерь...

СУДЬБА РАСКУЛАЧЕННЫХ

РАСКУЛАЧЕННЫЕ В ЛАГЕРЕ

Встреча с эшелоном на Урале

В этот период мне пришлось побывать на Северном Урале, в той области, куда ссылали раскулаченных.

Однажды зимой мы с местным учителем ехали полем. Навстречу двигалась огромная колонна: мужчины, женщины, старики, дети.

Оборванные, истощенные, со страдальческими лицами. Плелись, едва передвигая ноги по глубокому снегу. За ними на санях везли сумочки с их жалкими пожитками. Кавалерийский отряд НКВД конвоировал эту колонну.

— Это раскулаченные, — пояснил мой спутник, когда колонна прошла мимо. — Их высадили с поезда на ближайшей станции, более 100 километров отсюда, и теперь гонят в леса, на лесозаготовки. Приведут их сейчас в лес, выбросят их пожитки на снег, под деревьями. Чтобы не замерзнуть, эти люди должны будут сразу же развести костры, нарубить деревьев и построить какой-нибудь барак для себя: жилья для них никто не приготовил... Потом они целыми днями будут работать в лесу, на лесозаготовках, а ночевать — в этих самодельных бараках. Теперь такие группы раскулаченных прибывают к нам в ссылку беспрерывно, изо всех уголков Советского Союза.

— А в вашей области тоже раскулачивают?

— Да, начинается и у нас, — вздохнул мой спутник. — Но наших раскулаченных направляют не в здешние леса, а в другие: на Дальний Восток, подальше от родных краев...

Булочник — нищий...

Там же, в пермяцкой деревне, встретил я ссыльного старика. Он ходил по дворам, нищенствовал.

Приглашенный к обеду, нищий снял с себя сумочку, осторожно присел к углу стола и рассказал о своей судьбе. Он — раскулаченный, из Кромского района, Орловской области.

— До революции, при царе, злодеев ссылали на каторгу: разбойников,воров, убийц. А теперь?! Меня вот, к примеру, только за то сослали, что пекарню имел. «Злодейством», стало быть, занимался: людей булками кормил, — с горькой усмешкой пытался шутить старик...

А у самого — слезы на глазах. И голос дрожит от глубокой, кровной обиды.

— Вот за такое-то «злодейство» и попал я на каторгу, голуби мои, — продолжал он свою горькую исповедь. — Работать в лесу уже больше не могу: стар стал, совсем обессилел. А из лагеря все-же не отпускают. И вот днем я подаяние собираю (благо, что тут колхозов

пока еще нет!), а к вечеру опять в лесной барак обязан возвращаться: приказ начальства — строгий!..

Пообедавши жадно, наспех, старик поблагодарил, надел сумочку и, кряхтя, поплелся, горемыка, по деревне дальше...

Отец и сын

В другой пермяцкой деревушке на Северном Урале повстречался я с молодым учителем. Он доверчиво рассказал о причинах, которые забросили его так далеко.

Окончив педагогический институт в столице, он приехал сюда, в лесную глушь, в область ссыльных, с намерением помочь своему отцу. Отец его, раскулаченный крестьянин, отбывал свою ссылку в лагере, в ближайшем лесу, в нескольких километрах от той деревни, где работал сын-учитель.

Учитель многократно просил учреждения НКВД: дать ему отца на поруки, разрешить ссыльному старику жить не в лесном бараке, а в деревне, вместе с сыном. Но НКВД ему в этом категорически отказал, хотя работать в лесу старик уже не мог.

Сын не оставил отца на произвол судьбы и всячески помогал ему: добывал продукты, одежду, обувь и отправлял в лесной барак. В воскресенье он привозил отца к себе в гости.

Впоследствии я узнал, что, уезжая на летние каникулы, учитель снабдил отца документами, деньгами и увез из ссылки...

РАСКУЛАЧЕННЫЕ В ДЕРЕВНЕ

Смерть у порога...

Не всех раскулаченных отправляли в ссылку. Нередко семьи раскулаченных разъединяли. Главу семьи с женой ссылали в лагерь, а стариков и детей из семьи раскулаченного просто выбрасывали из дома на улицу и оставляли на произвол судьбы: «Пущай дохнут...»

Мне рассказывали о судьбе старика-изгоя. При коллективизации сына раскулачили и отправили в Сибирь, а отца выбросили на улицу

и замкнули дом. Старик пешком отправился в дальний город, к другому сыну, который был коммунистом и служил там.

Невестка, увидя пришедшего старика, всполошилась: если только узнают, что ее муж — сын раскулаченного, то мужа выбросят из партии, уволят со службы и, наверное, тоже отправят в ссылку. Поэтому она сразу же выпроводила старика из своей квартиры, не давши ему даже возможности повидаться с сыном.

— Уходи куда хочешь!.. Не губи нас...

Убитый горем, старик поплелся назад, в свою деревню. Пришел ночью. Улегся на крылечке, у порога своего опечатанного дома. Наутро его нашли мертвым...

ДЕТИ РАСКУЛАЧЕННЫХ

Осенью, под яблоней...

Однажды вечером, среди собравшихся соседей из рабочего поселка, начались воспоминания о тяжелых временах коллективизации и раскулачивания.

Девушка-работница, до того всегде молчаливая и скрытная, волнуясь, начала рассказ о своей судьбе:

— Я тоже из раскулаченных... Наша деревня недалеко от Брянска расположена, около имения Великого князя Михаила Романова. Вот началась коллективизация, и стали загонять мужиков в колхозы. Приехала милиция, отца раскулачили. Забрали отца и мать, бросили на подводу, в Сибирь отправили... А мы с братишкой ничего не знали и не слыхали: были в это время в школе. Нас не забрали. Мне тогда было двенадцать лет, братишке — десять. Пришли мы из школы. Куда деваться?! Осень, холодно. А дом наш забит... Переночевали мы в нашем саду: под яблоней, раздетые стояли... Замерзли. Дрожали от холода и плакали всю ночь.. Под утро, когда светать стало, побрели мы из своей деревни, от своего дома, куда глаза глядят... — Потом бродяжничали по миру... Что с нами было?! Какого горя нам хлебнуть пришлось?! Нет, я этого рассказать не в силах...

Хлынул поток слез, и рыдания оборвали исповедь девушки...

Опухший изгой

На улицах одного большого города, в годы коллективизации, я видел малолетнего изгоя из раскулаченной семьи.

Мальчик-подросток притащился из своей деревни в соседний большой город в поисках куска хлеба. Он был весь уродливо опухший от голода, словно больной водянкой. Встретившиеся горожане растолковали ему, что они тоже голодают и помочь ему не могут. Но они показали ему городской детский дом и посоветовали немедленно идти туда: может быть, его там примут, и он сможет спастись от неминуемой голодной смерти.

В глазах мальчика, полных отчаяния, мелькнула искра надежды, и он побрел к детскому приюту . . .

Затравленный заяц

— Сначала получил я за взятку ложную справку о том, что я будто бы колхозник, отпущенный на заработки в город. Потом я получил временный паспорт и пошел бродить по миру, — рассказывал один юноша, сын раскулаченного. — Начальник милиции в том районе, где я нашел работу, догадываясь о том, что я раскулаченный, сделал мне прописку на паспорте только на три месяца. Конечно, за большую взятку . . . Через каждые три месяца я должен был приносить ему свою месячную зарплату, а за эту взятку он продолжал мне прописку дальше на три месяца. Так и высасывал он мои соки . . .

Однажды повстречался мне на улице земляк из моей деревни и заорал во всю глотку: «А-а, Сидоров, мое почтение! Какими судьбами?. .» Каково мое положение: шел я вместе с сослуживцами из фабрики и был уже не Сидоров, а Жуков . . . Помчался я, как угорелый, прямо на квартиру, схватил свой чемодан с вещами и махнул в другой город . . .

Так и бегал, как затравленный заяц, из города в город. Много раз и место работы и фамилию менял . . .

А почему меня травили, как зайца?. . В чем мое преступление, что я должен всех бояться и ото всех скрываться?! . В том, что отца моего большевики раскулачили, у честного труженика разбойники все имущество отобрали, а самого в Сибирь сослали . . .

БОРЬБА ПРОТИВ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Крестьяне добровольно в колхоз не шли, несмотря на назойливую агитацию и всевозможные посулы. Большевистская власть решила тогда: загнать крестьян в колхоз террором.

Так она и сделала. У тех крестьян, которые решительно отказывались вступать в колхозы, власть конфисковала все имущество, включая одежду и жилище («раскулачивание»), и ссылала их в лагери, обычно целыми семьями.

Миллионы крестьян «раскулаченных», сосланных в лагери и сбежавших из деревень в города в период коллективизации, составляют слой активных противников коллективизации, непримиримых врагов колхозной системы.

В советском учебнике истории для средних школ приведены две цифры, которые показывают объем этой категории крестьян. К концу новой экономической политики в Советском Союзе было 25 миллионов крестьянских дворов, а после коллективизации их осталось менее 20 миллионов . . .[1]) Таким образом, за пятилетку коллективизации в деревне «пропало» 5 миллионов крестьянских дворов, 5 миллионов семей. Если средний крестьянский двор в нэповской деревне состоял из 5-6 человек, то это значит, что за годы коллективизации «пропало» 25-30 миллионов крестьян . . .

По другим данным, в Советском Союзе накануне коллективизации было 26 миллионов дворов. Значит, число «пропавших» крестьян было еще больше.

В Болотном из 130 дворов за годы коллективизации «пропало» более 30 дворов: это дворы «раскулаченных», сосланных, дворы семейств, сбежавших в города или умерших от голода в колхозе.

Кроме этих семейств, «пропавших» в полном составе, в селе и в лагерях погибло еще около сотни человек — по одиночке: главным образом, пожилые люди и дети.

***

---

[1]) А. Панкратова (ред.) — «История СССР», т. III, стр. 330 и 343.

После того, как крестьян стали загонять в колхоз террором — «раскулачиванием», тюрьмой и ссылкой, — люди вынуждены были прекратить открытое и легальное сопротивление власти на собраниях. Они замолчали.

Но зато некоторые храбрецы перешли к более острым формам борьбы. В Болотном, в соседних деревнях, по всей губернии прокатилась волна нападений крестьян на «загоняльщиков в колхозы»: на агитаторов, «двадцатипятитысячников», местных партийцев и комсомольцев, активных членов группы бедноты в деревне.

Однажды мне самому случайно пришлось быть свидетелем такой попытки. Из окна школьной квартиры знакомого учителя мне довелось наблюдать картину трогательного «единодушия» между крестьянами и их новым колхозным начальством. По деревне проходил председатель колхоза, присланный Центральным Комитетом Коммунистической партии «двадцатипятитысячник». Один крестьянин схватил около избы кол и с угрожающим видом направился к колхозному начальнику. Тот выхватил револьвер из кармана своей кожаной тужурки и прицелился в мужика. Нападавший отбросил кол в сторону и, обескураженный, вернулся в свою избу: неравное оружие было у этих врагов...

От жителей деревни и студентов мне приходилось слышать в те годы о многочисленных случаях нападений, избиений и убийств. Крестьяне повсеместно, в одиночку или маленькими группами, нападали на тех коммунистов, которые террором загоняли людей в колхозы.

***

Упорно обсуждался крестьянами вопрос об общественных восстаниях. Люди совещались в глубокой тайне: вдвоем, втроем с родственниками, друзьями, соседями. За каждым человеком, за каждым словом следили местные ищейки: партийцы, комсомольцы и некоторые члены группы бедноты. За доносом следовали аресты, тюрьма, лагерь.

После тщательного обсуждения, крестьяне приходили к тому заключению, что попытка общедеревенского восстания ни к чему положительному не приведет. В селе нет ни оружия, ни организации. Напасть неожиданно на одиночек-коммунистов или на маленькую

группу и перебить их крестьяне могли бы. Но каков будет результат, что за этим последует? Завтра же приедет в деревню с пулеметами отряд коммунистов, энкаведистов, милиционеров и перестреляет, в лучшем случае, десятки людей. А в худшем случае сожжет село и перестреляет из пулеметов поголовно все взбунтовавшееся население деревни. Так уже было в некоторых деревнях. Об этом крестьяне слыхали из рассказов очевидцев и хорошо такие случаи знали.

Им был известен рассказ агронома-горца,который поведал о расправе энкаведистов с восставшими жителями горной деревни на Кавказе. Население аула занималось виноградарством и скотоводством. Коммунисты стали загонять жителей гор в колхозы. Горцы упорно отказывались. Тогда к ним приехал из города отряд милиции. Милиционеры стали утрожать револьверами непослушным горцам. Озлобленные горцы напали на милиционеров с кинжалами и нескольких милиционеров убили, а остальные «блюститили порядка» вскочили на коней и поспешно ускакали в город. Жители аула наскоро посовещались, что им делать. Не ожидая никакой пощады от большевистских властей, все жители аула единодушно решили немедленно разбежаться по горам, спасаясь от неминуемой гибели. Так и сделали... Впоследствии рассказчик тайно, с большими предосторожностями, заглянул в родные места и увидел на месте аула одни развалины: аул был уничтожен большевиками до основания...

Большинство крестьян Болотного и других деревень в уезде не решалось на восстание. Они понимали его безрезультатность и огромную опасность для жителей. Предвидели неминуемую гибель не только свою, но и своей семьи, поголовную гибель всех жителей села от жестоких карателей.

Многие высказывали еще и другие соображения. Колхозная система неминуемо приведет к развалу сельского хозяйства. Большевистская власть вынуждена будет отказаться от своей глупой затеи так же, как отказалась она когда-то от продразверстки, и распустить колхозы.

Были и такие непримиримые враги колхозной системы, которые говорили:

— Конечно, в Болотном и в других деревнях, где нет вблизи ни больших лесов, ни гор, ни камышевых зарослей, восстание безоружных людей — это самоубийство. Но в других деревнях, расположенных вблизи больших лесов, это возможно. Тем, кто решается на бес-

пощадную борьбу с большевиками, нужно отправляться в такие места и там бороться . . .

Такие люди уходили и уезжали, иногда с семьями, к родственникам и знакомым в другие деревни, расположенные в больших лесах или около них.

Некоторые из орловских крестьян перебрались с этой целью в деревни к Брянским лесам. Другие добрались даже до Сибири и Дальнего Востока. Иные доходили до Кубани, которая была знакома многим отходникам: «Там есть казаки, оружие и камыши. . .»

И там крестьяне Болотного и других орловских деревень, вместе с местными жителями, годами вели борьбу против коллективизации и советской власти.

***

«Раскулачиванию» и принудительной коллективизации противилась также и сельская интеллигенция.

Местные учителя игнорировали собрания, на которых ставился вопрос о коллективизации. Выступать против государственного решения они не могли: за этим следовал неминуемо лагерь. Но с пропагандой «колхозного рая» тоже не выступали.

Один местный студент вуза рассказывал, как к нему на каникулах пристал председатель сельсовета. Начальник предлагал студенту ехать с ним на поселки и агитировать крестьян, чтобы они вступали в колхозы. Студент отказывался под предлогом, что со школьных лет он живет в городе и деревенскую жизнь плохо знает. Местный начальник обещал снабдить его соответствующими «агитброшюрами». Студент заявил, что он беспартийный и не чувствует себя обязанным вести политическую пропаганду. Местный начальник вспылил.

— Все советские студенты получают государственную стипендию и обязаны активно помогать власти проводить все ее политические кампании. А если кто из советских студентов проявляет свое несогласие с государственной политической линией, тех мы должны убрать из советских вузов, — угрожающе заявил сельский начальник студенту.

Студент вернулся в город, прервав свои каникулы.

***

Коллективизации противились даже некоторые сельские комсомольцы и партийцы.

Один комсомолец-матрос в разгар коллективизации приехал в отпуск в Болотное, родное село. Местное начальство потащило его на крестьянское собрание: агитировать за колхозы. Матрос агитировать за колхоз не мог: он был против колхозной системы, как и его родители. Но и выступить против колхозных агитаторов он не посмел: он не хотел попасть в тюрьму или лагерь. С собрания моряк незаметно «уплыл» . . .

Посетив своего школьного товарища, беспартийного учителя,матрос рассказал ему о своих намерениях. «Организовать восстание безоружных крестьян тут, в деревне, в голом поле, невозможно: всех перебьют, — говорил он. — А в армии — иное дело . . . Если только сексоты раньше времени дело не провалят . . . Завтра же еду обратно во флот. Там всем приятелям тихонько расскажу, что творится в деревне с нашими семьями . . . Обмозгуем, сообразим. Может быть, что-нибудь и сделаем . . . Как кронштадтские моряки в 21 году, в период продразверстки . . . » На следующее утро матрос-комсомолец, действительно, вернулся во флот, по месту службы. Но с тех пор его родные не могли получить ни писем от него, ни весточки о нем, несмотря на свои запросы. Вероятно, с ним произошла катастрофа . . .

В рядах местных партийцев в уезде тоже нашлись открытые противники принудительной коллективизации: сторонники Бухарина, «правые уклонисты». Одни возражали против принудительной коллективизации, как политики губительной и реакционной. «Колхозы — это система военно-феодальной эксплуатации крестьянства» — повторяли они слова Бухарина. Их исключали из партии, как «правых уклонистов», «реставраторов капитализма», «классовых врагов, забравшихся в партию», и ссылали в лагерь. Другие отказывались проводить «раскулачивание» и принудительную коллективизацию, ссылаясь на то, что их «совесть, характер им этого не позволяют». Их также исключали из партии и ссылали в лагерь, как «либерально-интеллигентских хлюпиков», «за примиренчество к правому уклону», «за потакание подкулачникам», «за буржуазный, гнилой либерализм».

Но огромное большинство коммунистов проводило «раскулачивание» и принудительную коллективизацию. Они не хотели менять свое привилегированное положение на лагерь. Кроме того, они вскоре поняли, что колхозы — это бедствие только для крестьян, но для

начальников колхозная система — великое благо: именно с момента коллективизации у деревенских начальников начался бесконечный «пир во время чумы». Колхозы — это нищета для крестьян. Но для правительства — это лучшая система ограбления народа, а для начальников — лучшая система самоснабжения.

Многие из деревенских коммунистов проводили «раскулачивание» и принудительную коллективизацию очень активно. Другие даже принимали участие в «раскулачивании» и принудительной коллективизации своих родителей. Так, милиционер села Болотное принимал участие в раскулачивании своего отца, зажиточного крестьянина. Другой партиец, студент, будучи в отпуску, принимал участие в «раскулачивании» своего отца и в экспроприации лошадей на поселке. Ограбленные родители прокляли за этот «колхозный разбой» своих сыновей-коммунистов и заявили, что они не признают «соловьев-разбойников» за своих детей, не хотят слышать о них...

Некоторые из таких партийцев постарались после этого уехать как можно дальше от своих родных мест и никогда больше не показываться на глаза своим родным. Другие спокойно остались на месте. Даже проклятье родителей и жгучая ненависть земляков их не трогала. «Для таких разбойников все — Божья роса», — говорили о них.

Именно в эти «страшные годы» разлад в крестьянских семьях достиг неслыханных размеров.

А в некоторых случаях принял чудовищный характер, как, например, в семье пионера Павла Морозова. Отец этого пионера, председатель сельсовета в уральской деревне, снабжал не вошедших в колхозы крестьян справками о том, что они являются членами колхоза и отпущены на заработки в город. Так он помогал этим людям уходить в города и спасаться от голодной смерти. Его сын, школьник — пионер Павел, донес на отца властям и выступил на суде свидетелем обвинения. Отец был осужден на несколько лет тюремного заключения. Павлик Морозов донес также властям о том, что односельчане готовят восстание. Дед Павла был так разгневан предательством своего внука, что убил его в лесу, во время сбора грибов. Большевистская власть прославила «подвиг» пионера Павла Морозова, провозгласила его «героем», издала о нем много статей и книг, поставила ему памятник и призывала всех школьников следовать «героическому примеру». Но последователей Павла больше не нашлось в Советском Союзе: о других аналогичных случаях советская печать

больше не сообщала. Вообще же семейных разладов в деревне в те годы было очень много.

Пытаясь внести разлад в крестьянские семьи, сам Сталин лично натравливал дочерей и жен крестьян на отцов и мужей. Он говорил в своих речах о том, что в деревне единоличников дочери работали не на себя, а на отца, и жена работала тоже не на себя, а на мужа. Так Сталин изображал крестьянина эксплуататором своей семьи, не разъясняя только вопроса о том, если вся семья работала только на отца, то на кого же работал отец?!.

Натравливая жен и дочерей на своих мужей и отцов, Сталин обещал женщинам, что в колхозе они больше не будут работать на своих семейных «эксплуататоров», а будут трудиться только на себя... В колхозной практике крестьянки хорошо поняли и на своей спине ощутили весь чудовищный цинизм речей Сталина и его «отеческой заботы» о женщинах...

Отступление власти и уход крестьян из колхозов

В орловских и брянских деревнях, прилегающих к большим лесам, вспыхивали крестьянские восстания. Крестьяне нападали на коммунистов, уводили из колхозов своих лошадей, скот, поджигали колхозные склады и канцелярии.

В других областях — в Сибири, на Волге, на Кубани — эти восстания приняли огромные размеры и вооруженный характер.

Большевистская власть поняла серьезную опасность этих массовых и повсеместных крестьянских восстаний и отступила перед напором крестьян.

После того, как, по сообщениям советской печати, большинство крестьян в Советском Союзе уже было коллективизировано, вдруг в газете ЦК партии, в «Правде», 1 марта 1930-го года появилась статья генерального секретаря ЦК коммунистической партии И. В. Сталина под любопытным заголовком «Головокружение от успехов». Статья была посвящена коллективизации.

В этой статье вождь партии и «колхозной революции сверху» оповещал население о том, что местные партийно-советские работники будто бы извратили линию партии и советского правительства. ЦК партии и правительство якобы рекомендовали проводить коллективи-

зацию только на добровольных началах. Но некоторые руководители местных партийных организаций, «головотяпы», то есть дураки, у которых «голова закружилась» от предыдущих успехов в области советского строительства, будто бы извратили эту линию и иногда проводили коллективизацию в принудительном порядке. Вождь партии призывал местные партийно-советские организации немедленно исправить эти «ошибки». Кроме того, Сталин осуждал также поголовную конфискацию скота и птицы у крестьян для колхозов.

Статья эта ошеломила деревенских партийцев. С возмущением они говорили тогда между собою, а нередко даже с беспартийными:

— Кто же, как не ЦК, требовал принудительной «сплошной коллективизации»?!. Кто же назначал кратчайшие обязательные сроки для коллективизации?!.

— Разве не Сталин выдвинул лозунг «ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации»?! Разве не ЦК предписывал всем местным партийно-советским организациям проводить «раскулачивание» и ссылку в лагери всех тех крестьян, которые не хотели вступать в колхозы?!

— Кто же сослал в лагери тех коммунистов, которые не хотели или не смогли насильно загонять крестьян в колхозы, как не ЦК?!.

— Кто же был инициаторами и руководителями этой насильственной «колхозной революции сверху», как не руководители партии и правительства?! Ведь нас в делах коллективизации постоянно подгоняли из Кремля, не давая нам покоя ни днем, ни ночью, наши высшие руководители: Иосиф Виссарионович Сталин, вождь партии и генеральный секретарь ЦК; «друг и соратник вождя», как постоянно называет его наша партийная печать, Лазарь Моисеевич Каганович, секретарь ЦК и руководитель сельскохозяйственноого отдела; подгоняло также и советское правительство, под руководством Вячеслава Михайловича Молотова.

— А теперь они — «мудрые вожди», а мы — «головотяпы», дураки, у которых «голова закружилась от успехов»!.. Они, мол, за добровольную коллективизацию, а мы — за принудительную... Хитро придумано и ловко сделано!..

Деревенские коммунисты были поражены статьей Сталина и страшно ругали своих вождей за такое вероломство.

Но потом коммунистам были даны от ЦК партии секретные разъяснения. Статья Сталина и постановление ЦК — все это только не-

обходимый политический маневр для обмана крестьян и спасения коммунистической власти. По существу все остается по-прежнему: и принудительная коллективизация и колхозы... После этого партийцы успокоились.

А крестьяне увидели в статье Сталина другую сторону дела: отказ от смертельно ненавистной политики, принудительной коллективизации, и признание принципа добровольности в выборе форм хозяйствования. Разглагольствованиям Сталина о том, что в принудительной коллективизации виноваты местные партийные организации, но не ЦК, крестьяне не поверили. Они знали ,что все в Советском Союзе делается по указке ЦК. Но уверениям Сталина о том, что политику принудительной коллективизации ЦК осуждает и в будущем намерен придерживаться принципа добровольности, этим уверениям крестьяне в своем большинстве поверили. По опыту периода нэпа они знали, что крутые повороты в экономической политике ЦК возможны. И крестьяне сделали свой вывод из статьи Сталина: они лавиной хлынули из колхозов, созданных в принудительном порядке.

***

По рассказам местых жителей, в селе Болотное дело это происходило так.

Газета «Правда» среди населения Советского Союза пользуется репутацией самой лживой изо всех советских газет. «Не ищи правды в «Правде» — говорили о ней. Но «Правда» со статьей Сталина «Головокружение от успехов» стала самой популярной газетой в стране. В частности, и в том районе, к которому принадлежало Болотное. Газета была раскуплена на-расхват в районном городе. Раскупили ее горожане и некоторые крестьяне, которые случайно оказались в тот день в городе. Весть об этой статье, которая получила от крестьян любопытное наименование — «Колхозное головокружение», распространилась по всем деревням района с молниеносной быстротой.

Начиная со следующего дня, крестьяне изо всех деревень района хлынули в город: искать газету со статьей Сталина у городских жителей. Они покупали у горожан эту газету за огромные деньги, за продукты.

Но вообще газета «Правда» продавалась в районном городе в небольшом количестве экземпляров. Поэтому многие крестьяне переписывали статью от руки. И затем повсюду в деревнях, в каждой хате, ее читали и горячо обсуждали, «прорабатывали». Это был единственный случай, когда мужички действительно самодеятельно «прорабатывали» политграмоту: «Правду», Сталина . . .

А потом группами шли в канцелярию, к председателю колхоза. И требовали: вычеркнуть из колхоза, куда раньше их загнали принудительно.

— Теперь даже товарищ Сталин подтвердил, что вы загнали нас в колхоз силой. А приказа сверху об этом, оказывается, не было. Это вы сами, товарищи головотяпы, накуралесили, когда у вас головы закружились от постоянного похмелья . . .

***

Деревенские партийно-советские организации растерялись. Они оказались между двух огней. С одной стороны, их вождь свалил всю вину за принудительную коллективизацию на них. С другой стороны, крестьяне не ограничиваются руганью по поводу принудительной коллективизации, но заявляют о своем поголовном выходе из колхозов. А это грозит развалом колхозной системы, полным срывом «колхозной революции» . . .

Растерянное начальство уговаривало бунтующих земледельцев.

— Пока мы ничего не можем сделать. Подождите маленько. Вот съездим в районный центр, получим соответствующий иструктаж и тогда разъясним вам, как и что . . .

Отбиваясь от бунтующих крестьян, начальство ездило за «инструктажем»: сельское — в район, районное — в область, областное — в центр.

Наконец, получив из центра разъяснения, начальство передало их крестьянам.

— Прежде всего нам приказано: наделить колхозников усадьбами. Выделить из колхозного скота каждому колхозному двору по корове, по одной свиной голове и по пятку кур. А уж потом будем разбирать заявления колхозников об их выходе из колхоза.

Это было сделано быстро.

Но крестьян это мероприятие не удовлетворило. Они по-прежнему заявляли о своем выходе из колхоза.

Тогда партийно-советские организации стали уговаривать крестьян... остаться в колхозе.

— Что вам еще нужно? Усадьба у вас теперь есть, корова, поросенок, куры — тоже есть. А работать будете в колхозе. Хлеб и деньги будете там зарабатывать...

Крестьяне рассвирепели:

— Опять принудительная коллективизация?!. Опять у вас, товарищи коммунисты, голова закружилась?!.

Начальство пыталось успокоить крестьян:

— Конечно, кто не желает быть в колхозе, может покинуть колхоз. Насильно мы таких теперь держать не будем. Но вы повнимательней прочтите, дорогие товарищи, статью мудрого вождя Сталина. Он совсем не писал о том, что колхозы не нужны. Он только писал о том, что нельзя загонять крестьян в колхозы в принудительном порядке. Нужно уговаривать крестьян, чтобы они добровольно вступали в колхоз и своего колхоза не покидали... Терпеливо уговаривать крестьян до тех пор, пока они не поймут необходимости колхозов...

— Довольно нас уговаривать, словно маленьких детей неразумных! — бушевали крестьяне. — Вы нас долго уговаривали перед тем, как взяться за дубину. Из колхоза, куда вы нас загнали дубиною, мы уходим. И на колхозные работы не пойдем. Но дело не в этом...

— А в чем?..

— Дело в том, что если мы уходим из колхоза, то извольте вернуть нам все наше имущество, которое вы отобрали у нас. Верните нам весь наш инвентарь, который вы забрали! Верните наших лошадей, а также весь скот, который вы у нас для колхоза забрали: овец и свиней, весь рогатый скот и всю птицу, которую у нас отобрали!.. Верните нам наши продукты и постройки...

— Из ваших слов видно, что теперь не у нас, коммунистов, а у вас, крестьян, началось «головокружение» от статьи товарища Сталина, — иронически отвечали крестьянам местные начальники. — По разъяснению вышестоящих партийно-советских организаций, весь скот, — кроме того, что уже роздан колхозникам — по одной корове, одной свиной голове и пяти кур на двор, — весь остальной скот должен остаться в колхозе, в качестве колхозной собственности. Инвентарь и все кустарные предприятия тоже остаются в колхозе. А кол-

хозы распущены не будут, несмотря ни на что! Они будут существовать даже тогда, когда в них останется только три колхозника...

Крестьяне ходили с жалобами в район, ездили в область, в центр. Но там категорически отказались удовлетворить требование крестьян о возвращении им скота и инентаря, отобранного у них во время принудительной коллективизации.

И вот, несмотря на такое драконовское решение большевистского правительства — одобрить проведенную конфискацию крестьянского имущества, и крестьянам, выходящим из колхоза, назад имущества не возвращать, — крестьяне лавиной без разрешения бросились из колхозов.

В Болотном за один месяц колхоз покинули все крестьяне, за исключением десятка хозяйств, бедняцких и комсомольских.

Местное начальство уговорило бедняцко-комсомольские семейства остаться в колхозе, чтобы он не распался. Маленькая группа колхозников может владеть всем богатым имуществом колхоза.

Партийно-советское начальство щедро раздавало оставшимся колхозникам конфискованное у крестьян имущество: продукты, вещи, скот — молодняк, избы раскулаченных...

Голодная смерть или колхоз?..

(Повторная коллективизация)

Не имея ни лошадей, ни инвентаря, ушедшие из колхоза крестьяне приготовились обрабатывать землю лопатами и граблями...

— Посмотрим, кто лучше обработает землю и получит более высокий урожай, — говорили они: мы, единоличники, с лопатами и граблями, или колхозники — с нашими плугами и лошадьми...

Но надежды единоличников на такое «соревнование с колхозниками» не оправдались. Им выдали только по 0,25 гектара усадебной земли на двор: так же, как и колхозникам.

Но ни полевой земли, ни лугов единоличникам не выдали. Вся остальная земля была оставлена колхозу, хотя в нем осталось только десяток дворов.

Местное начальство заявило крестьнам:

— Земля, по советским законам, принадлежит не крестьянам, а нашему государству. Теперь правительство передает ее для использования колхозам, а не единоличникам...

Но десяток дворов, оставшихся в колхозе, да один трактор, присланный из МТС для пахоты, могли обрабатывать только незначительную часть земли — около одной четверти ярового поля. Остальная часть земли — три четверти — пустовала.

Единоличники просили органы власти и колхозное начальство: сдать им участки земли в аренду. Обещались выплачивать колхозу или государству хорошую арендную плату: или натуральную исполщину, как до революции крестьяне-арендаторы платили помещику, или большой денежный сельскохозяйственный налог, как при нэпе.

Но единоличники получили отказ даже в этом.

Единоличники, не находя никакой возможности для сельскохозяйственного труда в деревне, хотели уходить на заработки в города.

Но большевистская власть закрыла перед ними и этот выход. По строжайшему распоряжению советского правительства, государственные предприятия и учреждения могли принимать на работу только крестьян-колхозников, которые могли предъявить заводоуправлению следующие документы: во-первых, справку о том, что этот крестьянин является колхозником такого-то колхоза; во-вторых, справку о том, что правление колхоза отпускает его в город на заработки.

Впоследствии, когда была введена паспортная система, при поступлении на работу стали требовать еще и паспорт от местной милиции. А паспорт выдавался, кроме горожан, только колхозникам, отпущенным на заработки по справкам колхозов.

Крестьян-единоличников на работу государственные предприятия не принимали. А никаких других предприятий, кроме государственных, не осталось.

Таким образом, объявив принцип «добровольности» в коллективизации, большевистская власть с вероломной жестокостью создала для крестьян-единоличников, покинувших колхозы, невозможные для жизни условия, то есть восстановила принудительность колхозов в другой форме.

В деревнях наблюдался чудовищный парадокс. В Болотном, например, большая часть ярового поля пустовала, потому что в колхозе некому было обрабатывать землю. А крестьяне-единоличники, $^{9}/_{10}$ всех сельских жителей, болтались без работы, потому что совет-

ская власть не давала им земли ни на каких условиях и не допускала их на работу в городах...

Власть увидела угрозу: если урожай будут убирать только колхозники, то он останется неубранным и погибнет.

Тогда был сделан новый маневр. Единоличникам было объявлено, что они могут убрать рожь на засеянных ими полосах в свою пользу, только должны будут сдать государству умеренный натуральный налог. Единоличники убрали урожай, обмолотили его сами — цепами.

Но после этого власть наложила на них такой огромный налог, что им пришлось сдать почти весь свой хлеб государству и колхозу.

Озимое поле было засеяно только на одну четверть: только та его часть, которая могла быть обработана колхозниками и трактором МТС.

Мало того. После уборки урожая на усадьбе — картофеля и овощей — власть отобрала у крестьян, в виде «налога», почти весь и этот урожай...

Кроме того, власть объявила, что в следующем году у крестьян-единоличников будут отобраны и последние ничтожные возможности для ведения хозяйства. Усадьбы единоличникам выдаваться не будут. Пастбища для коров единоличников также не будут предоставлены.

Таким образом, все возможности для жизни крестьян-единоличников вне колхоза были советской властью закрыты: у них отобрали лошадей, инвентарь, скот; отобрали всю землю; на работу в городах не принимали... Чтобы ускорить возвращение крестьян в колхозы, у них отобрали даже последние продукты: и рожь с их полос, и картофель, и овощи с их усадьбы.

Так бесчеловечная власть создала для крестьян искусственный голод. Она поставила единоличников перед страшной угрозой: голодной смерти. С осени 30 года крестьяне-единоличники на Орловщине, в том числе и в Болотном, стали умирать от голода.

А колхозникам власть выдала паек для прокормления, на каждую живую душу. Выдала их коровам корм: сено и яровую солому. Весной колхозникам обещали: сохранить усадьбу, пастбище для скота, дать работу в колхозе и заработки.

При первой коллективизации крестьян загоняли в колхоз, поставив их перед альтернативой: или лагерь — или колхоз!.. Теперь, во

время вторичной коллектиизации, драконова власть загоняла крестьян в колхоз еще более страшной альтернативой: или колхоз — или голодная смерть!.. Выбор... «добровольный»!..

Не желая умирать с голода, крестьяне, по мере исчерпания в своем доме последних остатков продуктов, поплелись обратно в колхоз: по одиночке, группами.

Летом, осенью и зимой 1930-31 года все крестьяне Болотного, покинувшие колхоз весной 30 года, вынуждены были туда вернуться...

В советской печати цинично писали, что некоторые крестьяне проявили недостаточную сознательность, колебались и выходили из колхоза. Но после того, как товарищ Сталин в своем гениальном произведении «Письмо товарищам-колхозникам» мудро разъснил им необходимость колхозной системы, они опять вернулись в колхозы. Вернулись «добровольно» и готовы с энтузиазмом приняться за колхозную работу, чтобы строить в колхозе зажиточную, счастливую и культурную жизнь...

В действительности же, статья Сталина «Письмо товарищам-колхозникам» и комментарии к ней советской печати уже никакой популярностью не пользовались. Все крестьяне теперь поняли жестокий цинизм большевистской власти и коварное лицемерие коммунистической пропаганды.

Голодная смерть и разорение деревни

1930-34 годы были годами голода в колхозе Болотное и в других орловских деревнях.

Сначала это был искусственный голод, созданный советской властью для единоличников, покинувших колхоз. Этим искссственным голодом власть загоняла и загнала крестьян опять в колхоз.

Но потом крестьянам, вернувшимся в колхоз, начальство выдало из складов скудный паек на каждую живую душу: рожь, картофель, овощи. Это — продукты, которые власть раньше отобрала у этих же крестьян, когда они, выйдя из колхоза, не желали возвращаться туда...

Когда же все крестьяне вынуждены были вернуться в колхоз, эти продукты были быстро израсходованы.

А новых продуктов в колхозе производилось очень мало. В 1930

году три четверти ярового поля пустовало, в следующем году — три четверти озимого поля. Обработка земли и сбор урожая производились плохо. Навоза в поля не вывозили. Урожайность полей понизилась в два-три раза.

Скот же за годы коллективизации был уничтожен более чем наполовину. Свой скот крестьяне забивали перед тем, как поступить в ненавистный им колхоз. Немилосердно резали колхозный скот местные начальники и беднота — первые колхозники. Много колхозного скота погибло от плохой кормежки, скверного ухода, скученности его в тесных, неприспособленных помещениях.

Колхозное начальство растранжирировало очень много колхозных продуктов: и зерна, и мяса, и картофеля, и овощей.

Советское правительство отбирало львиную долю продуктов из колхоза. Оно душило колхозников огромными налогами: натуральным (мясным, молочным, яичным) и денежным.

Из-за всех этих обстоятельств в Болотном после осуществления вторичной «сплошной коллективизации» голод продолжался. Это уже был голод «естественный»: закономерный результат антинародной экономической системы крепостнического хозяйства, принудительного труда, государственной колхозной барщины.

Гороховый суп и «счастливое детство»...

В годы коллективизации из Болотного я получил от учителя письмо. Он сообщал, что голод там свирепствует.

О своих школьниках учитель рассказал: некоторые дети так обессилены от голода, что даже не могут ходить в школу... Другие так истощены, что часто падают в обморок...

Он прислал мне сочинения его учеников о праздновании 1-го Мая в школе.

Для детей в школе был устроен концерт, а после концерта их покормили гороховым супом. Для проведения революцинного праздника школе отпустили немного гороха из колхозного склада.

В своих сочинениях редкие школьники мимоходом упоминали о концерте. Огромное большинство обошло концерт полным молчанием.

Но зато все они, без единого исключения, написали о гороховом супе, которым их угостили в школе.

Написали о супе с восторгом и упоением. При чтении школьных сочинений чуствовалось, что это был действительный праздник в их жизни, самый счастливый день за колхозные годы. Было видно, что гороховый суп казался для них редчайшим лакомством. Покушать горохового супа — это было для них таким наслаждением, которого они давно не испытывали...

Гороховый суп — самое сладкое лакомство в жизни... Бедные, голодные дети! Малолетние мученики земли колхозной!..

Гороховый суп — величайшее счастье детей-школьников...

«Незабвенная пора», «золотое детство»!..

Вот оно, «счастливое детство», за которое советская печать, от имени детворы, славословила, благодарила Сталина, «великого друга советских детей»!..

«Колхозный хлебушко...»

В эти «страшные годы» мне пришлось побывать в Болотном, которое стало теперь колхозом. Из города до села меня подвезла знакомая крестьянка, которая привозила в город что-то из колхоза, а теперь возвращалась домой порожняком.

Дорогою она достала из «кощеля» и показала мне хлеб, который ест ее семья. Он был совершенно черный, сырой, расползающийся, как грязь. По словам бабы, она «сварганила» его из растолченных желудей, картофельной шелухи, из перетертых листьев лопуха. Хлеб без муки, хлеб... без хлеба...

— Вот послать бы этого колхозного хлебушка Калинину, всероссейскому нашему старосте, — сказала угрюмо баба. — Пусть бы он покушал, что колхозники лопают... А то он все мужичком прикидывается...

И она злобно выругалась по его адресу... матерщиной...

Это очень удивило меня. Никогда раньше я не слышал матерщины от русской женщины. Не ослышался ли я?

— Что же это ты так нехорошо ругаешься?.. — спросил я.

— Колхоз допек, в печенку въелся!.. Вот и ругаюсь. Душу отвожу... Теперь все колхозницы стали по-матерну палить...

Она хлестнула кнутом лошадь и принялась жевать «колхозный хлебушко»...

Как только я приехал в село, в тот же вечер собрались знакомые колхозники в одной хате, при тусклом свете маленькой керосиновой лампочки: «побалакать».

Лица у собеседников безжизненные, желтовато-темного, землистого цвета. Сами тощие, вялые, обессиленные, словно осенние мухи.

Уныло, со вздохами, беседовали о деревенских новостях в своем колхозе и соседних.

Тема одна — страшная тема о голоде и смерти...

Почему не показывается баба?

— Соседка Марья померла на днях от голода. Муж отправился в город, на поиски работы, и пропал без вести. А бабе есть нечего. На лопухе долго не проживешь. Зашли к ней бабы: что-то Марьюшка из хаты долго не показывается?

А она валяется в сенях: вся закоченела...

С детьми, под поезд...

— В селе мучились вдова Арина, колхозница с двумя маленькими детьми. Есть нечего. Дети голодным писком своим материнскую душу терзали. Не вынесла баба этой пытки. Отчаялась, обезумела с горя. Пошла к железной дороге. Бросилась под проходящий поезд, с детьми. Один конец — и себе, и детям..

Дядя Антон и овца

— Дядя Антон тоже весною Богу душу отдал. От голода опух мужик. Поплелся в соседнюю деревню, к родственникам. Может быть, у них что-нибудь съедобное достать удастся?..

В поле, около дороги, увидел колхозное стадо овец. Обратился к

пастуху: «Паря, умираю от голода. Може, ты мне дозволишь овечку подоить: авось, хоть глоток молока выдою» . . .

Тот поймал ему овцу. Мужик присел на корточки, хотел доить. Но овцы у нас к этому непривыкшие, никогда их у нас не доили. Рванулась овца, сбила с ног обессиленного мужика. Упал он на земь, да уже и не встал больше. У мужика все пары вышли . . .

Вечером пригнал пастух стадо в деревню и пошел к начальству колхозному. «Овцы все в целости, — докладывает. — А дядю Антона подбирайте: в поле мертвый валяется . . . »

« Помер от лошадиного корма . . . »

— Вот тоже и Михайло Андреевич. Богатый мужик был. Сыновья по городам разъехались, а его раскулачили. Поехал он в город, к сыну-коммунисту. А тот его назад отправил. «Невозможно, — говорит, — нам, партийным, с раскулаченным отцом связь поддерживать. Поезжай назад, крутись как-нибудь в колхозе» .. .

Мужик вернулся домой, поступил в колхоз, конюхом устроился. Нам,колхозникам, известное дело, дожидайся глубокой осени. Тогда только, как государству всю положенную норму хлеба сдадут, нам из остатка аванец выдадут.

А лошадям в колхозе в рабочую пору — наше почтение: председатель им муки отпускает. «Потому, — говорит, — колхозники — это иное дело . . . А о колхозных лошадях у меня от центра точная инструкция есть:скот во время работы кормить как следует, чтобы он вполне продуктивно работать мог».

Ну, так вот, лошади, по сталинской инструкции, кушают овес,сено, муку. А конюх с пустым брюхом работает. Только слюнки глотает . . .

Смекнул мужик. Взял в конюшне муки, насыпал целый карман и хотел вечером домой снести. Старуха хлеба испечет на-славу, — думает. «Вам, лошадки, — гуторит голодный мужик, — кормов хватает. А ведь и мне, любезные, со старухой тоже есть надобно . . . »

Вечером конюшню закрыл, домой собрался. А тут председатель колхоза нагрянул. Обыскал мужика, приказал высыпать муку в же-

лоб лошадям. Ему пригрозил: «Ежели еще раз повторится, то я тебя, сукина сына, под суд отдам! А наш советский суд за расхищение священной колхозной собственности упечет тебя, сам знаешь, на десять лет туда, куда Макар телят не гонял!» . . .

После такого казуса мужик уже боялся брать муку домой. Но голод — не тетка: не дает покоя . . . Придумал мужик новое средствие. Когда кормил лошадей, то брал горстью муку — и ее в рот да в рот . . . Пока живота не наполнил. С голодухи муки проглотил много.

Пришел домой, лег в постель, стонет. От муки брожение в животе страшное, распирает всего. Ну, рвет живот на части! . . Всю ночь в корчах мучился . . . К утру помер мужик — от лошадиного корма . . .

Татарник, или «сталинская роза» . . .

На другой день пошел я побродить по селу, которое стало теперь колхозным.

Боже мой, какое запустение! . .

Во многих хатах окна и двери заколочены. Бывшие обитатели их умерли от голода. Другие сосланы. Иные ушли на шахты и новостройки, спасаясь от голодной смерти.

Вся длинная, более километра, сельская улица заросла огромными, до крыш, сплошными кустами колючего растения, которое в здешних краях носит двойное название: «колун», или «татарник». Из-за высоких колючих кустов едва виднелись почерневшие крыши избушек.

Раньше через все село пролегала широкая улица, с дорогою по ней. Теперь ни улицы, ни дороги нет. Вся улица заросла сплошными зарослями «колуна». А вместо дороги осталась только тропинка между колючими кустами. . .

Кое-где по тропинке брели, пошатываясь, какие-то тени, как могильные привидения. Это бабы-колхозницы. Худые, истощенные, словно скелеты. В одних только грязных рубахах . . .

Не село, а пустырь, заросший «колуном-татарником». Колючие джунгли колхоза . . .

Сорняк этих джунглей прозван «колуном» за свои колючки. Все его могучие стебли, все листья и оболочки цветов его, пушистых розовых

бутонов, все это покрыто колючками. Это настоящий еж растительного царства. Скот не мог есть этого колючего растения. Дети накалывались на колючки. Крестьяне очень не любили этот колючий сорняк и лопатами уничтожали его с корнем. Поэтому прежде «колунов» в селе было немного: на окраинах пустыря, около речки.

А теперь этот колючий кустарник занял весь пустырь. Он вошел в само селение, подступил к стенам каждой хаты. Полонил, задушил все колхозное село . . .

И это глубоко символично . . .

Этот колючий кустарник с давних времен носит другое характерное название — «татарник». Лев Толстой упоминает об этом «татарнике» в своей повести «Хаджи Мурат». Упоминает о «татарнике» Пришвин в своих произведениях. Таким образом, писатели свидетельствуют о том, что любопытное прозвище этого растения в России широко распространено.

Можно с уверенностью предположить, что это второе имя дано ему в те далекие времена, когда татарское нашествие опустошило русскую землю. Селения превратились тогда в пустыри и заросли «татарником», историческим свидетелем «басурманского нашествия». И характерное прозвище это сохранилось с тех седых времен до наших дней.

В наши времена российская деревня переживает новое «басурманское нашествие», большевистско-колхозное. И снова опустошенную деревню полонили джунгли «татарника» . . .

Мужички называют его теперь по-новому: «колхозный цветок», «сталинская роза» . . .

Каждому посетителю сталинского музея в городе Гори, на Кавказе, на родине большевистского вождя, выдается подарок — великолепная красная роза из музейного сада. Подарок от имени революцинного вождя — на память о красном его образе . . .

У крестьян России «отец народов» отнял землю, лошадей, скот, все имущество. У миллионов — отнял жизнь родных и близких. И подарил колхозникам на вечную память о себе колючий, кровавый «колхозный цветок», «сталинскую розу» . . .

Российские крестьяне никогда не забудут Чингис-Хана XX-го столетия, Величайшего Людомора на земле . . . Внукам и правнукам своим передадут вечную память о нем. Более страшного кошмара, чем кош-

мар колхозно-сталинского разбоя, голода и разорения, российская деревня еще никогда, со времен татарского нашествия, не переживала.

И возрождение джунглей «татарника» в колхозной деревне об этом красноречиво свидетельствует. Прежде кроваво-колючий цветок этот получил прозвище «татарника». Теперь он стал «колхозным цветком», «сталинской розой»...

Это — безмолвный, но убедительно-красноречивый исторический свидетель басурманского нашествия на российскую деревню варварских орд: в старину — татар, теперь — большевиков...

Джунгли «татарника», «колхозного цветка» — это символ всеобщего разорения деревни и наглядное историческое напоминание о самых трагических эпохах в жизни русского народа...

Быль и сказки о коллективизации

На предыдущих страницах подробно рассказаны факты о коллективизации, быль «колхозной революции сверху». Быль кровавая и страшная. Быль о том, как возник колхозно-крепостной строй из разбойничьих замыслов большевиков. Возник на миллионах трупов погибших крестьян, на морях крови и слез ограбленных и закабаленных тружеников. Колхозники недаром дали этому периоду характерное название: «страшные годы»...

Но чтобы развеять всякие воспоминания об этой кровавой были, вожди «колхозной революции» создали сказки и легенды о коллективизации. Главным автором этих сказок был семинарист-недоучка Иосиф Сталин. В своих речах и статьях он рассказал о «колхозной революции» тысячу и одну сказку.

Он говорил о том, что большевики отобрали у помещиков землю и передали ее «навечно» крестьянам-колхозникам...

О том, что большевики «подарили» каждой колхознице корову...

О том, что колхозы производят теперь гораздо больше хлеба, чем раньше крестьяне-единоличники...

О том, что крестьянки теперь в колхозах работают не на мужа и отца, а на себя...

О том, что в колхозах изжита прежняя деревенская нищета, что там теперь изобилие продуктов, зажиточная и культурная жизнь...

О том, что дореволюцинная деревня была для крестьян «мачехой», а колхозная стала для них «родной матерью» . . .

О том, что крестьянство поддержало снизу ту «колхозную революцию», которую большевики проводили сверху . . .

Сталин утверждал, что общество в Советском Союзе стало однородным,бескласовым: все являются работниками одного социалистического, государственного хозяйства . . .

Он говорил о том, что после ликвидации класса крестьян-собственников опасность реставрации частной собственности устранена навсегда, что социалистический строй внутри СССР победил окончательно . . .

Вождь партии указывал на то, что коренной вопрос о смертельной борьбе социализма с капитализмом — «кто кого?» — внутри Советского Союза решен бесповоротно и переносится теперь на международную арену . . .

Сталин предсказывал, что мировая история пойдет теперь по новым, социалистическим путям, по которым поведут ее коммунистическая партия и он, вождь этой партии, «великий машинист локомотива мировой революции», как льстиво назвал его Лазарь Каганович, друг и советник . . .

На жителей Советского Союза эти сталинские сказки действовали очень раздражающе.

На иностранных же коммунистов и наивных попутчиков за границей эти сказки производили сильное благоприятное впечатление.

Советские газеты сообщали в те годы об одном интересном случае. На пленуме Центрального Комитета коммунистическй партии присутствовала делегация французских коммунистов. Слушая доклад — сказку Сталина о величайшей в истории «колхозной революции», чувствительные французские коммунисты . . . плакали . . . Плакали от восторга и умиления! . . Какие грандиозные дела и славнейшие подвиги совершила Коммунистическая партия Советского Союза! . . Какие невиданные чудеса «социалистического рая» сотворила колхозная революция! . .

Читая это сообщение, жители Советского Союза думали и говорили между собой:

— Да, по одному и тому же поводу, но как различно плачут люди на свете! . . Миллионы российских крестьян плакали и плачут горь-

кими жгучими слезами от коллективизации... Плакали и плачут потому, что «Соловьи-Разбойники» ограбили у них все имущество и превратили их в нищих...

Плачут из-за того, что их, свободных тружеников, превратили в крепостных рабов советского государства...

Плачут по той причине, что на хлебных полях и скотоводческих фермах их морят голодом, а на лоне природы, на вольном воздухе — они задыхаются от гнета и террора...

Российские крестьяне плачут над миллионами погибших отцов, матерей, братьев, сестер, детей... Плачут горькими слезами над своей судьбой мучеников, распятых на колхозной Голгофе и всем миром оставленных...

А над чем плачут французские коммунисты? Они, оказывается, плачут над сталинскими сказками о «колхозной революции» и «колхозном рае»... Плачут от умиления перед «героями колхозной революции», плачут от восторга перед перспективами «всемирного колхозного рая»...

— Да, по-разному живут, по-разному мыслят и по-разному плачут люди на свете!..

— Надо бы пригласить французских коммунистов пожить и поработать у нас, в «колхозном раю». Может быть, они тогда заплакали бы теми же горькими слезами, какими плачем и мы, русские крестьяне...

***

Впоследствии сказкам Сталина о «колхозной революции» в Советском Союзе придали самую разнообразную форму: наукообразную, беллетристическую, фильмовую, песенно-частушечную, живописную. И по всему свету распространяли и распространяют эти сказки: через романы и учебники, энциклопедии и газеты, радио и кино, картины и выставки.

Приведу несколько примеров такой популяризации «колхозных сказок».

В официальном учебнике для средних школ в Советском Союзе — «История СССР», под редакцией професора А. Панкратовой, — коллективизация описана так:

«Весной 1929 года Совет труда и обороны принял решение о массовом строительстве МТС (машинно-тракторных станций), и это решение энергично проводилось в жизнь. Крестьяне приходили в совхозы и МТС, наблюдали за работой тракторов и просили помочь им объединиться в колхозы для обработки общей земли усовершенствованными машинами. Так было положено начало массовому колхозному движению... Началась сплошная коллективизация».[1])

Какую умилительную идиллию нарисовали авторы большевистского учебника истории: крестьяне приходили в совхозы, смотрели тракторы и... объединялись в колхозы!.. Жаль только,что эта идиллия имеет один недостаток: она полностью противоречит фактам, истине...

О «добровольной коллективизации» говорят советские энциклопедии... О «гигантских достижениях колхозов» говорят статистические сборники...

Такие пропагандные сказки учащаяся молодежь в коммунистических государствах, от Берлина до Пекина, обязана заучивать наизусть как «науку», «объективную историческую истину»...

Советские писатели-коммунисты — Михаил Шолохов, Грибачев и другие — написали о колхозах лживые книги, которые переведены на многие языки, распространяются по всему миру и прославляют «колхозную революцию» и социалистическую систему сельского хозяйства. Такую «литературу» в СССР называют «колхозным сиропом» или «сказками для малых детей и больших ослов»...

В Советском Союзе создан ряд сказочных фильмов о колхозах. Там показан «колхозный рай»: «изобилие», роскошные пиры, «колхозные романы», всегда веселые, поющие и танцующие колхозники и колхозницы...

Советское радио ежедневно, на всех языках, по всему миру передает песни, вроде «Колхозной плясовой» или частушек такого типа:

«Растяну гармошку шире,
Пусть девчата подпоют,
Чтоб узнали во всем мире,
Как колхозники живут!..»

---

[1]) А. Панкратова (ред.) — История СССР, учебник, т. III, стр. 328.

Моря «колхозного сиропа» изготовляются в Коммунистической Империи и заливают весь мир . . .

Красочные и веселые сказки о «колхозной революции» и «колхозном рае» создаются в Советском Союзе и распространяются по всему миру в целях большевистской пропаганды, расширения коммунистической революции.

А страшная колхозная быль в Коммунистической Империи упорно замалчивается, вычеркивается из печати и «выкорчевывается» из сознания людей. Правда-быль устраняется потому, что «Кривда Правду ненавидит: Правда Кривду всюду видит» . . .

Колхозный ад в Коммунистической Империи заслоняют пышными фантастическими декорациями, на которых намалеваны дремучие леса развесистой клюквы под вывеской «колхозного рая». А кошмарные злодеяния коммунистических драконов перекрашены на этих декорациях в лубочные «героические действа»! . .

4. УПОРНЫЕ ЕДИНОЛИЧНИКИ

Многие колхозники оказывали исключительно упорное индивидуальное споротивление коллективизации.

На следующих страницах будет описано несколько таких единоличников, их упорная борьба против коллективизации и печальная судьба.

Шахтер-крестьянин и коллективизация

Мужественным борцом против насильственной коллективизации был очень интересный человек из Болотного.

Малоземельный бедный крестьянин, он до революции ходил летом на заработки. Работал, главным образом, на шахтах. Он был очень начитанный и культурный человек. В его большой личной библиотеке были солидные исторические труды и народные сказки, учебники физики и русская классическая литература, брошюры Ленина и «Божественная Комедия» Данте. Еще до Октябрьской революции он был убежденным большевиком.

После Октября он стал одним из волостных комиссаров. Но, будучи человеком чрезвычайно честным и справедливым, он вступил в резкое столкновение с другими большевистскими комиссарами, которые государственные средства использовали не для народа, а для своих личных целей. Его исключили из партии: «демагог», «склочник». Он купил лошадь, стал крестьянствовать и в годы нэпа превратился в типичного крестьянина-середняка.

Когда началась принудительная коллективизация, он резко выступал на собраниях против этого мероприятия.

— Имущество праздных богачей получилось от эксплуатации. Поэтому его можно отобрать и принудительно. Но нельзя насиль-

ственно отбирать у крестьян их трудовую собственность, которую они заработали своими мозолистыми руками,в поте лица своего. Я раньше тоже считал социализм раем. А теперь думаю по-другому. Но если вы до сих пор увлекаетесь социализмом, то призывайте крестьян добровольно идти в колхозный рай. А зачем же вы загоняете в рай дубиной?..

Он категорически отказывался вступать в колхоз и говорил, что никому не отдаст своей лошади, своей трудовой собственности и выгонит из своей избы всякого, кто придет отбирать у него имущество в колхоз.

Малокультурные докладчики из райкома были бессильны дискутировать на крестьянских собраниях с таким умным и начитанным оратором. Он говорил с душой, очень картинно и красноречиво, наполняя свою речь убедительными примерами, яркими афоризмами, ядовитыми шутками. После дискуссии с таким оратором уполномоченные теряли свой гонор и представлялись участникам собрания общипанными курами. Бессильные в дискуссиях, райкомовские уполномоченные злобно ругали этого бывшего большевика «предателем», «подкулачником», «контрреволюционером» и угрожали ему арестом и лагерем.

Вскоре болезнь свалила его, и он никуда не мог выходить. Смертельно больной, он лежал в постели. А к нему ходил секретарь волостной парторганизации: все уговаривал вступать в колхоз и угрожал... Только смерть избавила этого борца против коллективизации от лагеря.

Жена и сын, по его предсмертному совету, в колхоз не пошли. Они бросили в деревне все свое имущество, ночью ушли куда-то и уже в свою деревню не возвращались...

Вдова и «колхозное головокружение»

В Болотном я встретил вдову, которая при первой коллективизации в артель не вступила. Все имущество у нее отобрали и передали колхозу, но она туда не пошла.

Ее с тремя детьми местные начальники хотели сослать в лагерь. Но потом раздумали: «В лагере на лесозаготовках она не заработает

даже пайка на себя и на детей. Куда ее в лагерь?! Пусть остается в деревне и подыхает тут» . . .

Уже после вторичной коллективизации я встретил ее в селе, зашел к ней в хату. Она охотно поведала мне печальную историю.

— Хоть и бедная я, а в колхоз поступать никак не хотела. Но с нами, дорогой, ни в чем не считаются. Вот организовали товарищи артель и в нашем селе. А как организовали, то отобрали и у меня все: и лошадь, и корову, и плуг, и телегу. И все это передали колхозу, хоть я вступать в него не пожелала . . . Но потом в газетах пропечатали «Головокружение» Сталина. Тут пошла я к председателю колхоза и говорю ему: «Верните мне мою лошадь, плуг, телегу. Я же в колхоз не вступала, а насильно загонять в колхоз права не имеете, потому Сталин за «головокружение» ругается . . . » Посмеялся председатель надо мной. Сказал, что у меня самой «головокружение от неуспехов» началось. А моего имущества мне из колхоза не вернул . . . Ну, ладно, думаю, лишь бы земли дали: семян припасла, а землю я с ребятами вскопаю лопатою, забороню граблями . . . Да не тут-то было: земли не дали. Дали только для огорода усадьбу, четверть гектара, и больше ничего . . . А вскоре опять «головокружение» началось. Пришли ко мне колхозные начальники, обыскали мою хату и погреб и забрали у меня все продовольствие до крошки: и зерно, и картошку, и свеклу, и капусту. Под метелку все подчистили . . . «А когда в колхоз поступишь, тогда продукты выдадим . . . Ты, — говорят, — насчет «головокружения» все болтаешь. А товарищ Сталин про свое «головокружение» уже давно забыл. И нам новую директиву прислал: «вернуть неустойчивых товарищей-колхозников обратно в колхозы! . .» Твои продукты и скот мы в колхоз забрали. А ты можешь, конечно, жить единолично: мы тебя не приневоливаем . . . » Вот как дело повернули: или помирай — или в колхоз ступай! . . Посмотрела я на своих ребят-сиротинущек. Они, пригорюнившись, сидят и не евши плачут . . . Голод — не тетка. Помирать никому не хочется. А морить детей и подавно . . . Залилась я сама слезами и пошла в колхоз . . .

Баба вытерла рукавом набежавшие слезы.

— Поступила в колхоз, да толку мало, — продолжала она, после минутного молчания. — Пока еще с голоду не померли, да и жить не живем. Так, только мучимся . . . Не жисть, а одна колгота! . .

Баба вздохнула, безнадежно махнула рукой и уткнулась в свою работу: она чинила сынишке штаны.

«Золотых дел мастер...»

На рабочем поселке, при железнодорожной станции, мне пришлось увидеть много таких упорных единоличников, которые, не желая вступать в колхоз, уехали из деревни. Работу они нашли на ближайших заводах и новостройках (предварительно раздобыв всякими путями необходимые справки). А жилье часто устраивали сами, очень примитивное. Некоторые семьи построили хижины, обмазавши плетневые стены глиной. Другие соорудили землянки.

Крестьянин, приехавший сюда с семьей из Орловской области, никак не хотел расставаться с лошадью. Он нашел себе работу ассенизатора при станции и местной новостройке.

— Ну, каковы ваши дела, господин золотых дел мастер? — подтрунивали над ним знакомые.

— Дела идут, контора пишет. Дерьмо вожу — хлеб зарабатываю, — отвечал он в тон шутникам. — Гораздо лучше иметь дело с дерьмом, чем с колхозом...

Но единоличников не оставили в покое даже на таких «ароматных» работах. Чтобы доконать упорных единоличников, которые зарабатывают хлеб частным извозом, на своих лошадях, советское правительство издало указ: обложить каждую лошадь единоличника тысячерублевым годичным налогом, который должен быть внесен в государственную кассу вперед за год, единовременно.

— Ну, а каково теперь самочувствие у его ароматного величества? — спросили знакомые у ассенизатора.

— Моя бочка не так воняет: декреты сильнее смердят, — угрюмо ответил ассенизатор...

Ему пришлось отказаться от лошади: он продал ее новостройке, при которой работал. Прослезился мужик, прощаясь с другом своим и кормильцем, когда отводил ее на конюшню новостройки...

Хотя он продолжал работать на той же работе и на той же лошади, но самочувствие его совсем изменилось. Он стал угрюмым и озлобленным.

— Теперь я не хозяин, а батрак, — говорил он...

Поселок единоличников

Колхозник из Болотного пробрался на заработки на Дальний Восток, на какое-то строительство.

Увидел, что земля там кругом пустует, людей нет.

Привез туда семью. С некоторыми другими семьями поселились колхозники-отходники в глуши, маленьким поселочком. Каждая семья заняла для себя отдельный участок земли. Стали землю обрабатывать, рыбу ловить. Зажили отрубниками-единоличниками. Радовались и недоумевали: «Неужели от чертова пекла, от колхоза, избавились?! .»

Но через год розыскала их местная власть.

— Тут жить нельзя:это пограничная полоса . . .

Прогнали этих поселян за 200 километров, в глубь страны.

Перевелись. Хижины опять построили. Опять за земельку принялись.

А через год власть опять их прогнала: там военные объекты начали строить . . . Власть указала, чтобы эти люди переселились еще на 200 километров, в тайгу. И, кроме того, потребовала:

— Никаких единоличных хозяйств в Советском Союзе больше не может быть. Поселок должен быть колхозом. Видать, вы от колхоза крутитесь . . .

— Плюнули мы с досады на всю эту чертовщину: нигде жить не дают, дьяволы! — рассказывал колхозник. — И домой вернулись, в свое село . . . К начальству пришлось идти на поклон, с подарочком. Ну, тогда, вестимо, председатель колхозным бригадиром назначил.

Домашний батрак колхозников

В селе встретил я «раскулаченного» крестьянина, Ивана Федоровича, которого за антиколхозную пропаганду большевики в тюрьму отправили. Он отсидел в тюрьме год и вернулся в свою деревню.

— В колхоз я не пошел: это хуже окопов, — говорил этот старый солдат. — А в карпатских окопах я несколько лет промучился во время Германской войны, знаю их хорошо. «Ах, Карпаты, вы ,Карпаты, будут помнить вас солдаты! . . » — так воздыхала солдатская песня. Довольно мне одних Карпат: других не хочу . . . А сыновья мои (четырех орлов вырастил!) после раскулачивания вступили в колхоз. На-

чальники с ножем к горлу приступили: или в колхоз — или в лагерь, в Сибирь!.. И старуха моя с ними. Потом, когда тут объявили набор на переселение, они уехали в украинский колхоз, в Харьковскую область. Пишут теперь, что жизнь там не так плоха,как тут, зовут к себе. Но я не хочу и туда ехать: совестно в чужое, разоренное гнездо залезать...

Задумался старик. Потом встрепенулся:

— А другие залезают. И не туда еще залезают...

И он рассказал любопытный случай. В тюрьме он встретил своего бывшего офицера: тот был начальником тюрьмы. Это был офицер-помещик, под начальством которого Иван Федорович в качестве унтер-офицера долго отбывал свою окопную страду на Карпатах, во время Русско-Германской войны. Бывший офицер откровенно рассказал Ивану Федоровичу о своей судьбе.

После большевистского переворота офицер многократно сидел в тюрьме, и над ним, по его выражению, «постоянно витала угроза смерти: от расстрела и голода...» Спасти свою жизнь и избавиться от этой угрозы он решил так: раздобыл необходимые документы, переехал в другую область, вступил в партию и получил должность начальника тюрьмы... Теперь над ним не витал уже страх смерти. Но... теперь совесть стала сильно тревожить сердце. «Положение мое пиковое», — так говорил этот бывший офицер царской армии. — «Как может себя чувствовать русский патриот на службе у предателей родины?!. Как должен себя чувствовать честный человек на службе у разбойников?!. Каково положение офицера-помещика, который стал коммунистом и держит в тюрьме ни в чем неповинных мужичков, противников колхозного разбоя?!.»

Ивану Федоровичу этот офицер помог. Он взял его на легкую работу в тюремную канцелярию. Помогал ему продуктами и одеждой. Ходатайствовал о досрочном освобождении из тюрьмы и добился этого.

Но по поводу партийного билета и должности большевистского тюремщика у своего бывшего офицера Иван Федорович укоризненно качал головой и недоуменно пожимал плечами...

— Ну, а как живешь теперь, чем промышляешь, старина? — спросил я.

— Да живу помаленьку, со дня на день. В колхоз я и после тюрьмы не пошел. Председатель ко мне с этим больше не пристает: по

возрасту я уже не трудообязанный. Но хату мою колхозное начальство мне не отдает, хотя она, забитая, стоит и пустует... Вот и кочую я теперь по чужим дворам... У одного колхозника поживу недельку, у другого — недельку. За это время сделаю своему домохозяину что могу: огород вскопаю или прополю... изгородь поставлю... двор поправлю... крышу починю... за детишками присмотрю... корове травы нарву... Ведь колхозники времени для своих работ не имеют. Ну, и покормят меня за это, кто чем может...

— А в последнее время я кротами стал промышлять, — заулыбался старик. — Какие-то агенты из города объявили тут, что за каждую кротовую шкурку будут платить по одному рублю. По собственному патенту смастерил я кротоловки. И теперь ставлю их и ловлю кротов. За каждую шкурку получаю рубль и справку о сдаче их государству. А когда покажешь справку, за полученный рубль продают мне в городе из государственного магазина целый килограмм хлеба. Вот и зажил я теперь так, что колхозники завидовать стали. — «Ты у нас вроде как бы опчественным батраком служишь, Иван Федорович, — говорят. — А живется тебе лучше, чем нам, твоим хозяевам. Начальства над тобою нет, а хлеб ты от кротов себе промышляешь. Супом же тебя наши бабы кормят...

— Жаль только одного, — сказал старик на прощанье, — что ружьишка у меня нет. Зайцев теперь развелось видимо-невидимо! Никогда раньше их столько не было. Раньше на них охотились, а теперь... «друзья народа» все ружья у народа отобрали... А жаль: ведь я был первоклассным охотником. За зиму несколько десятков зайцев домой приносил. Целая бочка зайчатины в амбаре стояла. Если бы я имел теперь хоть какое-нибудь ружьишко, я не только сам имел бы вдоволь мяса, но кормил бы всю деревню зайчатиной. Кабы мне только ружьишко!..

Старик по-солдатски козырнул, круто повернулся и пошел на луг, к своим кротовым ловушкам.

5. БЕГСТВО ИЗ КОЛХОЗА

(Отходники и переселенцы)

После коллективизации мне пришлось встречать многих орловских колхозников, которые, спасаясь от голода, бежали из своих родных колхозов: в другие области на переселение или в города на заработки.

I. Переселенцы

После проведения коллективизации некоторые деревни на Украине и на Кубани оказались совершенно опустошенными. Население их было целиком сослано или сбежало. Тогда советское правительство пригласило колхозников из малоземельных колхозов России и Белоруссии переселяться в эти пустые деревни.

Некоторые орловские колхозники, спасаясь от голода в своих колхозах, поехали на переселение. Они ожидали, что там будет лучше.

На Украине

Я встречал таких переселенцев. Один приехал в гости к родным, в родное село Болотное. Большая семья этого переселенца, бывшего раскулаченного, обосновалась на Украине, в колхозе Харьковской области.

— На Украине живется лучше, чем в орловских краях, — рассказывал он. — На трудодень в нашем харьковском колхозе, например, выдали по два килограмма пшеницы. Хлеба хватает. И не черный хлеб, а белый, пшеничный. Других продуктов не хватает, ну, а хлеба едим вдоволь. А кроме того, при каждой хате в той деревне, где мы поселились, садик есть. Усадьба колхозников занимает один гектар,

а не 1/4 гектара, как на Орловщине. Но вот беда: уж очень недружелюбно украинцы из соседних колхозов относятся к нам, переселенцам. — Вишь, — говорят, — «наследники» выискались. Наших людей советская власть в Сибирь сослала, а сюда голодранцев-москалей нагнала . . .

— Не любят нас, переселенцев, расправой грозят. Вот что плохо . . .

На Кубани

Встретил я также знакомую колхозницу, которая вернулась с переселения обратно в свою деревню. Из орловского колхоза она со своей семьей переселилась на Кубань.

— Земли там, — рассказывала, — в колхозе было много. Пшеницы на трудодни тоже хватало. Но воды на этом колхозном поселке совсем не было: ни колодца, ни ручейка — все степь да степь. Ближайший колодец был в 10 километрах от поселка. Лошадей в колхозе было мало. Воду привозили только колхозному начальнику. А всем остальным колхозникам приходилось собирать и часто использовать для питья горькую дождевую воду. Из-за воды было плохо. А еще — тоска доконала: по своим краям, по родным и знакомым людям . . .

Не выдержала этого крестьянка и вернулась с детьми домой, в свой орловский колхоз.

А другая семья, которая переселилась вместе с ней и жила на том же кубанском поселке, не вернулась. Та семья, раскулаченная, осталась жить там. У нее воспоминания о своей деревне были очень скорбные,и ее не так сильно тянуло на родину . . . Раскулаченные на второй родине прижились.

II. ОТХОДНИКИ

Мимолетные встречи

В 1935 году карточная система продовольственного снабжения в городах была отменена, и деньги вновь получили значение. Тогда в город хлынула большая волна колхозников-отходников, которые оставляли свою семью в колхозе, а сами уходили на временные заработки в город. Уехать с семьей они не могли: в городах жилищ не было; или из колхоза их с семьей не отпускали.

После 1935 года мне приходилось часто и во многих местах встречать знакомых отходников.

***

На вокзале большого города. Встретились два колхозника из одной деревни. Один уже работает в городе, другой только приехал. В отрепьях, с сундучком.

— Ну, что там в колхозе нового? Я уже два года там не был. Хлеб есть?

— Нету, брат, хлеба. Если был бы хлеб, кой чорт погнал бы меня сюда: таскаться, работу искать...

— Ну, пойдем со мной: на нашей новостройке работа найдется...

***

На станционном рабочем поселке. Стройка рабочих домиков. Окликает плотник, сидящий на стропилах крыши. Оказывается, знакомый колхозник из орловской деревни: был хуторянин-столыпинец, теперь — колхозник--отходник...

***

На улицах столицы встретился знакомый отходник, в специальной рабочей одежде Метростроя: работает на шахте при строительстве метро.

***

Знакомые рассказывали о колхозе, о своей работе, о судьбе некоторых земляков-отходников.

Где умереть легче?..

Об одной девушке из колхоза сообщили жуткую историю.

Из деревни она уехала на поиски работы. Хотела заработать себе на пропитание и помочь матери и сестренкам в колхозе. Работы подходящей не находилось, денег не было. Поэтому девушка вынуждена была согласиться на первую подвернувшуюся работу. Поступила на шахтные работы при строительстве подземной железной дороги в столице.

Очень тяжелая подземная работа в шахтах, частые обвалы, гибель многих рабочих, — все это так напугало деревенскую девушку, что она решила вернуться назад, в колхоз. Теперь ей стало казаться, что легче умереть на колхозном поле от голода, чем погибнуть в шахтах, под обвалом . . .

Но с работы ее не отпускали. Она уехала домой самовольно. Дирекция шахты послала по месту жительства девушки бумагу, в которой просила местную милицию арестовать колхозницу, как «дезертира социалистического труда», и вернуть ее на работу. Милиционер арестовал девушку, привел ее в районный город и посадил на ночь в арестную комнату, предполагая на следующий день отправить ее поездом, под конвоем, к месту работы.

Утром, отомкнув арестную комнату, милиционер остолбенел от удивления: перед ним висел труп «дезертира социалистического труда» . . .

Так бедная девушка на свой лад разрешила жуткую проблему, где колхознице умереть легче . . .

Квартира и судьба

В Болотном я натолкнулся на другую трагедию отходника.

— Где твой отец? — ничего не подозревая, спросил я у знакомого паренька-колхозника, повстречавшись с ним.

— Отец?! — вздрогнул подросток. — По . . . по . . .весился, — пробормотал он, заикаясь, заволновался, прослезился и ушел домой . . .

Другие колхозники рассказали о судьбе его отца.

Колхозник этот ушел на заработки и устроился работать на строительных работах в Ленинграде. Но угол для ночевки вблизи большого города он найти никак не мог. Он смог найти жилье только в далекой, глухой деревушке: в 100 километрах от города и в шести — от железнодорожной станции. Такая неудобная дорога отнимала у него больше времени, чем работа. На сон у него оставалось так мало времени, что он никогда не мог выспаться.

Из-за этого он однажды проспал и опоздал на работу на полчаса. Его за это судили и, по советскому драконовскому закону об опозданиях, приговорили к тяжелому штрафу: к выплате в пользу государства 25 процентов заработной платы в течение шести месяцев.

Нервный и впечатлительный человек, хороший семьянин, колхозник этот был убит горем: ведь дети его голодают в колхозе, а он теперь не может оказать им никакой, даже малейшей, помощи, в течение полгода! . .

Ночью, вернувшись после суда на квартиру, он повесился . . .

Отец колхозного начальника

В один из праздничных дней ко мне на квартиру в городе заехал знакомый старик, колхозник из Болотного. Оказывается, он давно приехал из колхоза на заработки и устроился на работу неподалеку от моего города. Узнавши мой адрес, он решил заехать: проведать хотел, побеседовать.

Я знал его давно. Будучи малоземельным крестьянином, он еще с юных лет регулярно ходил на отхожие промыслы. На Украине он познакомился с сектой евангельских христиан, вступил в нее. Он не пил водки, не курил, не ругался, вел себя очень тихо и скромно, обходился со всеми ласково, работал и жил честно. В противоположность другим отходникам, которые большую часть своего заработка пропивали, он свои деньги аккуратно присылал жене и кормил свою большую семью хорошо. Во время войны он из-за своих религиозно-моральных убеждений отказался от вооруженной службы и выполнял военно-тыловые

работы. В годы нэпа он купил лошадь и успешно крестьянствовал. В период коллективизации голодал, как и другие колхозники.

Во время беседы старик-сектант рассказал о большом разладе, который произошел в его семье.

Сын его вступил в комсомол и сразу же получил пост председателя местного колхоза. С первых же шагов своей административной деятельсти он пошел по стопам других деревенских коммунистов-начальников: стал воровать колхозные продукты, брать взятки, пьянствовать.

Отец упрекал сына за такое поведение и призывал его к честной жизни, говорил, что за зло непременно последует возмездие. Он напоминал сыну поучительный случай, который произошел с ближайшим их родственником. Этот местный начальник, грабя крестьян, так привык к водке, что без нее жить не мог. Из-за постоянного безудержного пьянства потеряв партийный билет и службу, он уехал на заработки и там весь свой заработок пропивал в первые дни после получки, а потом приставал к каждому: «Поднеси стаканчик!» .. Окончательно опустившимся пропойцей он доживал свои жалкие дни, валяясь у шахтерских землянок Донбасса ...

— Смотри, сын, ежели ты будешь воровать, обижать людей и пьянствовать, то тебя постигнет такая же судьба. Накажет Бог, люди, жизнь накажет, — предупреждал отец своего сына ...

Но на юного комсомольца, который после голодных лет дорвался до ветчины и водки и из вчерашнего колхозного раба превратился в колхозного «царька», предупреждения отца совсем не действовали.

— Если я не буду воровать в колхозе, то какой же мне смысл быть руководителем?! . — отвечал сын отцу. — Ведь колхозному председателю полагается начислять за каждый день службы только полтора трудодня. Это значит — 600 граммов на день, кусок хлеба — и ничего больше. При такой оплате нам опять впроголодь жить придется. Но голодать я больше не хочу: надоело! Очень не нравится мне голодать, отец! .. Ежели ты хочешь по своему Евангелию вести честную, но голодную жизнь, то можешь голодать. А я хочу жить по Сталину: «жить лучше, жить веселей ...» Иметь в своем распоряжении колхозные склады с продуктами, фермы со скотом и птицею — и голодать?! Нет, отец, я такой глупости делать не намерен ...

Тогда отец попросил сына-начальника отделиться от отцовской семьи и не позорить больше его дом своим безнравственным, грязным

поведением. Сын женился, построил себе новый дом и отделился от отца.

Теперь юный колхозный начальник в своем доме жил с женою, сыт и пьян. А старик-отец ушел на заработки, чтобы честным тяжелым трудом зарабатывать свой хлеб. Он стал работать землекопом на новостройке. Половину своей заработной платы старик регулярно посылал своей семье: старухе и младшему сыну-подростку.

Некоторые односельчане отца «чудаком» называли за его разлад с сыном-начальником. Другие одобряли.

Прощаясь со стариком, я с уважением пожал его заскорузлую, мозолистую руку.

«Летун»

Один отходник из орловского села посетил меня в городе и рассказал о своих похождениях. В поисках более выгодных условий, он очень часто менял место работы. Таким людям дали прозвище: «летуны». За последние годы этот «летун» поработал уже в местном совхозе, на дорожном строительстве под Москвой, на лесных роботах в Архангельске, у калмыцких рыбаков на Каспийском море. А теперь возвращался из Биробиджана. Там работал он лето в качестве колхозного батрака в Еврейской Автономной области.

— Колхоз в Биробиджане имеет много скота и пастбищ, — рассказывал он. — Государству же колхоз сдает продуктов и скота мало. А больше продает в городе и деньги колхозникам на руки выдает. Местные жители там только колхозными начальниками служат. Все остальные вернулись жить в города: евреи — городские жители, в деревнях жить не любят. Всю рабочую силу, батраков, колхоз нанимает из отходников, которые приезжают на заработки из малоземельных колхозов: из русских областей и Белоруссии. Нанимать рабочую силу, кроме специалистов, колхозам воспрещено. Но за большую взятку любой закон обойти можно, — подмигнул рассказчик...

— Побывал ты в различных местах, посмотрел много. Ну, и где же тебе больше всего понравилось? — спросил я у бывалого человека.

— Хорошо там, где нас нет, — ответил он шуткой... — Теперь везде плохо. Только по разному сапог жмет. У прикаспийских калмыков — рыбы много, но хлеба нет. В Архангельске — холодно. Под

Москвой — с квартирой очень трудно. А в совхозе и в еврейском колхозе — и кормят тощевато и платят скуповато. Впрочем, платят при советской власти везде плохо. А прежде до революции, я гораздо больше зарабатывал на отхожих заработках. Тогда я зарабатывал в месяц 20—30 рублей. И мог на этот заработок сам хорошо есть, одеться и семье посылать самое меньшее 10 рублей ежемесячно. Ежели не пропьешь только... А на эти 10 рублей семья могла купить... 25 пудов хлеба или два пуда сала! А теперь я могу заработать 200 советских рублей в месяц. Но на одну сотню рублей самому впроголодь жить приходится. А за другую сотню семья, в лучшем случае, сможет купить себе... только пуд хлеба и больше ничего. А в иные времена и одного пуда хлеба купить не сможет.

— Ну, а если взятку дать ближайшему начальнику, то можно заработать и больше, — добавил рассказчик. — Когда я работал на строительстве дороги, и работа была сдельная, то я каждое воскресенье угощал дорожного мастера. А он мне выписывал зарплату вдвое больше, чем другим рабочим: не 200 рублей, а 400. Да еще как стахановца везде расхваливал, хотя я больше других и не работал. Я тратил на угощение 100 рублей ежемесячно. А сам получал за это лишних 200 рублей зарплаты. Лишняя сотня в кармане оставалась. Есть смысл угощать начальство! — подмигнул бойкий весельчак.

— А впрочем, без взятки даже из колхоза невозможно вырваться, — закончил летун свой рассказ. — Пойдешь с пустыми руками к председателю просить справку об отпуске из колхоза, чтобы идти на заработки. А он тебя расчехвостит: «Шалишь, брат! Нашему колхозу рабочей силы не хватает. До зарезу нужна!..» И бумажку не даст. А без этой справки милиция не выдаст паспорта, и ни одно советское предприятие на работу не примет. Ну, а ежели председателю хорошую взятку дашь, то и рабочая сила в колхозе найдется, и бумажку получишь. И даже на прощанье «счастливого пути и хороших заработков» колхозный начальник тебе пожелает. Известное дело: без подмазки — далеко не уедешь...

6. ВНЕШНИЙ ОБЛИК КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ

(Дорожные впечатления)

В течении четырех предвоенных лет, в 1937-41 годах, я посещал село Болотное ежегодно. Я внимательно наблюдал и досконально изучал колхозные порядки и жизнь колхозников. В последующих очерках будут изложены результаты этого наблюдения и изучения.

Настороженность и страх колхозников

37-й год.

Полсотни километров от станции до села мы со знакомым колхозником преодолеваем за два дня.

— Таковы теперь колхозные рысаки, — иронизирует подводчик.

Уже первые наблюдения над колхозниками и колхозными деревнями на пути от станции до колхоза о многом говорили.

Колхозники истощены и нищенски одеты.

Любопытна их реакция при виде нового человека. Бывало, когда по деревне проходил или проезжал новый, неизвестный человек, на него отовсюду смотрели лица с открытым любопытством и добродушной уыбкой. Теперь нет улыбок на встречных лицах. Колхозная жизнь настолько тяжела и горька, что она согнала улыбку с лица. Вместо улыбки горькая печаль, вечная озабоченность, застывший испут на лицах. Вместо любопытства в глазах отражается подозрительная настороженность, угрюмая враждебность.

В беседе возница подтвердил это наблюдение и объяснил его. Теперь почти каждый новый городской человек в колхозе это какой-нибудь партийный уполномоченный. А он непременно несет колхозкам какое-нибудь зло, бедствие: то закон о налоге и займе, то приказ о

дополнительной трудовой нагрузке, о новом ограничении, то угрозу драконовским наказанием, то доклад с «разносом», то начинает следствие, которое заканчивается лагерем...

— Как увидишь в деревне какого-либо нового человека, — говорил возница, — так и думаешь: а с ь?.. С какого бока он тебя укусит, пес?! Чем он тебя сейчас ахнет, разбойник?!.

Вот почему всякий новый человек встречает теперь в колхозной деревне такой настороженный, подозрительный, враждебный взгляд, пристально ощупывающий каждого нового человека, как врага и вероятного бедоносителя...

Молчащая деревня

Раньше еще далеко от деревни слышался гомон, в котором смешивались самые разнообразные звуки: лай собак, кудахтанье кур, мычание, блеяние, визжание скота во дворах, крики играющих детей, громкий разговор баб и мужиков, пение девушек.

Теперь в деревнях — тишина... Словно вымерла деревня...

Не лают собаки: их теперь осталось одна-две на деревню. Не кудахчут куры: их теперь в колхозных деревнях очень мало, да и те без подкормки потеряли голос. На дворе колхозника пустота: тощая корова да еле живой поросенок.

Прежде каждая деревенская изба была забита детишками. В каждой семье на Орловщине, например, в доколхозные времена было в среднем 7 душ, из них большинство — дети различного возраста. Они заполняли всю деревенскую улицу.

А теперь? В колхозной деревне детишек осталось очень мало: в среднем два на семью. И те находятся вне дома и вне деревни. Младшие рыщут в поисках травы для своей коровы. А постарше, начиная с двенадцатилетнего возраста, уже находятся на колхозных работах.

Детишек в колхозных деревнях виднеется очень мало. Играют они молча: сидят и копаются в пыли... Молчат и взрослые колхозники. Изредка перебросятся парой тихих слов. Почему?

— У голодного сил нет, чтобы громко разговаривать, — объясняет колхозник-возница. — Да и опаска нужна при каждом слове: теперь за каждое слово погибнуть можно...

Заглохла песня в колхозной деревне: голодным людям не до песни.

Пропал сельский гомон.

Деревня, прежде шумящая и гомонящая, голосистая и певучая, притихла. Теперь она стала иной: голодной и нищей, забитой и полумертвой... И поэтому в колхозных деревнях воцарилась мертвая тишина...

Пустые хаты

Проезжая по колхозным деревням, замечали: почти все окна в колхозных хатах наполовину забиты, тряпками или досками.

— Стекла нигде достать невозможно, — объясняет извозчик.

Под разными предлогами заходили в хаты колхозников.

В хатах темно и пусто...

Темно: окна наполовину забиты.

Пусто: если прежде крестьянская хата была завалена одеждой, посудой, то теперь в хатах нет даже тряпок...

А где нежилые постройки?

В Болотном поразили некоторые очень резкие внешние перемены.

Кроме хат, никаких других построек в селе не осталось: ни сенных сараев, ни овинов и пунь на усадьбах, ни маленьких амбарчиков. Все эти постройки пошли на дрова.

Снесены сараи: нет теперь у колхозников сена. А если колхозник и сумел запасти немного, то держит его близко, во дворе.

В селе нет риг (овинов): колхозники на своих участках не имеют никаких посевов зерновых. Им нечего сушить и молотить.

Снесены пуни на усадьбах: нет теперь у колхозников яровой соломы.

Снесены амбарчики, так как нечего хранить в них. Нет теперь у колхозников ни закромов с зерном, ни упряжи, ни холста, ни сукна, ни овчин, ни праздничной одежды и обуви.

Все эти постройки снесены и использованы на топливо: колхозники испытывают острую нужду в нем.

Даже ракиты, которые прежде были около каждой постройки, тоже повырублены на отопление. Нет теперь у колхозников лошадей — и нет дров...

***

Забитых, пустующих хат в селе стало теперь меньше, по сравнению с 1933 годом. Некоторые переселенцы вернулись. Другие избы отданы под квартиры учителям, агроному и другим служащим.

Джунгли «колуна-татарника», которые в период коллективизации полонили все село, теперь выкорчеваны. Около своих хат колхозники уничтожили их по собственной инициативе. На пустыре колуны были уничтожены тогда, когда там разбили колхозный огород.

7. КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В Болотном до коллективизации было 26 кустарных предприятий и машин. Большая часть их теперь, в колхозе, совершенно ликвидирована.

Была хорошая маслобойка. Теперь колхозники не сеют коноплю для себя, потому что не имеют для этого земли. А конопля с колхозных полей сдается государству вся целиком, без остатка. Поэтому маслобойка ликвидирована в колхозе «за ненадобностью».

Прежде работали в селе три ветряных толчеи. Они толкли волокно от конопли: пеньку и замашки. Из пеньки крестьяне вили веревки, вожжи, а из замашек бабы пряли нити и ткали холст, полотно на рубашки. Теперь у колхозников нет ни пеньки, ни замашек: все это сдается государству. Толочь нечего, и толчеи разрушены.

До коллективизации была в селе мастерская по выделке овчин. Работала также волнобойка, которая перебивала волну и подготовляла ее к прядению. Теперь в колхозе нет мастерской по выделке овчин. А волнобойка, бездействуя, валяется в заброшенном сарае. В этих кустарных предприятиях колхозники не нуждаются. У колхозников нет овец (нет сена, нечем кормить их). Следовательно, нет ни овчин, ни волны.

Прежде в селе работала крупорушка. Она очищала гречиху и снабжала крестьян гречневой крупой для каши. Теперь крупорушка превращена в колхозную овчарню. В колхозе крупорушка лишняя: нет теперь у колхозников ни крупы, ни каши.

До коллективизации работали в селе три ветряных мельницы. Теперь осталась только одна. Да и та работает с неполной нагрузкой. Так резко уменьшился перемол зерна в колхозе.

После коллективизации мельница была объявлена колхозной собственностью. Мельник работает на ней в качестве колхозника за трудодни. Он мелет муку для колхоза и колхозного начальства бесплатно, а для колхозников — за деньги.

Работает мельница плохо. Мельник, работая за тощие трудодни, в хорошей работе не заинтересован. Председатель колхоза заинтересован только в деньгах: деньги за помол он забирает «на колхозные нужды»... Но что крыша худая, мельница разрушается — это его не интересует.

В селе работает кузница. Кузница теперь работает только для колхоза. Но колхозников она совсем не обслуживает. «Частные заказы» от них кузница не принимает: начальство воспрещает.

Личные потребности колхозников и частная деятельность ремесленников кажутся большевистким руководителям делом настолько «антикоммунистическим» («невыкорчеванные пережитки капитализма в экономике и сознании людей»!), что кузнецам запрещено принимать от колхозников «частные заказы» даже на дому, в послеурочное время.

— Если возьмешь от колхозницы какой-нибудь заказ на дом — лопату или кочергу сделать, ведро, кружку или миску починить, — рассказывал колхозный кузнец, — то прячешься с этим заказом от начальства где-нибудь на дворе, в уголке. Прячешься с работой, словно с дурной болезнью или с украденной вещью... Боже упаси: проведают — упекут!..

Кустарные предприятия в колхозе работают плохо. Из-за ничтожной оплаты мастера совсем не заинтересованы в работе. Колхозный кузнец с поселка рассказывал:

— Прежде кузнец легко зарабатывал золотой рубль в день. На этот заработок можно было свою семью содержать недурно. За рубль можно было купить два пуда ржаной муки (32 кг). А теперь мне, как мастеру-специалисту, в колхозе за каждый рабочий день начисляют полтора трудодня. Значит, 600 граммов ржи. Денежной оплаты в колхозе нет никакой. Я подсчитал, что мой «заработок» в колхозе в 67 раз меньше, чем в дореволюционной деревне... Теперь даже хлеба для самого себя не заработаешь... А семья?.. А другие продукты?! А одежда, обувь и всякие прочие нужды?! На все эти нужды ничего не заработаешь. Ну, и работаешь соответственно, абы как... «По плате и работа»...

***

Некоторые кустарные предприятия в колхозе, по сравнению с прошлым, даже расширены. Но пользы от этого для колхозников никакой нет.

Так, например, прежде была в селе маленькая «цигельня», мастерская по выделке кирпича. В ней работал только один старик: делал кирпичи и высушивал их на солнышке. Но эта маленькая мастерская удовлетворяла все нужды крестьян в кирпиче-сырце: из сырца делали печи. А обожженный кирпич крестьяне привозили с кирпичного завода.

Теперь в селе силами колхозников построен маленький завод, который начал изготовлять обожженный кирпич.

Но колхозников это не радует. Они строили завод,теперь работают на нем, а кирпич приготовляется не для них. Весь кирпич с завода предназначается исключительно «на нужды колхоза»: на постройку колхозной канцелярии, для колхозных скотоводческих ферм. А на личные нужды колхозников, даже на ремонт печки, председатель колхоза не отпускает ни одного кирпича. Не предполагается этого делать и в последующие годы.

Так печально обстоит дело с кустарными предприятиями в колхозе. Одни преприятия ликвидированы «за ненадобностью». Другие остались, но работают исключительно «на нужды колхоза», совершенно игнорируя все личные нужды колхозников.

***

В деревне единоличников зимой каждая изба представляла собой домашнюю кустарную мастерскую.

Крестьяне зимой плели лапти, чинили валенки, вили веревки, чинили упряжь и телеги, делали сани, мастерили разные забавы для детей: салазки, скамейки для катания, деревянные коньки и лыжи.

Крестьянки зимой пряли нити из замашек и волны; ткали на ручных станах холст, мешковину, сукно; шили для семьи белье, мешки, чинили одежду.

А кроме того, зимой в крестьянских избах работали бродячие ремесленники: шили одежду, чинили посуду, валяли валенки, делали новую упряжь.

Теперь же нет у колхозников никаких материалов для всех этих перечисленных кустарных работ: ни пеньки, ни лык, ни замашек, ни волны, ни овчин, ни кожи. Поэтому не работают теперь ни прялки, ни ткацкие станы. Они валяются на чердаках и гниют...

Не ходят по колхозным селам и бродячие ремесленники. Советская власть прикрепила каждого труженика или к колхозу, или к фабрике, или к промысловой артели.

И поэтому нет теперь у колхозников ни самотканного белья, ни самодельной обуви и одежды.

А советские государственные фабрики выпускают на рынок одежду и обувь в таком мизерном количестве и по такой дорой цене, что для колхозников фабричная обувь и одежда стали недоступны.

Поэтому колхозники вынуждены теперь ходить в отрепьях, одеваться, как нищие.

8. «КОЛХОЗНЫЕ ЦАРЬКИ» . . .

Кандидаты на «хлебные должности»

Коммунистов в колхозах мало. В Болотном живут два-три партийца да три-четыре комсомольца.

Всякому обладателю партийного и комсомольского билета в колхозе автоматически обеспечена «хлебная должность», как выражаются колхозники.

Сын сектанта, вступив в комсомол, сразу же был назначен председателем колхоза, хотя ему было только 18 лет и он не имел никакого опыта в сельском хозяйстве. А бывший председатель колхоза, пожилой человек, честный труженик, опытный землероб, избранный на свой пост колхозным собранием, — был тут же снят со своего поста райисполкомом, вопреки воле колхозников и даже безо всякой мотивировки. «Пришить уклон» или какое-либо преступление ему не смогли. А записывать действительные причины увольнения не хотели: он был беспартийный, следовательно, политически не надежен; колхозного добра сам не воровал, районному начальству колхозных продуктов не возил и «красных обозов»» не организовывал.

Вступила в партию колхозница, «задрипанная Матрешка», как ее называют в деревне, и сразу же получила пост: была назначена заведующей молочной фермой колхоза. А прежде она была самой плохой хозяйкой в селе: ни у кого не было такой тощей и занавоженной коровы, как у нее. Свои служебные обязанности она не может выполнять из-за неграмотности: только с трудом научилась подписывать свою фамилию на ведомости. Вести же учет молока, кормов, отчетность по ферме она совсем не умела. Но даже неграмотность ее служебной карьере не помешала. Все канцелярские дела за нее выполняла одна

доярка, грамотная девушка-колхозница, которой была специально поручена эта работа. Был бы партийный билет, а деловые качества для партийного руководителя не обязательны: дело будет взвалено на плечи беспартийных «технических исполнителей».

Но, несмотря на то, что партийно-комсомольский билет — это гарантия «хлебной должности», мало колхозников стремится к получению этой гарантии. Слишком враждебна, смертельно ненавистна крестьянам, труженикам-собственникам, колхозная антикрестьянская политика большевистской партии эксплуататоров и экспроприаторов, или на крестьянском языке: «паразитов» и «грабителей».

Эта политика предъявляет к колхозным коммунистам такие требования, которые далеко не каждый человек может выполнить: отбирать у голодных колхозников последний кусок хлеба; постоянно подгонять голодных и истощенных людей на даровой работе, на барщине; да еще доносить по поводу каждого слова недовольства, которое вырвется у измученного человека.

В ответ на такую «деятельность» колхозные коммунисты должны принимать соответствующие реакции колхозной массы. Они должны непрерывно принимать от колхозников и ощущать на себе психические токи высокого напряжения: токи жгучей ненависти. Должны чувствовать на себе колючие взгляды, полные вражды и угрюмой опаски. Коммунисты должны постоянно наблюдать сердитые, злобные движения людей, вынужденных повиноваться и беситься молча. Должны слушать, не только от мужчин, но и от женщин, злую матерщину, ругань, внешне как будто беспредметную, но на самом деле почти всегда направленную именно против колхозного начальства и колхозных «порядков».

Простые русские люди, крестьяне, в массе своей — люди чувствительные и добрые. Такими они остались и теперь. Из-за этих своих качеств редкий из них может стать теперь коммунистом, даже при условии, что бич голода подгоняет колхозников к «продовольственной карточке»: не каждый обладает каменным сердцем, железными нервами и бегемотовой кожей.

В коммунистическую организацию теперь идут только такие «кандидаты на хлебные должности», которые из-за полной кормушки способны задушить всех и «перегрызть горло» каждому.

Из колхозных деревенских коммунистов могли удержаться в пар-

тии только те, которые имели эти качества или сумели их приобрести, будучи поставлены перед альтернативой: или активное участие в разбое коллективизации и сохранение билета и полной кормушки — или отказ от этого участия, исключение из партии, лагерь, голод; в лучшем случае — рабское и полуголодное положение рядового колхозника.

Во время коллективизации много коммунистов в районе было исключено из партии за «правый уклон», за «гнилой либерализм», за «мягкотелость». Для проведения драконовской колхозной политики они оказались «неподходящими».

Немало коммунистов должны были при коллективизации держать очень тяжелый морально-психологический экзамен. Партиец-милиционер сельсовета Болотное должен был раскулачивать своих односельчан, в том числе и своего отца. Другой коммунист из этого села, служивший в городе, по приказу своей партийной организации, приезжал на свой поселок для личного активного участия в коллективизации. Он, вместе с другими партийцами и комсомольцами, забирал лошадей у поселян и отводил их в село, на колхозную конюшню: никто из жителей поселка не соглашался выполнить акт самоубийства или убийства соседа — отвести лошадей и отдать их в колхоз. Партиец с поселка «экзамен на колхозный разбой» выдержал и вернулся на место службы с характеристикой «преданного большевика сталинской закалки». А через некоторое время получил от матери коротенькое уведомление: «Отец погиб в колхозе с голоду. От лошадиного корма помер...»

Некоторые коммунисты крестьянского происхождения, вынужденные участвовать в «разбое коллективизации», были надломлены в морально-психическом отношении. Одни из них окончательно спились, превратились в горьких пьяниц. Другие постарались уехать как можно дальше от родных мест и порвали всякие связи со своими родными, чувствуя свою глубокую вину перед ними и острую непримиримую вражду родных к ним.

При нэпе среди деревенских коммунистов, кроме шкурников, были еще идейные и честные люди. Одни надеялись, что партия постепенно перейдет от диктатуры к демократии. Другие, особенно комсомольцы, мечтали о добровольном переводе крестьян в «социалистический рай». Третьи хотели служить народу в качестве добросовестных, культурных специалистов-чиновников.

Но, начиная с периода коллективизации, когда каждый шаг большевистского правительства стал смертельно враждебным крестьянству, народу, — в колхозных организациях идейных и честных партийцев, которые считались бы с интересами народа, больше не осталось.

***

До какой степени безыдейности дошла партия, может проиллюстрировать такой факт, произошедший в начале советско-финской войны в одном районе Курской области. Партийцы рассказали об этом своим женам, те — кумушкам, и так этот факт стал известен всем.

В самом начале войны Советского Союза против Финляндии в этом районе, так же как и во всех других, была собрана районная конференция членов и кандидатов партии. На конференции было оглашено письмо Центрального Комитета Коммунистической партии с призывом ко всем коммунистам: записываться добровольцами в Красную Армию, на финский фронт, для того, чтобы усилиями Коммунистической партии победить «фашистскую Финляндию» и превратить ее в «народную республику», т. е. присоединить к Советскому Союзу.

На этой конференции присутствовали все члены и кандидаты района, около 500 человек. На призыв ЦК, который секретарь райкома партии огласил и обращал к каждому партийцу поименно, не откликнулся никто. Разжиревшие «кабаны» ссылались на «слабое здоровье»; беспутные развратники — на необходимость «опекать семью»; «революционеры», не расстававшиеся с оружием и воевавшие с голодными колхозниками и беззащитными бабами, мотивировали свой отказ тем, что они «в армии вообще не служили и потому не уверены в своих военных способностях», и т. д. и т. п. В конце заседания выступил один коммунист и заявил, что, хотя у него большая семья, но он вступает в армию добровольцем, так как ему стало«стыдно за свою партийную организацию». Но и после того подражателей не нашлось...

До такого морального и идейно-политического уровня дошли колхозные коммунисты: до уровня корытной компании, у которой ни грана политической идейности, ни капельки элементарной честности, даже по отношению к своей партии и своей власти, не осталось.

***

Колхозники и местные интеллигенты рассказывали о жизни и деятельности некоторых из этих коммунистов, колхозных руководителей, которые в период коллективизации выдержали экзамен на звание «преданных большевиков сталинской закалки» и теперь делали «колхозную погоду» в Болотном и в районе.

В доколхозной деревне крестьяне называли сельских коммунистов иронически: «товарищами-комиссарами», ругательно: «пьяницами-босяками», «товарищами из Брянского леса» («волками»).

В период коллективизации их ругали «Соловьями-Разбойниками». Теперь колхозники иронически называют их «господами-товарищами», «новыми помещиками», «колхозными князьками», «царьками», а ругательно именуют: «драконами», «людоморами» . . .

«Голова колхоза»

В последние годы председателем колхоза в Болотном был коммунист из соседней деревни, из другого колхоза, «босяк-пьяница». Райисполком назначил его без ведома колхозников, безо всякого, даже вынужденно-формального, согласия с их стороны. После того, как бывший председатель, комсомолец, был взят в армию, в село пришел с бумажкой от райисполкома новый председатель, сел в канцелярии правления и начал «править» колхозом . . .

По установившейся уже традиции, новый начальник прежде всего занялся организацией самоснабжения. Сразу же после вступления на свой пост он заполнил весь чуланчик при своей квартире бочками со свининой, сундуками с яйцами, мешками с крупой, пшеничной мукой. Целый шкаф заставил бутылками с водкой.

Безо взятки этот пьяница ничего не делал для колхозников, даже пустяковой бумажки не выдавал.

— К нашему начальнику без пол-литра водки не подходи, — говорили о нем колхозники.

Обирая людей, обворовывая колхоз, новый председатель еще издевался над голодными людьми:

— Довольно кулачью шиковать! . . Теперь вы на пище святого Антония посидите. А я буду есть так, как вам и на Пасху не приходилось . . .

Не подражая прежним начальникам, которые эту свою «деятельность» старались скрывать, новый начальник воровал колхозные продукты совершенно открыто. Он брал все из колхозных складов и ферм, словно из своих собственных амбаров.

Наблюдая такое бесцеремонное воровство, голодные колхозники возмутились и однажды на колхозном собрании заявили районному уполномоченному:

— Вот вы, дорогой товарищ, все пугаете нас строжайшими наказаниями за воровство «священной социалистической собственности». И действительно: многие колхозники уже сидят немало лет в лагерях за колоски и картошку. А вы нам скажите, разрешается ли воровать колхозное добро начальнику?

— Что за вопрос?! Никому не разрешается!

— А ежели он все ж таки ворует?

— Он будет снят с поста и отдан под суд.

— Ну, так снимайте с поста и отдавайте под суд нашего председателя колхоза. Мы все видим, как он ворует колхозные продукты и скот . . .

Уполномоченный с важным видом записал жалобу колхозников в свой блокнот. А потом люди наблюдали, как он пьянствовал с председателем почти всю ночь и рано утром выехал в город на подводе, запряженной парой лошадей и тяжело нагруженной. После этого жалоба колхозников была «забыта» . . .

Назойливые крестьяне повторили свою жалобу другому уполномоченному из района.

Тот не стал повторять комедию своего коллеги. Он накричал на них, чтобы «всякие там подкулачники больше не разводили злостной демагогии против большевистского руководства в колхозе! . . »

Для всех стало ясно, что председатель воровал колхозные продукты не только для себя . . .

А сельский «князек», получив твердую поддежку со стороны районного руководства, стал мстить колхозникам, которые осмелились жаловаться на него и публично обвинять его в воровстве.

Норму поставки пеньки государству колхоз выполнил. Остатки должно было раздать колхозникам. Но «голова колхоза» этого не делает. Остаток пеньки гибнет на конопляном поле, около деревни, а колхозникам чуни сплести не из чего . . .

Начальник не снабжает работников даже соломой. Она гниет в поле, а у колхозников коровы голодают, крыши худые и на дворе непролазная грязь. Солома выдается не всем колхозникам, а по выбору начальника и по его усмотрению ...

Колхозники догадываются, в чем тут дело. Начальник-вор хочет спровоцировать колхозников на воровство, чтобы предъявить им обвинение в расхищении «социалистической собственности», а самых неприятных ему колхозников — отправить в лагерь.

Председатель безо взятки не дает своим колхозникам лошадь, чтобы привезти зимой дров из далекого леса, и они вынуждены мерзнуть. Но он заставляет этих мерзнущих работников из Болотного возить на колхозных лошадях дрова для его родственников и собутыльников, которые живут в другой деревне и принадлежат к другому колхозу.

На работу этот начальник-самодур выгоняет колхозников, несмотря ни на какие обстоятельства.

Так, зимой он выгонял женщин-колхозниц в лес. Они должны были выкапывать дрова из-под глубокого снежного заноса, накладывать толстые бревна на сани, везти за 20 километров на спиртоводочный завод и там складывать их в штабеля. Вспотели бессильные бабы на этой тяжелой работе, простудились на холоде и заболели. А две из них сразу же умерли ...

Таков этот маленький начальник, но большой самодур. Он любит величать себя «головой колхоза». Колхозники дали ему прозвище: «колхозный царек».

А по поводу его претензии на звание «колхозного головы», бабы многозначительно перемигиваются и говорят:

— Ну ж, и «голова»! Хуже всякого инного места! ..

«Блюститель советской законности»

Участковый милиционер в Болотном происходит из того же села. Он сын богатого крестьянина, который «вышел в люди» и дослужился до офицерского чина. С детства презирая крестьянский труд, как труд тяжелый и грязный, сын страстно мечтал о том, чтобы тоже «выйти в люди». Но первая попытка его на этом пути была неудачна: он по-

ступил учиться в гимназию, но вскоре был исключен оттуда за воровство.

После большевистского переворота этот неудачник понял, что освободиться от тяжелой крестьянской работы и «выйти в люди» теперь можно гораздо более легким путем, с помощью партийного билета. Вступив в партию, он сразу же поступил на службу в качестве милиционера. Он сосредоточил главное свое внимание на разоблачении «антисоветских разговорчиков». Создавал соответствующие политические «дела» и, держа крестьян под постоянной угрозой и шантажируя, добивался от них беспрерывных «угощений», с целью «задабривания».

— Как я захочу, так и пойдет дело, которое я веду. Я могу его совсем замять, а могу и сварганить из него дельце, от которого небу станет жарко! — часто бахвалился он перед колхозниками...

Один колхозник рассказывал, как было «замято» его дело. Отбывши наказание в лагере за какой-то пустяк, он вернулся домой, «прихватив» с собой казенное одеяло из лагеря. Милиционер встретил его на дороге, обыскал, нашел в сумке одеяло, спрятал в свой рюкзак и сказал колхознику:

— Благодари Бога, что одеяло это новенькое: оно мне самому нужно... А ежели бы оно было старое, то я немедленно составил бы протокольчик, приложил бы к нему одеяло, как вещественное доказательство, и тебя отправили бы опять в лагерь — лет на пять, прямым сообщением, без пересадки...

Дела о воровстве, после получения соответствующей «мзды», милиционер, по своему обыкновению, «заминал». Или даже непосредственно помогал ворам.

Колхозники рассказали о таком случае. По рекомендации милиционера, кооперативное правление назначило вороватого местного жителя сторожем сельского магазина. Мужички говорили: «Доверили козлу капусту»... Их опасения скоро оправдались. Однажды в кооператив был доставлен сахар для продажи колхозникам. Вечером сторож долго совещался в своей хате с милиционером. А на второй день была объявлена новость: «Воры выломали окно, залезли в кооператив и украли весь сахар. А сторож был пьяный и проспал...»

Милиционер заявил, что сторож должен возместить убыток кооперативу, уплатить стоимость сахара. И тогда он «замнет» дело. Сторож тайно распродал украденный сахар (сахар был такой редкостью в колхозах, что сторож распродавал сахар не по государственной цене, а

втридорога!), возместил стоимость сахара кооперативу, а «прибыль» поделил с милиционером...

— С постоянными ворами, с ворами-специалистами, наш «мильтон» в ладу, он вместе с ними дела обделывает, — говорили колхозники.

Но зато дела о мелких кражах в колхозе, о кармане колосков или корзине картошки с колхозного поля, в том случае, когда провинившийся не имел средств на взятку, чтобы «заткнуть мильтонову ненасытную глотку», — милиционер раздувал и доводил колхозников до лагеря.

Людей, которые оказывали непослушание и сопротивление произволу местных властей, милиционер смертельно ненавидел и презрительно именовал их «больно грамотными».

У одной крестьянки был отобран весь хлеб до последнего зерна. Она с горя хотела повеситься. Когда об этом факте узнал студент, приехавший к родственникам на каникулы, он отправил телеграфную жалобу на имя «советского президента» Калинина, в Москву. Оттуда было прислано распоряжение: вернуть хлеб. Приказ был выполнен немедленно. Но милиционер, «блюститель законности», доведший женщину до петли, был так озлоблен «вмешательством какого-то беспартийного студентишки в правительственные дела», что после этого случая стал приставать к родственникам студента с грозным допросом:

— Скоро ли ваш больно грамотный студент уберется отсюда?..

— А разве он кому-либо мешает? — спрашивали те.

— Очень даже, — разволновался грозный начальник, — он вмешивается не в свои дела. Бросает палки в наши колеса. Срывает правительственные мероприятия по хлебозаготовкам. А главное — он совершенно подрывает всякий авторитет местных органов власти. Ежели он скоро не уберется отсюда, то я сумею сварганить дельце и на него, хотя он и того... больно грамотный...

Однажды этот милиционер перевелся было на службу в город. Но вскоре вернулся назад, в колхоз:

— Там люди больно грамотные... Мне в колхозе лучше.

При арестах за колоски и картошку, при вооруженных изъятиях имущества, колхозники нередко пытались обращаться к совести милиционера. А тот важно и невозмутимо на это отвечал:

— За жалованье я должен служить начальству. И совесть мне ни к чему... Мне приказ важен: прикажут расстрелять — и я расстре-

ляю всякого, и глазом не моргну!.. Потому, было бы вам известно: я блюститель советской законности и большевистского порядка!..

«Вождь районного масштаба»

Типичным «героем колхозного времени» является председатель местного райисполкома, «вождь районного масштаба», как он любит себя называть.

Он происходит из крестьянской семьи, из одной деревни соседнего района.

Как инвалид (у него с детства была искалечена рука), он не мог заниматься крестьянским трудом и все свои устремления направил на поиски службы. Многие его земляки стали интеллигентами: после революции из его деревни вышло около десятка учителей. В годы нэпа путь для ученья был широко открыт: образование на всех ступенях было бесплатное; для студентов рабочих факультетов, техникумов, институтов выдавалась стипендия. Но этот путь был труден: стипендия была полуголодной, а интенсивные учебные занятия были нелегки. Поэтому практичный сельский паренек выбрал для себя другой, более легкий, путь — партийно-административную карьеру. Вступив в комсомол, он поступил на службу секретарем сельсовета в своем селе. А потом, получив партийный билет, он стал упорно двигаться со ступеньки на ступеньку по служебной лестнице: стал председателем сельсовета, потом секретарем райисполкома и, наконец, занял пост председателя райисполкома в том районе, куда входит Болотное.

Люди, близко знавшие его, рассказывали о культурном облике этого районного начальника. Кроме газет, он ничего не читал. Разницу между «свиноводством» и «свинством» он никак не мог усвоить и поэтому в своих докладах постоянно путал эти термины. Даже ветхозаветных вождей марксизма он не мог правильно назвать и именовал их по-своему: «Марс и Енглис». Лузганье семячек было его любимым развлечением и в авто и в служебном кабинете.

Но практически он был очень сметлив и по характеру вьюнообразен. Он личным опытом нащупал методы жизнеустройства в советском государстве. Наверное, самостоятельно он открыл большевистскую «механику карьеризма», с ее тремя Архимедовыми рычагами, посредством которых он и совершал свой подъем по служебной лестнице:

во-первых, истинно собачья преданность партийному начальству и «бдительность» к его противникам; во-вторых, чрезмерная служебная исполнительность; в-третьих, ловкое взяточничество.

Каждого уполномоченного, партийного начальника, он встречал с подобострастием. Сначала хорошенько угощал. А потом, на собраниях, обмасливал его приторной лестью: «дорогой товарищ», «наш уважаемый руководитель», «ответственный работник районного масштаба». Доклад каждого начальника он характеризовал, как «историческую речь», а его указания, как «партийные директивы, подлежащие неукоснительному выполнению на все 100 процентов».

Ни в какие «уклоны» он никогда не впадал, так как всегда придерживался мудрого правила: «не должно сметь свое суждение иметь». А «генеральную линию партии» понимал всегда правильно, то есть как линию «партийных генералов», начальников...

По отношению к «уклонистам» и «антисоветским элементам» он рьяно проявлял «большевистскую бдительность», т. е. немало людей выдал на расправу...

Взяточничеством он занимался систематически, с самого начала своей административной деятельности, когда еще работал в сельсовете. Кустари, его земляки, рассказывали, как он вымогал с них взятки при проведении налоговых кампаний. Но делал он это очень умело: во-первых, очень скрытно, а, во-вторых, не только брал взятки, но и сам давал их, своему начальству. Из-за этого малограмотный сельсоветчик был «замечен» в глухой деревне и переведен на видный пост в город.

А теперь, на посту районного руководителя, при колхозной системе, он придал этому делу взяточничества широчайшие масштабы и строгую плановость. Назначение работников, возглавляющих самые «хлебные должности», он никому не доверяет. Он непосредственно сам назначает колхозных председателей и кладовщиков в районе, складских и торговых работников в городе. На все эти должности он назначает «своих», «верных людей», прямо обязывая их при этом назначении к регулярному выполнению «первой заповеди»: «приноси и привози!..»

Один из его «верных людей» в пьяном виде разоткровенничался и рассказал, как он получал назначение от этого начальника. Вызвал его председатель райисполкома в свой кабинет, закрыл дверь на ключ и сказал:

— Вот что, друг любезный, я тебя знаю: ты хоть и беспартийный, а жулик тоже хороший... Я тебя назначу на хлебную должность, заведующим складом. А ты должен разуметь, что и к чему... Ты матерый волк по этим делам и сам должен понимать. Жалованье мое маленькое, всего 800 рублей в месяц. Что на них купишь при этой дороговизне?! А расходов уйма: своя семья очень большая, у брата тоже не малая, да еще коханку завел. А все это аграмадных расходов требует. Ведь я коханке и костюмы, и пальто, и туфли купил. И велосипед, и часы, и патефон, и радио достал. А сколько платьев подарил — и не пересчитать! Так ты, дорогой мой, того... я тебе — сытную должность, а ты мне — из твоего склада все, что мне требуется... Регулярно и без дальнейших напоминаний! Ты сам бери... себя ты, конечно, не забудешь... Но и начальства твоего не забывай. О нем прежде всего памятуй. Иначе сразу же по шапке получишь!.. Но чтоб все эти дела были шиты-крыты... Мою квартиру ты знаешь. На следующей неделе ожидаю визита. Понял?..

А «районному вождю» все нужно: и деньги и «натуральные поставки всех видов», как он шутливо говорил своим «верным людям». Даже из больничного склада он требовал: и хорошие кровати, и постельные принадлежности, и спирт, и рис, и сахар.

Других районных руководителей председатель райисполкома «прикрепляет для кормления» к определенным колхозам и совхозам. Таким образом, он организовал «круговую поруку», наладил «партийное кумовство», как говорят колхозники. Он устранил трения и столкновения, которые возникали у районных бюрократов, когда они бесплановo толкались вокруг «районной кормушки». А себе он создал прочную опору среди районных руководителей.

Благодаря этой хитрой тактике взяточничества и верноподданичества, этот некультурный человек с низшим образованием успешно проделал свою карьеру от секретаря сельсовета до председателя райисполкома и устойчиво держался на этом высоком посту уже много лет.

Он завоевал себе известность среди областного начальства. Высшему начальству он угождает главным образом своим сверхусердием в налоговых делах. Да и «подарить» колхозную корову, свинью или бидон меда никогда не забывает...

От председателей колхозов и сельсоветов он настойчиво требует:

— Делайте всегда так, как я делал, когда работал в сельсовете. Все налоги, займы, всякие поставки советскому государству выполняйте, во-первых, с превышением нормы, т. е. выше, чем на 100%, а во-вторых, досрочно. Так должны работать настоящие большевики сталинской закалки!..

Выполнив огромные поставки и налоги, голодные колхозники бывают вынуждены везти в районный центр изрядное количество хлеба еще дополнительно, в виде «красных обозов».

Если по отношению к начальству «районный вождь» ведет себя очень угодливо, то по отношению к колхозникам он проявляет себя настоящим тираном, действуя по правилу: «Жми до отказа! Колхозник все вынесет»...

Председателям колхозов он дал строжайший наказ: выгонять колхозников на работу не только в будни, но и по воскресеньям.

— В колхозе работа всегда найдется, — говорит он.

В одной деревне он собрал в канцелярии колхозников, которые имели от врача справки об освобождении от работы по состоянию здоровья, порвал врачебные документы, бросил клочки их по ветру и заявил:

— Видали, как полетели ваши бумажки?.. Завтра же, к восходу солнца вы должны быть в поле, на колхозной работе! Иначе я прикажу милиционеру арестовать вас и отправить в тюрьму: там мы вас подлечим!.. Вишь, господа какие, разнежились: болеть вздумали!..

Жестокая помещица, госпожа Скотинина, возмущалась: «Как она смеет болеть, крепостная девка?!» Новый, большевистский, крепостник, товарищ Скотинин, придерживается тех же благородных убеждений: крепостные колхозники болеть не смеют...

«Районный царек» любит разъезжать на автомобиле по своей колхозной вотчине, в сообществе своей толстой нарядной красотки, и пировать у своих подвластных колхозных начальников. Подъезжая к деревне, он приказывает шоферу гнать автомашину с предельной скоростью и при этом орет на людей во все горло:

— Берегись!..

Колхозники понимают незатейливые чувства, обуревающие «районного вождя». И сопровождают промчавшийся автомобиль ядовитыми замечаниями:

— Сразу из грязи да попал в князи. Вот и куражится...

— Раздайся грязь: навоз ползет! . .

— Но как ни старается наш районный царек, а все же из хама не выходит пана . . .

Колхозники жалуются на своего районного начальника:

— Весь район разорил! . . Уж так зажал, так зажал, аж все пищат! . .

Многие колхозники так ненавидят своего начальника, что не называют его по отчеству, а только по имени, зная, что это страшно бесит «районного вождя». А между собой крестьяне именуют его только прозвищем: «Храпон (Ферапонт) Сухорукий» или «Храпун Хапутин районного масштаба» . . .

Но областное начальство расценивает его иначе. За систематическое перевыполнение планов по сбору налогов, займов и поставок государсударству руководимый им райисполком неоднократно получал переходящее красное знамя по области. Другими словами, «районный вождь», по оценке областного начальства, является одним из лучших районных руководителей в области.

Однажды грянул гром над головой «районного вождя»: в областной газете появилась статья с резкой критикой его деятельности. Оказывается, в район из центра случайно заехал литератор, наслушался от колхозников жалоб и, поддавшись этим впечатлениям, разразился в областной газете бичующим фельетоном.

Литератору не поздоровилось после этого. Он был обвинен в том, что «легкомысленно попался на удочку антисоветских враждебных элементов» и написал свой фельетон « не в духе социалистического реализма, а в духе гнилого буржуазного объективизма»,

Но для «районного вождя» статья не принесла никакого ущерба. Руководители советско-партийных органов активно его поддержали. За него вступились его партийные коллеги, для которых он организовал хорошую «кормушку» в районе. В защиту одного из лучших в области, краснознаменного сборщика налогов выступил облисполком.

Наконец, в защиту «верного, испытанного большевика», во всеоружии своего высокого звания «члена правительства», выступил местный Депутат Верховного Совета. А «член правительства» прекрасно знал «верного большевика», так как он совмещал звание Депутата Верховного Совета с обязанностями «личного друга» районного вождя . . .

Председатель райисполкома устроил для свой «коханки» головокружительную карьеру. Сначала он специальным решением райисполкома объявил эту ленивую колхозную комсомолку «лучшей стахановкой колхозных полей в районе» и стал осыпать ее, как из рога изобилия, премиями. Потом представил эту плохую бригадиршу к ордену. Наконец, во время кампании выборов, через райком и обком он провел ее депутатом в Верховный Совет . . .

А теперь этот свежеиспеченный орденоносный «член правительства» отплатил своему «личному другу» и покровителю услугой за услугу, отведя нависшую тучу и выручив из нагрянувшей беды. Давно известно, что «рука руку моет» . . .

9. СКОТ И ЛЮДИ В КОЛХОЗЕ . . .

Встреча на колодезной тропинке

Однажды в селе я шел по тропинке к колодцу. Встретился с двумя колхозными лошадьми, которые возвращались на конюшню после водопоя. Лошади шли прямо на меня и не сворачивали при встрече. Пришлось свернуть и уступить им дорогу.

Я стал наблюдать другие случаи при аналогичной ситуации. И замечал всегда одно и то же: при встрече людей с колхозными коровами и лошадьми, дорогу всегда уступали люди, а не животные. Колхозный скот стал совсем «невежливым» . . .

Мне объяснили это явление так: колхозные животные ходят теперь, по обыкновению, большими группами и поэтому при встрече не уступают дороги человеку.

Это, конечно, правильно. Но такая причина недостаточна для объяснения этого явления. Ведь даже отдельные колхозные животные не уступают дороги человеку. И наоборот. Прежде, в единоличной деревне, даже целое стадо животных при встрече с человеком уступало дорогу: расступалось перед ним, пропуская человека.

Откуда произошло это различие в поведении животных в колхозе?

Прежде, в деревне единоличников, была глубочайшая разница между скотом и человеком: крестьянин был хозяином скота, а скот был собственностью и слугой крестьянина.

Теперь, в колхозе, эти взаимоотношения коренным образом изменились. Скот расценивается начальством как главное достояние колхоза. Но колхозники это уже не хозяева социализированного скота, а только обслуживающий персонал при нем. Это положение аналогично тому, которое создавалось прежде у батрака с хозяйским скотом у плохого хозяина, который свой скот ставил выше, чем батрака.

Этот новый жизненный уклад в колхозе невольно и бессознательно отражается на самочувствии и поведении людей и животных и на их взаимоотношениях.

Прежде крестьянин-хозяин никогда не мог поставить себя на одну плоскость со скотом, его собственностью. Он чувствовал свое несравнимое и неизмеримое превосходство над своим скотом, условия жизни которого и самая жизнь зависели исключительно от хозяина. Поэтому крестьянин-собственник воспитывал свой скот еще сызмальства, ежедневно — и наказанием и поощрением — в духе безусловного повиновения и постоянной уступчивости перед человеком. В частности, скот приучали к тому, чтобы он входил в дверь или ворота только тогда, когда ему человек это разрешал, и чтобы животные всегда уступали дорогу человеку, сворачивая в сторону. И это признание превосходства человека, уступчивость перед ним вошли у скота в плоть и кровь, стали привычкою.

А теперь, в колхозе, скот к этому никем не приучается. Наоборот, колхозные порядки приучают и скот и людей к противоположному взаимоотношению. Теперь колхозник совсем не чувствует своего превосходства над скотом. Напротив, он повседневно видит и чувствует привилегии скота в колхозе и поэтому вынужден во всем уступать скоту.

Евангельская притча и колхозная действительность

Евангельская притча о блудном сыне поведала нам историю о том, как батрак богатого хозяина, живя в чужой стране, завидовал скоту, за которым он ухаживал: хозяин кормил свой скот лучше, чем батрака.

Теперь эта притча стала самым обыденным явлением в колхозной деревне.

Посмотрел я колхозных свиней и поросят в Болотном: они были средней упитанности. А некоторых свиней откармливали на ветчину начальству: те были жирные. Свинарки же, которые ухаживали за свиньями, были тощие, худые, изможденные . . .

Свиней на колхозной ферме кормят неплохо. Им дают картофель, свеклу, жито, муку, а поросятам — молоко с молочной фермы. А

сами свинарки картофеля имеют не всегда достаточно, хлеба же часто совсем не видят...

Колхозные поросята пьют «снятое» молоко. А детишки многих свинарок даже «снятого» молока не имеют: коровы нет или она яловая...

Колхозные коровы также выглядят более упитанными, чем доярки...

Пахари завидуют колхозным лошадям, которые в рабочую пору в своем «меню» имеют муку и овес: у хлеборобов нет ни хлеба, ни овсянки...

Да, это парадоксальное явление сразу бросается в глаза в социалистической деревне: колхозную скотину там кормят лучше, чем людей. У колхозного начальства есть строгие и точные инструкции о хорошей кормежке скота. О необходимости же хотя бы сносного питания для колхозников никаких «директив из центра» никогда не было...

Чем это вызывается?

Наглядную и ощутимую пользу от скота колхозное начальство на каждом шагу чувствует: оно повседневно кушает мясо, сало, яйца, сметану. Чувствует, одевая шерстяную фуфайку и кожаную куртку, теплую шубу и валенки. Чувствует эту пользу, когда разъезжает на колхозных лошадях.

А непосредственной пользы от колхозника для себя колхозное начальство не замечает. Колхозника оно не жрет: костист, проклятый, и потом воняет!.. Ни сметаны, ни яиц от него начальство не ожидает. Шкуры на тужурку от колхозника не получишь: ни одной не осталось, все семь содраны... Ездить на колхознике можно было бы, но... на лошади все же удобней и спокойней: она сильнее, быстрее и не так норовиста,как озлобленный колхозник...

Коммунистическому начальству колхозник представляется только примитивным сельскохозяйственным орудием, которое устарело,доживает последние годы и скоро должно быть заменено в крупном социалистическом земледелии трактором, комбайном, механизированным роботом. Для самого же колхозного начальства это совершенно бесполезное существо: никакой пользы от него нет, за исключением тех случаев, когда у него вынудишь взятку...

Того же обстоятельства, что весь колхозный скот, так высоко оцениваемый со стороны начальства, людьми выращивается, что социалистическое животноводство на людях держится, — советское на-

чальство не замечает. Подобно крыловской «героине», не умея поднять рыло чуть повыше корыта, оно связи между «дубом» и «желудями» не видит и не разумеет... Басни Крылова теперь из школьных хрестоматий изъяты и мудрости житейской не учат: они проникнуты «чуждым духом»...

Скотоморы и людоморы...

Колхозный скот кормили на фермах сносно. Помещения для него построены тоже недурные: конюшни и хлева — солидные, утеплены, соломы для скота настлано много. А во дворах колхозников грязно, и ветер через плетни свищет: соломы нет...

Помещения для молодняка на колхозных скотоводческих фермах зимою даже отапливаются: колхозным телятам и поросятам тепло. А дети колхозников в своих хатах зимой мерзнут: дров нет...

Теперь, когда колхоз Болотное владеет кирпичным заводом, председатель планирует построить новый свинарник, кирпичный. Но за целое десятилетие колхозной жизни в селе не построено ни одной новой избы... Никто даже не смог отремонтировать свою старую хату: леса купить не на что, привезти не на чем. Многие хаты сгнили и разваливаются. Соломенные крыши прогнили и протекают: начальство даже соломы для ремонта крыш колхозникам не отпускает...

Когда заболевает скот на колхозной ферме, то к нему немедленно привозят ветеринара. Но когда в селе не было больницы, к заболевшему колхознику врача никогда не привозили. И колхозной лошади не давали, чтобы родные могли отвезти больного в лечебницу. Останется больной жив — пусть продолжает тянуть колхозную лямку, а умрет — черт с ним: работа его будет взвалена на других, безо всякого ущерба для колхозного бюджета... Сочувствия к людям никакого нет, а ответственности за человеческую жизнь начальство ни перед кем не несет.

За гибель скота на ферме колхозных работников отдавали под суд и строго наказывали: «за халатность», «за вредительство», как «врагов народа», — в лагери ссылали.

Но за смерть колхозников от голода, холода, истощения,— а по словам местных врачей, именно от этих причин, главным образом, заболевают и умирают колхозники, — ни у кого из начальников-

людоморов даже волос с головы не упал: ни в колхозе, ни в районе, ни области, ни во всем советском государстве...

Скотоморы — это «псы-вредители», «враги народа», а людоморы — это... «друзья народа»...

Такой оригинальный подход к людям и скоту вдохновлялся личным примером «отца народов» и директивами вождя коммунистического государства.

Когда руководители днепропетровских колхозов доложили Сталину, что они провели электричество в колхозные свинарники, и что колхозные свиньи чувствуют себя под «лампочкой Ильича» великолепно, — то он очень похвалил их за это. Но спросить сельских начальников о жизни и самочувствии колхозников «родной отец»... забыл... А потом, когда журналисты посетили эти прославленные колхозы, то оказалось, что электричество проведено там только на свинофермы, но в хаты колхозников оно не проведено... Такой пример «сталинской заботы о человеке» вызывает подражание у всех других советских начальников...

Директивы вождя действовали в том же плане. Подводя итоги коллективизации, вождь большевистского государства с неудовольствием отметил, что в этот период в Советском Союзе погибло очень много скота. Но о гибели многих миллионов колхозников от голода он дипломатично умолчал... Иначе какое же впечатление мог бы произвести этот доклад: ведь голодня смерть миллионов людей не вяжется с декламацией о «счастливой, зажиточной колхозной жизни». Если при «добровольной коллективизации» миллионы людей сосланы на каторгу и миллионы уморены голодом, то какое же историческое прозвище надлежало бы дать вождю «колхозной революции»: Отец Народов» — или Генеральный Соловей-Разбойник? ..

В своем докладе на партийном съезде в 1934 году вождь партии дал большевикам строжайшую директиву: во что бы то ни стало увеличить поголовье колхозного скота, ибо животноводство стало главной политической проблемой советского государства. В последующие годы деревенские коммунисты, сами роскоществуя, приложили все усилия к тому, чтобы колхозники «забыли вкус мяса» и, голодая, беспрерывно выращивали бы колхозные стада...

На каждом собрании и в каждом отчете советские начальники стали хвалиться достижениями в этой области.

— Колхозное свиноводство в нашем районе находится на крутом подъеме, — говорили одни.

— Свинство в колхозах расцветает пышным цветом, — безграмотно, но поэтически, декламировали другие ...

Докладчики были правы. Колхозное стадо действительно увеличивалось, а колхозники вымирали ... Свинство в колхозах расцветало пышным цветом, а человечность гибла ...

«Песнь торжествующей свиньи» ...

Эти парадоксы колхозной жизни закономерны. Это непосредственный результат большевистской «заботы о человеке».

Корытная психология крыловской «героини под дубом» порождает людоморно-колхозную политику коммунистических «Соловьев-Разбойников».

Колхозно-людоморная политика вызывает кладбищенские результаты в селе и сносное положение на скотоводческой ферме.

А на этом колхозно-кладбищенском фоне пышно расцветает свинство, неустанно раздается «песнь торжествующей свиньи» ... На колколхозной ферме блаженно чавкают и хрюкают свиньи. В колхозном селе чавкает и хрюкает, пьянствует и похабничает орава новых, колхозных, господ Скотининых, справлющих нескончаемый «пир во время чумы» ...

Вымаривая голодом колхозников, не имеющих достаточно хлеба и забывших вкус мяса, пирующие господа Скотинины восклицают:

— Нет на свете краше птицы, чем свиная колбаса! .. (Хрущев).

Этот пир богов справляется в «социалистическом раю» повсеместно: «от Москвы до самых до окраин». Советским царям и князькам вольготно, весело живется в СССР ...

Уморив голодом десятки миллионов людей и справляя бесконечный пир во время чумы, цари-людоморы провозгласили любопытные идеи.

Голодным, вымирающим массам советская печать настойчиво рекомендовала и рекомендует:

— Презирайте смерть! ..

А для себя цари-людоморы провозгласили другие лозунги:

— Мы живем в век коммунизма! (Каганович).

— Жить стало лучше, жить стало веселей! .. (Сталин)

— Хочется жить и жить! (Киров)

10. КОЛХОЗНАЯ БАРЩИНА

Трактористы и погоняльщики

Ранняя весна. У околицы села стоят два трактора. Около них возятся два тракториста. Подходит группа сельских начальников: председатель и счетовод колхоза, председатель и секретарь сельсовета.

Колхозные начальники предлагают трактористам немедленно выезжать в поле и начинать пахоту. Трактористы возражают, доказывая, что пахать еще рано: земля очень сырая, почва глинистая и тракторы не смогут работать, завязнут.

Начальники настаивают на своем и вынуждают трактористов выехать в поле. Те приглашают с собой начальников: убедиться, возможна ли пахота.

Выехавши в поле, трактористы приступают к работе. Но на первой же борозде тракторы застревают в глине и останавливаются.

— Видите, что получается? — обращаются трактористы к колхозным начальникам . . .

— От нас райком партии требует организации сверхраннего сева, — оправдываются те.

Два тракториста и четыре колхозных погоняльщика уходят домой. Завязшие тракторы остаются в поле.

Возвратившись на свою квартиру, трактористы смеются:

— Начальники пойдут сейчас на почту и по телефону отправят райкому рапорт: «Трактористы в нашем колхозе выехали в поле и приступили к пахоте. Подготовка к сверхраннему севу начата. Клянемся, что большевистскую весну организуем по-стахановски! . . »

— Так вот шумят и суетятся каждый год. Запланировали даже весну переделать: в большевистскую превратить. А она не желает, смеется над ними . . . Мобилизуются . . . орут . . . размахивают руками . . . А дело стоит . Недаром колхозники прозвали их: «рукомахи» . . .

Комбайн МТС и «бабушкин комбайн»

Через несколько дней я увидел еще одну машину в поле. У подножья крутого холма валяется опрокинутый комбайн. Со смехом и руганью встречные колхозники рассказали историю этой машины.

В прошлом году МТС прислала в колхоз комбайн. Председатель колхоза заявил комбайнеру:

— Жать поедешь в самый дальний угол нашего поля. Туда надо прежде всего поспешить: иначе соседи-колхозники там все колоски срежут и растащат. Их бригадиры следят только за своим полем. А на чужих полях воровать колоски не воспрещают. «Нам, говорят, до чужого колхоза никакого дела нет» . . .

Приехал комбайнер к указанному полю. И за голову схватился:

— Да ведь комбайн — не горный баран, товарищ председатель: он по горам лазить не умеет . . .

Председатель вспылил:

— А ты заставь его лазить, ежели ты мастер своего дела! На ровной степи всякий осел, товарищ комбайнер, жать может . . . А ты сумей орудовать на наших косогорах. К нашему сожалению, мы не можем перетащить сюда украинские степи . . .

— Еще раз предупреждаю, товарищ председатель, что на косогорах комбайн работать не может: он тут за мое почтение опрокинется . . . На косогорах надо жать серпами, а на ровном поле — комбайном. За результаты вашего приказа я отвечать не могу . . .

— Я за все отвечаю, — заявил председатель. — А ты, дорогой, валяй скорее, а рассуждай поменьше. Это не твоего ума дело. На это есть ответственные товарищи . . .

— Попробуем, товарищ начальник! — козырнул комбайнер.

Поехал по косогору. Комбайн опрокинулся на первом заезде. И закувыркался вниз . . . Комбайнера сильно помяло, а в машине многие части были поломаны.

Приехал начальник МТС. Осмотрел комбайн и заявил:

— Сломанные части комбайна заменить нечем: запасных частей нет. Машина сломана по вине председателя колхоза. Поэтому мы передаем ее в собственность колхозу. А стоимость комбайна будем взимать с колхоза деньгами и натурой в пользу МТС: для покупки новой машины.

Свой рассказ о судьбе комбайна колхозники закончили так:

— Вот это поломанное чучело и валяется тут с прошлого года. А мы, колхозники, отдуваемся за самодурство глупого начальника: за сломанный комбайн долг выплачиваем...

— Ну, а как вы жали рожь? — спросил я.

— Известное дело, как всегда: серпами, или «бабушкиными комбайнами». Так мы их теперь называем, — засмеялись колхозники. — Благо еще с нэповских времен серпы остались. А то за последние десять лет ни одного нового серпа колхоз купить не мог.

— Ну, не только «бабушкиными», — дополнили другие. — Много приходится теперь орудовать и «дедушкиными комбайнами»: косами. Урожай-то в колхозах, известно, сталинский: рожь дует до самого колена... Серпом-то до нее и не достанешь.

«Сенокосная кампания закончена»...

Прохожу по лугу. Весь огромный луг, лучший в селе, покрыт черными кучками прошлогоднего сгнившего сена. Все сено погнило, а сам луг испорчен.

Колхозники рассказали, как это получилось. Чтобы похвалиться перед районным начальством, что «луг уже скошен, сенокосная кампания закончена», председатель колхоза отдал распоряжение: скосить сразу весь этот огромный луг, а уже потом убирать сено. За два погожих дня сплошной косовицы, в которой принимало участие все взрослое население колхоза, луг скосили. А потом наступили дожди, и сено погнило...

— Больше всего наш колхозный «голова» занимается выпивкой, — заключили колхозники свой рассказ о луге. — Но, иногда, получив приказ, схватится за колхозные дела с такой ретивостью, что, Боже упаси!.. Усердие проявит не по разуму: усердие — неукротимое, а разумом Бог обидел... И вот результат: уничтожил горы сена за неделю, испортил луг на несколько лет...

Никогда такого случая в деревне единоличников не было. И быть не могло. Прежде крестьяне ранним утром косили траву, а днем сушили ее и спешили убрать сено. Даже в самое дождливое лето сено никогда не гнило: его собирали, увозили домой и сушили в сараях под крышей.

Сбор бригады

Раннее летнее утро. Еще темно.

Бригадир-комсомолец подходит к избе каждого члена своей бригады, сильно стучит палкой по раме окна и кричит во весь голос:

— На ра-бо-ту!!!

Дребезжат окна. В хатах встают угрюмые колхозники. И сердито ворчат:

— Проклятая каторга!..

***

Собирается колхозная бригада у околицы села. Если одна колхозница запаздывает, ее ждут все. Нередко та или другая баба изрядно запаздывает при выходе на работу. Но без нее бригада на работу не двинется. Старая пословица — «семеро одного не ждут» — в колхозе не действительна.

Бригадир встречает запоздавших руганью и угрожающе размахивает палкой. Эта палка — символ его власти и постоянное оружие, подобно тому, как револьвер у председателя колхоза и сельсовета.

Но запоздавшие не остаются в долгу и «огрызаются»:

— Твоей бабе хорошо: «толстая лепеха» дома осталась. Ты ее к хорошему делу пристроил: она дома сидит, трактористам обед со свининой варит. Потом пожрет с ними хорошо да на свой огород отправится. А я дома больного ребенка одного оставила. Сама на колхозную работу идти должна... А что она мне дает, эта проклятая, каторжная работа?!.

— Ах, так ты про-ти-во-кол-хоз-ну-ю агитацию ведешь?!. Ха-ра-шо!.. Придется доложить председателю, — угрожающе шипит бригадир.

Колхозница прикусывает язык, умолкает. Она хорошо знает, чем это «пахнет»: лагерь пострашнее бригадировой палки...

Когда вся бригада, наконец, в сборе, бригадир ведет ее в поле, на работу.

Колхозницы плетутся нехотя, голодные, угрюмые... За ними, с палкой на плече, выступает сердитый бригадир...

«Оправляться ходила»...

Осенний день. Бабы копают картофель на колхозном поле. Бригадир сидит на куче картофельной ботвы: наблюдает за бригадой, покрикивает.

Копают бабы колхозный картофель, а у самих беспокойные мысли в голове бродят: «... из этой колхозной картошки нам ничего не останется... Скоро ударят морозы. А свой картофель на усадьбе не убран: нет времени... Померзнет на усадьбе картошка — помирай семья с голоду»...

Бригадиру скучно: он зевает, дремлет. Потом встал, спустился в лощину, растянулся на пиджаке и блаженно захрапел...

Одна колхозница, усадьба которой находится поблизости от картофельного поля, подмигнула своим товаркам, показывая на бригадира:

— Подольше тебе, дьяволу, поспать-похрапеть...

На четвереньках она поползла по картофельным бороздам к своей усадьбе. Стоя на коленях, быстро стала копать лопатой картофель на своем участке. «Вечером, думает, после колхозной работы, приду, подберу свою картошку и отнесу ее домой».

Работает колхозница украдкой на своей усадьбе, а сама тревожно посматривает на лощину: не проснулся ли погоняльщик?.. Но тот всхрапнул изрядно.

Через два-три часа, увидя проснувшегося бригадира, баба лукаво присела на корточки, а потом поспешила к колхозному полю... Бригадир, размахивая палкой, кричит бабе:

— Чего шатаешься по полю, как круговая овца?!.

Колхозница отвечает в тон ему:

— Оправляться ходила, то-ва-риш-ш-ш- бригадир!..

Девичье сердце и неумолимый председатель...

Девушки-колхозницы вернулись с поля, как только солнышко спустилось за холмом. Поужинали.

Сегодня суббота.

На улицу вышли парни-односельчане. Они работают в городе. В

воскресенье имеют день отдыха и по субботам иногда приходят домой. Зовут девушек.

Собрались на улице девушки-колхозницы с парнями. Хоть изредка молодежи побалясничать в своем кругу хочется, почувствовать биение онемевшего сердца в груди...

Но нагрянул неумолимый начальник колхоза и грозно заорал:

— Марш по домам! Спать надо: завтра к восходу солнца все в поле должны быть! Тут райком партии приказал: «Прополочную кампанию закончить стахановскими темпами!» А они телячьими нежностями в рабочую пору вздумали заниматься... Завтра, того и гляди, на работу опоздают и государственный план важнейшей политической кампании сорвут! А мне за вас отвечать?!. Вы знаете, как нам райком голову намыливает?!. А потому: марш по домам — спать надо!..

Заворчали девушки:

— Что же это такое?!. Уж и вечером, после работы, посидеть с ребятами нельзя?!.

Они встали, глубоко обиженные, и поплелись домой...

Вслед уходящему председателю раздалась неистовая матерщина парней. Некоторые юноши предостерегающе унимали своих расходившихся товарищей:

— Придержите язык за зубами. А то «голова» обозлится и следующей раз не отпустит на заработки...

«Голову открутим...»

Бригадир доложил председателю, что один колхозник в воскресенье на колхозную работу не вышел, а весь день работал на своем огороде.

— Мы ему голову открутим за это! — закричал колхозный «царек». — Как гусаку!..

И выразительным жестом он проиллюстрировал эту угрозу.

Эта эффектная операция так привычна для него: не один гусь и не одна курица в деревне пострадали от этого специалиста по откручиванию голов, когда он был еще небольшим пареньком...

Хозяева колхоза

За десятилетний период в колхозе Болотное сменилось много председателей. Почти все они были партийцами или комсомольцами. Управлять государственным имением партия разрешает только коммунистам. Беспартийным же она этого дела не доверяет.

Назначение колхозных председателей происходит в райкоме, иногда оформляется потом в райисполкоме. Через колхозные собрания эти назначения проводятся, хотя бы формально, очень редко. Райком председателя почитает совершенно обходить эту «лишнюю инстанцию»...

Коммунисты-назначенцы плохо руководят колхозами. До своего назначения на колхозный пост опыта работы в сельском хозяйстве они не имели: происходят они, обычно, или из деревенских бедняков, у которых хозяйство было плохое, или из городских жителей. Поэтому они являются прежде всего работниками несведущими, неумелыми.

Личной материльной заинтересованности в налаживании колхозного производства у руководителей тоже мало. Прежде доход хозяина-собственника зависел исключительно от урожайности полей и продуктивности скота в хозяйстве, т. е. от прилежной и умелой работы сельского хозяина. «Что стопаешь, то слопаешь», — так определяла это крестьянская пословица.

Но доход колхозного управляющего зависит от других причин. «Не возьмешь — помрешь», «Бери смелей — жить будет веселей!» — так откровенно говорят колхозные руководили об этом основном источнике своих доходов. На свою заработную плату — полтора трудодня за один день службы, или, конкретно, для села Болотное, 600 граммов ржи в день, — председатель колхоза с семьей жить никак не может. Он может жить только теми продуктами, которые забирает в колхозе. Сам он определяет это свое действие термином «берет», а колхозники говорят: «ворует»...

Размер этого «основного дохода» в бюджете председателя не зависит от экономического состояния колхоза. Один председатель может ограничиться скромным «доходом» даже из богатого колхоза. А другой безшабашно расхищает колхозное имущество и ведет роскошный образ жизни в самом бедном хозяйстве. Размеры этого дохода зависят не от экономического состояния колхоза, а от стяжательских аппетитов и мошеннической ловкости председателя.

Служебные интересы колхозного председателя тоже не направляют его внимания на хозяйственное благополучие колхоза и работников. Служба и судьба председателя зависят от районного начальства. Оно назначило его на «хлебную должность» и во всякое время и по любому поводу может лишить его этой должности.

Но районное начальство прежде всего и больше всего интересуется двумя делами: колхозными (и совхозными) продуктами лично для себя, во-первых; выполнением налогов и поставок для государства, во-вторых. А это тоже не стоит ни в какой связи с материальным благополучием колхоза. Ограбляя государственное имение и колхозников, услужливый председатель бедного колхоза может полностью удовлетворить требования районного начальства. А руководитель богатого имения, в котором колхозники получали бы хорошую оплату за свой труд, — не мог бы долго удержаться на своем посту, если бы он не посылал колхозных продуктов районному начальству или не откликнулся бы на призыв из райкома: после выполнения всех поставок, организовать дополнительно «добровольный красный обоз» с продуктами для государства.

Таким образом, личные интересы колхозного председателя, материальные и служебные, приводят его к тому выводу, что заботиться надо только о себе да о требованиях ближайшего, районного, начальства.

С колхозниками же ему считаться совсем не следует, потому что председатель от них совершенно не зависит. Колхозники — это не хозяева колхоза, а только крепостные его батраки, бесплатная рабочая сила государства, «навечно» закрепленная для эксплуатации за государственным имением, колхозом.

Что касается колхоза, как хозяйственного предприятия, то руководителям приходится считаться с ним, но лишь «постольку-поскольку». Лишь бы не допустить полного развала этого хозяйства до такого состояния, при каком он не сможет выполнять роль, которая на него возложена: «кормушки» для председателя и районного начальства, главного налогоплательщика для государства.

Тощий трудодень

За свою работу колхозники получают... «трудодни». Трудодень это рабочий день с полной нагрузкой, день, за который вышолнена

норма работы. Колхозные бригадиры ежедневно записывают трудодни в трудовую книжку колхозника.

Оплата трудодня устанавливается в конце года. После уборки урожая колхоз прежде всего сдает государству установленные натуральные поставки. Затем расплачивается с МТС за машины. Потом «засыпает» всякие колхозные фонды: семенной ,фуражный (для колхозного скота), резервный, общественной помощи и т. п.

После сдачи всех государственных поставок, отправки «добровольных красных обозов», оплаты МТС, «засыпки» всяких колхозных фондов, незаконных «фондов» для начальства, — учитывается остаток ржи и делится на сумму всех трудодней в колхозе. Так устанавливается оплата трудодня для колхозников.

Остатки эти невелики, и оплата трудодня в колхозах необычайно низкая. В Болотном в разные годы она колебалась от 200 до 400 граммов ржи на трудодень. В райне в качестве «образцового» прославляется один колхоз, в котором выдается 800 граммов на трудодень. Но это специальный, «показательный», колхоз, с которого органы власти берут гораздо меньше поставок. Средняя оплата трудодня в колхозах района не выше полкилограмма ржи.

Для взрослого колхозника, который летом работает на тяжелых сельскохозяйственных работах в среднем по 15 часов в день, требуется съесть килограмм хлеба, т. е. в два-три раза больше того, чем он сам зарабатывает в колхозе. Колхозник не в состоянии заработать себе в рабочую пору одного только хлеба на день...

В селе живет один вдовец, колхозник-одиночка. Работая в колхозе непрерывно, он заработал в 1940 году 200 трудодней и получил за эту работу от колхоза 5 пудов ржи (по 400 граммов на трудодень), т. е. получил хлеба только на полгода. Другую половину года он был вынужден обходиться без хлеба.

Но ведь колхозники-одиночки в деревне очень редки: в Болотном этот случай — единственный.

Рядом с этим колхозником-одиночкою живет вдова-колхозница с тремя малолетними детьми. Она выработала 160 трудодней и получила за них от колхоза 4 пуда ржи. Для ее семьи этого хлеба хватает только на один месяц. А остальные 11 месяцев в году семья должна обходиться без хлеба... Или может использовать хлеб по другому: употреблять кусок хлеба в качестве лакомства только каждое второе воскресенье...

Таков этот тощий колхозный трудодень. Работоспособный колхозник-одиночка может есть заработанный в колхозе хлеб только через день. А колхозница с детьми может допустить эту «роскошь» только по праздникам.

Ничего, кроме хлеба, колхозники на свои трудодни не получают. Колхозный картофель, овес — частью используется на корм колхозному скоту, частью сдается государству. Овощи с колхозного огорода председатель продает на рынке. Мясо, молоко, шерсть, яйца, конопля, гречиха — все это целиком идет государству.

Прежде в деревне высшую степень эксплуатации определяли так: «работа за кусок хлеба». Это значило, что работник получает от хозяина только питание и жилье: выражение «кусок хлеба» в данном случае употреблялось не буквально, а фигурально.

Но колхозный труд не дает работнику даже питания.

Хуже того: колхозный труд не обеспечивает колхозника даже «куском хлеба» в буквальном смысле слова. Чисто символический характер трудодня колхозники разоблачают такой иронической поговоркой:

— За свою работу мы получаем от колхоза... тридцать дней в месяц...

Обильная работа

Колхозники Болотного имеют очень много работы.

Полевых работ они выполняют не меньше, чем прежде, в доколхозном селе.

Но, кроме полевых, крестьяне имеют в колхозе еще много других работ.

За последние годы на пустыре разбит огромный колхозный огород. Колхозники подняли целину лопатами, сделали плетневую изгородь, а теперь они проводят все колхозно-огородные работы с ранней весны до поздней осени.

Посажен большой колхозный сад. Колхозники сделали изгородь, копали ямы, садили деревья. Теперь ухаживают за садом.

Колхозу принадлежит много скота: лошадей, коров, свиней, овец. Есть также и птицеферма. Уход за скотом и птицей производят колхозники, специально поставленные на эту работу: конюхи, пастухи, коровницы-доярки, свинарки, птичницы.

В селе построено очень много помещений: канцелярия колхозного правления, семилетняя школа, больница, баня, кирпичный завод, конюшни, молочная ферма, птицеферма, свинарник, овчарня, огромные амбары — зернохранилища, подвалы — картофелехранилища, овощехранилища, сараи для сена и яровой соломы, склады для машин и сельскохозяйственного инвентаря, сельский магазин и т. д.

Все строительные работы в колхозе — рубка леса, перевозка строительных материалов, обработка дерева, земляные работы, само строительство от начала и до конца — все эти работы колхозники проводили за обычные «трудодни» и наряду с сельскохозяйственными работами.

Из этих примеров видно, как много работы имеют колхозники, как перегружены они работой. Рабочих рук в колхозе нехватает. Немало людей за годы колхозной жизни вымерло, сослано в лагери, сбежало. Многие уходят из колхоза и теперь: в армию, в школы, на заработки.

Кроме того, многие колхозники физическим трудом не занимаются, начиная от председателя и кончая звеньевым. В колхозе около полусотни лиц принадлежат к администрации: председатель, его заместители, члены и служащие правления, заведующие фермами, руководители предприятий, бригадиры, звеньевые и т. п.

В одной только колхозной канцелярии сидит десяток чиновников: председатель колхоза, два заместителя, председатель ревизионной комиссии, секретарь колхозного правления, счетовод, кассир, нарядчик, агроном, буфетчик.

Точно по пословице: «Один с сошкой, а семеро с ложкой». Трудовая нагрузка остальных колхозников от этого еще более увеличивается.

Немудрено, что из-за всех этих обстоятельств колхозники обременены трудом. В селе рьяно осуществляют советские законы о колхозном труде. На работу выгоняют не только взрослых, но и подростков, начиная с 12 лет.

Колхозники летом работают от восхода до захода солнца, т. е. в среднем по 15 часов в день.

Все лето работают и в будни и в праздники, без выходных дней . . .

***

Во время коллективизации, призывая крестьян вступать в колхозы, большевистские агитаторы неустанно твердили: «Вся работа будет выполняться машинами: и пахота, и посев, и косовица, и жатва, и все другие работы. Колхозники будут только управлять машинами, посвистывать да петь веселые песни о вольготной жизни в колхозном раю» . . .

Как же обстоит дело с механизацией сельского хозяйства в колхозе? Облегчен ли машинами труд колхозника?

— Ни капельки! — отвечают колхозники Болотного на этот вопрос. Поломанный комбайн валяется в поле, а рожь колхозники убирают серпами и косами.

Правда, для пахоты каждое лето из МТС приезжают два трактора и производят вспашку колхозных полей, приблизительно до одной трети их. Но две трети колхозных полей колхозники вспахивают конными плугами. А кроме того, пахотная площадь в колхозе увеличилась на одну треть, по сравнению с доколхозным периодом: вместо прежнего трехполья с паровым полем, теперь в колхозе — многополье, и парового поля нет. Таким образом, практически от тракторов колхозники никакого реального облегчения в пахотных работах тоже не получили.

Молотьба хлеба в колхозе производится прежним способом: конными молотилками. Посев, бороньба, прополка, пропашка, косовица, перевозки, — все эти работы производятся в колхозе так же, как и в доколхозном селе — без механизации.

Так от машин колхозники Болотного, действительно, никакого облегчения своего труде не получили.

***

Но зато от уменьшения конской тягловой силы в колхозе труд земледельцев стал гораздо тяжелее, чем раньше.

Конское поголовье в первые годы коллективизации уменьшилось в селе вдвое и с тех пор выше этого уровня не поднялось.

При этих условиях колхозные лошади получают двойную нагрузку в работе. Но и на колхозника, работающего с лошадью, падает такая же двойная нагрузка: если лошадь должна вспахать и заборонить вдвое большую площадь, то и пахарь тоже должен проделать двойную работу.

Это увеличение трудовой нагрузки пахаря и лошади ведет к ухудшению качства работы: однократная вспашка — вместо двукратной, однократная бороньба — вместо многократной, мелкая вспашка и т. д.

Прежний крестьянин превратился в безлошадного колхозника-бобыля. А из колхоза для его личных работ лошади ему не дают, мотивируя отказ тем, что коней в колхозе мало. И колхозники вынуждены теперь, кроме своей, выполнять еще много, как они говорят, «лошадиной работы». Они обрабатывают свою усадьбу с картофелем исключительно ручным способом: лопатой, цапкой. Они выносят навоз на усадьбу корзинами и ведрами. Урожай картофеля с усадьбы тоже приносят: в корзинах и мешках.

Приносят заработанное на трудодни зерно со склада: мешками, на спине. Несут рожь на мельницу и муку с мельницы тем же способом. Приносят солому с поля и даже дровишки из лесу. Отправиться в город по своим делам — что-либо купить или продать — колхозники могут только пешком, единственным, доступным для них способом, который они шутливо называют так:«на собственном единоличном коняке», или: «на персональном авто № 11» . . .

Так работа земледельцев не только не была облегчена механизацией, но стала гораздо тяжелее: из-за недостатка коней в колхозе и безлошадности колхозников.

***

При такой тяжелой работе да жизни впроголодь колхозникам теперь не до песен и посвистывания. «Не до жиру — быть бы живу» . . . Теперь они, стиснув зубы, молчат. Или кряхтят, охают, стонут и злобно ругаются . . . Работают теперь колхозники очень много и тяжело.

Колхозные мученики

Прежде крестьянин-единоличник выполнял все земледельческие работы охотно, с радостью: он наглядно видел плоды своего труда. С веселыми думами выходил он в поле:

«Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал Господь
За труды людям».

Любуясь на золотую ниву, он с умилением восторгался урожаем: «Эка Божья благодать!.. Закрома хлебом наполню».

А теперь? Колхозник выполняет свою работу с озлоблением, потому что она бесполезна для него, как Сизифов труд: на этой работе хлебороб не может заработать себе даже куска хлеба.

Но эта тяжелая, бесполезная для него работа вновь и вновь наваливается на него, словно камень, постоянно скатывающийся с горы на Сизифа. Это происходит в колхозах повсеместно. Наглядный пример этого — Болотное.

Сначала там были только полевые, луговые работы и уход за скотом. Затем прибавились садово-огородные работы. Позже развернулось строительство всевозможных помещений и предприятий в колхозе.

Потом начальство стало нагружать колхозников работой также и зимой. Колхоз берет зимой транспортные подряды на перевозку грузов (дров, картофеля, зерна, строительных материалов и т. д.) для государственных учреждений и предприятий. Наконец, было запланировано строительство новых колхозных помещений — капитальных, кирпичных.

А если сверху будет «спущен» приказ — варить для социалистических свиней специальные обеды, ежедневно купать их в ваннах, услаждать их радиомузыкой — колхозное начальство бездумно и незамедлительно начнет его «провертывать по-большевистски». При монопартийной диктатуре и «колхозных трудоднях» все возможно...

Начальники наваливают на людей работы все больше и больше. Они все больше камней сваливают на колхозного Сизифа, так как владеют безграничной властью и пользуются бесплатным крепостным трудом.

От увеличения работы в колхозе общий фонд заработной платы колхозников не увеличивается. Но оплата трудодня уменьшается: все тот же одинаковый остаток хлеба от государственных поставок делится теперь не на прежнее количество трудодней, а на большее. Стало вдвое больше работы в колхозе, вдвое больше трудодней, — значит

на каждый трудодень выпадает в два раза меньше граммов хлеба. Только и всего. «Проще пареной репы», как говорят колхозники...

Такова новая, колхозная, бухгалтерия. Такова новая, большевистская, теория и практика «расширенного воспроизводства» в социалистическом земледелии.

Из-за такой практики в колхозе пропала цель труда, польза для работника. Труд приобрел характер бесполезной, бессмысленной, абсолютно принудительной работы. Пропала радость труда, осталась только мука.

Колхозная работа превратилась в Сизифов труд. Живые колхозники превратились в легендарных Сизифов.

***

Но во время уборочных работ в колхозе эти муки Сизифова труда достигают крайней степени. Пахать голодному тяжело и мучительно. Но убирать хлеб — это для голодного работника бесконечно тяжело и нестерпимо мучительно: жать, возить рожь — и не иметь хлеба, молотить — и голодать!.. А именно так организовано дело в колхозе.

Во время уборочных работ единоличные крестьяне прежде, до революции, питались очень хорошо: ели сало, мясо, яйца, сметану, коровье масло. А теперь и на уборочных работах колхозник питается только пустыми щами да картошкой, даже без хлеба, без масла, голодает. Прошлогодний хлеб он поел еще зимою. А хлеб из нового урожая правительство воспрещает выдавать колхозникам до тех пор, пока все поставки государству не будут выполнены и все колхозные фонды не будут «засыпаны», т. е. практически до конца календарного года.

Каким большим торжеством в каждой крестьянской семье был прежде «праздник первого снопа»! Первые снопы сжатой ржи, украшенные веселыми ленточками, торжественно привозили домой. Дружно, с песней, их обмолачивали — непременно по-старинному, цепами, — и зерно потом мололи на мельнице. А затем тут же бабы выпекали из этой муки «новый хлеб»: такой свежий, мягкий, пахучий, очень вкусный!

Ребятишки с кусками этого нового хлеба выбегали на улицу и хвастались друг перед другом:

— Мамка уже нового хлеба испекла! Мед, настоящий!.. Не веришь? На, покушай!..

Уборочные работы прежде были праздником для всех крестьян. И у всех было радостное настроение.

Бабы с песней возвращались с жнива. Мужчины, возящие рожь, весело улыбались. Старички дома приветливо их встречали и подбадривали:

— Урожай — слава Богу! Теперь день — год кормит...

А ребятишки больше всех радовались урожаю. Они лакомились зеленым горохом, поджаренными колосками ржи, печеной картошкой. На возах со снопами, сияя от радости, бывало, по крылатому слову Некрасова, каждый «Ванюха в деревню въезжает царем!..»

А теперь, в колхозе?.. Не праздником, и даже не буднем, а сплошной «страстной пятницей» стало в колхозе время уборочных работ.

Евангелие воспрещает при молотьбе завязывать рот волу: в это время пусть досыта наедается работающее животное. Но в колхозах во время уборочных работ завязывают рот людям, голодным работникам. Им в это время совсем не дают хлеба из обмолоченного нового урожая, ни малейшего аванса. Их отправляют в лагерь за горсть съеденных на жниве колосков...

От раннего утра до позднего вечера жать рожь на огромных колхозных нивах, неделями работать над хлебом и среди хлеба во время уборки и молотьбы — и в тоже время... голодать, быть без куска хлеба, не имея даже возможности пожевать горсть зерен!.. Разве это не муки Тантала?!.

Впрочем, нет: это — нечто большее. Вода удалялась от Тантала, как только он, жаждущий, стоя в воде, наклонялся к ней, чтобы напиться. Ветви с фруктами моментально поднимались высоко вверх, лишь только голодный мученик пытался сорвать фрукты, висящие над самой его головой. Но колхозное жито не удаляется от земледельца, когда он, голодный, хочет покушать его на жниве или на молотьбе. Нет, колхозное зерно хлещет колхозника, словно бич со свинцовым наконечником: бьет десятилетней каторгой «за расхищение священной, неприкосновенной, социалистической собственности»...

Так в колхозной деревне хлеб стал врагом хлебороба, а хлебороб — врагом хлеба. Колхозный труд стал врагом работника, а работник — врагом труда. Труд стал подлинным проклятием людей...

Колхозники выполняют тяжелый, но бесполезный для них Сизифов труд. И в то же время они испытывают муки Тантала. Древние мифы о самых жгучих муках людей в преисподней стали живой повседневной явью в «социалистическом раю» ...

Ненавистная работа

Земледельцы расценивают колхозный труд не только как бесполезный, но даже как очень вредный для них.

— Колхозная барщина выматывает у нас все силы, — жалуются они. — Поработаешь долгий летний день — все силы иссякнут. А чем их восстановить, ежели колхозная работа даже куска хлеба не дает?! .

— Но этого мало: эта проклятая каторжная работа отнимает у нас и время. Она не оставляет нам времени для нашей работы, которая нас, хоть и плохо, а все же кормит. Огород дает нам овощи, усадьба — картошку, а коровка наша — молоко. Без этого личного хозяйства мы давно протянули бы ноги. Но это маленькое хозяйство требует много труда и времени. Без работы не будет ни картошки, ни овощей, ни молока. Одно только содержание коровы от нас требует теперь уйму времени. Прежде, в светлые доколхозные времена, наша Буренушка всегда корм имела: зимой — сено и яровая солома, а летом — свободное пастбище. А теперь? Нет у нашей коровы корма, как и у колхозника. Пастбища теперь используются только для коров колхозной фермы, а коровы колхозников пастбища не имеют. Наша корова и летом стоит на дворе и требует корма. На зиму мы тоже должны приготовить корове корма: все сено и всю яровую солому забирает колхоз — для колхозной фермы, а для коров колхозников остается только ржаная солома. Но на одной ржаной соломе корова не выживет, как и колхозник на трудоднях ... Вот тут и подумай: наше маленькое, нищенское хозяйство спасает нас от голодной смерти, но оно требует много времени. А где его взять?..

— Мы много раз просили и колхозное и районное начальство: после того, как колхозник свою дневную норму, трудодень, выполнит, отпускать его домой. Пусть он после колхозного трудодня вечером свою работу делает: на усадьбе, в огороде, во дворе. При таком порядке каждый колхозник стал бы напрягать все свои силы, чтобы поскорее выполнить норму и иметь часок для своей работы . Такой порядок

был бы полезен и нам и колхозу. Но колхозные и советские начальники нас и слушать не хотят. «Ежели, — говорят,— колхозник выработал одну норму, то он должен выполнять вторую норму. Советский закон говорит точно: летом колхозники обязаны работать от восхода до захода солнца, без выходных дней! А закон подписан вождем товарищем Сталиным и руководителем правительства товарищем Молотовым. Мы не можем в этом законе изменить ни одной буквы. Работайте и не ворчите: до вашего огорода и до вашей коровы нашему правительству никакого дела нет! . . »

***

Колхоз за сданные продукты получает от правительства денежную плату. Но плата эта — ничтожная. За килограмм ржи правительство платит колхозу 4 копейки, а продает потом в своих магазинах килограмм печеного хлеба за рубль! За килограмм пшеницы власть платит 6 копеек, а сама продает потом килограмм пшеничного хлеба за 4 рубля!

Деньги, вырученные за продукты, поступают в колхозную кассу: в колхозный фонд, «на нужды колхоза». А колхозникам из них ничего не выдают.

Немудрено, что при такой оплате, при которой работающий не получает за свою работу даже буквально «куска хлеба», у людей нет никакого интереса к этому труду и никакого желания работать в колхозе.

Колхозники стараются вырваться от государственной барщины на другую работу, в которой они материально заинтересованы. Поработать на своем личном огороде, который расположен на усадьбе и обеспечивает колхозникам овощи. Поработать на своей усадьбе, которая снабжает семью картофелем (вся усадьба, включая огород, занимает 0,25 гектара и выделяется на каждый колхозный двор). Нарвать травы для своей коровы, которая кормит молоком. Отнести в город сумочку овощей или несколько литров молока, чтобы на вырученные деньги купить самое необходимое. Люди вообще стремятся уйти из колхоза на лето: в соседний совхоз или на заработки в город.

Но советское правительство обязывает крестьянина, принуждает его к колхозной работе драконовскими законами. По советским зако-

нам каждый взрослый колхозник обязан выработать в колхозе свою годичную норму — 180 трудодней, а каждый подросток от 12 до 16 лет из колхозной семьи — 120 трудодней. За невыполнение этой нормы советские законы устанавливают для «нерадивых колхозников» наказание: тюремное заключение.

Для этой же цели, понуждения к труду, учреждена и многочисленная колхозная администрация. Колхозники метко назвали этих чиновников «погоняльщиками». Так называли прежде, до революции, жестоких и тупых хозяев, которые на лошадях ездили, работали, но погоняли их не овсом, а только кнутом.

Подгоняемые драконовскими законами и многочисленными погоняльщиками, колхозники вынуждены идти на государственную барщину. Но, голодные, истощенные и незаинтересованные, работают там вяло: равнодушно или даже с ненавистью к делу.

На уборочных работах

Прежде, когда крестьяне работали на своих полях, они работали усердно и добросовестно. Они выбирали картофель до-чиста. Они подбирали не только картошки, которые после сохи оказались наружи, но и те, которые были засыпаны землей. Крестьяне разгребали вспаханную борозду руками и находили засыпанную картошку. В земле ничего не оставалось.

А теперь колхозницы собирают картошку на колхозных полях по-иному. Они собирают только ту, которая валяется наружи, а в земле ее не ищут.

Мало того. Нередко броском ноги они засыпают даже и ту, которая лежит наружи. Так противна бабам эта колхозная картошка, которая пойдет на спиртоводочный завод, на «мужицкую отраву», а у колхозниц отрывает время и не дает им возможности выкопать свою картошку, какая спасает их от голодной смерти.

***

Во время жнива на своих полях крестьянки аккуратно брали горсть ржи и осторожно подрезали ее серпом, не вытрясая зерен из колосьев. С такой же осторожностью крестьяне косили яровые хлеба.

А теперь, на колхозных полях, колхозники жнут рожь и косят яровые небрежно, безо всякой осторожности, сердитыми рывками. Так ненавистна им эта работа, которую вынуждены выполнять голодные люди, вопреки своему интересу, своей воле.

Безо всякой осторожности они связывают снопы, небрежно перебрасывают их, складывая на полях или укладывая на телеги. Много зерна осыпается во время сбора урожая и его перевозки.

***

Прежде, бывало, крестьяне своевременно свозили рожь с полей и перед обмолотом в дождливые годы сушили в овинах («ригах»). В колхозе нет овинов. Нет даже крытого тока.

Теперь рожь и яровые хлеба долго лежат на колхозных полях под открытым небом: от начала «жатвенной кампании» до конца «кампании по обмолоту».

Лежат снопы под открытым небом и гниют. В некоторые годы только по этой причине в колхозе пропадает до четверти колхозного урожая.

***

А в результате такой работы, которая выполняется колхозниками с ненавистью и нарочитой небрежностью, поля вспаханы плохо, урожай собран неряшливо, много картофеля в земле остается, уйма зерна вытрясается на землю.

Когда я ходил по колхозным полям после уборки ржи и овса, то был поражен: поля покрыты мышиными норами и гнездами. Такого обилия мышей никогда на крестьянских полях прежде не было.

Крепостной, принудительный труд в колхозе породил удивительные результаты: голод — для хлеборобов, изобилие — для мышей...

Трудодни и аренда

До революции по соседству с селом на помещичьем поле жила одна крестьянская семья. Происходя из дворовых крепостных, она совсем не имела собственной земли. Вскоре после освобождения крестьян от

крепостной зависимости эта семья получила от своего помещика участок земли — 13,2 гектара (12 десятин) — в аренду. Так она жила и работала на этом участке с тех пор до самого большевистского переворота. Земля была арендована на обычных условиях испольщины: половину всего урожая с этого участка семья арендатора платила помещику в качестве арендной платы.

Жила эта семья неплохо. Имела хорошую двухкомнатную избу, две лошади, корову, свиней, овец и птицу. Жила без нужды.

Теперь новое поколение этой семьи живет в Болотном и работает в колхозе. Глава этой большой семьи говорил, что аренда земли у помещика давала его семье гораздо лучшие возможности для жизни, чем работа в колхозе. И заявил, что охотно сменил бы теперешний «свободный колхозный труд» на прежнюю «кабальную помещичью испольщину» . . .

— Прежде, — рассказывал этот арендатор, — помещик забирал за арендованную землю только половину результатов нашего труда. А теперь разве земледельцам достается половина колхозного урожая? Нет: советское правительство и всякие начальники-воры забирают из колхоза все, а нам на трудодни оставляют только крохи с их господского стола . . .

Расспрашивал я колхозного счетовода по этому вопросу. Тот ни одной абсолютной цифры не сообщил: «государственная тайна» . . . Но он сказал, что распределение колхозного валового урожая ржи производится приблизительно в таких пропорциях: больше половины сдается государству; четверть — колхозу; меньше четверти — остается колхозникам на трудодни.

А с других полей и лугов колхозники Болотного ничего не получают: ни с ярового, ни с поля кормовых трав, ни сена с лугов.

Значит, колхозники получают для себя 25 процентов валового урожая с озимого поля. А со всей земельной площади колхоза (четырех полей и луга) они получают только 5 процентов урожая . . .

Следовательно, труд колхозника оплачивается советским правительством в десять раз хуже, чем труд арендатора помещичьей земли на условиях «испольщины» . . .

Барщинно-оброчная система

Колхозники — грамотные и неглупые люди. Они читали в книгах о крепостном праве. Пожилые — слышали рассказы от стариков-очевидцев. Теперь они часто сравнивают колхозные порядки с крепостным правом. И это сравнение говорит не в пользу колхозов.

— Колхозная барщина куда тяжелее барщины помещичьей! — говорили многие колхозники. — Можете сравнить сами. Старики нам рассказывали, что при крепостном праве в имении нашего бывшего барина, помещика, было около 1 000 десятин, а у крестьян, в трех деревнях, было около 3 000 десятин земли, т. е. втрое больше, чем у помещика. А теперь? Советское государство забрало себе всю нашу землю, а нам, крестьянам, оставило только жалкие крохи: по 1/4 гектара на колхозный двор. А до революции на каждый крестьянский двор в среднем в нашем селе приходилось не по четверти гектара, а по 8 десятин, или по 8,8 гектара.[1])

— Каково?! — вырвалось у одного колхозника. — Нашу мужицкую земельку советская власть обкарнала в тридцать пять раз!..

— Земли мы теперь имеем во много раз меньше, чем прежде. А работать в советских имениях, в колхозах, мы должны гораздо больше, чем крепостные на помещичьей барщине, — вступали в разговор все новые собеседники, которым, как они говорили, «колхоз в печенки въелся» ...

— Наши дедушки рассказывали, что на помещичьей барщине они работали только три дня в неделю. А мы на колхозной барщине работаем все семь дней в неделю. За все лето мы не имеем ни одного выходного дня! Работаем, как проклятые... Да, колхозная барщина гораздо тяжелее помещичьей!..

— А ведь в колхозе мы не только барщину выполняем, но и громадные оброки государству платим, — дополняют другие колхозники.

— Какие оброки? — спрашиваю.

— Самые настоящие: и натуральные оброки и денежные, — поясняют колхозники. — Прежде помещик принуждал своих крепостных выполнять только одну повинность: трудовую — барщину, дворовую службу, или оброчную — натуральный или денежный оброк. А вот советские помещики заставляют нас, колхозников, одновремен-

---

[1]) Десятина равняется 1,1 гектара.

но выполнять барщину и платить оброк! Хозяйство у колхозника теперь нищенское: усадебный участок — четверть гектара земли, полуживая корова да пяток кур. И вот с такого-то бобыльского хозяйства мы должны платить государству огромный оброк. Натуральные поставки: ежегодно 2 пуда мяса, 200 литров молока, 150 яиц. А кроме того, власть наложила на нас еще громадный денежный оброк: налоги и заем, 600 рублей на каждый двор! Под такими прессами ухитрись выжить . . .

— В школе, на уроках, наши дети часто читают об «ужасах крепостного права» и «счастливой колхозной жизни» — рассказывают колхозники. — Но мы-то хорошо знаем, на своих спинах изучили: хоть помещичье крепостное право было для крестьян очень тяжело и очень горько, но колхозное крепостное право для нас еще тяжелее и горше . . .

«Отработки» и барщина

До революции в пореформенной русской деревне, кроме денежной и натуральной арендной платы, иногда практиковалась и трудовая плата, которая называлась «отработками». Крестьянин арендовал у помещика землю, а платил ему за это работой в помещичьем имении, отрабатывая определенное число рабочих дней за каждую десятину арендованной земли.

В одном районе Курской области, в большом совхозе, была введена такая система оплаты труда, которая была подобна «отработкам».

Сначала совхозные рабочие получали денежную плату: по 130 рублей в месяц. А хлебный паек они оплачивали по государственной цене. Эта зарплата была гораздо выше оплаты колхозного трудодня, но ниже зарплаты городских рабочих.

А потом директор совхоза, желая больше заитересовать рабочих в труде, сделал такой опыт: по предложению самих совхозников, он, вместо денежной заработной платы, выделил по 4 гектара совхозной земли на каждого рабочего. Совхозники стали работать в совхозе без зарплаты: только за землю, которую совхоз дал им для использования. Семья совхозного рабочего, обычно, колхозника из соседней деревни, очень прилежно работала на этом личном участке и получала хороший урожай, гораздо лучший, чем на соседних колхозных и совхозных

полях. Этот урожай мог сносно кормить семью рабочего. Совхозник, получив большую заинтересованность в труде, стал лучше работать в совхозе. А совхоз, резко сокративши свои денежные расходы на зарплату и получив заинтересованных рабочих, стал экономически укрепляться.

Слух об этом опыте широко распространился по колхозам и совхозам соседних райнов и областей. Колхозники приставали к руководителям местной власти с предложением:

— Верните нам нашу крестьянскую землю. А помещичью можете оставить в государственных имениях, в совхозах. За это мы согласились бы отбывать совхозно-государственную барщину: три дня в неделю работать в совхозе бесплатно, как наши дедушки выполняли помещичью барщину при крепостном праве. А остальные три дня в неделю будем работать на своей земле, для себя.

Дело об этом оригинальном опыте дошло до Москвы. Центральный Комитет партии и советское правительство прислали специальную комиссию для срочного расследования этого «странного дела».

Комиссия обследовала этот опыт и резко осудила его, как «антисоветское вредительство» и «экономическую контрреволюцию».

По заключению комиссии, этот опыт наглядно дискредитировал систему социалистического земледелия в глазах крестьянства. Во-первых, он вновь подтверждал превосходство собственного, индивидуального хозяйства над социалистическим, совхозно-колхозным, и звал назад, к единоличному хозяйству, к системе столыпинских хуторов. Во-вторых, этот опыт разоблачал большевистскую легенду о «свободном колхозном труде»: в действительности, этот труд был для колхозников тяжелее «кабальных отработок» и хуже помещичье-крепостной барщины.

Как отмечалось в решении партийно-правительственной комиссии из центра, этот «контрреволюционный эксперимент возрождал среди колхозников реакционные, антисоциалистические настроения отсталого крестьянства о ликвидации колхозной, социалистической системы земледелия».

Инициаторы этого опыта, директор совхоза и секретарь райкома партии, местные крестьяне по происхождению, попали в тюрьму, как «враги народа», «антисоветские вредители» и «реставраторы капитализма»... Хуторки совхозных рабочих были немедленно ликвидированы. Совхозно-колхозная социалистическая форма земледелия была

признана «не подлежащей никакой реставраторски-капиталистической ревизии».

Таким образом, советское правительство категорически отказало совхозным рабочим в их просьбе: заменить «свободный социалистический труд» в совхозах системой «кабальных отработок»...

Так же категорически советское правительство отказало колхозникам в их еще более оригинальной просьбе: чтобы власть, возвратив крестьянам их исконную землю, которая была отобрана у них при коллективизации, заменила бы колхозную барщину совхозной, в государственных имениях (три дня в неделю), аналогичной помещичьей барщине при крепостном праве...

11. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Упадок растениеводства

Председатель колхоза цифры о колхозном урожае содержит в строжайшем секрете, соблюдая приказ правительства. Он хранит эту тайну также и по личным соображениям: колхозники постоянно бы кололи глаза председателю этими цифрами. А теперь колхозники, ругая колхозное начальство, точными цифрами свою критику подтвердить не могут.

Не мог получить точных данных об урожайности в колхозе и я. Но, сравнивая на глаз колхозные поля с бывшими единолично-крестьянскими, я мог твердо установить, что колхозный урожай был приблизительно вдвое хуже единоличного урожая на тех же самых полях. Прежде основные массивы ржи на единоличных крестьянских полях определялись так: «рожь по грудь», «рожь до пояса». А на удобренных полосах, на хуторских и на поселковых полях рожь определялась: «стеной стоит», «в рост человека».

Теперь на колхозных полях нет ржи «в рост человека» или «по грудь». Массивы колхозной ржи — это «рожь до пояса», «рожь до колена».

Прежде рожь серпами жали. Только на некоторых, самых глинистых, холмах иногда приходилось косить ее. Теперь, на колхозных полях почти половину ржи колхозники выкашивают косами: такая она низкорослая.

Другой пример может дать наглядное сравнение не прошлого с настоящим, а современного — с современным. Это сравнение каждый может увидеть на рядом расположенных участках земли: урожай картофеля на колхозных полях и овощей на колхозном огороде в два-три раза ниже, чем урожай картофеля и овощей на усадьбе колхозника.

***

Окуда же на колхозных полях быть хорошему урожаю? Навоз с колхозных ферм годами не вывозится на поля.

Голодные и истощенные колхозники принуждены работать там бесплатно, из-под палки. Поэтому все сельскохозяйственные работы в колхозе выполняются гораздо хуже, чем на полях единоличников. Хуже производится пахота и бороньба. Хуже проходит прополка, пропашка. Уборочные работы проводятся «из рук вон плохо», как говорят колхозники.

***

Колхозные урожаи сильно страдают от полевых вредителей: полевых мышей и зайцев. Зайцев развелось очень много: нет ружей, нет охоты.

Потравы колхозного урожая —огромные.

За колхозными стадами пастухи присматривают не особенно внимательно. Голодных колхозных крепостных мало интересуют колхозные поля, луга и колхозный скот.

А голодный скот колхозников — коровы, телята, поросята — летом вообще остается безо всякого присмотра. В лучшем случае скот остается под присмотром малолетних детей (до 12 лет), которых еще не выгоняют на колхозную барщину (но часто «выводят» на колхозную работу школьников целыми классами).

Своих коров колхозникам воспрещено выпускать со двора. Но нередко коровы вырываются на пустырь, а оттуда дальше, на колхозные поля и луга. Однажды две голодные коровы колхозников вырвались на клеверное поле и паслись там с обеда до вечера. С голодухи обожрались и подохли.

Выпускать телят и поросят на пустырь в селе, под присмотром детей, колхозникам разрешено. Но этот пустырь выбит так, что на нем нет ни травинки: даже крапива, бурьян и «колуны-татарники» на нем теперь все поедены... Голодные телята и поросята рыщут неутомимо в поисках корма, натыкаются на плетневую изгородь колхозного огорода, пробираются под ней, через нее или сквозь нее на колхозный огород и опустошают его. Ребятишки, присматривающие за

своими телятами и поросятами, не очень спешат выгонять своих питомцев с огорода . . .

Не очень старается об охране колхозного огорода также и огородник. Председатель колхоза возложил на него «по совместительству» две работы, которые трудно совместить: колхозного мельника и огородника. Причем, мельница находится от огорода на расстоянии целого километра, и от мельницы огород совсем не виден.

Нередко голодные телята и поросята пробираются и на колхозные поля, примыкающие к самому селу. Тогда они с остервенением набрасываются на рожь или овес и «молотят» зерновые так старательно, что молотить их повторно на колхозном току едва ли будет целесообразно . . . Все взрослые колхозники в поле, на работе. А малолетние ребятишки при такой ситуации спрячутся по хатам и лукаво притаятся: словно они ничего не видят и ничего не слышат . . . Но вечером они расскажут родным, как их телята, поросята и куры «подкормились сегодня на колхозном поле» . . .

***

В результате всех этих обстоятельств, урожай на колхозных полях и на огороде гораздо ниже, чем в селе единоличников.

А при доставке на колхозные и государственные склады и во время хранения там колхозный урожай еще уменьшается. Он гибнет: рассыпается, гниет, мерзнет, пожирается мышами. Продукты расхищаются начальниками и всякими работниками, соприкасающимися с перевозкой и хранением.

Только на пропагандном языке колхозный урожай называется «богатым». Колхозники оценивают его по-другому: «никудышний урожай».

Местные колхозники определяют средний урожай ржи на колхозных полях Болотного в 25-30 пудов с гектара. Такой урожай был в эпоху крепостного права. А средний урожай в пореформенном селе, перед революцией 1917 года, был: в общине — 50-60 пудов с гектара; на отрубах и хуторах — от 80 до 100 пудов.

Колхозный, «сталинский», урожай упал до уровня урожая в крепостной деревне. Сельское хозяйство при колхозной системе попятилось на сто лет назад. Бывшая «житница Европы» превратилась в некрасовскую деревню Неурожайку, в голодную Русь . . .

Упадок скотоводства

Скотоводство в колхозе находится в таком же запущенном состоянии, как и полеводство.

Поголовье скота в колхозном селе сильно уменьшилось, по сравнению с дореволюционным временем.

Колхозники не имеют теперь в личном владении ни лошадей, ни овец. А на колхозной ферме их теперь вдвое меньше, чем было у крестьян в дореволюционном селе.

***

Прежде в каждом крестьянском дворе, за исключением нескольких бобыльских, были свиньи: одна или две. А теперь у колхозников нет свиней. Свиньи есть только на колхозной ферме. Но их там в 4-5 раз меньше, чем было в доколхозном селе.

Прежде, кроме свиней, на каждом крестьянском дворе было от 5 до 10 поросят: маленьких и больших, «подсвинков». А теперь только летом в каждом дворе выхаживается по одному поросенку. Весной колхозник покупает на колхозной ферме одного маленького поросенка, кое-как кормит его до осени, а потом продает, чтобы получить деньги на выплату налога и займа.

Общее количество свиней и поросят в колхозном селе стало в несколько раз меньше, чем было в дореволюцинном.

***

Коров в колхозном селе тоже стало меньше, чем было их в доколхозный период.

Прежде, в дореволюционном селе, было около десятка бескоровных дворов. А теперь их число увеличилось раза в четыре. Не имея пастбищ и не получая от колхоза кормов, многие колхозницы не в силах кормить ни корову, ни теленка.

Прежде крестьяне содержали от двух до пяти голов крупного рогатого скота на каждом дворе: в худшем случае — корова с теленком, в лучшем случае — две коровы, два теленка и большая телка.

Теперь же у колхозника в лучшем случае есть только корова с теленком, а у многих — только одна корова: от бескормицы многие коровы остаются яловыми.

Общее поголовье крупного рогатого скота в колхозном селе на ферме и в единоличном владении — далеко отстает от того количества, которое было в доколхозном селе.

***

Ущерб скотоводству причиняют хищники.

Если колхозные поля сильно страдают от мышей и зайцев, то колхозные стада страдают от волков.

В больших лесах, Брянских и Курских, теперь развелось очень много волков: с самого начала коллективизации у крестьян были отобраны охотничьи ружья (другое оружие советская власть отобрала сразу же после Октябрьского переворота).

Волки теперь всюду рыщут по колхозным полям, а зимой и по деревням, безо всякой опаски. Нет теперь в колхозных деревнях ни ружей, ни охотников, ни собак (если прежде в каждом втором крестьянском дворе была собака, то в период коллективизации их вывели: кормить нечем).

Поэтому волкам, так же, как мышам и зайцам, очень вольготно живется на колхозной Руси. Эти хищники свободно и без опаски бродят по полям, лугам и оврагам, незаметно подбираются к стадам (собак нет даже у пастухов), смело нападают и похищают овец и ягнят, телят и поросят.

***

Но «двуногие волки» расхищают и пожирают колхозный скот еще более немилосердно, чем их четвероногие «товарищи из Брянского леса».

Колхозный председатель и заведующий складом, их семьи, родные и близкие обеспечены всеми видами колхозных продуктов, в том числе и мясом, вдоволь.

Хорошо обеспечены также и ближайшие начальники и сотрудники колхозных руководителей: председатель сельсовета, секретарь партийной ячейки, милиционер, бухгалтер, ветеринар.

Что касается районного начальства, то оно от «колхозных князьков» получает продукты тушами и возами. Управляющие колхозными имениями систематически дарят своим начальникам: гусей, поросят, телят, баранов, свиней, коров.

Денежные фонды на личные нужды (на одежду и обувь, на радио и мотоцикл, на дом и мебель и т. д.) колхозные руководители тоже создают за счет общественных продуктов, главным образом, животноводческих.

***

В результате всех этих обстоятельств, колхозная деревня и в области животноводства пришла к странному парадоксу. Колхозники, выхаживающие скот, «забыли вкус мяса». А поголовье скота в социалистической деревне, несмотря на «великий пост» земледельцев, далеко отстает от дореволюционного уровня . . .

***

Обеднело колхозное село и в области птицеводства. До революции в каждом крестьянском дворе было от 10 до 20 кур зимой. А летом к ним добавлялись одна-две дюжины цыплят, от одной или двух наседок. Теперь же колхозники не могут содержать больше 5 кур: нет корма.

Прежде у многих крестьян были, кроме кур, также гуси и утки, а у некоторых — индюшки. Теперь, в колхозном селе, совсем нет такой птицы.

Куриная ферма в колхозе есть. Но общее количество птицы в селе — и на ферме и у колхозников — в несколько раз меньше, чем было в дореволюционный период.

Итак, поголовье скота и птицы в колхозном селе сильно уменьшилось по сравнению с доколхозным периодом, как дореволюционным, так и нэповским.

***

Кроме того, резко снизилась также продуктивность скотоводства и птицеводства в колхозе.

Яйценоскость кур резко снизилась: на колхозной ферме из-за тесноты и плохого ухода; на дворе колхозников — из-за недостатка корма для птицы.

***

Прежде крестьяне резали двух-трех откормленных свиней в год. Каждая свинья была от трех до шести пудов весом. А теперь вес худого поросенка — подсвинка со двора колхозника не доходит до двух пудов, а вес свиньи с колхозной фермы чуть выше.

Прежде крестьянские коровы давали молока от 10 до 15 литров в день, или до полутора ведер-«доенок». Прежде крестьяне измеряли его ведрами. А теперь голодная истощенная корова колхозника дает от 3 до 6 литров молока в день, и корова с фермы — столько же.

— По удоям коровы «догнали» теперь козу . . . Надо надеяться, что скоро ее «перегонят», — горько шутят по этому поводу колхозники.

***

У колхозников нет кормов для скота. Председатель колхоза не выдает для личного скота земледельцев никаких кормов: ни сена, ни яровой соломы, ни картофеля, не выделяет даже пастбищ. Крестьянское стадо получает пастбище только после уборки всего урожая с полей, т. е. глубокой осенью.

На колхозной же ферме кормов для скота при разумном использовании было бы достаточно. Но там корм используется неразумно: кормят скот неравномерно, много корма пропадает под ногами животных, в навозе, немало расхищается.

***

За колхозным скотом нет вообще хорошего ухода.

Сельские начальники — плохие хозяева. Они интересуются только мясом, молоком, яйцами. Но их мало интересуют свиньи, коровы и

куры. Эти крыловские «герои» охотно пользуются «желудями», но не любят заниматься вопросом об их выращивании.

Что касается колхозников, ухаживающих за скотом — конюхов, коровниц, свинарок, птичниц, — то колхозные порядки превратили их тоже в плохих работников. Колхозники не имеют никакого интереса к своей работе на ферме. Они ненавидят эту работу, как бесплатную, принудительную, мешающую им работать на себя.

Они непроизвольно переносят недовольство государственной барщиной и на колхозный скот.

Кормя колхозных свиней, свинарка озабоченно думает: «А чем же мне накормить моего поросенка, чтобы он не подох?! . А подохнет, — где же мне тогда взять денег на налог?!».

Ухаживая за колхозными коровами, скотница невольно злится на них: «Вам, обломам, председатель и сено, и яровую солому, и даже картошку отпускает. А моя Буренушка от одной ржаной соломы подыхает . . . »

Если же доярка не имеет своей коровы (в селе более трети бескоровных!), тогда она думает о колхозных коровах еще злее: «Я вас, дьяволов рогатых, кормлю, пою, ухаживаю за вами. А молока-то от вас ни я, ни детки мои ни капельки не получаем . . . Ну, зачем мне стараться — хорошо ухаживать за вами?! Да пропади вы пропадом! . . И с председателем . . . и с коровьей начальницей вместе! . . »

***

Озлобленные, голодные крепостные переносят свое озлобление и на работу, и на орудия труда, и даже на скот. Колхозники обслуживают скот, но он принадлежит не работникам-животноводам, а их жестоким угнетателям: советским крепостникам, «новым помещикам».

***

«Колхозная революция сверху» привела к тому, что лучшие хозяева в селе были «ликвидированы, как класс». А вместо них во главе сельского хозяйства были поставлены люди неумелые, нерадивые и нечестные. Эти люди, колхозные начальники, работают «из рук вон

плохо». Но расхищают и разоряют сельское хозяйство они очень основательно . . .

Колхозники — ограбленные, голодные, истощенные, работающие из-под палки, крепостные советского государства — не имеют никакой личной заинтересованности в колхозном труде. Мало того: жестокие и неразумные колхозные порядки вызывают у них глубокую ненависть и к государственному имению и к работе в нем.

А эти обстоятельства привели к печальному экономическому результату. Колхозно-крепостническая система привела к снижению урожайности, к упадку скотоводства, к разорению всего сельского хозяйства. Хозяйство в колхозной деревне сброшено в болото, утопает там и не может выкарабкаться . . .

Разорение сельского хозяйства привело к голоду страну, которая прежде была «житницей Европы» . . . Колхозная деревня превратилась в некрасовскую Пустопорожнюю волость в Подтянутой Советской Империи . . .

«Второе крепостное право»

Во время коллективизации кто-то из крестьян ночью повесил задушенную курицу на столбе, около колхозного правления, и под ней прибил записку: «Лучше повеситься, чем вступать в колхоз. — Честная труженица Курочка Петухова».

Спустя несколько лет, мне пришлось услышать в колхозе анекдот, который перекликается с этой ярой антиколхозной прокламацией, выявляя все то же непримиримо-враждебное отношение крестьян к колхозу.

«Политический комиссар, — рассказывает анекдот, — на политических занятиях в армии спрашивает у молодого красноармейца-колхозника:

— Что означают буквы — ВКП(б)?

— ВКП — это значит: второе крепостное право . . .

Комиссар удивлен и озадачен . . .

— Ну, а что же, в таком случае, обозначает буква «б» в скобках?. .

— А «б» — это уже такое слово, которое я вам, товарищ комиссар, повторить не смею: непечатное выражение . . . Потому и закрыто, для приличия, скобками . . .

И в этих красочных примерах острой антиколхозной агитации и в повседневной колхозной практике ярко выявляется отношение крестьян к колхозу. Колхоз — это не их хозяйство, а чужое имение, чужое дело, не только чуждое, но даже враждебное крестьянам. Колхозный труд — это даровой, подневольный, крепостной труд, проклятье колхозника. Колхозная барщина тяжелее барщины помещичьей. «Второе крепостное право», колхозно-государственное, тяжелее первого, помещичьего.

И колхозники испытывают острую вражду к этому, ненавистному им, государственному имению и к этой постылой, проклятой, колхозно-крепостной барщине...

12. «НЕ ЖИЗНЬ, А МУКА...»

Бюджетный разговор с кузнецом

В селе я встретил знакомого кузнеца. С первых же слов он стал жаловаться на то, что «хлеба нет».

— Как же так: ты крестьянин, а хлеба у тебя нет? — спросил я.

— Какой я крестьянин?! Я колхозник, крепостной батрак, — угрюмо заявил кузнец. — А ты посуди сам, как колхоз нас оплачивает. Возьмем, к примеру, мою семью. У меня в семье пять душ: трое рабочих — я, жена и взрослая дочь; да двое малолетних детей — школьники до 12 лет. Заработали мы в прошлом году уйму трудодней: 600 трудодней! Заработали в колхозе трудодней больше всех односельчан. А что получили за свою работу? Только 15 пудов ржи: в прошлом году выдавали по 400 граммов на трудодень. Нам этого хлеба едва до Пасхи хватило. А с той поры мы живем без хлеба. Хлеб делаем, а без хлеба живем. Вот она, друг ситцевый, заковыка какая...

Почесал он затылок по поводу «заковыки» и продолжал:

— Ты знал нашего раскулаченного соседа, Ивана Васильевича?

Я утвердительно кивнул головой.

— Ну, так вот, этот сосед раньше, до революции и при нэпе, каждое лето нанимал батрака и батрачку. Батрачке он платил 40 пудов ржи за лето, а батраку — 50 рублей деньгами. Рожь тогда стоила в деревне 40 копеек пуд (в лавке — 50 копеек). Значит, батрак мог купить за свое жалованье 125 пудов ржи. Вот и учти, милый человек, сколько хлеба мы втроем могли заработать, если бы работали мы в батраках. Я, как батрак, 125 пудов да мои бабы — жена и дочь — 80 пудов; значит, вместе 205 пудов ржи! А теперь от колхоза мы втроем получили за свою годичную работу... 15 пудов! Во сколько раз меньше? Ну-ка, смекни: ты — человек грамотный.

— Это . . . в 14 раз меньше, — подсчитал я.

— Вот как, в 14 раз меньше! . . А?! Видал, миндал, что получается?! — засмеялся мужик.

И удивленно покачал головой.

— Да, ведь, хозяин кормил своего батрака. А мы работаем в колхозе на своих харчах. В колхозе, как видишь, мы работаем почти бесплатно: мы там себе даже хлеба не зарабатываем. Но я должен работать не только на колхоз: я должен платить государству громадные налоги — и натуральные и денежные.

— Налоги?! — удивился я.

— Да еще какие! . . За корову с меня сдирают и мясной и молочный налоги: два пуда мяса в год и половину всего молока, которое корова дает за год. Из-за молочного налога нам самим остается молока в обрез, так что для продажи молока не имеем. На мясной налог мои ребята с большими трудами выхаживают в течение лета теленка. Ведь выпаса для наших телят колхоз не дает. Поэтому все лето траву ребята сами кое-где собирают — для коровы и для теленка.

— А кроме натуральных, я должен уплатить государству еще и огромный денежный налог. Вместе с «добровольно-принудительным» государственным займом 600 рублей в год! Это на каждую семью в селе столько налогу навалено: 600 рублей! . .

— За что же?

— А пес их знает, за что! Плати — да и все тут! Семь шкур с колхозника сдирают . . .

— Но где же берешь денег на налоги?

— Прежде, когда я был единоличником, у меня был полный двор скота и птицы: пара лошадей, две коровы, две свиньи с поросятами, десяток овец, полтора десятка кур, гуси были. А теперь у меня на дворе пусто: одна корова и пяток кур. Летом еще теленок да поросенок. Потому — кормить скотину и птицу нечем. Раньше я откармливал на сало две свиньи за год: одну резал к Рождеству, другую — к Пасхе. А теперь я куплю в колхозе на свиноферме маленького поросенка и с большим трудом могу вырастить его. Осенью вынужден продать подсвинка неоткормленного: откормить на сало нечем. Должен продать на налог. Поэтому-то мы со времен коллективизации и забыли вкус мяса . . .

— А с маслом как?

— Вкус масла тоже забыли. Нет коровьего масла: молока мало. Конопляного масла тоже не спрашивай. Прежде я картофеля на усадьбе садил немного, а большую часть картошки садил в поле. А на усадьбе выращивал коноплю и имел свое конопляное масло. А теперь колхоз отобрал у меня поле, и я должен выращивать на усадьбе и картошку, и свеклу, и капусту. А вся усадьба с гулькин нос: 1/4 гектара, двадцать пять соток. Конопли сеять негде. Масла нет. Обходимся совсем и без мяса, и без сала, и без масла. Жуем теперь всухомятку: капусту да картошку, картошку да капусту. Чтоб им было пусто! . . — не выдержал, ругнулся кузнец.

— А на заработки в город не ходил? — спросил я его.

— Председатель колхоза не отпускает. Без кузнеца колхоз как без рук: ведь на кузнице весь инвентарь держится. Поселковый кузнец может хоть изредка на дому мелочишку заработать от частных заказов. А я и этой возможности лишен: в селе — кругом начальство. Преследуют жестоко . . .

Кузнец расспросил меня о городском житье-бытье.

Выслушав рассказ, позавидовал:

— У вас, в городе, стало быть, лучше: хлеба в достатке и чайку с сахарком можете попить. А у нас и того нет . . .

Потом помолчал, вздохнул, встал взволнованный:

— Вот так и бьемся мы,как рыба об лед: чтобы честным трудом прожить, чтобы хоть как-нибудь прокормиться, чтобы не умереть с голоду . . . Рассуди сам, как тут, в колхозе, жить можно?! . А может быть, что-нибудь и присоветуешь?. . — пытливо заглянул он в глаза.

Ни «рассудить», ни «присоветовать» я ничего не мог. Уж если такая семья, в которой трое здоровых, работоспособных и трудолюбивых работников, среди них мастер-специалист, — если такая семья бьется в колхозе, как рыба об лед, чтобы не умереть с голоду, — как же тут можно «рассудить» и что же тут можно «присоветовать»?! .

« Одет, как колхозник . . . »

Неказиста была одежда у орловских мужичков до революции. Холщевая самодельная рубашка, холщевые крашеные штаны у большинства мужиков. Холщевая рубашка и ситцевая юбка у баб. Армяк («сибирка», «зипун») из грубого самотканного сукна, сделанного из

волны; полушубок из овчин. На ногах лапти из лык или чуни из веревок; зимою — теплые валенки.

Это была рабочая, повседневная одежда и обувь, домашнего изделия. А кроме самодельной, была обувь и одежда фабричного производства: ситцевые или сатиновые рубашки, брюки городского типа у мужчин. У девушек и баб были сатиновые юбки, шелковые кофточки и платки. Почти у всех жителей деревни для воскресных дней были сапоги или ботинки. Это была праздничная одежда: в будни она бережно хранилась в сундуках. Отходники и зажиточные крестьяне ходили в кожаной обуви и в будни.

Теперь же колхозники не могут изготовить для себя самодельной одежды и обуви: нет у них для этого ни холста, ни пеньки, ни волны, ни овчин.

А одежда и обувь из советских фабрик поступает в продажу в провинциальных городках очень редко и в мизерных количествах.

Что касается цены, то текстильные и кожаные товары, как говорят колхозники, «очень кусаются».

Заглянул я в государственный магазин в районном городе. Там висела одна единственная рубашка: «русская рубашка» из льняного полотна фабричной выделки. Цена ее — 80 рублей. До революции она стоила полтора рубля.

Никакой обуви в магазине не было.

На базаре увидел я обувь: пара поношенных сапог и две пары поношенных мужских ботинок. За сапоги хозяин просил 400 рублей, а за ботинки была назначена цена по 200 рублей за пару. Кроме этих трех пар старой обуви, никакой другой на базаре не было.

Многие ли колхозники могут купить себе обувь и одежду при таких ценах?!

Советское правительство платит колхознику за пуд (16 килограммов) ржи 64 копейки. Значит, за одну рубашку, которая соткана изо льна, сданного колхозником, на государственной фабрике и продается в государственном магазине, — за эту рубашку колхозник должен продать (сдать правительству по государственной цене) 125 пудов ржи! . .

Но сам колхозник в среднем зарабатывает в колхозе за «трудодень» 400 граммов, или за год (за 200 трудодней) — 5 пудов ржи (80.000 гр = 80 кг). Значит, **для покупки в государственном магазине одной льняной рубашки колхозник должен работать в колхозе на**

государство ... 25 лет, т. е. всю свою недолгую жизнь «трудообязанного колхозника» ... И только при том условии, если сам колхозник заработанный им хлеб есть совсем не будет, а весь его продаст государству.

А для покупки сапог или ботинок всей жизни бедного колхозника не хватит ...

Вот поэтому-то колхозники и вынуждены ходить в нищенском тряпье. В ветхих, истлевших рубашках. В рваных штанах. В лучшем случае, штаны и рубашка колхозника состоят, главным образом, из заплат. Верхняя одежда колхозников — это отрепья, остатки от «зипунов» и полушубков нэповских времен. Это совершенно замызганные пиджаки и ватники неопределенного цвета. Ходят колхозники босиком или в опорках, перевязанных бечевкою: опорки надеты на босу ногу и из дыры выглядывают пальцы ... Зимой встречались в деревне люди, идущие по снегу совершенно без обуви: ноги обернуты тряпками, обвязанными бечевкой ...

Тряпье и опорки колхозники носят до тех пор, пока они не истлеют окончательно и не рассыплются в прах ...

— Так и носим это барахло, доколе с плеч или с ног не свалится, — говорят колхозники.

— Да, до́ндеже не свалится, — подтвердил колхозник, бывший дьячок.

Прежде крайнюю степень неблагополучия в одежде определяли так: «Одет, как нищий». Теперь в Советском Союзе говорят в таких случаях по-другому: «Одет, как колхозник» ... Прежде крестьяне носили одежду грубую и небогатую. Но эта одежда была крепкая, теплая и хорошо соответствовала своему практическому назначению: она хорошо защищала людей, все время работающих под открытым небом, от холода и непогоды.

А теперь колхозники ходят «голы и босы, разуты и раздеты». Колхозные деревни — это некрасовские нищие деревни: Дырявино, Заплатово, Разутово ...

Колхозная одежда не предохраняет даже от стыда ... Штаны у мужичков нередко бывают в таком печальном состоянии, что, по их выражению, «весь срам виден: и спереди и сзади» ... Бабы при встрече не могут удержаться от невольного смеха. А мужикам — стыдно ... И выхода из этого трагикомического положения нет: починить штаны нечем, тряпки для заплаты нет. Двойной стыд испытывают

колхозники от своей одежды. Стыдно им носить такое убогое, нищенское одеяние. А еще стыднее — оттого, что оно даже «срамные места» прикрыть не может...

Но советская печать упрекает разутых и раздетых колхозников в том, что они будто бы сами в этой беде виноваты. Писатель Алексей Толстой на страницах советских газет писал:

— Обуви недостаточно потому, что каждый мужик, который прежде ходил в лаптях, теперь желает приобрести ботинки и галоши...

Читая такие упреки, колхозники говорили с глубокой обидой:

— Мы рады были бы сплести себе лапти или веревочные чуни. Да ведь нет у нас теперь ни лык, ни пеньки... Неужели этого не понимает писатель?!

— Наши бабы и теперь, как прежде, напряли бы и наткали холста и сукна. И до сих пор еще бабы на чердаках берегут и самопрялки и ткацкие станы. Да, видать, напрасно: нет у колхозников теперь ни конопли, ни замашек, ни овец, ни волны...

На страницах советской печати разутые и раздетые колхозники читали не только упреки, но и утещения. Так, в «Правде» они прочли «веселый» очерк писателя-коммуниста Серафимовича. Очерк о том, как дед-колхозник на Кубани, в родных краях писателя, пас колхозное стадо гусей и каждый раз, когда встречался с колхозницами, прятался в канаву с крапивой. Оказывается, единственные штаны старика были в таком состоянии, что «срама» прикрыть не могли... И деду была очень неприятна каждая встреча с бабами...

В очерке писатель величественно похлопывал деда по плечу и утешал:

— Это пустяки, дед, что у тебя порты худые. Ты должен гордиться тем, что делаешь великое дело: помогаешь строить величественное здание социализма!..

Указывая на такие статьи в газетах, колхозники отплевывались и неистово ругали их авторов. Комментарии их к таким статьям были очень злы.

— Конешно, писатель прав, — говорил колхозник степенно и серьезно: ну, зачем колхозному деду штаны?! Что ему жениться, что ли? Ему уж давно пора помирать. А вот писателю, тому без прекрасных костюмов не обойтись, хотя бы он и был дедом. Дед-то он дед, а любит быть щеголем одет. Потому — на вольных хлебах писа-

тели-подпевалы откормлены изрядно и чувствуют себя молодо, даже в стариковском возрасте. Наш брат, колхозник, к сорока годам так наголодается, так намучается, что без приказа председателя получает из колхоза «бессрочный отпуск» и переселяется в «Царство Землянское» ... А те, сказочники, что для нас байки пишут, они так рано помирать не собираются. Вот, к примеру, этот самый сказочник, который безпорточного деда так старательно утешал. Недавно двоюродный брат ко мне из Москвы заезжал: служит там парикмахером. Слухов всяких, анекдотов возы привозит. Так вот, он рассказывал, что этот самый «дед-утешитель» в семьдесят лет женился на молоденькой красивой девушке-колхознице. Она спасалась от голода и нанялась к нему в прислуги на дачу. А дед-сказочник девушку от голода спас и себя «утешил» ... Ну, скажите, а разве перед молодой красавицей можно предстать в худых портах?!

Колхозники рассмеялись.

— Вот тоже и другой сказочник, — продолжил разговор колхозный агроном. — Тот самый сказочник, который упрекает колхозников, что они хотят иметь обувь. Молотов назвал его: «товарищ-граф». Разве графу можно жить в нужде? В нужде не любят жить ни «товарищи», ни «графы». А тем более «графы-товарищи». Когда граф Алексей Толстой вернулся из-за границы в Советский Союз и написал книжку «Хлеб», то об этом анекдот ходил: «Хлеб-то граф испек плохой. Но за этот дурной хлеб он получил вагоны прекрасного масла ...» Да одного масла «товарищу-графу» мало. Как только Западную Украину заняла Красная армия, граф немедленно поехал туда со своими миллионами. И привез оттуда несколько вагонов всяких драгоценностей. За это его окрестили теперь «графом-барахольщиком» ...

— Что и говорить, жулики эти сказочники, — вмешался в разговор еще один колхозник. — Вот у меня со времен гражданской войны сохранилась библиотечка книг Демьяна Бедного. Подписывался бойко: «Демьян Бедный, мужик вредный, просит братьев-мужиков поддержать большевиков». В одной его книжечке оказался портрет Демьяна. Показал я этот портрет моему отцу. А он изумился: «Это же граф, а не «мужик бедный». Это откормленный кабан, а не мужик в наши голодные времена» ... Так вот, этот Демьян Бедный веселые книжицы пописывал. Некоторые из них я наизусть помню. В одной книжечке он упрекал мужиков за то, что они в обмен за свой, кровным трудом заработанный, хлеб, требовали с горожан то, что мужику было не-

обходимо: мануфактуру, соль, одежду или обувь. Это мужицкое требование советский писатель излагал издевательски:

«Как таперь мы все равны,
То... снимай-ка, брат, штаны!..»

А теперь партия Демьянов Бедных устроила порядки куда справедливей: она оставила «братьев-мужиков» и без хлеба и без штанов...

***

После таких бесед с нищими, оборванными колхозниками, разутыми Щедриными и Гоголями в худых портах, вспомнились народные пословицы.

Вспомнилась пословица испанская:

— Под плохим плащем, встречается, добрый парень скрывается.

Припомнились и русские пословицы.

— На кресле ворона, а на вороне — корона.

— По одежке встречают, а по уму провожают.

Несовпадение, а нередко и полную противоположность, богатства ума и богатства одеяния русский народ испокон веков мудро замечал и остроумно отмечал в пословицах и сказках.

«Дрова — беда наша...»

Прежде, в свободной деревне, крестьяне не испытывали нужды в топливе. Привезти хвороста из леса каждый мог, лошади почти у всех были. У кого не было лошади, тому сосед мог привезти. Стоил же воз хвороста несколько копеек.

А теперь? Ближние лесочки, местного значения, давно уже вырублены. А до огромного государственного леса 15-20 километров. Как привезти дров оттуда? Чтобы получить колхозную лошадь, нужно дать председателю взятку: иначе он подводы не даст. А «типовая норма» у него немалая: пол-литра водки и полкило колбасы, а это стоит 20 рублей. Но где же колхознику взять денег для такой взятки?

И поэтому колхозники вынуждены таскать зимой дрова из далекого леса «пешеходно-ручными средствиями»: вязанками на спине или волоком по дороге... За 15-20 километров!..

Прежде в каждом крестьянском дворе были легкие самодельные ручные санки («салазки»). На них сено скоту привозили из сарая, ребятишки катались зимой. А теперь у колхозников нет даже и этих санок, которые могли бы облегчить доставку дров. Нет ни долота, ни буравчика, ни гвоздей, а без этого санок не сделать. Но без санок много ли дров можно наносить, на спине, за два десятка километров?!

Поэтому холодно теперь зимой в избах колхозников. Очень холодно. Сидят люди в хатах, одетые, в своих лохмотьях, и в руки дуют: мерзнут... Или валяются кучею все на печке...

— Дрова — это беда наша, — кряхтят колхозники...

Колхозное село превратилось в некрасовскую «деревню Знобишино»...

Батрачка и нищий

Встретил я бывшую батрачку того раскулаченного крестьянина, о котором упоминал кузнец.

Рассказала она о своем житье-бытье.

— Как жила я прежде в батрачках, то 40 пудов ржи за лето зарабатывала. А теперь мы вчетвером в колхозе работаем: я, муж мой, сын пятнадцати и дочка тринадцати годов. И хлеба получили на трудодни только 12 пудов... Раньше я зарабатывала хлеба на всю свою семью. Мы втроем тогда жили: я, мать-старушка да сестра-подлеток. А теперь мы четверо в колхозе, не зная отдыха, работаем, но хлеба себе не заработали... Прежде мой хозяин, у которого я в батрачках жила, нам дров на всю зиму бесплатно со своего хутора привозил. А теперь мы без дров бедствуем... Прежде мы были обуты-одеты. А теперь — видишь, в чем хожу...

Она была босиком. Одета только в ветхой холщевой рубашке, которую донашивала еще с доколхозных времен. Ни платка, ни юбки на ней не было...

— Да что тут и говорить, — продолжала она. — Прежде, известное дело, мы жили бедно. Но ни холода, ни голода мы не знали. А теперь?!.

Она сердито отмахнулась рукой от этого «теперь» и поспешила в поле...

***

После этого разговора с батрачкой захотелось мне встретиться со слепым-нищим. Прежде, до революции, этот слепой жил с матерью и нищенствовал. Потом, в годы нэпа, он женился, обзавелся семьей. Теперь он жил в колхозе с женой и двумя детьми-подростками. Зашел я к нему в хату: любопытно было с ним побеседовать.

— Ну, как живете, Митрофаныч? — спросил я его.

— Хотел было я Вам ответить по-старому, — начал степенно слепой: «Живем да хлеб жуем». А потом во-время спохватился: зачем же говорить неправду? Ведь, хлеб мы теперь в колхозе редко жуем... Заработала моя жена с двумя детьми за год 10 пудов хлеба, давно-давно его поели... А из колхоза мне помощи никакой. Родным, собутыльникам, молодым вдовушкам председатель дает иной раз помощь, а мне, слепому, нет...

— Ну, а прежде разве Вам лучше жилось? — спросил я.

— Нельзя Бога гневить:хлеб всегда был. Как только хлеб выводился, надевал я сумку на плечи, брал свою лиру, приглашал какого-нибудь паренька поводырем и шел в одну из соседних деревень. Обойдешь деревню — худо-бедно пуд хлеба в сумке есть. Попросишь, чтобы не печеным хлебом, а мукою давали, — слепому не отказывали: давали мукою. Находились добрые люди, которые для слепого даже небольшой шматок сальца отрежут. А в большой праздник обойдешь деревню, — то принесешь пирогов, мяса, яичек...

Слепой замолчал: ушел в воспоминания...

— Ну, а теперь милостыню собираете?

— Нет, теперь, при колхозах, баста!.. Больше уже за милостыней по колхозам не хожу. Никто не подает: сами колхозники ничего не имеют. Все стали нищими... Правда, картошки подадут. Но картошку я, слава Богу, сам на своей усадьбе имею. Теперь только иногда в базарный день в город сходишь: на базаре с лирой посидишь, поиграешь. Не перевелись еще добрые люди: несколько монет в шапку горожане бросят, на килограмм хлеба соберешь. Да и то милиционеры часто прогоняют. «Уходи, — говорят, — отсюда: нищенствовать советская власть запрещает...» — «Да я не нищенствую, — скажешь им. — Я ничего

не прошу. Я просто любитель-музыкант: старинные стихи пою и играю. Разве я кому-нибудь мешаю?!» ... Ну, отстанут ... А на иного мильтона ничего не действует: все же прогонит ...

— Да, так вот и живу теперь, как и прочие колхозники, — закончил свой рассказ слепой. — Хлеб редко жевать приходится, а все на картошку налегаем ...

Он усмехнулся и протянул руку к миске: там был картофель в «мундирах».

***

Нищий-слепой и батрачка — это были самые бедные люди в дореволюционном селе. И они колхозом недовольны. По собственному опыту судят: прежде даже им жилось лучше ...

Предсмертные желания

В колхозе я видел двух умирающих старух.

Одной из них очень хотелось покушать перед смертью селедки. — Хоть бы пососать теперь селедочный хвостик! — приставала она к своим родным с ноющей просьбой. — Я потом умерла бы спокойно ...

Родные сходили в город. Ни селедки и никакой другой рыбы там найти не могли.

Написали письмо знакомым в областной город. С таким же успехом: нигде не было ни рыбьего хвоста. Россия, страна океанов, морей, озер и бесконечного количества рек, стала безрыбной страной ... А в газетах люди читали: «Из-за недостатка тары и соли рыбозаготовительные организации не принимают привезенную рыбаками рыбу. И рыбаки вынуждены выбрасывать целые лодки наловленной рыбы в море ...»

***

Другая старуха, жена того конюха-колхозника, который «помер от лошадиного корма», лежала «на смертном одре»: на припечке, на куче тряпок. Лежала, раскрывала запекшийся рот, словно рыба, выброшенная на берег. И стонала:

— Хочу испить сладенькой водички... Дайте мне водички с сахарком!..

Дочь ее металась в поисках сахару или меду. Но ни крошки сладостей нигде найти не могла...

Так и умерла эта бедная старуха, не испив «сладенькой водички». Даже перед смертью не могла она подсластить горький роковой конец своей горькой жизни...

Так люди в нищете горько живут и в муках умирают в советско-колхозном селе, некрасовском Терпигореве...

Колоски и лагерь

У смертного одра этой старухи я встретил одного из ее сыновей: он недавно возвратился из «исправительно-трудового лагеря». Там он отбывал семилетнее заключение за то, что в самые голодные годы колхозной жизни накопал для детей корзинку картофеля на колхозном поле...

Встретил я также колхозницу, которая провела пять лет в лагерях, за колоски. Она во время жнива набрала с колхозного поля карман колосков для своих голодных детишек...

Я осведомился у этих пострадавших людей, знали ли они раньше тот советский закон, который так жестоко карает за кражу колхозной, государственной собственности.

— Вестимо, знали, — ответил колхозник.— Нам все уши прожужжали об этом законе, о «священной и неприкосновенной социалистической собственности»...

— Да, ведь, когда дети от голода плачут, — на все пойдешь, — добавила баба. — Голод — не тетка... Где же материнскому сердцу вытерпеть такую муку?!

— Колоски!.. Боже мой!.. — воскликнул сосед умирающей старухи. — Прежде, бывало, ребятишки любили полакомиться поджаренными колосками ржи. Нарвут пучки колосков, поджарят их на огоньке и с удовольствием жуют поджаренные зерна: вкусно!.. Рвали везде, на любых полосках, как грибы в лесу. Прохожие тоже, бывало, рвали колоски и дорогою жевали их. Рвали их и сами мужики и бабы. Все рвали в полях колоски, когда захочется и где вздумается. И в святом Евангелии рассказано, что сам Христос и святые апостолы, проходя

по полям, тоже колоски рвали и кушали их. И никто не ругался за это, не осуждал людей за колоски. Ни в Палестине, ни в России. Ни в старину, ни в наше время, перед колхозом. А теперь?! За колоски — в Сибирь!.. За колоски — в лагерь!.. За колоски — на каторгу, на десять лет!.. И кого же? Хлебороба, кто хлеб выращивает!.. Голодного труженика, кто работает, а хлеба не имеет!.. Земледельца, кому ржаное поле испокон веков принадлежало... Если бы рассказать это нашим родителям, то они бы не могли поверить этому. Нет, таких порядков не могли выдумать люди. Это сделали нелюди... Драконы сделали, о каких нам сказки старые люди рассказывали. По наущению самого сатаны!..

Колхозный обед

Я многократно видел колхозников за обедом. Обычно ели картофельный суп или свекольно-капустный борщ, ничем не заправленные — ни маслом, ни салом.

Хлеба нет. Вместо хлеба «прикусывали» очищенную картошку.

Когда было молоко, на второе подавали нарубленный картофель с молоком.

Когда же молока не было, обед состоял только из одного блюда. Молока же нет в каждом втором колхозном дворе: в каждом третьем дворе нет коровы; во многих дворах коровы от истощения яловые.

— Никакой в них сытости нету, в наших харчах, — жаловались колхозники. — Живот наполнил, а сам голоден. Вылезешь из-за стола, а есть хочется...

— И силы этот харч не дает для работы, — добавляли другие. — Придешь на работу, а силы нет. Работаешь из последних паров, вялый, бессильный. Не ты с напором работаешь, как прежде бывало, а работа тебя одолевает... Работать с таких харчей трудно. Хочется лечь и спать...

«Царский борщ»...

Однажды, когда только что подали на стол такой обычный колхозный обед в хате, приехал знакомый, городской гость, который был тут же приглашен к обеду.

Гость достал дорожную колбасу из своего чемоданчика и разделил ее на две части. Одну половину подал больной хозяйке дома, которая

лежала в постели, а другую положил на стол, для остальных членов семьи.

Семья была большая, кусок колбасы невелик. Члены семьи посоветовались, как целесообразнее использовать колбасу. Решили: нарезать ее мельчайшими кусочками и положить в борщ, чтобы «подкрасить» его.

Приступили к еде. «Подкрашенный» борщ все ели жадно, с большим аппетитом и удовольствием. Глаза блестели. Все улыбались, радостные, возбужденные, и хвалили «чудесный борщ».

Особенно страстно его расхваливал глава семьи, бывший раскулаченный.

— Как повстали колхозы, с тех пор мясной крошки во рту не было, — говорил он. — С той поры не видали мы ни мясца, ни сальца, не едали уж мясного борщеца!.. А теперь вот, Бог послал, даже колбаски покушать привелось. На век запомним... Вот так борщ! Распречудесный борщ!..

Он запнулся, придумывая сравнение, и закончил восторженно:

— Одним словом, настоящий царский борщ!..

На постели сидела больная колхозница, хозяйка дома, и ела колбасу с картошкой. Оживша и повеселевшая, она жевала колбасу и вслух сама с собой разговаривала:

— Вот Бог послал нечаянную радость! Нет, теперь я не умру... Я оживу... Поживу еще... Я еще поживу!..

Надежда женщины оправдалась. Подкрепившись в течение недели хорошими продуктами, которые привез в подарок гость, больная колхозница, собиравшаяся уже помирать, встала с постели — выздоровела...

Харчи мужицкие

Прежде, в дореволюционном орловском селе, пища крестьян была самая простая, неприхотливая. Но люди имели ее достаточно и были сыты. Никто в селе не голодал.

Мясо крестьяне ели только по праздникам да в страдную рабочую пору. Рыбы, фруктов, сахару могли покупать недостаточно: это было для них дорого.

Но хлеб сельские жители ели вдоволь, безо всякой нормировки и ограничения. Во время завтрака и обеда на столе была положена целая гора нарезанного крупными кусками хлеба. Коврига хлеба лежала всегда на столе. Каждый член семьи или батрак мог в любое время, когда ему захочется, отрезать себе краюху хлеба, или, как шутили в деревне, «кусочек с коровий носочек». Ребятишки особенно охотно пользовались этим правом. Часто их можно было видеть на улице с куском круто посоленного хлеба в руках.

Об измерении хлеба граммами в прежней деревне и не слыхали. Рожь измеряли пудами,[1]) а печеный хлеб — не граммами и фунтами, а ковригами.

— Теперь осталось у нас две ковриги, — говорила крестьянка. — Надо печь новые хлебы.

И хозяйка приготовляла огромную «дежу» (бочку) с тестом, а завтра пекла свежий хлеб. Вытаскивала из печи несколько огромных ковриг — на неделю.

Никакой «хлебной нужды» в единоличной деревне не было. Недаром же русскую деревню поэты называли «ржаной деревней», а мужицкое отечество — «ржаной Русью».

За завтраком к картофелю добавляли сушеные грибы или соленые огурцы.

К обеду подавали щи или суп, хорошо заправленные салом. На второе — картофель с яйцами или конопляным маслом. На третье — гречневая или пшенная каша с молоком.

Все эти продукты крестьяне ели вдоволь, досыта, или, как говорили в деревне, «от брюха».

А теперь, вспоминая об этих «харчах», колхозники глотали голодные слюнки, вздыхали и мечтательно говорили:

— Вот было блаженство!..

Они не имеют теперь ни хлеба, ни каши, ни сала, ни масла, ни яичек. Люди вынуждены теперь ограничиваться пустыми щами и немасленной картошкой, да и то не всегда вдоволь...

Так питаются хлеборобы в бывшей «житнице Европы». «Ржаная Русь» превратилась в некрасовскую деревню Нееловку, стала Коммунистической Подтянутой Империей...

---

[1]) Пуд = 16,38 килограмма.

Начальники пируют

Но не все колхозники живут плохо. Колхозная верхушка роскошничает.

Мне пришлось наблюдать семью одной колхозной буфетчицы. За столом всегда было мясо, водка.

О колхозном кладовщике его соседи говорили:

— Яйца в его доме в корзинах, как картошки насыпаны!.. На столе каждый день мясо. Какое душе угодно: жареное, вареное, ветчина, студень. Огурцов, моркови, помидоров — вдосталь, с колхозного огорода.

Кухарка колхозного председателя рассказывала:

— Прежде я в кухарках у попа и лавочника служила. Хорошо кушали мои господа! Очень хорошо! Ну, а теперешний мой барин из босяков вышел. Но что касаемо поесть, то в этом деле он им не уступит!.. Утром, как только встанет, отомкнет свой чуланчик, принесет оттуда помидоров, огурцов, пяток яиц, большой кусок ветчины или сала. И велит: яичницу-глазунью ему поджарить. Пол-литра водки единым духом вылакает. Яичницу всю до крошечки с большой сковороды подберет и ухмыльнется: «Ну, кажись, я готов!..» И, посвистывая, зашагает к колхозной канцелярии. А к вечеру заказывает: курицу или поросенка ему поджарить... К обеду редко приходит: днем больше в буфете закусывает.

Колхозный буфет

В колхозах были организованы буфеты. Заглядывал я в них. Там продается водка, колбаса, мясо всех видов, хлеб, и белый и черный.

Хотя буфет этот «колхозным» называется, но создан он не для колхозников. Нищий крепостной не в состоянии купить ни мяса, ни колбасы, ни водки: эта роскошь ему не по карману. Ему хотелось бы купить дешевой рыбы: селедочки, тарани. Но в буфете это не продается. Колхозник хотел бы купить черного хлеба по государственной цене. Но хлеб в буфете продается только тем посетителям, которые покупают выпивку и закуску.

Колхозник забредет иной раз в буфет, постоит сиротливо около двери, облизнется, проглотит набегающие слюнки... Потом почешет

затылок. И, не солоно хлебавши, уходит обратно, вспоминая бабушкины присказки: «Дедушка видал, как барин виноград едал»; или: «По усам вино текло, а в рот не попало» . . .

Колхозники говорят, что эти буфеты созданы, главным образом, для угощения начальства. Без буфета раньше было неудобство. Понадобилось колхознику с какой-нибудь просьбой к местному начальству обратиться, — предварительно нужно было сходить в город, чтобы купить водки и колбасы для угощения. А теперь дело это очень облегчено и упрощено. Заходит колхозник в канцелярию, просит начальника «на минутку в буфет». И там, за бутылочкой, дело устраивается удобно и быстро . . .

«Трудящийся да не ест!»

Колхозники работой задушены, а едят впроголодь.

Болтуны же, деревенские начальники, за счет этих голодных тружеников роскошничают и бражничают. У колхозных начальников пир на весь мир. Они пируют и дома и в буфете.

В первые годы после революции советская власть провозгласила в качестве одной из важнейших основ своей политики принцип первоначального христианства: «Нетрудящийся да не ест!» Даже в Конституцию его записала.

Давно уже в советском государстве этот принцип на практике отменен и совершенно забыт.

Теперь в колхозной жизни он заменен новыми, совершенно противоположными ему, принципами паразитарой идеологии и безудержно — эксплуататорской политики:

— Трудящийся да не ест! . .

— Бездельник пусть ест и пьянствует! . .

Вымирающее село

— Сколько стариков в вашем селе? — поинтересовался я. — Что-то их теперь не видно?

— А как же их можно увидеть, если их нет?! — ответил знакомый колхозник.

Он начал считать стариков, старше 60 лет. Дело это оказалось несложным. По этому подсчету, в 1941 году, весною, их оставалось в живых только десять... На 600 жителей села.

А прежде, в дореволюционном селе, старые люди от 60 до 100 лет, старик, старуха или оба вместе, встречались почти в каждом дворе.

По оценке старожилов до революции в 130 дворах Болотного проживало около сотни стариков. А теперь их осталось десять...

— Не нравятся что-то нашим дедам колхозы, — горько пошутил один мужик: как появились колхозы — пропали старики...

Колхозная жизнь, при голоде, холоде, изнуряющем труде, настолько тяжела и разрушительна для организма, что колхозники не могут дожить до старости. Едва-едва они дотягивают до 40, редко — до 50 лет.

Поэтому колхозное село «омолодилось»: старики стали в нем музейной редкостью.

Но, если по возрасту колхозное село «омоложено», то по своему физическому состоянию и внешнему облику население состарилось. Молодые девушки, истощенные голодом, чрезмерным трудом и завядшие в одиночестве, выглядывают пожилыми женщинами. Люди средних лет имеют совершенно стариковский вид.

Стариков в колхозе нет. Но нет и молодежи. Колхозная нищета выморила стариков, загубила юность и превратила молодежь в пожилых людей...

***

Из колхозов много мужской молодежи уходит на работу в города. И оседает там. Из-за этого многие колхозные девушки не могут выйти замуж. Поэтому число браков в колхозном селе резко сократилось. А из-за этого рождаемость детей значительно снизилась.

***

О количественных изменениях населения в селе Болотное за последние годы старожилы сообщили приблизительные сведения:

До Октябрьской революции в селе было около 130 дворов. В нем жило тогда около 900 душ населения.

За годы революции и гражданской войны в 1917-20 годах население уменьшилось приблизительно на сотню человек.

Но в годы нэпа, когда жизнь улучшилась, население опять стало увеличиваться. К 1929 году был восстановлен прежний, дореволюционный, уровень числа населения: около 900 душ.

А весной 1941 года, до войны, в селе Болотное, вместе с поселками, числилось около 600 душ населения. Значит, с 1929 до 1941 года, за десятилетие колхозной жизни, население уменьшилось на 300 душ, или на одну треть.

Из них только полусотне жителей удалось вырваться в города на постоянное жительство или переселиться в колхозы других областей. Эта полсотня переменила место жительства: переселилась из деревни в город или в другие деревни.

Остальные 250 человек вымерли: одни в лагерях, другие в самом колхозе. Вымерли от голода, холода, истощения... Каждый третий, четвертый житель колхоза умер от преждевременной смерти...

И этот процесс вымирания колхозного села продолжался с 1930-го и вплоть до 1941 года. За десятилетие колхозной жизни не было ни одного года, когда число родившихся было бы больше, чем число смертей.

В колхозом селе людей умирает больше, чем рождается. Для всех жителей и наблюдателей села этот факт очевиден. Ясны и причины этого явления. От нищеты и рабства люди вымирают. Продолжительность жизни сокращается. Число браков уменьшилось, и рождаемость снизилась.

Начиная с периода коллективизациии, колхозное село вымирает... Процесс этот идет неумолимо и безостановочно.

Рождение новых пословиц

— Ну, как живется? — спрашиваю при встрече знакомых колхозков с соседнего поселка.

— Жизнь наша известная — колхозная, — уныло отвечают они...

— Какое там «живем»?!. Не живем, дорогой, а мучимся, — поправляет меня другой.

— Да, ведь, вы когда-то, помнится, ваш поселок «райским уголком» называли? — спрашиваю.

— То было при нэпе. А теперь совсем другое дело. Теперь в колхозах везде «рай»: ложись и помирай... Был наш поселок «райский уголок», а теперь — это «адский уголек»...

— Ну, заплакали, заныли, запричитали, как бабы над мертвым! — вмешался в разговор бойкий молодой колхозник. — Совсем забыли, что «жить стало лучше, жить стало веселей»... Недаром же наш избач-комсомолец написал аршинными буквами плакат в избе-читальне: «Спасибо дорогому товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь!» Ну, а мы, меж собой, этот привет вверх тормашками перекувыркиваем: «Спасибо счатливому товарищу Сталину за нашу дорогую жизнь!...» Так-то правильней будет...

***

Новое время — новое горе — и новые пословицы...

После этой встречи с колхозниками думалось: что это за умница — русский мужик!.. Какая неуемная сила творчества! Нужда, как спрут, душит его, а он все философствует, этот лапотный мудрец. Он создал богатейшую в мире сокровищницу народной мудрости, огромный океан пословиц. Когда господа называли его презрительно «серым мужиком», «серою скотинкою», то он отвечал на это своею пословицей: «Мужик сер, да ум у него волк не съел»...

Ум русского крестьянина пока не сгорел даже в колхозном аду. Мужик продолжает философствовать и творить пословицы. Теперь в жизни колхозника так много горечи, житейских парадоксов и непримиримых противоречий между высокими словами и низкими делами его теперешних господ, — что современные пословицы приобрели по преимуществу иронически-саркастический характер. Они «облиты горечью и злостью».

Вымирают в колхозе люди. Но нарождаются новые пословицы: злые, насмешливые. Это критика режима смерти со стороны тех, кто, удушаемый, не желает умирать, жаждет жизни и сопротивляется. Это протест мучеников против своих мучителей...

Нужда — спрут

Колхозники метко определили свою жизнь: «Не жизнь, а мука»; «не живем, а мучимся» . . . Всю жизнь они бьются, как рыба об лед, в безысходной нужде.

Во время коллективизации большевистские «Соловьи-Разбойники» ограбили крестьян: отобрали землю, скот, инвентарь.

А потом их принуждают работать на колхозной барщине: от темна до темна, без выходных дней, почти бесплатно.

За мизерный усадебный участок и корову власть облагает колхозника невыносимым оброком, натуральным и денежным.

И уйти от этой колхозной каторги земледелец не может. Он государственный крепостной, которого рабовладельческая власть приковала кандалами к своему имению для пожизненного отбывания принудительных работ . . .

Но жизнь колхозника — это не только каторга. Одновременно эта каторга является и сумасшедшим домом. Колхозники живут среди таких жутких и нелепых парадоксов жизни, которые могут быть только в сумасшедшем доме . . .

Колхозники-хлеборобы . . . живут без хлеба . . . Работая на огромных государственных полях, в бывшей «житнице Европы», хлеборобы и скотоводы . . . вымирают от голода . . .

В стране, которая прежде была завалена пенькой и холстом, кожами и овчинами, теперь люди ходят . . . «разутые и раздетые» . . . В отрепьях ходят люди, которые . . . выращивают на колхозных полях коноплю, лен, хлопок, а на колхозных фермах — скот, т.е. шерсть, овчины, кожи, или производят одежду и обувь . . .

Живя по соседству с непроходимыми лесными дебрями, колхозники . . . мерзнут в хижинах-завалюшках, болеют и гибнут от холода! . .

Где, кроме дома для сумасшедших, могут встретиться такие нелепости?! . Да и то лишь в том случае, если власть в этом доме была бы захвачена отделением буйно помешанных . . .

Трагедия колхозной обыденщины заключается прежде всего в нищете и голоде, в неизбывной нужде колхозника. В это непролазное болото нужды загнала колхозника большевистская бесчеловечная власть, ограбившая мужика до-гола и эксплуатирующая его неотступно и беспощадно.

После коллективизации нужда, как спрут, присосалась к ограбленному колхознику и жадно высасывает из него всю кровь, убивает все жизненные силы, физические и душевные.

Нищета-спрут терзает колхозника всю жизнь, повседневно и ежечасно, превращая его в вечного мученика.

Спрут нужды сковал земледельца своими мощными, безжалостными, отвратительными щупальцами. Это чудовище неотступно душит его мертвой хваткой. Душит неумолимо до тех пор, пока на половине жизненного пути, в сорок лет, измученный, истощенный и обессиленный, колхозник не падает бездыханным . . .

Спрут-нужда это символ колхозной Голгофы . . .

Но одновременно спрут является также и символом самого большевистского рабовладельческого государства. Вселенских масштабов спрут, страшилище-душитель, чудовище-кровосос, — это и есть символическое олицетворение коммунистического государства . . .

Это страшная личина бесчеловечной власти, с ее девизом джунглей: «Кто кого может, тот того и гложет! . . »

13. МОГИЛЬНЫЙ РЕЖИМ . . .

Три вида преждевременной смерти

Когда дело доходит до откровенности, то сами коммунисты определяют партийный билет, как «продовольственную карточку» или «ордер на жизнь». Это — меткое определение: партбилет — это гарантия «хлебной должности», а без «хлебной должности» в колхозе нет права на жизнь. Беспартийные колхозники, не владеющие «ордером», права на жизнь не имеют: они имеют только право на смерть, на преждевременную смерть . .

Преждевременная смерть бывает: медленная ,ускоренная или моментальная.

Медленная смерть на колхозной каторге

Первый вид смерти подробно обрисован в предыдущих очерках. Это медленная преждевременная смерть крестьян, как неизбежное следствие колхозной жизни впроголодь и впрохолодь, как результат чрезмерного истощения. Это — смерть, растянувшаяся на полжизни.

Мелкие кражи — путь в лагерь

Обреченные на медленное умирание, голодные колхозники пытаются защищаться от такой мучительной вынужденной смерти мелкими кражами колхозных продуктов.

Однажды мне пришлось наблюдать, как колхозный кладовщик отлучился на минутку, не замкнув склада, а колхозник юркнул в склад и с лихорадочной быстротой успел насыпать себе два кармана зерна.

Но эти мелкие кражи продуктов часто ведут колхозников в лагерь.

Прежде, в доколхозной деревне, о таких «преступлениях», как «воровство колосков» или «кража муки у лошадей», никто не слыхал.

Не только самостоятельный крестьянин был сыт. И батрак был сыт. Поэтому ему и в голову не могла прийти мысль — воровать муку у хозяйских лошадей, которых он кормит. Деревенские ребятишки часто рвали в поле, на ближайших полосах, колоски незрелой ржи и поджаривали их: это было лакомство для детей. Но никто из крестьян это «преступлением» не считал. Детей за это не наказывали и не ругали.

А теперь в социалистическом государстве за это «воровство» осуждают на многолетнее заключение в лагерях. Причем, осуждают «хозяев» этой колхозной земли, которым она будто бы «передана на вечно». Осуждают тех работников, которые своим тяжелым трудом выростили колхозную ниву.

Теперь земледельцев на много лет отправляют в лагерь за воровство одной корзинки картофеля на колхозном поле.

А в доколхозном селе за такое «воровство» не наказывали. В прежней деревне в предосеннюю пору, будучи в ночном или днем пася лошадей, крестьянские мальчишки любили развести костер и печь картофель. И яркий огонь и печеная картошка доставляли ребятам большое удовольствие. Картофель для этой цели выкапывали на ближайших полосах, то есть, как правило, на чужих полосах. И за это никто ребят не наказывал и не ругал.

А теперь за корзинку картофеля приговаривают к многолетнему заключению в лагере того голодного колхозника, который выростил этот продукт.

Мелкие кражи часто ведут колхозников в лагерь. А оттуда для многих возврата нет. Для большинства заключенных лагерь — это верная смерть: советский суд дает сроки большие, а условия жизни там ужасные.

— Отправлен в лагерь и сгинул без вести, — часто сообщают колхозники о судьбе своих односельчан.

Так попытка колхозников, воруя продукты, спастись от медленной голодной смерти, приводит многих из них в лагерь, то есть к ускоренной смерти. Колхозники попадают «из огня да в полымя». Получается заколдованный круг . . .

Руководители жестоко защищают колхозную собственность от всякого посягательства. Для этого у них есть серьезные основания. В бла-

годарность за «продовольственную карточку» они услужливо выполняют приказ хозяина, драконовские законы большевистского правительства. Начальники с остервенелостью цепных псов охраняют колхозные фонды от хлеборобов также и потому, что это — их личные фонды. Ведь их должности являются «хлебными» из-за того, что значительную долю колхозных продуктов они разворовывают сами.

Шемякин суд...

Не менее рьяно деревенские коммунисты охраняют свою власть от всякого на нее посягательства и не менее беспощадно расправляются со всеми недовольными и непослушными колхозниками.

В Болотном произошел такой случай. Председатель сельсовета нанял группу местных плотников-колхозников, обязавшись по договору уплатить им за постройку школы 200 пудов колхозной ржи. Но, когда плотники построили школу, он отказался платить им за работу по договору, а перевел им эту плату на колхозные трудодни, то есть уменьшил эту плату во много раз. Плотники бесконечное число раз приходили к председателю и, предъявляя письменный договор, просили выплатить им заработанный хлеб. А сельский начальник грубо выгонял их из своей канцелярии.

Один из плотников, нервный человек, не выдержал этого издевательства. Он обругал председателя «разбойником» и замахнулся, намереваясь «заехать ему в рыло». Откормленный начальник схватил тщедушного плотника за горло, избил его и выбросил вон из канцелярии. Вышло по пословице: «За мое же жито, та й мене и побито»...

Но этим дело не ограничилось. В назидание всем строптивым колхозникам, плотника арестовали и «сварганили» громкое дело: «о террористическом покушении врага народа на ответственного советского руководителя во время исполнения служебных обязанностей»... Бедный «террорист» был приговорен советским Шемякиным судом к пятилетнему тюремному заключению...

«Большевистская бдительность»...

Но коммунисты беспощадно расправляются с колхозниками не только за попытку нападения. Они наказывают даже за малейшие проявления недовольства властью, шпионя среди беспартийных.

В отплату за «хлебные должности» деревенские коммунисты необычайно усердно проявляют свою «большевистскую бдительность», донося органам НКВД, через свои партийно-комсомольские организации, по каждому поводу, часто совершенно пустяковому.

Местные милиционеры всячески поощряют такое доносительство об «антисоветских разговорах».

— Меня вчера задержала на базаре милиция, черт бы ее побрал! — ругнулась баба, рассказывая свои приключения в городе.

— Ой, и плохо, ах, и тяжко живется теперь на свете! — вздохнула колхозница, беседуя с соседкой.

— Колхозы не вечны, — сказал один крестьянин. — Прежде их не было. Наступит время, когда их опять не будет.

Эти разговоры были подслушаны «бдительными» деревенскими коммунистами. В результате — доносы в райком партии об «антисоветских настроениях». Оттуда — распоряжение начальнику районного отделения НКВД. В НКВД — дела «об антисоветской и антиколхозной пропаганде», аресты и ссылки.

Один колхозник чуть не попал в лагерь... за сновидение!..

Он рассказал своим односельчанам сон. Во сне он видел, как на небе появились Гитлер и Маркс и схватились драться. «В этой драке им обоим здорово досталось: у одного был вырван чуб, а у другого сильно пострадала борода»... Комсомолец настрочил донос. Милиционер произвел допрос колхозника, «сварганил дельце» и уже готовился арестовать мужика-колхозника за «хитрую контрреволюционную пропаганду, замаскированную антимарксистским сном»... Несомненно, быть бы незадачливому сновидцу в лагере да вспыхнувшая советско-германская война помешала этому: сон оказался пророческим...

Большевистские опричники

Одного учителя-партийца беспартийные коллеги упрекали за донос по поводу «антисоветского разговора». А он оправдывался тем, что в этом случае он не мог промолчать: этот антисоветский разговор слышали комсомольцы и донесли. За умолчание он был бы немедленно исключен из партии. Ведь Центральный Комитет партии издал специальный строжайший приказ о том, что все коммунисты, под угрозой немедленного исключения из партии и комсомола, обязаны системати-

чески доносить об антисоветских настроениях беспартийных, о каждом антисоветском разговоре. Каждый коммунист обязан контролировать «большевистскую бдительность» другого.

Таким образом, роль деревенских коммунистов не ограничивается только ролью «погоняльщиков» на колхозной работе и «выжимальщиков» непосильных налогов у голодных людей. Они обязаны также быть бдительными шпионами, большевистскими ищейками в среде беспартийных . . .

В отплату за «хлебные должности» они обязаны выполнять роль беспощадных опричников жестокого большевистского правительства, которое отправляет колхозников в лагерь и за «колоски», и за «намерения», и за «антисоветские разговорчики», и даже за «антимарксистский сон» . . .

Каждый третий домохозяин — репрессированный

Как-то в беседе один местный колхозник подсчитал, сколько жителей Болотного за 24 года революции, от 1917 до 1941 года, главным образом, за годы колхозной жизни, были отправлены в лагери и тюрьмы. Таких оказалось в селе около 40 человек на 130 дворов, то-есть треть домохозяев села . . .

А до революции, за полустолетие, которое местные старики помнили, только два односельчанина сидели один месяц в тюрьме, за воровство: они украли лыки у ночевавшего в селе обоза.

В свете этих данных так убедительно звучит анекдот. В огромной, всеохватывающей советской анкете есть, конечно, вопрос: «Были ли Вы при советской власти в лагере или тюрьме?» Нехватает только дополнения к нему: «А если нет, то почему?» . . .

В тюрьмах и лагерях жизнь еще более тяжелая, чем в колхозах. Там подготовляется смерть ускоренная.

Многие колхозники из лагерей не вернулись.

Другие вернулись, но после лагеря прожили недолго.

Смерть моментальная

Моментальная смерть тоже нередка среди колхозников. Как правило, это — смерть от безграничного произвола большевистских властей. От безграничного произвола самодуров гибли люди от голода

в годы коллективизации. Из-за этого же погибли отходники-самоубийцы. По той же причине люди гибли и позже, в годы «нормальной» колхозной жизни.

«Огрызнувшийся дезертир»

Колхозники Болотного рассказывали: в соседней деревне в первые месяцы советско-германской войны произошел такой случай. Молодой колхозник-красноармеец, после того, как его воинская часть была окружена и взята в плен немцами, совсем недалеко от его родной деревни, — выскользнул из окружения и пришел домой. Узнав об этом, чиновник районного НКВД арестовал «дезертира» и повел его в город, в котором еще сохранялась советская власть. В пути энкаведист ругал арестованного красноармейца за «дезертирство» и давал ему строгое наставление:

— Не бежать домой, на печку, хотя бы и на один день. А немедленно вступать в другую воинскую часть Красной армии и бороться за советское отечество до последнего своего дыхания!..

Красноармеец ответил энкаведисту:

— Коммунисты гонят на фронт беспартийных, чтобы защищать свою власть. А сами сидят в тылу и воюют с бабами...

Этот упрек попал не бровь, а в глаз чекисту. Не выдержало этого ретивое сердце большевистского опричника. Он тут же застрелил арестованного, своего односельчанина и школьного товарища...

И даже хвастался потом своим «геройским» поступком.

— Такая решительная расправа будет учинена со всеми противниками советской власти, со всякими критиканами!..

Так погиб «огрызнувшийся дезертир»...

Гибель на «трудовом фронте»

Погубить колхозников самодуры-начальники легко могут и на «трудовом посту», в колхозной обыденщине.

Вот, например, другой случай, который произошел в селе.

Председатель посылает колхозников зимою в город, за 15 километров, привезти семенной фонд из районного склада. Погода была плохая, метель начиналась. Колхозники просили своего начальника

отложить поездку: погода опасная, а времени до посевной кампании еще очень много. Но властолюбивый начальник накричал на «злостных саботажников» и настоял на своем.

Люди подчинились, поехали.

День и ночь бушевала вьюга.

Домой колхозники не вернулись.

А утром, на второй день, родные отправились на розыски и нашли их в поле, недалеко от села, замерзшими. Метель замела дороги. Люди заблудились, застряли в сугробах снега и, плохо одетые и истощенные, замерзли... Замерзли все шесть подводчиков. Лошади выжили, а люди погибли.

Из-за большого самодурства маленького чиновника погибло шесть человек, осталось шесть вдов и дюжина сирот... Говорят, что для поездки начальник выбрал колхозников, которых он особенно не любил...

Ни один волос не упал с головы начальника-самодура, погубившего столько людей. Вот, если бы погибли колхозные лошади, тогда его судили бы за «вредительство». А за людей... за погубленных людей в стране «социалистического гуманизма» начальники не отвечают...

Родственники погибших никуда не жаловались. Они, на основе многолетнего опыта, хорошо знали, что в «самом демократическом государстве мира» жаловаться некуда... Везде такой же произвол, от глухой деревни до столицы. Повсюду такие же начальники, от сельского до «мирового»...

Наказание за колоски и за убийство

Впрочем, бывали и суды за убийство людей самодурами, если виновником оказывалась мелкая беспартийная сошка.

Один шофер, служащий райисполкома, рассказывал: как-то, будучи совершенно пьяным, он на грузовике «мчался как угорелый», «хотел попугать баб»,налетел в деревне на толпу колхозниц и «раздавил трех баб сразу»...

Шофер рассказывал об этом со смехом, как об очень забавном приключении... Духом бесшабашного произвола и безграничного пренебрежения к людям проникались не только большевистские начальники, но и их челядь.

Родные погибших пожаловались, был суд. Шофер-убийца был приговорен к шести месяцам принудительных работ, без тюремного заключения и с выполнением работ по месту службы. Фактически «наказание» свелось только к штрафу: к отчислению 25% полугодичного жалованья в пользу государства.

Таким образом, в коммунистическом государстве за двадцатиминутное опоздание на работу и за убийство трех людей наказание одинаковое...

За горсть колосков с колхозного поля советский суд карает голодного хлебороба неизмеримо строже (многолетним заключением в лагере!), чем бандита-самодура за убийство трех людей...

В Советском Союзе такой «правопорядок» называется: «советская законность», «правопорядок социалистического гуманизма»...

Право на жизнь и «право на смерть»...

При таком «социалистическом правопорядке» основная масса колхозников уже от самого рождения приговорена к медленной голодной смерти — в колхозе.

Другие, в более позднем возрасте, приговариваются к ускоренной смерти — в лагерях.

А все вынуждены еще видеть над своей головой Дамоклов меч моментальной насильственной смерти, ожидая ее каждый день от любого, даже самого маленького, разбойника-самодура.

Установивши в стране режим неслыханного террора и организовавши экономическую систему невиданного голода, раздавая только избранным «ордера на жизнь» и на «хлебные должности» в коммунистическом государстве, — кремлевские владыки создали для себя главную опору: партию коммунистического чиновничества, армию опричников большевистского правительства.

Коммунистические чиновники, владея неограниченной властью и монопольно распоряжаясь государственным имуществом в стране голода и террора, приобретают, таким образом, не только «право на жизнь», но и «право на смерть». Это — «право на чужую смерть», право на убийство, открытое или замаскированное.

Применяя по отношению к беспартийной массе колхозников три категории смерти — моментальную, ускоренную или медленную, —

они осуществляют это свое чудовищное «право» и терроризируют колхозников.

Терроризируя колхозников, коммунисты добиваются от них строгого выполнения тех задач, которые большевистское правительство ставит перед земледельцами:

— Работать на колхозной барщине без отлынивания!

— Выплачивать государству огромные налоги и займы, отдавать ему все, до последнего куска хлеба!

— Соблюдать большевистское «табу», то есть абсолютную неприкосновенность социалистической собственности, колхозных и государственных (общепартийных) фондов!

Но прежде всего коммунисты с беспощадной жестокостью добиваются от населения повиновения большевистскому государству и его чиновникам. Они требуют от народа повиновения злейшему его врагу — коммунистической партии, советскому антинародному правительству.

Причем, всеми мерами добиваются от населения абсолютного, беспрекословного повиновения: без единого слова возражения, протеста или критики. Вырвавшийся вздох («ой, тяжело живется!») коммунистические тираны считают политическим протестом, неугодное сновидение — нетерпимой критикой...

Раболепие, молчание, послушание, угодничество — возводится во всеобщий абсолютный закон социалистического строя, ставится во главе «советских добродетелей».

Немая жизнь и рыбья смерть...

Богатейшую, красочную речь русского народа большевистские унтеры Пришибеевы стараются свести к убогому советскому словарю, кратчайшему в мире: «приветствуем мудрого», «выполним на сто!»... Коммунистические Держиморды стремятся превратить говорливую деревню в немую.

Советские Юпитеры расценивают свободное правдивое слово, как своего злейшего врага. Они знают свою неправоту и боятся правдивого слова. Справедливое слово приводит к единодушию и к организованным действиям. Инакомыслие, критическое слово — признаки потенциального, «несдавшегося» врага. А «если враг не сдается — его надо

уничтожить», — таков закон террористического большевистского государства.

И поэтому постоянные приказы из центра: о «большевистской бдительности», о партийно-комсомольском шпионаже. Указы и приказы: «Тащить и не пущать!..» Коммунистические руководители хотят выловить каждое справедливое, критическое слово и задушить его, вместе с его носителем.

Так коммунистические Пришибеевы устанавливают в колхозной деревне рыбье молчание, могильный правопорядок, режим смерти, Каинов режим.

Даже умирать колхозники вынуждены молча, без протеста, по-рыбьи...

Умирать — и не сметь шагу ступить для своего спасения...

Умирать — и не сметь пальцем пошевелить для своей защиты...

Умирать — и не проронить слова протеста, не вздохнуть громко...

— Не пищать, даже умирая!.. — таков краеугольный камень могильно-большевистского правопорядка, коммунистической тирании.

Не владея самым элементарным правом — на жизнь, — колхозники зато владеют всей полнотой «права на смерть»...

Террористическое большевистское государство, Государство-Дракон, предоставило колхозникам только одно «право» — на вынужденную смерть: вынужденно-преждевременную, вынужденно-беззвучную, смерть без протеста, немую, рыбью смерть...

Во многих государствах власть управляет своими подчиненными «методом кнута и пряника». Но большевистское террористическое правительство расценивает этот метод, как детскую забаву. Организовав режим смерти, оно орудует не кнутом и пряником, а жизнью и смертью своих подданных.

Так Государство-Дракон посредством террора и страха смерти старается превратить колхозную деревню в некрасовскую «деревню Столбняки, уезда Недыханьева, Испуганной Империи»...

14. КОЛХОЗНЫЙ ГАРЕМ...

Без мужа

При посещении колхозных деревень резко бросается в глаза огромное численное преобладание женщин в колхозе. Среди взрослых колхозников женщин в два-три раза больше, чем мужчин.

— Колхоз — это бабье царство, — говорят в деревнях.

Много мужской молодежи находится в армии. На военную службу забирают молодежь с 18 лет. Юноши уходят туда неженатыми. А после военной службы многие не возвращаются в колхоз, а устраиваются в городах и рабочих поселках.

Немало мужчин уходит на заработки в города. Некоторые отрываются от семьи и оседают там.

Изрядное количество мужчин попало в лагери, оставив своих жен и детей надолго, нередко — навсегда.

Из-за этих причин больше половины женщин-колхозниц вынуждены жить без мужа.

Во время коллективизации по деревням летала легенда об «общей сельской спальне», об «одном колхозном одеяле». На практике колхозная жизнь обернулась к женщине неожиданной стороной: колхоз отнял у женщины мужа, оставил большинство колхозниц без мужа.

Положение в Болотном представляет типичную картину: женщин там втрое больше, чем мужчин.

Девушки — «вековухи»

В колхозе теперь многие девушки не имеют никакой возможности выйти замуж.

В доколхозные времена в Болотном только две девушки всю свою жизнь провели без замужества. Они не могли выйти замуж из-за

своих физических недостатков: одна была глухонемая, а другая — кривая. Таких незамужних девушек звали в деревне «вековухами»: век свой живущие без мужа.

А теперь «вековух» в колхозе полно.

Много также в колхозе и вдов.

Вечные вдовы

Прежде вдовы нередко повторно выходили замуж, за вдовцов.

А теперь они этой возможности не имеют. Вдовцы из-за колхозной нищеты предпочитают оставаться одинокими. А если некоторые женятся, то на девушках, которых в колхозе такое множество.

***

Характерный случай произошел в селе. Одинокий пожилой вдовец женился, было, на своей молодой соседке, вдове с тремя детьми. А через два месяца они разошлись.

Стали колхозники допрашивать мужика:

— Почему же ты, дядя Мирон, развелся с соседкой? Али тебе молодая баба не понравилась?

— Баба, как баба, — степенно разъяснил мужик. — А только пословица не даром молвится: «Жениться — не напасть, да как бы, женившись, не пропасть...» Так оно в колхозе и получается. Одному мне хлеба с трудодней на полгода хватало. А с такой оравой — не успел оглянуться, а хлеба уже ни зерна не осталось... А потом дело обернулось еще лучше. Колхозный «голова» вызвал в канцелярию, оскалился и говорит: «С молодой женой тебя, дядя Мирон, поздравляю... Только должен тебя предупредить: как вы теперь с соседкой женились, то записал я вас как один колхозный двор. А на один колхозный двор полагается, по инструкции, которая нам из самого центра спущена, только одна усадьба, а не две. По такому законному поводу наш колхоз другую усадьбу у вас отберет»... Значит, не только хлеба не будет, а и картошки недохватка... Вот какая веселая свадьба получилася. Если женишься, то, стало быть, живи без хлеба и без картошки, вой волком и помирай с голоду!.. Потому мы и развелись. Вот

где собака зарыта. А что касаемо бабы, то я про нее плохого слова молвить не могу. Баба — как баба: молодая, работящая, со всеми причендалами, как и другие прочие бабы...

Так и расстроилась эта женитьба. Вдовые соседи остались жить порознь: каждый в своей хате, каждый на своей усадьбе.

***

Дважды перед многодетными вдовами мелькала надежда. Вот дети получат от колхоза или от государства материальную помощь. Жить с детьми-сиротами станет легче, и шансы вдов на повторное замужество повысятся. Но, мелькнув, эти надежды быстро потухали.

Сначала это было тогда, когда в колхозах приступили к организации всяческих «колхозных фондов». Речь шла тогда и о фондах для сирот.

Но потом, в ответ на просьбы многодетных вдов, колхозные начальники разъяснили, что из этого фонда помощь может оказываться только круглым сиротам, у которых нет ни отца, ни матери. Но таких сирот в селе нет. Как только дети остаются круглыми сиротами, их забирают в город, в районный детский дом.

***

Другой раз эта надежда вдов на помощь для детей вспыхнула у них в связи с указом правительства о помощи многодетным семьям. После проведения всеобщей переписи в Советском Союзе в 1937 году правительство убедилось в том, что в результате коллективизации не только поголовье скота неслыханно сократилось, но также резко сократилось и людское «поголовье». И в целях поощрения рождаемости советское правительство издало указ о денежной помощи многодетным семьям, в которых было пять и больше детей.

Ряд многодетных вдов и вдовцов окрылились, было, надеждой на получение этого пособия. Детей будет содержать легче. Скорее можно будет восстановить нормальную семейную жизнь.

Но эти надежды, возбужденные указом правительства, быстро погасли.

Один вдовец с тремя детьми хотел жениться на вдове с двумя детьми. Предварительно навели справки о своих перспективах на получение пособия для многодетной семьи. В советских учреждениях вдовые люди получили разъяснение, что, в случае такого брака, они пособия все же не получат. По инструкции пособие выдается только в том случае, если все пятеро детей в семье происходят от одних и тех же родителей. На сводных детей этот правительственный указ не распространяется . . .

Советские чиновники иронически «утешили» вдовца и вдову:

— Да, на этих пятерых детей вы никакого пособия не получите. Но, если после этой свадьбы вы будете иметь еще пять детей, ваших общих детей, тогда уж пособие непременно получите. Если, конечно, до тех пор не будет нового декрета или новой инструкции . . .

Женитьба расстроилась.

Другая вдова, мать пятерых детей, от трех до пятнадцати лет, тоже тешила себя надеждой на это пособие для многодетных. Но и ей в пособии отказали, разъяснив, что пособие выдается только в том случае, если в многодетной семье есть ребенок до двух лет.

Так у этой многодетной вдовы рухнула надежда на пособие. Вместе с ней погасла и надежда на то, что она сможет улучшить жизнь своих детей, а, может быть, даже и найти себе мужа, детям — отца.

Вдовы в колхозе не имеют никаких шансов выйти повторно замуж. Овдовев, колхозницы остаются теперь вдовами на всю жизнь, «вечными вдовами».

«Соломенные вдовы» . . .

В Болотном живет с детьми жена одного из «районных вождей». Этот «районный вождь» завел себе любовницу из своих канцеляристок, дал ей для жительства особняк в городе, рядом со своим домом. Но со своей женой он официально разводиться не счел нужным. Он просто оставил ее в деревне, когда сам переводился на службу в город.

Оставленную жену и детей он материльно обеспечил хорошо, за счет колхоза. Для своего родственника он добился соответствующего назначения — кладовщиком в колхозе. И дал ему наказ: «кормить его детей и бывшую жену так же хорошо, как свою семью». Кормить —

из колхозного склада, конечно. В колхозе она только числится, не работает, но продуктами обеспечена и живет припеваючи...

Одежду и обувь для оставленной жены и для детей районный комиссар присылает из города.

Обеспечив материально эту свою бывшую жену, районный начальник потребовал от нее соблюдения только одного условия: чтобы она признала свое положение «жены в отставке» и «не мешала ему жить», то есть не скандалила бы с ним и его любовницей.

Это условие официальная жена районного комиссара соблюдает. И обеспеченно и тихо живет в колхозе.

***

Таких бывших комиссарских жен, брошенных после официального развода или без развода, колхозники прозвали «соломенными вдовами». Это «вдовы», потому что живут без мужа. Но это вдовы «соломенные», ибо мужья их живы.

Таких «соломенных вдов» в колхозе немало.

В Болотном, кроме упомянутой выше, есть еще две.

Одна жена бывшего председателя сельсовета. Этот местный коммунист, переехавший на работу в другое село, развелся со своей женой-колхозницей и женился на молодой девушке.

Третья «соломенная вдова» — это бывшая жена местного секретаря сельсовета, партийца. Он переехал на работу в другой район. Там он женился на молоденькой учительнице, а с женой-колхозницей развелся.

Коммунисты вообще, а деревенские в особенности, ведут кочевой образ жизни. Они недолго удерживаются на одном месте: партийные комитеты беспрерывно «перебрасывают» их с места на место. Учитывая ситуацию колхозов, как «бабьего царства», партийцы при переезде на новое место службы своих жен обыкновенно с собой не берут. Цинично заявляют при этом: «Этого „добра" везде хватает»...

Жен своих они оставляют на месте, бросают их. А на новом месте работы они опять женятся на молоденьких девушках. В результате, в каждом селе, на каждом новом месте — новая жена: разбросанный гарем временных жен...

Многие деревенские начальники-комунисты предпочитают поступать еще проще. Они вообще официально не женятся и не разводятся, а пользуются, как они выражаются, «колхозной клубничкой»... В «бабьем царстве», среди голодных колхозниц, в большинстве своем вынужденных жить без мужа, это занятие особых затруднений не встречает.

«Комиссарские сироты...»

У «соломенных вдов», оставленных комиссарских жен, есть дети. Иногда немало детей: до четырех и даже больше.

Судьба этих детей незавидна.

В Болотном только один из этих «гаремных героев» оказывает своим детям материльную помощь. Да и то только потому, что эта помощь для него ничего не стоит. Как районный начальник, он приказал родственнику-кладовщику снабжать его детей колхозными продуктами. А зависимые от него работники городских складов — торговых, больничных и т. д. — доставляют ему достаточное количество одежды, обуви и других предметов для снабжения и районного начальника и его семьи.

Другие комиссары, разведшиеся со своими женами, оставили своих детей в колхозах совершенно безо всякой помощи. Только изредка они присылают детям посылки со своей старой, изношенной одеждой и обувью.

Колхозники иронически называют этих брошенных детей «комиссарскими сиротами» или «детьми заслуженных большевиков».

Эти дети чувствуют себя брошенными на произвол судьбы, глубоко обиженными. Матери воспитывают их в духе острой вражды к отцам и к их новым женам.

При таких условиях взаимоотношения между родителями и детьми, между старыми и новыми женами принимают враждебно-скандальный характер.

Оставленная жена-колхозница старается встретить свою молодую соперницу и как тигрица всякий раз бросается на нее, с руганью, драться.

Один подросток из такой брошенной семьи чуть не проломил молотком голову своему отцу, комиссару...

Жалоба на бригадира

Колхозная канцелярия.

Заходит девушка. Она заявляет председателю жалобу на бригадира. Вместе с другой колхозницей они работали целый день, сделали одинаковую работу, выполнили дневную норму. Но бригадир-комсомолец записал ей в книжку только половину трудодня, а другой колхознице, ее «напарнице», полтора трудодня.

— Бригадир приписывает мои трудодни этой вдовушке. Потому — она ходит с ним в кусты спать... А я не хочу идти. Так он мои трудодни отнимает. Пусть этот кобель моими трудоднями за свои удовольствия не расплачивается...

«Голова» колхоза разгневался. Он не стал разбирать жалобу девушки-колхозницы. И даже не пообещал разобрать это дело впоследствии.

Он с грубой руганью набросился на девушку:

— Вы все жалуетесь на бригадира! Бригадир знает, что делает. На то я его и поставил бригадиром, чтобы он командовал вами... Вон отсюда: мне некогда заниматься вашими сплетнями!..

Бедная девушка поспешила уйти от разгневанного начальника...

Интимные заботы колхозной девушки

Однажды шел я из села на ближайший поселок. Меня догнала девушка с этого поселка и всю дорогу была моей спутницей-собеседницей. Мы давно знали друг друга.

В беседе девушка скоро перешла от общих жалоб на колхозные порядки к сокровенным темам и доверила свои интимные заботы.

— Бригадиры-комсомольцы покою не дают, — жаловалась она. — На каждом шагу «пристают» к девушкам и вдовам... Ежели какая «податливая», то бригадир ей поблажки дает: трудодней побольше запишет... на часок до захода солнца с поля на свой огород отпустит... Если в город на базар его любезная пойдет, бригадир промолчит, колхозному председателю не доложит. А «неподатливых» баб бригадиры на каждом шагу притесняют и допекают...

На мой вопрос о председателе колхоза собеседница взорвалась бомбою:

— Председатель?! Чтоб его громом поразило!.. Пьяница-бабник.. Во много раз хуже бригадиров!.. — кричала моя спутница, размахивая взволнованно руками. — Разжирел как боров... Всегда пьяный. Жену свою оставил в соседней деревне. А тут ни одной безмужней бабе покою не дает. Липнет как клей. Пристает, колхозный кобель, на каждому шагу... За бабьи «услуги» поблажки дает: соломы даст... хлеба немного из колхозного фонда отпустит... лошадь даст зимой — за дровами съездить... А «неподатливым» — во всем и всегда отказ!.. Ежели баба ему не противится, то работу полегче даст: уборщицей в канцелярии или банщицей. Вот у нас банщица, к примеру. Раз в неделю попарит колхозных начальников: для них только баня и существует! А потом копается на своем огороде да ищет траву для своей коровушки. А трудодни начисляют. Не работа, а разлюли-малина...

— На хорошие должности «голова» только своих «зазноб» назначает: кухаркой, банщицей, буфетчицей, на птицеферму.

Помолчав минутку, девушка-колхозница продолжала:

— Ну, а ежели ты на уступку начальнику-кобелю не идешь, то он тебе ничего из колхоза не даст. Вязанки соломы для коровы не отпустит!.. На каждом шагу норовит тебя допечь и со света сжить... Прошлой зимой, в невыносимые холода, председатель выгнал вот таких «неподатливых» баб и девок на работу в лес. Мы должны были вытаскивать из непролазных сугробов громадные чурки и накладывать на сани. А потом перевозили эти дрова на водочный завод, за 20 километров, и там опять складывали дрова в штабеля. Поработали мы на такой непосильной работе, вспотели и простудились. Все слегли: заболели. А две девки так и не встали: померли... Вот как доканывают непокорных баб наши мучители. Настоящие тираны!..

Девушка смахнула рукавом набежавшую слезу, пошла молча... Потом продолжала:

— Иной раз так подумаешь. Мне уже тридцать стукнуло. Мужа теперь все равно не найти. Зачем беречься-то?.. А тут другое на ум пойдет. Ежели не беречься — дети пойдут. Что с ними делать?! В колхозе даже с мужем детей так трудно кормить, так тяжко с ними приходится! А без мужа как их прокормишь?! И себе горе и детям мука... Прежде аборты разрешали в больнице делать. В аптеке тоже такие средствия были, чтоб детей не рожать. А теперь ничего этого нету...

Девушка взглянула на меня смущенно-пытливо. Заикаясь, спросила:

— А може в аптеках... в больших городах... и теперь... такие средствия продают?..

Не мог я утешить девушку.

— Теперь таких «средсвий» нигде нет. И в больших городах тоже. После коллективизации, как подсчитало советское правительство, что людей в нашей стране осталось мало, так и распорядилось: прекратить везде и производство и продажу таких «средствий». Сталин велит советским женщинам рожать побольше детей. Правительству нужны и колхозники, и рабочие, и солдаты...

— Велит рожать?! — опять вспыхнула девушка. — Чтоб ему Антонов огонь в это самое родильное место!.. Рожать?.. А где я мужа достану? Кто будет отцом-кормильцем для моих детей?.. «Отец родной» рожать велит, а колхозных ребят голодухой морит... И колхозные похабники тоже о детях не заботятся. Бабам покою не дают. А как только баба родит, то никакой ей помощи: ни от блудного отца, ни от колхоза. Мучься, баба, с ребенком, одна, как хочешь!.. Нет, приживать детей от приблудных отцов... плодить «комиссарских сирот» в колхозе... это только матери на горькое горе и детям несчастным на лютую муку!..

Мы пришли на поселок.

Прощаясь, девушка вздохнула и сказала:

— Ничего не поделаешь: видно и дальше придется обороняться от похабников...

Гаремные «драконы»

Председатель одного из соседних колхозов решил расширить свой гарем до максимальных размеров.

Прежде в него входили только вдовы и девушки. Но вот началась германо-советская война. Коммунистический владыка колхозного гарема расценил это событие, как «благоприятный случай». Все взрослые мужчины--колхозники отправлены на фронт. А председателей колхозов в армию не забирали, оставляли на своих постах.

В первые же недели войны председатель объявил во всеуслышание свой новый приказ:

— Так как взрослых мужчин теперь в колхозе нет, то всех женщин от 16 до 40 лет я объявляю своими женами. И немедленно приступлю к исполнению своих обязанностей...

— Что он рехнулся или так нехорошо шутит?.. — недоумевали одни колхозницы.

— Кажись, это не шутка, — отвечали другие. — Разве вы его не знали? Раньше был колхозным кобелем для безмужних. А теперь решил стать колхозным быком для всех...

Приказ колхозного начальника не был грубой шуткой. Он стал похабной действительностью. Каждый вечер этот гаремный дракон вызывал к себе очередную колхозницу «для уборки канцелярии». После уборки запирал ее в канцелярии и принуждал ее в своем кабинете спать с ним. Измучили колхозниц трудодни. А теперь самодур ввел для них еще и «трудоночи»...

Одна из жертв этого «колхозного дракона», молодая колхозница, рассказывала, как поздно вечером, после того, как она вернулась с колхозного поля, колхозный начальник вызвал ее в канцелярию. После того, как она убрала канцелярию, начальник позвал ее в свой кабинет и предложил ей выпить водки и закусить с ним: покушать яичницы-глазуньи. Разгадывая намерения начальника, голодная женщина отказалась от роскошного угощения... Начальник заявил: «От угощения ты можешь отказаться, но спать со мной ты должна!..» И он указал ей на кровать, которая стояла в его кабинете. Женщина категорически отказалась выполнять его похабные домогательства. Колхозный начальник, как зверь, набросился на нее. Колхозница активно сопротивлялась, отбиваясь от нападающего похабника. Тогда насильник выхватил из кобуры револьвер и произвел несколько выстрелов над самой головой женщины. Ошеломленная колхозница упала на пол без сознания... Очнувшись, она увидела, что лежит на кровати начальника в истерзанном виде. А начальник лежит рядом и нагло ухмыляется:

— Сопротивление не поможет!..

— Куда пойти?! Кому пожаловаться?! Кто поможет, кто защитит от истязателей?!. - Так в отчаянии рыдала эта женщина-колхозница, придя домой, истерзанная и оплеванная физически и душевно...

***

В другом селе произошел такой случай.

Председатель сельсовета пытался изнасиловать сельскую учительницу. Она закричала. Проходившие колхозники защитили ее от насильника.

Сама эта учительница была такая запуганная, что никуда не пошла жаловаться. Но другая, пожилая учительница, ее коллега, пошла в город, добилась приема у председателя райисполкома и пожаловалась ему.

«Районный вождь» грубо распек учительницу:

— Подумаешь, важность какая: председатель хотел поспать с молодой бабенкой... У нас тут важных государственных дел по горло. На носу важнейшая политическая кампания — уборочная. Вы, учительница, государственная служащая, понимаете ли, что значит для государства уборочная кампания, от которой зависит вся жизнь государства в течение целого года?!. А вы тут с такими мелочами... сугубо личными пустяками пристаете... И время у ответственных руководителей попусту отнимаете!.. Вместо того, чтобы по пустякам кляузничать, Вы мне рапортовали бы о том, как Вы сами, и все другие учительницы Вашей школы, и все ученики Ваши — на уборочную мобилизовались! Уходите и больше не являйтесь в мой кабинет с пустяками!..

Учительница выскочила из кабинета начальника как ошпаренная... Она все еще надеялась «найти справедливость» и написала письмо в «Учительскую газету». Там напечатали малюсенькую хроникерскую заметочку эзоповским языком, в дипломатическом тоне. Но результатов и после этого не было никаких...

И по-прежнему стонут мученицы колхозных гаремов:

— Куда пойти?!. Кому пожаловаться?!. Где найти на драконов суд и управу?!.

15. СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Культурные учреждения в селе

В советском нэповском селе работала начальная четырехклассная школа. Она работала с двумя учителями, в две смены.

Потом, после коллективизации, когда в деревнях стали осуществлять указ советского правительства о всеобщем семилетнем обучении, в селе появилась школа-семилетка. Силами колхозников и за их средства было построено новое большое здание. Начала свою работу школа-семилетка: неполная средняя школа, с семью классами и семью учителями в ней. Школу эту посещали дети из Болотного и прилегающих деревень и поселков.

Кроме школы-семилетки, в колхозном селе были организованы новые культурные учреждения: изба-читальня и почта.

Прежде, и до революции и при нэпе, почта была только в волостном селе. Теперь, после коллективизации, когда все сельское хозяйство превратилось в государственное, которое постоянно и во всех деталях руководится и контролируется из государственных и партийных вышестоящих органов, — почта стала необходима для каждого колхоза и сельсовета. Теперь сельские учреждения получают ежедневно из районного центра десятки письменных распоряжений, указаний и запросов — и столько же посылают туда отчетов, рапортов, сведений. Поэтому ежедневно из сельсовета ездит в район колхозник-почтарь: возит почту в район и привозит оттуда. А другой работник почты, заведующий почтовым отделением, непрерывно должен вести по телефону разговоры колхозно-сельсоветского начальства с районным. Он вынужден «висеть на телефоне», как выражается работник этого ведомства.

Для того, чтобы у взрослых крестьян «выкорчевать остатки капитализма в сознании», преодолеть вражду к колхозу и воспитать их в коммунистическом духе, — при сельсовете организована изба-читальня, или колхозный клуб. В нем на столах лежат советские газеты и журналы. Есть библиотека, составленная почти исключительно из политических книг и брошюр. Изба-читальня украшена портретами Сталина и других вождей большевизма, плакатами и лозунгами по текущим кампаниям. Изредка там показывают советские фильмы.

В качестве заведующего избой-читальней из районного центра всегда посылали комсомольца или комсомолку: беспартийным этой работы не доверяют.

В последние годы в селе построена, силами колхозников, больница; прислан врач.

Интеллигенции в колхозном селе теперь много: врач, агроном, избач, почтовый чиновник, семь учителей, — всего одиннадцать человек. Прежде в этом дореволюционном селе их было три: учитель, дьячок, священник.

Из одиннадцати интеллигентов нет ни одного члена партии. Комсомольцев — три: избач и две учительницы. Остальные интеллигенты — беспартийные.

Как живет и работает интеллигенция в колхозном селе?

Колхозный агроном

Молодой агроном рассказывал, как после окончания сельскохозяйственного института он приехал в колхоз с большим воодушевлением и широкими планами: поднять урожайность полей и огородов, продуктивность животноводства, повысить благосостояние колхозников, помочь им сделаться зажиточными.

А в колхозе молодому мечтателю сразу перебили крылья. Колхозные руководители ему хмуро заявили:

— Ты своих планов не выдумывай. Нам самые детальные планы из районного центра спущены. Нам только нужно их на все 100 процентов выполнить.

Агроном скоро убедился, что колхозные руководители интересуются только тем, как бы посильнее ограбить колхоз в свою пользу да выполнить спущенные планы. Агроном, как инструктор-просветитель,

как проповедник агрономической культуры, для колхозного начальства не нужен. Начальство использует агронома только как одного из погоняльщиков в колхозе. И только.

А колхозники вообще никакой надобности в агрономе не чувствуют.

В колхозе агроном сам убедился, что низкая урожайность колхозных полей зависит не от агрономической некультурности крестьян, а от других причин. Прежде всего оттого, что в колхозе труд почти бесплатный, во-первых, и абсолютно-принудительный, во-вторых.

— Как же я могу увещевать или понуждать колхозника к труду, если сам вижу, что он вынужден работать почти бесплатно?! — говорил агроном. — Колхозник получает за трудодень только 200-400 граммов ржи. Разве это плата?! Они работают впроголодь, истощены, бессильны... Колхозники работают по принуждению, из-под палки. Они выполняют невольную работу, колхозную барщину. Но кто же может выполнять бесплатную работу, принудительную, крепостную барщину, без отвращения и успешно?! Мне, беспартийному агроному, колхозники говорят откровенно: «Пусть нам «товарищи» возвратят нашу землицу, — и в следующем же году мы удвоим урожай на полях, удвоим поголовье скота. Будет всем довольно и молока, и масла, и мяса. Мы, хлеборобы, будем сыты и горожан завалим продуктами. А вот в колхозах, дорогой наш, и трактор, и многополье, и агроном, и животновод, — и все это без толку: нет ни хлеба, ни масла, ни мяса... Столкнули «товарищи» хозяйство в болото. Так при колхозных порядках ему оттуда и не выбраться»...

Колхозники говорили агроному о своих обидах и мечтах.

— В колхозе мы не хозяева. Мы только крепостные: отбываем колхозную барщину. Зачем нам колхоз?! Разорил он нас... доконал... в печенку въелся!.. И не нужны нам ни колхоз, ни колхозное начальство... ни колхозный агроном... Вот если бы распустили проклятые колхозы да вернули нам нашу земельку-матушку, — тогда было бы другое дело. Мы разбили бы землю на отдельные участки, для каждой семьи, расселились бы на отдельных хуторах, как было до революции на столыпинских хуторах, — вот тогда бы агроном нам потребовался. Каждый хозяин для своего участка сам особый план бы выработал: что сделать и как сделать, чтобы побольше со своего хутора доходу получить? Вот тогда агроном в каждом крестьянском доме, на каждом хуторе стал бы дорогим гостем, желанным советни-

ком нашим. А теперь колхоз нам вреден... И все колхозные работники, даже агроном, нам ни к чему...

Чудные дела творятся в колхозах: специалист по сельскому хозяйству, агроном, чувствует себя там бессильным и лишним человеком...

Врач в колхозной больнице

Врач в селе пожилой, семейный. Опытный врач, прошедший многолетний предварительный путь фельдшерской практики. По происхождению из крестьян.

Он сетует на то, что его возможности оказать помощь колхозникам очень ограничены. Лекарств, даже самых необходимых, нехватает.

А главная беда в том, что врач бессилен устранить основные причины массовых заболеваний в колхозе.

— Главные причины болезней и высокой смертности колхозников, — говорил врач, — это голод, холод, изнурение. Питание колхозников очень плохое: картофельная похлебка или капустный борщ. Без мяса, без сала, без масла, без яиц, без рыбы. Ничего этого колхозники теперь и в глаза не видят. Не едят теперь они каши. Нет даже ржаного хлеба. Выданного на трудодни хлеба им хватает теперь только на несколько месяцев в году. Питание скудное, голодное, а работы на колхозников навалено с избытком: работают они от восхода солнышка до захода, по 15-16 часов в день. Да еще по-китайски: без выходных дней. Где же тут выдержать с пустой похлебки?! Люди неминуемо истощаются, изнуряются, заболевают. А многие сваливаются, как загнанная лошадь... «Все пары вышли», — так колхозники характеризуют эти случаи...

— Или возьмем другую причину заболеваний: холод, — продолжал врач. — Зимой или в осеннее ненастье колхозники мерзнут, мокнут, часто простуживаются. А как же им не простудиться?! Одежда ветхая, обувь худая. Дров тоже нет. Привезти дров из далекого леса не на чем: «голова» дает колхозных лошадей только «избранным». Ну и мерзнут колхозники. Сколько бывает простудных заболеваний в осенне-зимнюю пору — Боже упаси!..

— А чем я могу помочь людям, бедствующим от холода, голода и истощения?..— разводил руками доктор.— Станешь с врачебной точки

зрения растолковывать начальству, что надо голодных колхозников подкормить... дровами обеспечить... рабочий день сократить... выходной день дать... А начальство зарычит, набросится как остервенелое: «Да понимаете ли Вы, что говорите?! Вы же злостно критикуете советские законы, правительственные распоряжения, советско-колхозные порядки!.. Это же антисоветские разговорчики!..» Напомнят о знаменитой 58-й статье Уголовного Кодекса... И о тех «местах отдаленных», куда, дескать, согласно поговорке, прежде «Макар телят не гонял», но куда современные Макары гонят «телят» целыми стадами... Ну, после этого язык и прикусишь: разве против рожна попрешь?! Разве стену лбом прошибешь?!

Горько усмехнулся врач. Помолчал. Потом продолжал:

— Прежде все люди рассматривали больницу, как лечебницу. А теперь ее рассматривают по-иному: не как лечебницу, а прежде всего, как медицинский контрольный пункт для отбывающих барщину колхозников. Колхозное начальство всегда долбит врачу один наказ: «Больным колхозникам выдавать врачебную справку об освобождении от работы только в крайнем случае, в виде исключения, когда больной совсем не может двигаться...» Но колхозники заболевают массами. И обращаются они к врачу обычно не за лечением. Они сами хорошо понимают, почему они болеют. Знают и главные «лекарства» от их хронической болезни: пища, дрова, одежда, обувь... Больные понимают, что врач не может снабдить их этими «лекарствами». Но колхозники знают, что одним «лекарством» врач больным помочь может. И помогает. Это «лекарство»: кратковременное освобождение от работы, небольшой отдых для изнуренного больного. За этим-то «лекарством» и обращаются к сельскому врачу чаще всего. Получив от врача справку о том, что из-за болезни колхозник не может выходить на колхозную работу два-три дня, больной одарит врача таким благодарным, прослезившимся взглядом, который надолго запоминается... Справку эту колхозники называют «освобождением»... Дети больных колхозников бережно, как драгоценность, берут ее и относят в колхозное правление...

— Выдашь такую бумажку больному колхознику и порадуешься, — продолжал врач: получит он отпуск на несколько дней, полежит, отдохнет — и оживет, как это часто бывало... Но радость в таких случаях бывает непродолжительной и часто заканчивается скандалом. Вызывает какой-либо сельский начальник — сельсоветский, колхоз-

ный или партийный, каждый считает себя начальником над беспартийным врачом, над беспартийными учителями! — и начинает «отчитывать»: «Вы очень добры, товарищ врач: сегодня мы получили от колхозников три Ваших бумажки с освобождением от колхозных работ по болезни. Если Вы будете так щедро выдавать бумажки, то кто же останется работать в колхозе?! Вы потакаете нерадивым колхозникам, лентяям и саботажникам!.. Вы лучше орудуйте всякими там безвредными порошками и подкрашенной водичкой... А бумажек с «освобождением» выдавайте как можно меньше. Потому, что, хотя это «лекарство» для колхозника очень полезное, но для колхоза оно — вредное... А если Вы наших требований исполнять не будете, то придется доложить райкому и райздравотделу. Они снимут Вас с работы за вредительство и отдадут под суд. Тогда пеняйте на себя и вспоминайте поговорку о Макаре с телятами, о которой мы с Вами не раз уже беседовали...»

— А как же районное начальство относится к этому вопросу, о больных колхозниках и отпусках? — спросил я.

— Оно всецело на стороне колхозного начальства, — ответил врач. — Сам «районный вождь», разъезжая по колхозам, иногда рвет публично врачебные справки, а больных колхозников с помощью милиционеров выгоняет на работу... Ну, а после такого «благого примера» и колхозные председатели с нашими справками нередко поступают так же...

— Короче говоря, «сталинская забота о человеке» самая нежная и «социалистический гуманизм» в полном расцвете... Такую заботу» испытывают не только взрослые колхозники, но и дети. В прошлом году, например, зимой праздновали здесь, как и по всей стране, 60-тилетний юбилей Сталина. Холода были ужасные: около —40°... Школьные занятия, по правилам Наркомпроса, были из-за холода прерваны, и школьники в эти холода сидели дома. Но к сталинскому юбилею поголовно всех школьников, начиная с семилетних первоклассников, выгнали в школу, на юбилейный митинг... Школа расположена далеко за селом, в поле. Местным ученикам пришлось идти до полутора километров, а школьникам из поселков и других деревень — от двух до трех километров. По страшному морозу детям пришлось идти на митинг в ветхой порваной одежде, в худой обуви, нередко в фуражках, иным даже без рукавиц... Многие детишки, несколько десятков школьников, отморозили себе уши, руки, ноги...

Это только несколько примеров, которые показывают, в каких условиях приходится жить колхозникам и работать нам, сельским врачам.

— А каковы были условия врачебной работы до революции? — осведомился я у врача.

— В доколхозной деревне, и до революции и при нэпе, я много лет работал в сельских больницах фельдшером, — ответил колхозный лекарь. — Тогда работать было неизмеримо легче. Крестьяне были сыты, одеты тепло, жили в натопленной хате. Заболеваний было несравнимо меньше, чем в колхозной деревне. Смертность была тогда гораздо ниже рождаемости, и население в деревнях сильно увеличивалось. А теперь колхозники болеют массами в «колхозном раю» и мрут, как мухи... После коллективизации смертность в деревне гораздо выше рождаемости, и население в колхозе неуклонно вымирает. И в нашем колхозе. И в районе. И в области. По всей стране... Прежде, в доколхозной деревне, я мог помогать больным крестьянам: и лекарствами, и врачебно-гигиеническими советами. Мужички были благодарны врачу, фельдшеру — за их деятельность. И приятно было работать. А теперь я могу помочь больным только в малой степени и далеко не всегда. Я почти бессилен помочь сельским жителям в их условиях. Трудно и тяжко работать в колхозной больнице...

РАССКАЗЫ УЧИТЕЛЕЙ ОБ УСЛОВИЯХ ШКОЛЬНОЙ РАБОТЫ

Руководство

Рассказывали учителя о своих районных руководителях.

Заведывание районным отделом народного образования за все 24 года советской власти до германо-советской войны никогда не было доверено беспартийному учителю. На этот пост всегда назначался только партиец, часто не из учителей и даже не имеющий среднего образования.

Такой же принцип осуществлялся и при назначении заведующих школами. Беспартийному учителю этот пост доверялся только в том случае, если среди учителей школы не было ни одного партийца или комсомольца. Во всех других случаях заведующим назначался ком-

мунист, хотя бы он был юным комсомольцем, только что окончил педтехникум, а среди беспартийных учителей были педагоги квалифицированные и опытные.

Коммунистов, партийцев и комсомольцев вместе, среди учителей было не больше 25 процентов.

Как правило, квалификация беспартийных учителей гораздо выше, чем коммунистов. Ясно, что при этих обстоятельствах монопольное право коммунистов на руководство школами сильно обижает беспартийных учителей.

Учителями, обычно, не руководят, а командуют, грубо и бесцеремонно. Командуют не только заведующие школами и чиновники районо, но и все местные колхозные начальники: и парторганизатор, и секретарь комсомольской ячейки, и председатель сельсовета, и председатель колхоза. Каждый уполномоченный из района тоже считает себя вправе распоряжаться учителями.

— Уж очень много у нас начальников, — жалуются учителя на свою горькую долю. — Кто только нами не командует?! Каждый местный начальник желает свою «образованность показать», вмешивается в школьные дела, командует нами и поносит нас, как «гнилую интеллигенцию» . . .

Таким «руководством» — диктаторским командованием, грубой руганью и травлей, — некоторые учителя со слабыми нервами были доведены до самоубийства . . .

***

Труд и заслуги учителей в Советском Союзе оцениваются плохо. Зарплата их очень низкая.

Долгий ряд лет эту самую многочисленную категорию интеллигенции при наградах правительство вообще обходило, игнорировало.

Потом оно решило это упущение исправить и подготовить указ о награде орденами большой группы учителей. Но практически это мероприятие было проведено так, что в большинстве случаев награду получили не лучшие учителя.

Некоторые учителя имели широкую известность, как лучшие педагоги в государстве, но в списке награжденных их не было. Зато другие учителя, не имеющие никаких особенных педагогических та-

лантов и учебных успехов, получили ордена. Некоторые педагоги были награждены не за работу, а только за обещания, которые они в торжественной обстановке дали вождю советского государства, что в их школе все ученики будут «отличниками», т. е. будут иметь только отличные и хорошие отметки. Другие директоры были награждены за то, что они записали в пионерскую организацию поголовно всех учеников своей школы, превратив таким образом ее в «пионерскую школу» . . .

В том районе, куда входит Болотное, орден был выдан тоже плохому учителю.

Районные партийно-комсомольские организации выдвинули перед правительством кандидатом на награду учителя-комсомольца из сельской школы. Районному начальству он был известен, как пропагандист и активный проводник политических кампаний в селе. Но он был плохим учителем: малограмотен, груб, учительскую работу не любил, преподавал плохо. Класс его занимался неохотно, имел слабые успехи.

И вот указом правительства этот учитель был награжден орденом, как лучший учитель в районе. Районые организации устроили в городе чествование орденоносца, учителя-комсомольца. Торжественный праздник проходил почти в пустом зале: мало кто из беспартийных учителей на это собрание явился. Они считали для себя унизительным участвовать в чествовании такого «орденоносца». На торжественном заседании некому было сказать орденоносцу приветственного слова от учителей школы, которой он заведывал: там-то его знали лучше всего, и на праздник ни один из его коллег по школе не явился . . .

Голодные школьники

Ненормально не только руководство сельскими учителями. Условия жизни школьников тоже очень неблагополучны.

Школьники оборваны, нищи, голодны. А могут ли хорошо учиться голодные дети? Старая пословица говорила: «Сытое брюхо к ученью глухо». Эта пословица подразумевала или только определенный период времени — после сытного обеда, или людей, которые едят чересчур много и тем сосредотачивают энергию организма только на процессе пищеварения, отвлекая ее от мозга.

Сельские учителя заметили на колхозных школьниках новую закономерность: «Голодное брюхо к ученью глухо» ... Организм голодных детей слаб и быстро утомляется. В особенности скоро утомляется нервная система. Она у голодного ребенка повышенно возбудима. Внимание возбужденного школьника легко отвлекается всякими внешними посторонними факторами: в классе, в школе, на улице.

Кроме того, он постоянно отвлекается от уроков своим внутренним состоянием, обусловленным чувством голода. Внимание такого школьника все время отвлекается от урока ассоциациями голодного: «Голодной куме — все хлеб на уме» ... Оно постоянно занято специфическими мечтами и заботами, ибо голодный всегда находится, говоря словами чеховского персонажа, «...в рассуждении, чего бы покушать...» Поэтому колхозные школьники часто бывают невнимательны, рассеянны. Они, «присутствуя, отсутствуют» ... И многое на уроке пропускают.

А то, что услышат, голодные школьники нередко воспринимают односторонне и убого.

— Однажды на уроке, — рассказывал учитель колхозной школы-семилетки, — в седьмом классе мы читали повесть Гоголя «Старосветские помещики». Когда там многократно упоминалась обильная еда, то голодные школьники, глотая слюнки, перемигивались и бросали реплики: «Вот была обжорка-то!..» «Хошь бы один разок так пожрать!..» А возглас писателя: «Скушно жить на этом свете, господа!» ученики встретили бурными, негодующими восклицаниями: «Так лопали — и им... скушно!..» «В колхоз бы вас: тут бы вам стало жить веселей!..» Пересказ повести Гоголя голодными школьками свелся к подробному изложению меню Афанасия Ивановича...

Психологию голодных и больных хорошо охарактеризовали народные пословицы: «Голодной куме — все хлеб на уме»; «У кого что болит, тот о том и говорит» ...

Если старая пословица говорила о том, что «сытый голодного не разумеет», то сельские учителя убеждаются теперь и в обратном: «Голодный сытого не разумеет» ...

Так голод затрудняет ученье в колхозной школе.

А дома заниматься подготовкой уроков школьникам некогда. Родители их целый день, от темна до темна, заняты на колхозной работе. Поэтому школьникам приходится очень много работать по дому. Они

должны работать на огороде; топить печку и варить пищу; ухаживать за малышами; рвать траву для коровы; пасти на пустыре поросенка, теленка; разыскивать топливо и т. д.

Кроме того, сельское начальство часто привлекает школьников к колхозной работе, «мобилизует» их во внеурочное время: на прополку полей, колхозного огорода, на уборочные работы — полевые, луговые, огородные, на молотьбу; на ремонт дорог, в качестве посыльных и т. п.

Нередко школьников «мобилизуют» на колхозные работы и в урочное время: целыми классами или даже всю школу. Причем, начальство «забывает» записать школьникам трудодни или покормить голодных детей за их работу . . .

Из-за всех этих обстоятельств школьникам, по наблюдениям старых учителей, в колхозе учиться стало теперь гораздо труднее, чем в условиях доколхозной, более или менее нормальной, жизни — в дореволюционной или нэповской деревне.

А учителям тоже труднее стало работать в колхозной школе уже из-за одного того, что их ученики живут в голоде и нищете.

Общий результат труда учителей и школьников, учебная успеваемость, при таких условиях неминуемо снижается. Это огорчает учителей.

Вечная «история» с учебником истории . . .

Недовольство учителей вызывают также и школьные учебники, особенно учебники истории, русского языка и хрестоматия для чтения.

— Некоторые учебники не помогают нашей учебно-воспитательной работе, а мешают ей, — говорили учителя.

В 36-м году, по приказу ЦК партии, во всех начальных школах был введен новый предмет преподавания — «история СССР» (история России). Раньше этот предмет изучался только в средних и высших школах. А теперь историю стали изучать в третьем и четвертом классах начальной школы, ученики с девяти-до одиннадцатилетнего возраста . . .

Был составлен специальный учебник, под редакцией профессора Шестакова, и утвержден Центральным Комитетом партии. Авторы были награждены большими денежными премиями. Ознакомившись

с этим учебником, опытные учителя говорили, что он совершенно не приспособлен для начальной школы. Вместо того, чтобы дать детям сборник живых рассказов и очерков об отдельных исторических эпизодах и деятелях, детям дали сухой учебник, который недоступен им ни по содержанию, ни по форме. В первом разделе учебника в сжатом виде излагалась книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» . . .

Так инициаторы этого педагогического эксперимента и редакторы нового учебника, «великий друг детей» (Сталин), вместе с «унтером Пришибеевым по делам культуры» (Ждановым), обязали девятилетних детишек изучать . . . философию, исторический материализм: «матриархат», «патриархат», «первобытный коммунизм», «эксплуатацию», «классовую борьбу», «государство, как орудие классового угнетения», и т. п. Девятилетние дети, несмотря на все усилия, никак не могли одолеть эту мудреную абракадабру. Они должны были долбить наизусть этот непонятный учебник, как долбили в средневековых школах «Псалтырь» в качестве азбуки и книги для чтения . . .

После вводного, «философского», раздела, в учебнике следовала история дореволюционной России. Сущность этой истории изложена была так: в дореволюционной России было плохо все, кроме двух явлений — революционной борьбы и территориальных завоеваний.

К заслуженным «революционным борцам» причислялся разбойничий атаман Стенька Разин. Учебник славословил Разина не только за его «революционную деятельность», но и за методы расправы со своими противниками. Учебник в одобрительном духе описывал для девятилетних детей, как расправлялся разбойник с царскими чиновниками: по приказу атамана, его сподвижники связывали захваченных чиновников, встаскивали их на высокую колокольню и оттуда сбрасывали . . . Эти эпизоды школьникам запоминались . . . Так в школе воспитывали детей в духе «социалистического гуманизма» . . .

Последние разделы учебника были посвящены истории Советского Союза, прославлению деяний советской власти, «гениального и мудрого» вождя Сталина и его «соратников»: Кагановича, Молотова, Жданова, Кирова, Орджоникидзе и других; а также советских маршалов: Ворошилова, Буденного, Тухачевского, Блюхера, Егорова. Каждому «соратнику» и маршалу в учебнике был посвящен текст-панегирик и большой портрет. Текст изображал всех советских вож-

дей и маршалов легендарными героями, а портреты представляли их писанными красавцами . . .

Учебник этот с многочисленными иллюстрациями был напечатан в миллионах экземпляров, и каждый ученик должен был приобрести его.

— И вот, — рассказывала одна сельская учительница, — как только мы начали изучать этот новый учебник истории, так и посыпались на нас всякие «истории» . . . Не успели мы еще растолковать ребятам слова «матриархат», «патриархат», — как однажды посыльный из сельсовета вызывает с урока нашего заведующего школой немедленно на почту к телефону. Полетел заведующий сломя голову. А там, по телефону, ему из районо приказывают: «Немедленно заклейте в учебнике Шестакова «История СССР» портрет бывшего советского маршала Тухачевского и весь текст, который к нему относится. А школьникам поясните: к сожалению, был маршалом, занесен в историю как «талантливый полководец Красной армии», но впоследствии точно выяснилось, что он — вредитель в армии, изменник, шпион и враг народа. Поэтому расстрелян, как бешеная собака. Предупредите школьников, чтоб впредь его никогда маршалом не называли, а только кличкой: «враг народа», «пес смердящий» . . .

Учительница тревожно оглянулась по сторонам, вздохнула глубоко. А потом продолжала свой рассказ об «историях»:

— Заклеить портрет «врага народа» было нечем: в школе не было канцелярского клея. Пришлось ученикам просто перечеркивать ручкой и картинку и текст в учебнике . . . Но не успели мы еще опомниться от одного распоряжения, как посыпались другие: «Заклеить бывшего маршала Блюхера! . . » «Заклеить расстрелянного маршала Егорова! . . » «Снять и уничтожить портрет бывшего члена политбюро Коссиора! . . » И пошла, и пошла, и пошла писать губерния! . . Мы, учителя, были ошеломлены и ходили, как пришибленные и обалделые. А ученики скоро ко всем новостям привыкли . . . Было заметно, что это ниспровержение богов в бездну им даже понравилось. «Еще один полетел! . . » — сопровождали они каждую такую новость. А перечеркивание учебника им нравилось еще больше: видимо, перечеркивать этот учебник было им гораздо приятнее, чем его изучать . . . Дело дошло до того, что как только начинался урок, ученики, ехидно улыбаясь, приступали к допросу учительницы: «Ну, кого же, Мария Ивановна, мы будем зачеркивать сегодня?» — «Какой там новый пес

засмердел? . . » Один озорник как бухнул: «А скоро там очередь дойдет до усатого? . . . » Я остолбенела . . . А он пояснил: «Нет . . . я не того . . . Я подумал: Буденного . . . Потому вчера молоковоз из города вернулся и рассказывал: «В доме колхозника, — говорит, — сняли уже и того, с пышными усами который . . . » Это он Буденного так называет. «Неужто, — говорит, — и такие усища не помогли?! . »

— И смех и грех с этим учебником, — закончила свой рассказ беспартийная учительница, обязанная преподавать девятилетним детям марксистскую философию и большевистскую политграмоту. — Каждый день двойной тревогой начинается: какая новость идет из центра? И как эта новость на этом учебнике и на моем учебном предмете отразится? Страх гнетет днем . . . Мучают тревожные вопросы ночью . . . Какая новая «история» ожидает нас?. . Кого из богов с Олимпа в преисподнюю сбрасывают?. .О каком вчерашнем «герое», а сегодняшнем очередном «псе», я должна буду завтра своим ученикам докладывать и какую новую «историю» рассказывать им вместо зачеркнутой?. .

— Да, было бы смешно, если бы не было до слез грустно, — сказала учительница, вероятно, в ответ на мою невольную улыбку. — И кроме того, очень опасно. Ведь при изложении ученикам всех этих странных «историй» каждое слово, мимика, жест могут быть истолкованы начальством так, что поневоле сама попадешь в подобную «историю» . . .

Учебник истории, неудачный сам по себе, да еще включивший в себя такую неустойчивую политическую современность, доставляет учителям очень много дополнительных забот, волнений, горя.

Русская грамматика . . . без русского языка . . .

Сильно жаловались учителя также на учебник русского языка. Жаловались повсеместно: и в сельских школах и в столичных, так как во всех советских школах один-единственный учебник является официальным и обязательным.

— От нас, учителей, правительство требует, чтобы мы готовили в школе грамотные кадры, — говорили преподаватели русского языка. — Но для этого мы должны иметь хороших помощников в нашей работе: учебник, хрестоматию. А каковы в школе учебники? Вот, например, учебник по главному учебному предмету в школе, по русскому

языку. После революции все прежние школьные учебники, в том числе и учебники грамматики, были отменены и изъяты из школьных библиотек. В советских школах был введен новый учебник русского языка, учебник Шапиро. Но это — не учебник, а каторга: и для учителя и для учеников. Изучение его и преподавание по этому учебнику равнозначно каторжным работам. Грамматические правила в нем изложены суконным языком: путано, невразумительно, неуклюже, шероховато и малограмотно. Такую грамматику трудно читать. Еще труднее добраться до смысла написанного. Такие путаные правила почти невозможно заучить и запомнить. Учебник Шапиро наглядно свидетельствует о том, что автор плохо знает русский язык, не владеет им и находится не в ладах с русской грамматикой.

Великий русский ученый-энциклопедист, поэт и языковед, основоположник нового русского языка, М. В. Ломоносов охарактеризовал русский язык, как самый богатый язык в мире: «Карл, римский император, говаривал, что испанским языком — с Богом, немецким — с врагами, французским — с друзьями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российском языку был искусен, то, конечно, присовокупил бы, что им со всеми этими говорить пристойно, ибо он нашел бы в нем великолепие испанского, силу немецкого, живость французского, нежность итальянского и, кроме того, сжатую изобразительность латинского и греческого».

А Шапиро в своем учебнике игнорировал этот афоризм Ломоносова о богатстве русского языка. Проявив большую «смелость», — написать учебник грамматики по такому богатому, прекрасному языку, — автор учебника не смог даже понятно, толково изложить и объяснить грамматические правила тем, кто изучает русский язык или преподает его.

Великий мастер художественного слова И. С. Тургенев в специальном стихотворении прославил «великий, могучий, свободный и правдивый русский язык», который мог быть дан «только великому народу». А Шапиро в своем учебнике дал пародию на русский язык, какой-то убогий жаргон косноязычного.

Автор русской грамматики игнорировал характеристики русского языка, которые даны М. В. Ломоносовым, Тургеневым и другими великими писателями. Вероятно, эти характеристики ему не нравились. Может быть, он опасался того, что школьники, прочитавши какое-либо грамматическое правило в изложении Шапиро, начнут

иронически сопровождать его афоризмами Ломоносова и Тургенева... Быть может, он считал эти характеристики неправильными и сам расценивал русский язык не как великий и богатый, а как убогий и отсталый. Но вероятнее всего, что автор учебника отбросил эти характеристики русского языка, как «аполитичные», бесполезные для целей коммунистического воспи́тания.

Вместо этих, отброшенных им характеристик русского языка, автор ввел в свой учебник иную оценку, которая должна была давать учащимся политически окрашенную стимуляцию для изучения родного языка и служить орудием коммунистического воспитания молодежи.

В качестве такой политической характеристики русского языка Шапиро привел в своем учебнике слова Маяковского:

«Да будь я и негром
Преклонных годов,
И то, без унынья
И лени,
Я русский бы выучил
Только за то,
Что им разговаривал
Ленин!..»

Таким образом, автор внушает учащимся мысль, что русский язык имеет ту главную положительную особенность, «незаслуженную заслугу», что ... «им разговаривал Ленин» ... Именно из-за этой, самой значительной, особенности нашего языка учащаяся молодежь должна его «выучить»... Так даже стимулы для изучения русского языка были в учебнике грамматики изменены, политизированы и оглуплены: изучать язык «... только за то, что им разговаривал Ленин!..»

В дореволюционных русских грамматиках, кроме авторского учебного текста, который был написан ясным, четким, грамотным языком, — был также текст для упражнений по грамматике: иллюстрации к грамматическим правилам, материал для грамматического анализа, для упражнений, списывания, диктантов, повторения. Этот иллюстративный материал занимал бо́льшую часть учебника грамматики.

Весь этот материл был заимствован из русской классической художественной литературы. Откуда же еще можно заимствовать тек-

сты для изучения русского языка?! Русские классики дают шедевры поэтического образного языка, образцы прекрасного стиля, глубоких мыслей, высоких чувств. Этот текст учил школьников русскому литературному языку, содействовал всестороннему развитию и воспитанию учащихся, оживлял изучение сухой грамматики и прививал школьникам любовь к великому родному языку.

Но Шапиро выбросил художественные тексты из своей грамматики. Он заменил их политическими текстами, которые были взяты из трех источников: из сочинений Сталина, Ленина и передовиц «Правды».

Так, вместо «богатого» русского языка учебник грамматики преподносил учащейся молодежи убогий политически-митинговый жаргон.

Вместо «свободного» русского языка школьники обязаны были долбить и повторять словесные партийные штампы.

Вместо «правдивого» русского языка молодежь должна была в школе ежедневно слушать, читать, писать и повторять пропагандную ложь, выдаваемую за непогрешимую истину, за аксиому.

Из-за этого педагоги и школьники расценили грамматику Шапиро, как «школьную каторгу», и люто возненавидели этот учебник. Немало школьников перенесло свое отвращение к учебнику на учебный предмет. В распространении языковой безграмотности в советской школе эта грамматика сыграла роковую роль.

Изучая русский язык по дореволюционным книгам, учащиеся читали и слушали могучий колокольный перезвон великого языка, который был дан великому народу. И благоговейная улыбка часто сияла на их лицах.

А в советской школе, морщась и кряхтя над «проработкой» шапировского горе-учебника, слушая и читая на уроках таких «корифеев русского языка и русской литературы», как Ленин и Сталин, Шапиро и передовики «Правды», — ученики чувствовали себя не особенно хорошо. Как будто они, в виде наказания, вынуждены были выполнять одновременно такие обязанности: жевать мочалку; слушать «музыку» тарахтящей по булыжникам телеги; и задыхаться от пыли, которая клубами поднимается со страниц учебника...

Шапировская грамматика была совершенно своеобразным учебником русского языка, пособием «нового типа». От всех предыдущих учебников, начиная от Ломоносовского и кончая учебниками пред-

революционных лет, эта грамматика отличалась двумя главными особенностями.

Во-первых, этот учебник русского языка был написан и составлен автором, который не был специалистом по русскому языку и даже не владел элементарными основами этого языка. Поэтому вместо русского языка в учебнике был представлен не-русский язык, ибо язык Ленина и Сталина, Шапиро и передовиков «Правды» имеет к русскому языку такое же отношение, как сорняки — к пшенице, среди которой они угнездились.

Во-вторых, этот учебник был составлен не на обещанную тему. Вместо грамматики русского языка автор составил хрестоматию по коммунистической политграмоте, политическую «грамматику». Превращение учебника русского языка в «политическую грамматику» автор произвел сознательно. Он знал, чем угодить партийному руководству, которое рассматривает школу, как «орудие коммунистического воспитания подрастающего поколения».

Замысел автора целиком оправдался. Его «грамматическая политграмота» очень понравилась в руководящих сферах. Там высоко оценили ее достоинства: «Грамматика превращена из аполитичного предмета в орудие коммунистического воспитания школьной молодежи. Изучение грамматических правил и знаков препинания автор всегда увязывает с современностью и политическим воспитанием. Шапиро убедительно показал, как даже запятую можно увязать с коммунизмом... Политически заостренный, коммунистически выдержанный учебник. Это пример для всех других авторов» ...

В Центральном Комитете партии и в Наркомпросе учебник был одобрен и утвержден в качестве официального и едиственного учебника русского языка для всех советских школ: для семилеток и средних школ всех типов.

Учебник был напечатан в миллионах экземпляров. И ежегодно его переиздавали. Характер «грамматической политграмоты» этого требовал. Ведь задачи и генеральная линия партии, лозунги вождей, передовицы «Правды», — все это менялось, а следовательно и содержание «политической грамматики» должно было непрерывно меняться, обновляться.

Замена прежних учебников грамматики учебником Шапиро была сделана, как это обыкновенно делается в Советском Союзе, безо всякого совета с учителями. Но учителям такой учебник никак не мог

понравиться. Преподаватели русского языка приложили огромные усилия к тому, чтобы освободиться от негодного учебника. Они бесконечное число раз ставили вопрос о непригодности этого учебника на совещаниях и учительских конференциях: районных, областных, республиканских. Конференции посылали свои резолюции-протесты в вышестоящие органы народного образования, вплоть до Наркомпросов. Учителя посылали письма-протесты, индивидуальные и коллективные, в свою профессиональную «Учительскую газету».

Один учитель русского языка рассказывал:

— Однажды, когда мы были в Москве, на летних курсах заочников педагогического института, мы, несколько учителей, зашли в «Учительскую газету»: побеседовать по поводу этого злосчастного учебника. А в редакции нас прервали после первых же слов: «Ах, Шапиро?.. Знаем этого ученого мужа, знаем!.. Учителя со всех концов Советского Союза забросали нас критическими письмами по поводу его знаменитого учебника... Многие письма написаны очень ядовито. Одно, например, заканчивается так: «Бесспорно, товарищ Шапиро написал знаменитый учебник: самый плохой учебник в истории школьного дела в России... Ну, и отправьте его по назначению: в качестве экспоната в школьно-исторический музей. А школу необходимо освободить от такого учебника: без него заниматься легче и успешнее, чем с ним...» Или другое письмо: «Наркомпрос, — говорит оно, — разваливает дисциплину в школе, не допуская там абсолютно никаких наказаний. Может быть, учителям разрешат применять хотя бы одно наказание за самые тяжкие проступки учащихся: оставлять наказанного школьника на один час в школе — для послеурочных занятий по учебнику Шапиро? За эффективность этого наказания можно ручаться...» В своих письмах учителя резко осуждают Наркомпрос за такой учебник: «С пользой для дела учебник Шапиро может быть заменен любым дореволюционным учебником грамматики, даже самым худшим. Если Наркомпрос из сотен ученых-языковедов и многих тысяч преподавателей русского языка не мог найти лучшего автора для составления учебника, значит, это подтверждает ту характеристику Наркомпроса, которая дана ему в учительской поговорке:

«Из Нарком-проса не выйдет, друг, Нарком-пшена...»

Посмеялись учителя в редакции над этими язвительными письмами своих коллег. А потом спросили редакционных работников:

— Но почему же «Учительская газета» не напечатала ни одного из многочисленных критических писем?

— А вы думаете, что мы можем делать все, что пожелаем?! — услышали учителя встречный вопрос журналистов. — Грамматика Шапиро — это официальный учебник для школ, утвержденный высшими партийно-государственными органами в стране: Центральным Комитетом партии и Наркомпросом. Поэтому нам не разрешается критиковать его в газете, публично . . .

— Но вы все же не унывайте, —'утешили в редакции на прощанье учителей. — Письма педагогов не останутся без последствий. Мы их в редакции собираем и регулярно, пачками, пересылаем Наркомпросу: для осведомления и принятия соответствующих мер. Чиновники Наркомпроса уже говорят нам, что этот «поток учительских „приветственных" писем им уже в печенку въелся . . .» Будем вместе с вами надеяться, что тысячи учительских писем все ж таки доконают Наркомпрос. Он не выдержит этого натиска и заявит: «Сдаюсь!» . .

***

У Наркомпроса бегемотова кожа. А за ним и над ним стоит Центральный Комитет партии, который отделен от учительских масс крепостной стеной. Поэтому очень нескоро учителя смогли «доконать» эти высокие «твердокаменные» учреждения. Долго, очень долго пришлось ожидать учителям результатов своих законнейших требований.

Но они все-таки дождались этого радостного дня. Незадолго до германо-советской войны грамматика Шапиро была заменена другим официальным учебником русского языка, грамматикой ученого языковеда, профессора Бархударова. И педагоги и школьники с большим удовольствием сжигали ненавистный учебник Шапиро: тот учебник, который два десятилетия мучил учителей, школьников и родителей, выдержал 15 изданий, обошелся родителям во много миллионов рублей, развел в советской школе пышные сорняки малограмотности и вызвал у многих школьников отвращение к родному языку и неприязнь к школе . . .

Эта смена учебников была большим школьным праздником: и для преподавателей, и для учеников, и для родителей.

О школьных хрестоматиях

Сетовали учителя также и на школьные хрестоматии. Половина их заполнена хорошим материалом из классиков русской литературы, а другая половина — недоброкачественной, бездарной агиткой.

Школьные хрестоматии политизированы пропагандным материалом. Политизированы все хрестоматии, начиная с книг для чтения в I классе начальной школы и кончая хрестоматиями для старших классов средней школы.

Этот пропагандный материал имеет своей целью воспитывать у школьников чувство «советского патриотизма», т. е. духа преклонения перед всем коммунистическим, враждебности ко всему некоммунистическому. Прежние школьные хрестоматии, в большинстве, имели своей задачей: содействовать всестороннему воспитанию учащихся, прежде всего, моральному.

Большое место в хрестоматиях было отведено материалам о семье и семейном воспитании. Этот материал был близок школьникам и важен для них. Стихи, рассказы, сказки рисовали образы дедушек, таких близких внукам. Эти дедушки учили внуков житейской мудрости, труду и делали им всевозможные игрушки.

«Подождите, детки,
Дайте только срок:
Будет вам и белка,
Будет и свисток».

Со страниц хрестоматии вставали живые образы бабушек, которые любовно ухаживали за внучатами и рассказывали им интересные сказки.

А в советских хрестоматиях дедушки и бабушки встречаются очень редко, так же редко, как в современной советской жизни. И только в одном виде: как олицетворение темноты и варварства... Старая пословица говорила: «Яйца курицу не учат...» Но советским школьникам рекомендуется обращаться со своими дедушками и бабушками по новой, советской, пословице: «Кому же и учить курицу, как не яйцам?!.»

Один педагог-коммунист в Советском Союзе додумался даже до теории о «диктатуре детей в социалистическом обществе»... Подобно тому, как социальная пирамида при социалистическом строе пере-

вернута вверх ногами и в обществе установлена «диктатура пролетариата», прежнего самого низшего класса, — так и в семье, в быту, должна быть перевернута возрастная пирамида. Прежний самый низший возрастной слой, дети, должен быть поставлен на самом верху: он будет осуществлять «диктатуру детей» над всеми другими возрастными группами...

Лозунг «на выучку к детям» Маяковский сформулировал в таком виде:

«Безграмотная старь,
Садися за букварь!..»

В дореволюционных хрестоматиях было много интересных материалов: об отце, матери, взаимоотношениях детей с родителями. Эти материалы прививали, укрепляли и развивали у школьников любовь и уважение к родителям.

В советских хрестоматиях материалов на эту тему вообще очень мало. А помещенные материалы говорят о том, что дети гордятся только тогда, когда родители «сознательные», то есть коммунисты, или «знатные люди», то есть награжденные, прославленные. О любви детей к родителям безо всякой политической подкладки, к простым обыкновенным людям, в советских хрестоматиях ничего не говорится. Такая обыкновенная детская любовь к своим простым родителям властью не поощряется.

Если же родители «отсталые», к примеру, религиозные, тогда детям рекомендуется «перевоспитать» их.

А для тех случаев, когда родители что-либо скажут или сделают вопреки указаниям партии или власти, — рекомендуется для подражания пионер Павел Морозов, который сделал политический донос на своего отца и посадил его в тюрьму. За это Павел Морозов очень прославлен в Советском Союзе: в радиопередачах, газетах, журналах, книгах. Место прежних «сентиментальных» и «аполитичных» рассказов о взаимоотношениях между родителями и детьми теперь заняли поэмы о доносчике на отца: он представляется в печати как образец для воспитания школьников в духе «советского патриотизма»...

О школе, ученьи и учителе в прежних хрестоматиях было много интересных материалов: рассказов, стихотворений, воспоминаний, очерков. Самыми увлекательными из них были рассказы и стихотворения о Ломоносове, о том —

«. . . как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик».

А из советских хрестоматий эта тема была выброшена. Бескорыстной любви к науке, «аполитичного», «академического» ученья коммунистические вожди не одобряют .

О прошлом своей родины ученики дореволюционной школы могли в хрестоматиях прочесть много ярких, интересных материалов: былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Микуле Селяниновиче и других русских богатырях; очерки и стихи о славных эпизодах русской истории: о Ледовом Побоище, о свержении Татарского ига, о Полтаве и Бородине; рассказы и стихи о героях русской истории: о Владимире Мономахе и Александре Невском, о Минине и Пожарском, о Петре Великом, о Суворове, о Царе-Освободителе, о крестьянине Сусанине, о Сергие Радонежском, о Филарете Милостивом, о суворовских «чудо-богатырях».

Но после Октябрьской революции 1917 года все эти материалы, как «несозвучные эпохе», из школьных хрестоматий были выброшены. В советских хрестоматиях из деятелей прошлого прославляются только революционеры и разбойники.

О жизни в дореволюционной России советские хрестоматии дают материалы только из эпохи крепостного права, да и то описания исключительных случаев: о том, как помещица Салтыкова истязала своих дворовых девушек, как помещик заставил свою крепостную крестьянку выкармливать грудью его щенят и т. п.

О жизни крестьян в свободной деревне, после отмены крепостной зависимости и до революции 1917 года, советские хрестоматии никакого материала не дают. Учебники и хрестоматии создают впечатление, что помещичье крепостное право существовало до самой Октябрьской революции и что большевики освободили крестьян от этого ярма.

Материалов, которые описывают послеоктябрьский период, в советских хрестоматиях очень много. Все они рисуют советские порядки, в том числе и колхозы, как «социалистический рай земной», а всех большевиков, начиная с «величайшего из великих» и кончая председателем колхоза, изображают как «героев» и «друзей народа»...

Читают голодные школьники рассказы, стихи, песни и частушки о «богатых сталинских урожаях», о «сытой, зажиточной жизни в кол-

хозной деревне», о «колхозном изобилии», о том, как «в колхозных свинарнях засияла лампочка Ильича». Читают о «колхозном рае», — и ежом шевелятся у них колючие мысли.

— Живем, оказывается, в «колхозном раю». А почему же нам есть нечего?.. Одеться, обуться не во что?..

— В свинарнях электрические лампочки, а нам... хоть бы керосину в лавку доставили! Часто без лампы, под коптилкой дома сидим...

А если школьники читают вслух славословия советским порядкам, то родители сопровождают это чтение злыми репликами.

Разучивает школьник дома песню советского придворного одописца Лебедева-Кумача (в СССР его прозвали «Лебедев-Трепач») «Широка страна моя родная». Это песня, которую власть печатает в миллионах экземпляров, передает по радио и рекомендует петь и дома, и в школе, и на улице.

«Широка страна моя родная,
Много в ней полей, лесов и рек...»

Отец школьника подает реплику:

— Страна широкая, да жить негде...

Оглянувшись на отца, школьник продолжает:

«Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...»

Мать не вытерпит:

— Вольготней уж и нельзя: как в могиле...

— Ну, а почему же они так врут?.. — обращается школьник к родителям.

— Писаки-то? — переспрашивает отец. — Жить хорошо хотят: вот и врут... Ты же сам вчера читал песню про Сталина в этой книжице... Как бишь его?..

— Джамбула?.. — подсказывает школьник.

— Да, да, он самый... Так что же сказал этот самый Джамбул? Он сказал без утайки: «Ты, вождь, мне подарил дом, коня, шелковый халат и орден. А за это я, говорит, тебя и прославлю и воспою, наше солнце, наш богатырь»... Вот, где собака зарыта...

Школьница читает вслух «Колхозную плясовую», частушки, которые написаны советскими литературными лакеями, но выдаются за колхозные:

«Растяну гармошку шире,
Пусть девчата подпоют:
Чтоб узнали во всем мире,
Как колхозники живут...»

Родители иронизируют:

— Пущай узнают: может, и у себя «колхозный рай» заведут... Вот тогда и запляшут... «колхозную плясовую»...

Прежде, в дореволюционной деревне, и школьники, и их родители питали полное доверие и благоговейное уважение к печатному слову, книге, учебнику.

Если кто-либо чему не верил, то последним и неопровержимым доказательством были слова:

— Это же в книге пропечатано!..

И «Фома Неверующий» сдавался.

А теперь? Хрестоматии советских школ таковы, что уже школьники первого класса обязаны читать пропагандную ложь:

— Мы не рабы.

— Рабы не мы.

— Колхозы собрали богатый урожай.

— Колхозники живут зажиточно.

— Мы хорошо пообедали и с песнями отправились на колхозную работу.

— Советские школьники благодарят Сталина, великого друга детей, за счастливое детство!..

***

Взглянут дети на картинку — потом на свои лохмотья, на свою нищую халупу... Они рассматривают картинки, читают текст хрестоматии, сравнивают это со своей жизнью, своим опытом, и у них с первых же месяцев ученья зарождается недоверие к учебнику: там — ложь...

Беседы школьников с родителями по поводу написанного в книгах это недоверие усиливают.

***

Встречая в печатных органах так много неправды, жители Советского Союза уже со школьных лет проникаются недоверием и неуважением к газете, журналу, книге. Это неуважение и недоверие к печатному слову сказывается в том обычном вопросе, с которым они обращаются друг к другу при виде печатного органа:

— Ну, что там они брешут?..

Писатель М. М. Пришвин в очерке рассказал любопытный случай. Он увидел в поле знакомого подростка, колхозного пастуха, подошел к нему, присел, побеседовал. Потом предложил пастуху прочесть свой новый рассказ, только что напечатанный в советском журнале. Принимая из рук писателя журнал для прочтения, подросток-читатель сказал:

— Посмотрим, что ты тут набрехал...

Возможна была бы такая беседа крестьянского парня с писателем и такое отношение вчерашнего школьника к печатному слову в дореволюционное время?!.

Материально-бытовые нужды сельской интеллигенции

Деревенские интеллигенты получают низкую заработную плату: агроном и врач от 250 до 350 рублей в месяц, а учителя от 150 до 300 рублей (нетто). Председатель сельсовета, партиец с низшим образованием, получает 400 рублей, то есть больше, чем получает директор школы-семилетки или врач.

Чтобы учесть реальную ценность заработной платы, нужно сопоставить зарплату с ценами на продукты и товары. Государственная цена в магазинах такова: килограмм ржаного хлеба — 1 рубль, килограмм картофеля — 1 рубль, килограмм мяса — 20 рублей, сала или коровьего масла — 30 рублей. Но в большинстве случаев сельская интеллигенция не может купить продукты по государственной цене: колхозное начальство редко снабжает служащих продуктами. Поэтому сельским интеллигентам обыкновенно приходится покупать продукты по базарным или спекулятивным ценам и платить за продукты в несколько раз дороже цен государственных. Так, например, государственная отпускная цена пуда колхозной ржи на месте, в колхозе, 20 рублей, а спекулятивная цена в этом районе колебалась за колхозные годы от 50 до 200 рублей, то есть она была в 2,5 или даже в 10 раз

выше государственной. При таких обстоятельствах семейные служащие могут кормить свою семью скудно.

А государственные цены на одежду и обувь еще выше, чем на продукты: ситцевая или льняная рубашка от 50 до 100 рублей; ботинки — около 100 рублей; костюм от 300 до 600 рублей. Но по этим, государственным, ценам очень редко удается купить одежду или обувь. Чаще приходится доставать их у спекулянтов-перекупщиков или торговых работников и платить за это в несколько раз дороже. При этих обстоятельствах интеллигенты-одиночки живут скудно, а семейные — очень бедно.

Прежде, до революции, сельский учитель начальной школы за свою службу получал 30 рублей (в золоте) в месяц. На эту месячную заработную плату он мог купить: 75 пудов ржи, или 100 килограммов сала, или 3 костюма.

А теперь сельский учитель начальной школы за свое среднее месячное жалованье, 200 рублей (нетто), может купить по государственным ценам: только 12,5 пудов (200 килограммов) ржи; сала или масла — только 7 килограммов. А по базарным или спекулятивным ценам он может купить продуктов в несколько раз меньше. За костюм же теперь сельский учитель должен работать два-три месяца.

Можно сравнить также денежную заработную плату учителей дореволюционной школы и школы советской. Учитель начальной школы в дореволюционной России получал заработную плату в размере 30 рублей (в золоте) в месяц. А учитель начальной школы в Советском Союзе получал перед войной (1941-45 года) 300 советских рублей (брутто) в месяц по высшей ставке. В те годы стоимость дореволюционного золотого рубля официально оценивалась в 150 рублей советских. Следовательно, советский учитель начальной школы получал в те годы 2 золотых рубля, или в 15 раз меньше дореволюционного учителя.

Таким образом, уровень реальной заработной платы сельского учителя при советской власти понизился в 10-20 раз, по сравнению с дореволюционным уровнем. Советский учитель живет в колхозной деревне, по крайней мере, в 10 раз хуже, чем его коллега в дореволюционной деревне.

Нередко выдача заработной платы учителям задерживается на 2—3 месяца. И тогда создается для них невыносимо-бедственное положение. В это время они голодают, ищут взаймы деньги, вымаливают взаймы

продукты. Некоторые вынуждены даже нищенствовать. Про одну учительницу рассказывали, что в такое черное время абсолютного безденежья, она ходила с сумочкой от одного колхозного двора к другому, выпрашивая у колхозников по несколько картофелин, чтобы не умереть от голода. Хлеба она не просила: знала, что его у самих колхозков нет . . .

***

Но даже тогда, когда деньги есть, купить продукты, одежду, обувь для сельской интеллигенции очень трудно: в колхозной деревне мало продуктов и еще меньше товаров.

Чтобы купить в колхозе пуд ржи по государственной цене, за 20 рублей, учителям приходится «вымаливать хлеб, как нищим»: многократно упрашивать сельских начальников — и «голову» колхоза и председателя сельсовета.

Но начальники редко идут навстречу учителям. Они предпочитают продавать хлеб не по государственной цене, а по тайно-спекулятивной: не за 20, а за 100 рублей пуд. Разница между этими ценами идет в их «личные фонды» . . . А у колхозников хлеба не купишь: они сами сидят без хлеба. И остальные продукты — и картофель, и молоко, и масло — в колхозной деревне приходится разыскивать с трудом. А в город ходить — далеко.

— Продукты достать трудно, а одежду и обувь еще труднее, — говорят учителя. — В сельских магазинах, кроме водки, ничего нет. А в районные магазины товары привозят редко и в малом количестве. Как только привезут — горожане, обыкновенно, сразу же их расхватывают.

Об этих бедствиях товарного голода учителя рассказали поразительные случаи.

Износились у учителя брюки: одни, ведь, бессменные, и для будней, и для праздников. Протерлись, порвались. А зачинить нечем: тряпки для заплаты нет и купить негде. Глядя на оборванного учителя, школьники посмеиваются, подшучивают: «Не только у нас штаны худые» . . . Весной, в жару, учитель приходит в класс и сидит там в пальто: раздеться невозможно . . .

У другого учителя износилась и порвалась рубаха, заменить нечем: она у него единственная. В магазинах районого и областного городов не мог найти ни мануфактуры, ни готовой рубашки.

— Поверите-ли, — рассказывал учитель, — за самую плохенькую рубашку согласен был бы заплатить 100, 150 рублей, даже все свое месячное жалованье 250 рублей!.. Но в магазинах нет, а спекулянты не попадаются.

Тогда учитель придумал какой-то предлог, получил у начальства отпуск на три дня, съездил в Москву и вернулся с пустыми руками. Он потратил уйму денег, промучился два дня в бесконечных очередях в магазинах и рыночных ларьках, но не мог достать ни рубашки, ни метра мануфактуры...

А учительница из-за галош мук натерпелась. Протерлись галоши, худые стали, а за ремонт никто не берется: нет резины. Купить галош негде. А в деревне осенью, в дожди нескончаемые и грязь непролазную, без галош обойтись невозможно. В школу приходит и домой возвращается с промокшими ногами, облепленными грязью.

Отправилась в областной город. Вернулась без галош, но с синяками на лице: в очередях была такая давка, учительница упала, а ошалелая толпа помяла ее, ушибла, чуть совсем не растоптала...

— Слава Богу, что сама жива осталась!..

Дела с покупками немного поправились только тогда, когда в больших городах, наряду с обычными магазинами, в которых почти ничего не было, открылись государственные, так называемые, «коммерческие магазины»: там продавали товары по очень повышенным ценам.

— Хоть в коммерческом магазине и дорого, но все же купить можно, — радовались учителя. — Без брюк и без рубашки, без блузки и юбки, без ботинок и галош — не обойдешься. А без масла можно потерпеть. Теперь хоть поголодаешь, но съэкономишь денег и сможешь в коммерческом магазине купить самую необходимую вещь.

После этого учителя, чтобы съэкономить дорожные расходы, собирали после получки деньги и отправляли одного коллегу в большой город за покупками. Тот привозил, по заказу, самые необходимые вещи из коммерческих магазинов.

Жизнь сельской интеллигенции протекает в нужде и постоянных материальных заботах: как прожить, накормить и одеть себя и свою семью?..

Слова Ленина, которые часто приводятся в учительской печати: «Народный учитель должен быть у нас поставлен на такую высоту, на которой он не стоял, не стоит и не может стоять в буржуазном обществе», — звучат, как издевательство...

***

Материальное положение отдельных учителей, конечно, не одинаково. Оно зависит не только от уровня заработной платы, от числа членов семьи, но и от характера взаимоотношений с местным начальством.

При неладных взаимоотношениях учителя могут бедствовать от голода и холода. Если же колхозное начальство будет благосклонно к учителю, то оно легко может обеспечить этому учителю сносное существование: продуктами из колхозного склада по государственным ценам снабдит; подыщет лучшую квартиру; обеспечит дровами; огородный участок выделит; в город свезет учителя, когда это нужно.

Колхозные учителя жаловались на свое скудное питание. А две учительницы-комсомолки хвалились:

— А мы как сыр в масле катаемся: пшеничный хлеб, мясо, молоко, яйца, овощи...

Ларчик их благополучия открывался просто: они жили и столовались у колхозного кладовщика. Учительницы изрядно платили кладовщику за квартиру со столом, а тот не жалел для них продуктов с колхозного склада и из колхозных ферм. Учительницы оптом покупали у кладовщика наворованные им колхозные продукты.

Сельские начальники обычно покровительствуют тем учителям, которые «угождают» им чем-либо: взяткой, личными услугами или своей «политической активностью».

***

Часто в деревнях эта житейски-бытовая коллизия — нужда учительниц и их материальная зависимость от начальников — приводит к такому результату: молоденькие учительницы выходят замуж за местных начальников. А начальники, разводясь со своими женами-

колхозницами, оставляют у них на шее кучу ребятишек, безо всякой помощи.

Если же учительницы не хотят «идти навстречу» начальникам, то пьяные и всевластные «колхозные царьки» и всевозможные районные уполномоченные, словно назойливые мухи, будут постоянно донимать одиноких молодых учительниц своими любовными домогательствами, допекать их нуждой и придирками и всеми способами «портить жизнь», пока не «доконают» . . .

Из сельских интеллигентов сносно обеспечены только те, кому местное начальство покровительствует, или те, которые имеют выгодную должность и покладистую совесть, — и поэтому могут брать взятки даже с нищих колхозников.

Рассказывали об одном враче из деревенской больницы. Эта женщина-врач и ее мамаша умело «организовали» свое продовольственное снабжение. Колхозниц, которые приходили в больницу, мамаша приглашала по одиночке «заглянуть» на кухню. Там она выклянчивала у пациенток для врача-дочери продукты: яички, творог, овощи и т. п. Пациенток же, которые ничего не оставили на кухне, обычно постигала у врача полная неудача: лекарства «не было», дать освобождение от работы было «невозможно», характер заболевания оказывался «неясным», нужно было повторно приходить в больницу, ибо «надо . . . ж . . . дать» . . .

Об участковом ветеринаре говорили, что без взятки он не выполнял никакого дела.

Одна учительница рассказала о своем посещении этого ветеринара. Его «помощник» встречает каждого посетителя наедине и выспрашивает о деле. А потом говорит: «Вы должны знать, что ветеринар хочет жить. А сухая ложка рот дерет. За такую-то сумму все пойдет как по маслу и надлежащую бумажку Вы получите» . . . Сумма взятки точно была установлена чиновником-взяточником в зависимости от характера случая.

Этой учительнице нужно было взять у ветеринара разрешение на убой своей коровы. Из-за недостатка сена семья учительницы вынуждена была сменить корову на козу. Но продать корову было очень трудно и поэтому необходимо было резать корову, чтобы продать мясо и потом купить козу. На убой же скота требовалось обязательное разрешение районных органов власти, официальная бумага участкового ветеринара. За убой своего скота без такого разрешения хозяин

подвергался огромному штрафу и тюремному заключению. За крупную взятку ветеринар выдал учительнице справку о том, что корова упала в яму, сломала ногу, и поэтому хозяйке дано разрешение на немедленный убой скотины.

Получив изрядную взятку, денежную или натуральную, ветеринар давал частным владельцам и председателям колхозов справки о падеже скота от несчатных случаев или от «заразных заболеваний», подписывал акты об уменьшенном количестве нарождающегося молодняка и тому подобные «филькины грамоты».

Путем таких хитроумных «комбинаций» некоторые взяточники умудряются «организовать» свое высокое материальное благополучие даже в нищей колхозной деревне.

Неоплаченный отпуск учителей

Местные учителя на Орловщине рассказали о том, что их обижают не только местные органы власти, но и правительство. Они точно узнали, что правительство предоставляет им летом отпуск неоплаченный, или, точнее, оплаченный за их собственный счет.

Когда учителя ежемесячно получали свою зарплату и расписывались в получении брутто-зарплаты, расписывались за 300 рублей, а получали на руки только 240 рублей, то все учителя видели в ведомости и поэтому знали, что 20% их месячной брутто-зарплаты отчисляется на налог, жилищно-культурный сбор и заем.

Но учителя, которые знали свою преподавательскую нагрузку в учебных часах и размер почасовой оплаты, — с карандашиком в руках вычисляли свою годичную и ежемесячную брутто-зарплату и устанавливали, что и брутто-зарплата их тоже уменьшена приблизительно на пятую часть.

Когда многие учителя пытались этот вопрос об уменьшении их брутто-зарплаты выяснить у своих директоров или бухгалтеров, то в ответ слышали окрики, даже с политическими угрозами.

— Все правильно, точно по инструкции Наркомпроса.

— Неужели вы думаете, что советская власть вас обсчитывает?!.

— Нам некогда с каждым учителем пересчитывать его зарплату. Если находите неправильным расчет, то жалуйтесь в вышестоящие инстанции... Там дадут «соответствующий ответ» на такую жалобу...

И учителя умолкали.

Но вот некоторым учителям удалось получить от бухгалтеров разъяснение по этому вопросу и даже посмотреть секретную инструкцию Наркомпроса. И тогда учителя поняли механику их ограбления.

По Кодексу Законов о Труде все рабочие и служащие в СССР должны получать отпуск с выплатой за него зарплаты за счет государства-работодателя.

Следовательно, брутто-зарплата учителей при почасовой оплате должна вычисляться так: зарплата за проработанные за год рабочие часы должна делиться на число рабочих месяцев в году (у учителей 10 рабочих месяцев и 2 месяца отпуска). Например, учитель А. имеет 1500 годичных часов, с оплатой 3 рубля в час. Итого брутто-зарплата 4.500 рублей в год. Эта годичная брутто-зарплата, разделенная на 10 рабочих месяцев, составит среднюю ежемесячную брутто-зарплату учителя А. — 450 рублей.

А за два отпускных месяца государство-работодатель должно добавить 900 рублей и выплатить их учителю в отпускные месяцы.

Но в действительности вычисление зарплаты преподавателям в советских школах производилось по секретной инструкции Наркомпроса совсем не так. Государство-работодатель из своих средств ничего не выплачивало учителям за время отпуска. Органы народного образования вычисляли брутто-зарплату учителям так. Часовую плату умножали на число учебных часов учителя в году (в указанном случае 3 рубля $\times$ 1500 = 4500 р.). К этой сумме зарплаты не добавляли на оплату отпуска ни одного рубля. Эту сумму делили не на 10 рабочих месяцев, а на все 12 месяцев, включая и два отпускных месяца. В данном примере средняя ежемесячная брутто-зарплата учителя была уже не 450 рублей, а только 375 рублей, то есть на 17% меньше.

При таком расчете ясно, что работодатель не оплачивает учителям отпуска из своих фондов. Правительство недоплачивает учителям ежемесячно 17% их зарплаты и за счет этих отчислений, за счет средств самих учителей, — выплачивает им ту плату, которую само оно заранее вычло из зарплаты учителей в течение года. Учителя не имели оплаченного отпуска. Отчисления от их зарплаты были очень высокие — 1/3 часть всей зарплаты: 17% тайно, по секретной инструкции Наркомпроса, и 20% из оставшейся суммы явно — по ведомости.

В цифрах эти отчисления в приведенном примере будут выглядеть так. Не выплачивая учителю отпускных и вычитая эти отпускные

из зарплаты самого учителя, государство снижает зарплату учителя с 450 до 375 рублей в месяц. А потом, при выдаче учителю этой уменьшенной брутто-зарплаты, советское государство ежемесячно вычитает из заплаты учителя в свою пользу (на налог, на заем и на жилищно-культурный сбор) еще раз 20% от 375, то есть 75 рублей ежемесячно.

В итоге таких отчислений зарплата учителя — 450 рублей — распределяется так: учитель получает на руки в этом случае только 300 рублей из 450, т. е. две трети зарплаты; а одну треть зарплаты у учителя отбирает работодатель — советское правительство. Отбирает, вопреки даже собственным законам — Кодексу Законов о Труде.

Учителя, узнавши эту механику их ограбления, рассказали об этом коллегам. В центр — в адрес «Учительской газеты», Наркомпроса, в ЦК профсоюза работников просвещения — полетели многочисленные жалобы и запросы. Но ответа на свои запросы учителя не получили.

Тогда они явились в эти учреждения во время сбора в столице на на летних курсах Заочного Института. Началось хождение по мытарствам «от Понтия к Пилату»: из «Учительской газеты» в ЦК профсоюза; из ЦК профсоюза в Наркомпрос; из Наркомпроса — в ВЦСПС (Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов). Там произошел интересный разговор с профсоюзными вождями.

Профсоюзные «вожди» прежде всего постарались «утешить» учителей тем соображением, что не оплачивает отпуск не только Наркомпрос, но и другие Наркоматы. **Неоплаченный отпуск имеют не только учителя, но и все те рабочие, которые получают не помесячную, но почасовую или сдельную зарплату, то есть две трети всех рабочих и служащих.**

— Но ведь это же противоречит Кодексу Законов о Труде? — спросили учителя.

— Несомненно, — подтвердили профсоюзные сановники.

— Ну, и как же вы, наши профсоюзные руководители и защитники, смотрите на то, что у нас, вопреки советскому закону, отбирают оплату нащего отпуска?

— А мы смотрим на это вот так, — цинично засмеялся один из вождей и поднял перед глазами руку с расставленными пальцами: «сквозь пальцы» . . .

А другой добавил:

— Чудаки вы, право, провинциалы! . . Как же мы можем смот-

реть на это дело иначе, ежели эта инструкция об отчислении из зарплаты утверждена ЦК партии и советским правительством?!.

«Чудакам» пришлось на этом закончить свою беседу с высокими вождями профсоюзного движения и в смущении удалиться...

После этого рассказа учителей, я сам попросил у знакомого бухгалтера секретную инструкцию Наркомпроса, прочел ее и убедился, что все, рассказанное этими «учителями-чудаками», не было выдумкой.

Преподаватели в школах СССР, в социалистическом «государстве трудящихся», действительно не имеют оплаченного отпуска, вопреки советскому Кодексу Законов о Труде.

Учителя в Советском Союзе живут в бедности и нужде, а коммунистическое правительство-дракон отбирает треть их зарплаты, грабляет их средства, даже отпускные...

«Общественная работа»

Кроме своей служебной школьной работы, учителя должны принимать участие во внешкольной работе среди населения. Работа эта бесплатная, называется «общественной работой» и выполняется по поручению и под руководством местных партийно-советских организаций.

«Общественная работа» бывает самого различного характера.

Например, культурная внешкольная работа среди населения: спектакли, вечера, читки, доклады, кружки и т. п. В этой работе, близкой учителям по своему характеру, учителя охотно бы участвовали, если бы она не была так политизирована. Но она главным образом поставлена на службу пропандным целям коммунизма, а потому потеряла для них всю свою привлекательность.

Учителей часто привлекают для хозяйственной работы в колхозе. Как только где-либо в колхозе обнаруживается «прорыв» — отстает прополка или уборка конопли, картофеля, овощей, зерновых, молотьба, дороги испорчены и т. п., — сельсовет, не задумываясь, отдает распоряжение директору школы: «После уроков прислать в распоряжение председателя колхоза столько-то учеников и столько-то учителей». Директива выполняется. Но едва ли можно ожидать от учителей хорошего выполнения таких поручений, в особенности, в колхозах, где начальство совсем не заботится ни об учителях, ни о школьниках.

Но самым неприятным видом «общественной работы» для сельских учителей является проведение таких хозяйственно-политических кампаний, которые ненавистны для колхозного населения: подписка и сбор «добровольно-принудительного» займа, агитация за выполнение яйцепоставок, мясопоставок и т. п..

Проводя такие кампании, учителя должны выслушивать от колхозников, родителей учащихся, горькие упреки или даже грубую ругань.

— У меня больной ребенок и три голодных курицы, — заявляет мать-вдова. — Яичек нехватает своему больному малышу. А вы пришли отнимать у больного ребенка последнее яичко!.. Что же он должен есть?!. И не стыдно вам, товарищи-обиралы?!.

— Вот ходите вы по хатам и тявкаете, как дворняжки, уговариваете нас на заем подписаться, — обращаются озлобленные колхозники в других дворах к агитаторам: местному комсомольцу и учительнице. — С нас вы последнюю шкуру сдирать помогаете. Государство наше владеет всеми неисчислимыми богатствами нашей страны. А мы, колхозники, нищие, у нас ничего нет, нам ничего не оставлено. Кто же кому должен взаймы давать?!.

Замечая, что учительница смущается, колхозник обращается к ней:

— Неужели вам, учителям, за это советская власть наши народные денежки выплачивает?!. Сидели бы вы дома да занимались бы лучше своими делами: детишек хорошо грамоте да уму-разуму учили. И для вас было бы лучше, и для детишек, и для нас, родителей...

Часто упреки и такую ругань учителя вынуждены были выслушивать в присутствии своих учеников...

— Для комсомольцев и партийцев, с которыми мы по дворам ходили, колхозников «агитировали», такие «беседы» ничего не значат, — говорят учителя. — Как с гуся вода. Кожа у них бегемотова, совестью они не обременены. Им — все «Божья роса». А мы после такой кампании возвращаемся домой побитые и разбитые. И на другой день, в школе, ученикам в глаза посмотреть стыдно...

Учителя участвуют в такой «общественной работе» вопреки своему желанию. Но отказаться от «общественной работы» они не могут: власть принуждает. А перед диктаторской властью они бессильны, бесправны и беззащитны...

Таковы трудные условия работы сельской интеллигенции и ее неприглядная жизнь в колхозе. В этих условиях работать хорошо и успешно интеллигенция не может. Не может она также чувствовать ни довольства жизнью, ни морального удовлетворения от своей работы.

Жизнь сельской интеллигенции и населения, которое она обслуживает, такова, что интеллигенция не может стать «опорой советской власти» в деревне. Она не может испытывать уважения к порядкам социалистической деревни, не может внутренне принять коммунистическую идеологию, не может почувствовать симпатии к той власти, которая установила «второе крепостное право» и сделала жизнь в колхозной деревне такой тяжелой и мучительной.

Положение сельской интеллигенции во взаимоотношениях колхозного крестьянства с антинародной коммунистической властью очень сложно и для интеллигенции мучительно.

В огромном большинстве беспартийная интеллигенция стоит на стороне народа против власти, хотя интеллигенты и являются по должности государственными чиновниками. Но выявить это отношение открыто в советском диктаторском государстве интеллигенция не может: за это государственных чиновников там ожидает немедленное увольнение с работы и лагерь...

Поэтому каждый интеллигент вынужден решать эту важнейшую проблему в индивидуальном порядке: «про себя» и «для себя».

В большинстве случаев беспартийные интеллигенты вынуждены как-то в самых разнообразных формах «лавировать» между государственными крепостными и «колхозными царьками», между народом, которому они сочувствуют, и властью, которой они вынуждены служить и от какой зависит их жизнь и смерть...

16. ПАСХАЛЬНЫЕ ДНИ В КОЛХОЗЕ

В 1941-м году мне пришлось побывать в колхозе Болотное в пасхальные дни.

Незабываемо впечатление от этой колхозной Пасхи...

Встреча с колхозницами в городе

Накануне этой поездки я встретил в своем городе двух колхозниц: они приехали погостить к своим сыновьям. Одна колхозница из Орловской, другая из Курской области. Возвращаясь домой, в колхоз, женщины были опечалены тем, что в этом городе им ничего не удалось купить для своих детишек: ни обуви, ни одежды.

Но зато им случайно посчастливилось найти там другую радость: недалеко от города, в маленьком селе, каким-то чудом сохранилась действующая церковь. Священник-старичок жил в селе и регулярно совершал богослужение в церкви.

Колхозницы рассказывали, что в их родных краях, в Орловской и Курской областях, не осталось ни одной открытой церкви. Со времен коллективизации все они закрыты. Одни используются в качестве кино, складов, а другие — снесены, уничтожены.

С тех пор деревенские жители могли молиться только в своих хатах. В колхозах нет у них ни хлеба ржаного, ни хлеба духовного.

И вот теперь, услышав об отрытом храме, колхозницы пошли туда, за несколько километров. Там, в торжественной обстановке храма, они усердно молились. Перед иконой Христа, призывающего к себе всех обездоленных и страдающих: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», — колхозные великомученицы припали к ногам Христа, выплакали свое горе, «помолились всласть». И легче и светлее стало на душе у этих страдалиц...

Много ли осталось верующих в Советском Союзе?

Может быть, эти верующие женщины являются исключением?

Нет, верующие составляют огромное большинство в колхозной деревне. Я видел это в Болотном и во многих других деревнях: в хатах есть иконки, крестики, люди молятся у себя дома.

Верующие и во всем Советском Союзе до войны составляли преобладающую по количеству группу.

Советская власть сама убедилась в этом. В 1937 году, во время всеобщей переписи в Советском Союзе, правительство включило в опросный лист вопрос о вероисповедании. Итоги этой переписи советское правительство не опубликовало: все сведения были неблагоприятными для него. Но «слухами земля полнится». Особенно в Советском Союзе. По этим устным сведениям, итоги переписи установили факт, что верующие составляют большинство населения в советском государстве.

Эти итоги особенно показательны в свете двух фактов. До момента переписи советская власть двадцать лет вела широкую и усиленную атеистическую пропаганду. После коллективизации почти все церкви в стране были закрыты и почти все духовенство было отправлено в лагери. Следовательно, население Советского Союза сохранило веру, вопреки многолетней государственной пропаганде и без помощи духовенства.

Храмы в городах

В период «ликвидации кулачества» советское правительство ликвидировало и духовенство. Конфискуя все имущество крестьян, кустарей и торговцев, большевистская власть конфисковала и все церковные здания и имущество, закрывая храмы.

Храмы закрывались повсеместно, начиная от столицы и кончая самыми маленькими селами.

В Москве, например, не было сделано исключения даже для главного столичного собора, Храма Христа Спасителя. Храм был закрыт, хотя в нем совершал богослужение руководитель «живой церкви», той Церкви, которая признала советскую власть и относилась к ней лойяльно.

Сталин и Каганович, разрабатывая в это время план превращения Москвы в образцовый социалистический город, в столицу будущего Всемирного Коммунистического Государства, решили, что именно на этом месте, где стоял Храм Христа Спасителя, должно быть построено самое грандиозное, роскошное и красивое здание в мире: Дворец Советов, с гигантским памятником Ленину на его вершине.

По личному приказу кремлевских диктаторов, Храм Христа Спасителя был разрушен. На его месте был уже заложен фундамент для Дворца Советов. Но потом, из-за германо-советской войны строительство этой «Кремлевско-Вавилонской башни» было приостановлено, а потом совсем отложено... Впоследствии на месте этого храма был устроен купальный бассейн...

Подобным примерам и неумолимым приказам Кремля следовали все местные органы власти.

И во всех провинциальных городах и селениях было то же, что было в Москве и о чем рассказывали старушки из Орловской и Курской областей: все храмы были закрыты.

Некоторые из этих провинциальных храмов были закрыты, забиты и пустовали.

Другие были заняты советскими учреждениями: складами, кино и т. п. Иные храмы были разрушены и на их месте красовались пустыри с бурьяновыми зарослями.

Было немало храмов и полуразрушенных. Местные органы власти начали разбор некоторых больших храмов на кирпич: разрушили купола, часть стен. А потом пришли к заключению, что добыча кирпича по этому методу нерентабельна: не оправдывает расходов по разборке храмов. И после этого разборка храмов была приостановлена. Такие полуразрушенные храмы со снятыми куполами и полуразваленными стенами, готовые рухнуть на проходящих, — стояли в ряде городов и селений Советской Империи, как памятники безумного варварства современных коммунистических Геростратов...

О таких «памятниках культурной революции» была сочинена поговорка: «Добыча кирпича — по методу Ильича»...

Судьба сельской церкви

На окраине Болотного, на холме, стоит небольшая беленькая деревянная церковь. Тихо и безмятежно простояла она свыше сотни лет, в праздники заполняемая толпою молящихся.

Но после большевистского переворота беды стали обрушиваться на церковь.

Одна беда обрушилась на нее в 1920-21 годах, во время голода в Поволжье. В эти годы советское правительство конфисковало во всех храмах, в том числе и в Болотном, церковные драгоценности: золотые и серебряные вещи, а также драгоценные камни на церковных вещах. Были конфискованы серебряные подсвечники, кресты, чаши, ложечки, серебряные и золотые ризы на иконах, украшения из драгоценных камней и т. п. Власть мотивировала эту конфискацию необходимостью спасти голодающих людей Поволжья от голодной смерти.

«Советское правительство в разоренной стране никаких средств не имеет, — говорилось в правительственных воззваниях, — но за счет конфискованных церковных ценностей оно сможет купить заграницей, у капиталистов, хлеб и спасти людей от голодной смерти».

Возражать против такого мотива людям было неудобно. Но был ли кто-либо, действительно, спасен от голодной смерти за счет этих конфискованных церковных ценностей — это для населения Советского Союза осталось неизвестным. Правительство не сообщило населению ни о сумме конфискованных вещей, ни об их ценности, ни об их употреблении. Зная большевисткую власть, крестьяне сомневались в том, чтобы она употребила эти конфискованные драгоценности на те цели, которыми она мотивировала их конфискацию.

Сельский храм после этой конфискации стал беднее, скромнее. Но свою религиозную роль он продолжал выполнять нормально.

Другой удар большевистской власти был задуман и проведен, как смертельный удар для духовенства, для храмов, для всей церковной организации.

Во время коллективизации советская власть ликвидировала прежде всего «наиболее враждебные элементы». В деревне это были: зажиточные крестьяне, кустари, торговцы, духовенство. В первую очередь был использован излюбленный в то время большевистский метод, «налоговой пресс»: на «враждебные элементы» были наложены непосильные налоги. За невыполнением налога следовала конфискация

всего имущества, тюрьма или ссылка «неплательщика-саботажника». Тот же метод был применен и по отношению к духовенству. В частности, и к священнику села Болотное. На священника был возложен непосильный «налог на доход». Священник, не дожидаясь лагеря, уехал куда-то, бесследно скрылся.

По распоряжению органов власти, храм в Болотном (также, как и все другие храмы в районе, в области и по всему Советскому Союзу) был закрыт. Потом он был превращен в государственную собственность, а самое помещение передано в распоряжение колхозного председателя — для хозяйственных нужд колхоза.

По указанию райкома партии, председатель колхоза, коммунист, использовал храм в Болотном в качестве склада для колхозного сельскохозяйственного инвентаря.

При посещении села заглядывал я в этот бывший храм, теперешний склад. Там внутри стояли плуги, бороны. На стенах, крючьях, висели косы, серпы, грабли... Вокруг храма стояли телеги...

А где кладбище?

Раньше около церкви было тихое, зеленое сельское кладбище. Могилы были покрыты изумрудной травкой, цветами, у каждой могилы стоял крест, росли кустики.

Но после закрытия храма и превращения его в склад, местное коммунистическое начальство шаг за шагом разоряло и кладбище.

Сначала были сняты двери, изгороди, и через все кладбище была проложена широкая проезжая дорога — от храма-склада до поля: чтобы при поездках от склада на поле и обратно не приходилось объезжать кладбища.

Затем было приказано расставлять инвентарь на кладбище: плуги, бороны, телеги.

Так были сбиты кресты, поломаны кустики, растоптаны могилы.

Потом, по приказу начальства, все могилы на кладбище были сравнены с землей, и появилась ровная пыльная площадка для сельскохозяйственного инвентаря.

Так кладбище было превращено в специальную площадку для стоянки телег, борон, плугов — около склада, бывшего храма.

Кощунство над храмом и кладбищем было закончено.

Никто не может теперь узнать на этой ровной, пыльной площадке, где похоронены его родные и близкие.

Теперь колхозники продолжают хоронить умерших на той же площадке для инвентаря. Хоронят мертвых без священника: больше не осталось священнослужителей. Хоронят без церковных обрядов. Нередко даже погребение происходит и без гроба. Не из чего гроб сделать: нет ни досок, ни гвоздей у колхозников.

Хоронят колхозники сами. Родные умершего принесут на носилках или привезут его на площадку, покрестятся, поплачут, споют сами: «Со Святыми упокой», закопают в могилку. А потом, по строгому приказу начальства, они должны хорошо разровнять землю, чтобы могильные холмы не портили площадку.

Кресты ставить на могилках начальство не позволяет: они мешают расставлять инвентарь на площадке.

— Только разреши могильные холмы оставлять да кресты ставить, — живо наша колхозная площадка для инвентаря опять в кладбище превратится, — заявляет «колхозный голова». — Вишь, сколько людей умирает!.. А мертвым все равно, где гнить приходится: на площадке или на кладбище...

***

Так храм был превращен в склад.

А от тихого, уютного сельского кладбища не осталось и следа. На его месте расположилась пыльная колхозная площадка для инвентаря. Колхозники запрягают лошадей на могилах своих родителей...

Нет теперь кладбища. Через него пролегает широкая дорога, по которой колхозники ежедневно ездят в поле и скребут боронами по могилам своих родных и близких...

Перекличка живых и мертвых...

В большевистском государстве даже мертвых не оставили в покое: и над ними надругательство учинили.

Нет покоя живым... И нет покоя мертвым...

Для живых — нет жизни. Жизнь на каждом шагу омрачается стра-

данием, попирается смертью. Жизнь превращена в грандиозное кладбище . . .

Для мертвых — нет покоя: нет могил, нет крестов, нет кладбища. Стираются с лица земли всякие знаки воспоминания о мертвых — родных и предках . . .

Поэтому так трагически-парадоксально звучит тревожная перекличка между живыми и мертвыми.

В колхозной частушке живые обращаются к своим мертвым предкам с мольбою:

«Вставай, батя,
Вставай, дедка:
Нас тут гробит
Пятилетка! . . »

Живые взывают к мертвым: «Вставайте, мертвые: живые погибают! . . »

А колхозное кладбище, всем своим опустошенным, оплеванным видом, от лица мертвых предков отвечает на это:

— От ваших мук, от ваших стонов душа болит . . . Но не завидуйте мертвым и не помышляйте о смерти: на кладбище нет ни места, ни покоя . . . Смерть — даже смерть! — не дает теперь никакого успокоения . . .

Разговор о «драконах» . . .

В эти дни, в апреле 41 года, я слышал любопытный разговор колхозников. Дело происходило на разоренном кладбище, рядом с закрытым храмом.

Беседовал я с тремя знакомыми колхозниками, которые копались там с починкой инвентаря.

Колхозники рассказывали о разорении кладбища, о надругательстве над храмом. О том, как ограбили их «Соловьи-Разбойники», как душат их непосильной работой «новые помещики». Поведали о том, как беспрерывно мучают их эти «нелюди» голодом, непосильным трудом и лагерем.

Во время разговора голос рассказчиков прерывался от волнения, в глазах полыхал огонь ненависти . . .

Один колхозник во время этой беседы взглянул на храм и, скрипя зубами, прошипел:

— У-у, драконы проклятые! Подождите: придет и на вас пропасть, наступит и на нашей улице праздник...

На фронтоне храма виднелась большая полустертая картина: Георгий Победоносец верхом на белом коне поражает копьем страшного зеленого дракона...

В гостях у колхозников

На Пасху многие знакомые колхозники приглашали меня, по стародавнему обычаю, в гости. Я заходил. Не хотелось обижать людей, и нельзя было упускать благоприятного случая: понаблюдать колхозную жизнь во всех уголках и в самых разнообразных проявлениях.

Хозяевам хотелось «попотчевать» приглащенного гостя: к этому обязывало русское гостеприимство. Но... угостить было нечем.

Это обстоятельство их очень огорчало. Они извинялись и, в смущении разводя руками, говорили:

— Вот, дорогой гость, дожили мы до ручки: на Великдень поставить на стол нечего, попотчевать гостя нечем. На Пасху пустые щи хлебать приходится.

— Кулича нет. Где же взять пшеничной муки, когда у нас и ржаной-то муки нет?!

— Мяса нет. В колхозе мы даже забыли, как оно пахнет... Мы не видим его даже и на Пасху...

— Даже водки нет. В нашей сельской лавочке, обыкновенно, нет никаких товаров, но водки бывало полно. А вот теперь, к Пасхе, и водка пропала. Скоро будет советский праздник, 1 Мая, так ее теперь не продают, а берегут к своему празднику. И даже в колхозном буфете в последнии дни выпивка перевелась. А водка сейчас до-зарезу нужна. Разве можно без нее хотя бы на часок забыть о нашей каторжной жизни?! Разве можно без водки хоть бы на мгновение почувствовать праздник?!

— Миска творогу да пара яиц в «толченке» (толченой картошке) — вот и весь пасхальный стол наш...

Это было только в том дворе, где куры начали нестись.

— А прежде? Наше село бедное, но на Пасху во всех хатах у нас столы ломились от обильных яств: душистый борщ с мясом, вкусная лапша, студень, жарко́е всех сортов, творог, сметана, пышные пироги, яйца... Ешь чего только душеньке угодно!..

— И, конечно, море водки... Без этого с седых времен праздника не бывало. Об этом мы еще в школьных книжках читали: «На Руси есть веселие — пити»...

Так было.

А теперь на пасхальном столе у колхозников — хоть шаром покати: ни кулича, ни яиц, ни мяса... Пустые щи подают на стол в колхозных хатах...

Посетивши в эти дни очень многих знакомых колхозников, только в одной семье увидел я на пасхальном столе мясо. Глава этой семьи был на заработках в городе и выслал денег на уплату налога. Поэтому жена этого отходника могла к Пасхе зарезать поросенка.

***

У голодных, замученных и трезвых колхозников не могло быть праздничного настроения, особенно настроения пасхально-воскресного.

Горе и отчаяние царило в деревне. Везде, даже за пасхальным столом.

Торжественное пасхальное приветствие — «Христос Воскресе!» — «Во истину Воскресе!» — звучало теперь холодно, без души.

Многие после этого приветствия с горечью добавляли:

— Господи, когда же наступит наше воскресение?!

Пасха прежде и теперь

Раньше на Пасху совершалось торжественное богослужение, запоминающееся на всю жизнь.

А теперь — тихо стоит в селе закрытая церковь, с колхозными боронами. И во всем районе, во всей области, не осталось ни одного незакрытого храма, где могло бы совершаться богослужение...

Прежде, в пасхальные дни по всему селу, по всей округе раздавался торжественный колокольный звон, благовест. Всю пасхальную неделю

беспрерывно звонили в селах ребята, целыми днями не слезая с колокольни.

А ныне, в колхозе, молчит закрытая церковь, без креста, со снятыми колоколами...

Бывало, в пасхальную неделю крестьяне целыми семьями ходили на кладбище: наведать, вспомнить своих предков, умерших родных, в благоговейном молчании побеседовать с ними...

Теперь же в селе нет кладбища, совсем уничтожены родные могилы... Телеги стоят на могилах...

В деревне единоличников на Пасху из открытых окон каждой хаты разносился громкий, веселый гомон хозяев и гостей: сытых, пирующих, изрядно выпивших.

А в социалистической деревне, при «колхозном изобилии», даже на «Велик-день» колхозники угрюмо хлебают пустые щи...

Прежде, в пасхальные дни все село кишело пестрыми и шумными толпами празднично-разряженных крестьян. Эти толпы шумели и бурлили, как море, пестрели, как яркий весенний луг с цветами. Здесь дети звенели, катая по зеленой травке раскрашенные яички: красные, синие, зеленые, желтые. Там школьники с азартом «бились» пасхальными яйцами, испытывая, какое из них крепче. На улицах мужчины вели оживленные, шумные разговоры. Бабы распевали целыми днями: «Христос воскресе». А молодежь буйно веселилась в хороводе. Цветущие девушки и юноши пели песни, танцевали под гармошку, играли, летали на качелях...

А теперь?..

Теперь на колхозных улицах пусто и тихо...

Несколько девушек в истрепанных, худых ватниках и в юбках из мешковины, сидят на погребе. Серые, истощенные лица и усталый, горько-печальный взгляд... Не девушки — увядшие старухи...

Сидят и молчат...

По их согбенной фигуре, по горько-печальному взгляду, устремленному внутрь, по их вчерашним рассказам — можно разгадать их горькие думы:

— Бывало, на Пасху столько веселья было в деревне!.. А теперь, в колхозе, одна му́ка осталась нам...

— Бывало, после Пасхи, на Красную горку, по всей деревне свадьбы звенят! А теперь?.. Женихов нет: в армию взяты, в города ушли... Вековухами увядать приходится...

— Есть нечего... Хлебай похлебку, без хлеба, без сала, без масла... Вечный великий пост — и в будний день и на Пасху...

— Есть нечего, а работы всегда хватает... Бригадир уже предупредил: «Завтра — на работу!» На работу: на колхозную, треклятую каторгу!..

— Господи Боже наш, когда же Ты избавишь нас от каторги проклятой, от жизни мученической?!.

— Матерь Божия, перед Христом заступница наша! Когда же наступит, наконец, избавление наше от гибели, долгожданное воскресение наше?!

— Измучились мы... Разуверились мы... И в спасениии нашем и в воскресении...

Унылый, мрачный праздник

Прежде, в старой деревне, на Пасху у всех было приподнятое, восторженное, радостно-благодушное настроение. Люди готовы были обнять мир и расцеловать всех, как братьев. При встречах все взрослые и все дети обязательно приветствовали друг друга торжественными возгласами, всю душу пламенную вкладывали в них: «Христос Воскресе!» — «Во истину Воскресе!» — Встречные обнимались, целовались. И дарили друг другу пасхальные крашеные яички, символ победного возрождения, воскресения Христа распятого, победы светлого Бога добра над темныыми силами зла, символ победы солнца над тьмою, жизни над смертью.

Недаром же этот праздник был прославлен как «праздник из праздников», «торжество из торжеств». А крестьяне торжественно назвали его: «Велик-день».

Одновременно Пасха была праздником весенне-жизнерадостного настроения, жизнеутверждающих чувств.

А теперь?..

Откуда же может появиться у колхозников радость, если они голодны и полумертвы?!

Как же может появиться «воскресное настроение» у людей, которых душит петля голода и террора?! Разуверившись в спасении и воскресении своем, люди находятся в состоянии безнадежного отчаяния...

Поэтому голодные колхозники и на «Велик-день» мрачны и угрюмы. От тяжкого горя у многих слезы на глазах выступают.

От нестерпимой обиды, от беспросветного отчаяния удушаемым людям хочется кричать: «Помогите!..» И злобно ругаться по адресу своих душителей...

***

Так пасмурно и печально проходит колхозная Пасха.

Печально и пасмурно на колхозной улице.

Пасмурно и печально в колхозных хатах.

Печально и пасмурно у всех на душе...

Унылый, мрачный праздник: без богослужения, без песни, без веселья, без благоволения в сердце...

17. «МЫ ИМ НАВОЮЕМ!..»

Политические настроения колхозников

«Некрасовская деревня»

Нужда, нищета колхозников в Болотном и в соседних деревнях была поразительная.

Хлеборобы питались впроголодь. Ели только капустные щи и картофельный суп. А в некоторых дворах даже картофеля и капусты временами не хватало. Скотоводы ели «пустые щи» и «пустой суп», то есть, без масла и без сала.

Масла у колхозников не было. Прежде крестьяне сеяли на своей огромной усадьбе (1-2 гектара) коноплю и имели вдоволь своего конопляного масла. А теперь, в колхозе, на крошечном усадебном участке (0,25 гектара), земледельцы могли садить только картофель и овощи. И больше ничего. Для конопли не было земли.

Хлеба колхозники получали от колхоза так мало (от 100 до 400 граммов ржи на «трудодень»), что его хватало только на три-четыре месяца в году. А большую часть года хлебопашцы обходились совсем без хлеба.

Никаких других продуктов — ни круп, ни гороха — колхозники никогда не получали.

Ни мяса, ни сала у колхозников не было.

Поросенка и теленка, выращенных за лето, колхозники должны были сдавать, во-первых, на мясозаготовку (32 килограмма мяса с каждого двора), а во-вторых, продавать на выплату денежного налога и займа (600 рублей со двора). Для самого «хозяина» от поросенка и теленка не оставалось ни мяса, ни денег.

Молока у большинства колхозников тоже не было.

Треть дворов вообще коров не имела.

У двух третей дворов коровы были, но из-за бескормицы каждая третья корова ежегодно оставалась яловой (люди не получали никаких кормов для своего скота).

При этих обстоятельствах кормильцы всего населения сами вынуждены были жить и работать впроголодь.

Они были худы, истощены, слабосильны. Многие часто болели.

Одеты колхозники были буквально в тряпье, в лохмотья: в худых рубахах и штанах, в мешковине, в обносках одежды и обуви, оставшейся еще от нэповских времен. С каждым годом колхозной жизни одежда и обувь колхозников все ухудшались.

Зимой колхозники мерзли без дров, без отопления.

Крыши хат были из гнилой, почерневшей соломы. Даже солому земледельцы не могли получить из колхоза в достаточном количестве. Многие крыши протекали.

Во время посещений, при виде нищей колхозной деревни, голодных, в отрепьях, людей-мучеников, сердце щемило от жалости...

Невольно напрашивалось сравнение. Колхоз это — некрасовская, крепостная, так ярко описанная поэтом, деревня: «Нееловка», «Разутово», «Знобишино»...

Сельские интеллигенты — учителя, врачи, агрономы — постоянно проводили ту же аналогию. В разговорах студентов, выходцев из деревни или наблюдавших колхозную деревню, употреблялось это же сравнение.

Учащиеся старших классов городских средних школ, которых нередко посылали на каникулах в колхозы для сельскохозяйственных работ, — тоже высказывали это сравнение колхозной деревни с крепостной деревней, описанной Некрасовым. Многие ученики-горожане возвращались из колхозов с резко антисоветскими настроениями.

В 1941 году мне в Болотном пришлось встретить одного случайно попавшего в те края столичного жителя, коренного москвича, который родился и вырос в столице, а деревню до тех пор видел только из окон поезда, мельком, издалека. Рассказывая о своих деревенских впечатлениях, он закончил их так: «Повидал я за последние месяцы много колхозных деревень в этих краях. И подумал: да ведь это та деревня, о которой я читая в стихах и книгах Некрасова»...

О своей партийной принадлежности рассказчик умолчал, хорошо зная отрицательное отношение к коммунистам колхозников и беспар-

тийной интеллигенции. Но судя по тому важному посту, который он занимал, можно уверенно сказать, что он был членом партии, коммунистом. Даже коммунист, когда он говорил откровенно, не мог определить колхозную деревню иначе, назвав ее так же, как и другие наблюдатели: это — некрасовская крепостная деревня наших дней...

Пропаганда «колхозного рая» и колхозники

Колхозники испытывали беспросветную нужду, нищету и голод, мучились в «колхозном аду», как они называли свою жизнь.

А в это время им уши просверлила и глаза намозолила назойливая, лживая, наглая коммунистическая пропаганда о «колхозном рае», о «зажиточной жизни колхозников»...

Все стены сельских учреждений Болотного — сельсовета, колхозного правления, почты и колхозного клуба — были завещены плакатами и лозунгами о «гигантских успехах социалистического строительства», о «самом передовом, социалистическом земледелии», о «колхозном изобилии и зажиточной колхозной жизни», о «благодарности колхозников товарищу Сталину за счастливую жизнь»...

Почти вся библиотека в колхозном клубе, все газеты и журналы, разложенные там на столе, были посвящены той же теме: Гром победы раздавайся! Ты-ж, колхозник, трудись, постись и веселись, ибо, как сказал тов. Сталин, «жить стало лучше, жить стало веселей!..»

Иногда вечером посмотрят колхозники кино в клубе. Показывают картины о колхозах — по сценариям Шолохова, Ерусалимского и прочих изготовителей «колхозного сиропа». В картинах вставные песенки: Джамбула, Дунаевского, Лебедева-Кумача и других придворных трубадуров.

Картины показывают, как плохо будто бы жилось крестьянам до революции; даже сибирским земледельцам и казакам России... И как хорошо стали они жить в колхозах. Бывшие донские казаки теперь даже во сне все время улыбаются, видя счастливую колхозную жизнь... Колхозники в кинофильмах только тем и заняты, что устраивают пиршества, пьянствуют, поют, танцуют, веселятся... И декламируют: «Жить стало лучше, жить стало веселей!..»

В одной кинокартине колхозники устраивают соревнование в обжорстве: кто из них съест больше пельменей. Картина показывает колхозников, которые не могут справиться с горой пельменей в своих мисках и... выбрасывают пельмени под стол...

— Жаль, что адреса этого колхоза не указано. А то мы бы отправились туда: подбирать пельмени под столами, — иронизируют колхозники Болотного после просмотра картины...

Послушают колхозники радио в клубе. А оттуда, под гармонику, раздаются разухабистые, так называемые «колхозные частушки»:

Растяну гармошку шире,
Пусть девчата подпоют,
Чтоб узнали во всем мире,
Как колхозники живут!
«До чего весёл стал свет», —
Говорит колхозный дед:

«Как у нас, на свиноферме,
Во колхозной во деревне,
Свиньи слушают кларнет.
Радиолы только нет»...

— Так, так... Свиньям скоро радио-музыку проведут, а нам и хлеба нет, — ворчат колхозницы, покидая клуб...

Одна старушка, колхозница Болотного, слушает радио на квартире учителя. Содержание передачи обычное: одна половина программы была посвящена «социалистическому раю», другая половина — «величайшему и мудрейшему гению в истории», Сталину. В передаче радиодиктор с неописуемым пафосом передавал отчет «украинского народа» о достижениях социализма на Украине. Отчет был написан в стихах и был адресован «вождю прогрессивного человечества», «зодчему социализма». Ему, всемогущему, приписывалось не только все, что делалось в Советском Союзе, но даже... само появление солнца...

— **«Ты наше Солнце зажег!»** — гремели поэтические лакеи и истошно вопил на весь мир радиохолуй...

Колхозница слушала все это по радио, качала головой. Ворчала:

— И по радио все то же. Трубят и бубнят: «Счастливая колхозная жизнь». А нашего «счастья» хлебнуть не желают. «Мудрый, великий

Сталин! . . » Такой «великий и мудрый», что даже солнце запалил! . . Солнце запалил, а нас даже огоньком не снабдил: ни тебе спичек, ни керосину, ни дров . . . Сиди в темноте, мерзни и волком вой . . . Прежде, до революции, так не возносили царя, не величали даже Бога. Нет уж, Бог с ним, с таким радио. Слушать тошно . . .

А из мужчин-колхозников некоторые реагировали на подобные радиопередачи многоэтажными ругательствами. Конечно, когда не было коммунистических «всеслышащих ушей» . . .

Другие отплевывались и поскорее уходили от радиопередатчиков.

— От греха подальше. А то станешь ругаться — и пожалуйте туда, «куда Макар телят не гонял» . . .

Нередко партийное начальство на собраниях обязывало колхозников принимать резолюции, которые обыкновенно заканчивались так: «Мы, колхозники, благодарим великого вождя коммунизма, дорогого товарища Сталина, за нашу счастливую, колхозную жизнь» . . .

Того, кто позволял критически отозваться о такой резолюции, в присутствии коммунистов или комсомольцев, — по доносу арестовывали и отправляли в лагери.

Такие случаи были в Болотном и в соседних колхозных деревнях.

Колхозники и «драконы»

I

Озлобление голодных и закрепощенных колхозников против коммунистов было страшное.

Колхозники в разговорах между собой всегда противопоставляли себя и коммунистов. «Мы», колхозники, крепостные рабы коммунистов, — и «они», коммунисты, наши закрепостители и мучители, наши господа и враги, — так разделялась колхозная деревня в представлении колхозников. Колхозники всегда иронизировали или ругались по адресу коммунистов. Конечно, между собой, без присутствия коммунистов и комсомольцев. Кому же хотелось отправляться в лагерь за открытое слово, сказанное в глаза своему врагу?!

Свое озлобление против коммунистов колхозники выражали также в ругательных, злобных прозвищах, которыми они окрестили коммунистов.

Если в первые годы революции и в годы нэпа крестьяне ругали коммунистов «босяками», «пьяницами-голодранцами», то при коллективизации они стали ругать их «Соловьями-Разбойниками», заимствовав это прозвище из былины об Илье Муромце, известной им по старым, дореволюционным школьным хрестоматиям.

А потом колхозники дали коммунистам еще другое прозвище: «драконы».

— У-у, драконы проклятые! . . — скрежеща зубами, ругались колхозники по поводу какого-либо издевательского действия или распоряжения коммунистических начальников.

«Драконы»! . .

Какое яркое, мощное и выразительное прозвище! Какой красочный и живой, сказочно-легендарный образ народной поэзии!

Чудовище, жуткое по внешнему облику, страшное по силе и злобности, кошмарное по своим омерзительным, садистским повадкам.

Это они, крылатые чудовища с огнедышащей пастью, ядовитым дыханием и с могучими лапами, — схватывали людей, запирали навсегда в своих крепостях — подземных пещерах и лабиринтах, превращали их в вечных своих рабов-слуг или рабынь-жен. И вечно мучили своих рабов, упиваясь своей властью над ними и наслаждаясь муками этих жертв . . .

Люди, попавшие в эти страшные лапы и безвыходные подземные крепости, бессильны перед этими омерзительными чудовищами. Только герои-богатыри способны победить таких страшных чудовищ и избавить от них вечных рабов, их жертвы. Только герои-богатыри — Георгий Победоносец, Добрыня Никитич, Илья Муромец — способны победить таких страшных и могучих чудовищ.

Раньше, до революции, начиная со школьной скамьи, крестьяне читали легенды, былины и сказки о драконах, о «Змеях Горынычах», о «Соловьях-Разбойниках». Но после Октябрьской революции все эти былины, сказки, легенды — были изъяты из школьных хрестоматий, изо всех других библиотек и уничтожены, как «несозвучные коммунизму».

Но у некоторых культурных крестьян эти школьные хрестоматии, былины, легенды, сказки сохранились дома, в их маленьких библио-

течках. Их хранили, как драгоценность, и читали. Да и все другие пожилые колхозники их не забыли.

А огромную картину с изображением Георгия Победоносца, который верхом на белом коне налетает на страшное зеленое чудовище, на дракона с огнедышащей пастью, и поражает его копьем, — эту картину крестьяне, посещая церковь или проезжая мимо нее, всегда могли видеть. Она была нарисована на фронтоне церкви в Болотном и на городских храмах.

Полустертая, эта картина сохраняется еще и теперь на фронтоне закрытой церкви, превращенной в склад для сельскохозяйственного инвентаря.

И теперь, за годы пребывания в крепости дракона, в «колхозном аду», — в переживаниях и мыслях колхозников их самочувствие и надежды оформились именно в этих ярких и выразительных былинно-легендарных образах. Коммунисты это и есть разбойники-грабители, современные «Соловьи-Разбойники» или еще более жуткие драконы-истязатели. А колхозники это — попавшие к ним в неволю рабы, жертвы этих кошмарных чудовищ.

Колхозники мучительно переживали это свое порабощение коммунистическими «драконами». По их откровенным рассказам, по их прозвищам, которые они дали своим врагам-мучителям («Соловьи-Разбойники», «драконы»), — ясно было, что в глубине души они лелеют мечту о своем освобождении из лап этих чудовищ.

В их сердцах теплится никогда не умирающая надежда на героев-освободителей, воинов-богатырей, сильных и вооруженных для такого решительного победоносного боя. Живет надежда на героя-воина, Георгия Победоносца, «Егория Храброго», память которого крестьяне чтили каждую весну — в то символическое время, когда Егорий Храбрый, вместе с Солнцем, побеждал Чудовище-Зиму. Колхозники надеялись и ждали, как Георгий-Победоносец на вихревом скакуне налетит на страшное чудовище, Дракона Современного, и мощным копьем пронзит его кровавую, ненасытную, огнем и серой дышащую пасть.

В сердцах колхозников горит неугасаемый огонь надежды на мужицкого богатыря, Илью Муромца, который жил в этих краях — в Дебрянских (Брянских) лесах, в селе Карачарове, которое впоследствии стало городом Карачевом, Орловской губернии.

Надеются и мечтают земледельцы всей Колхозно-Подтянутой Империи, а среди них и орловско-брянские земляки Ильи Муромца. Вот выпьет Илья оживляющей воды Божией, излечит свою расслабленность, встанет на резвы ноги. Тогда вскочит на коня богатырского, ранит каленой стрелой «Соловья-Разбойника» (кровавого палача, обитателя Брянских лесов, непроходимых дебрей), свяжет его. А потом Илья всенародно казнит его за дела разбойничьи, отрубит ему голову, приговаривая:

«Полно-тко тебе слезить отцов-матерей,
Полно-тко вдовить жен молóдыих,
Полно спущать сиротать
малых детушек!..»

Вспоминая героические былины и легенды о Георгии Победоносце, об Илье Муромце и Добрыне Никитиче, колхозники сопровождали их такими разговорами, которые ясно показывали, что они люди реального, здравого смысла. Они хорошо понимали, что многомиллионную, хорошо вооруженную и сплоченную партию, армию «драконов» и «Соловьев-Разбойников», победить нелегко.

Бороться с этой партией-армией в одиночку не сможет никто, даже Илья Муромец или Георгий Победоносец. Победоносцев и Муромцев должно быть много. А под их командой должны принять активное участие в боях все жертвы «драконов» — весь подсоветский народ, в первую очередь, колхозники, как самые угнетенные и обиженные жертвы «драконов».

— Против «драконов» и «Соловьев-Разбойников» нужно бороться всем честным народом, — говорили колхозники. — Да не с голыми руками. Оружие нужно...

— А тогда уж «драконам» не сдобровать!..

Таково было отношение колхозников к коммунистическим «драконам» и к «Соловьям-Разбойникам».

II.

Но колхозники не ограничивались только злобной руганью да мечтами и планами о свержении «драконовской власти» всенародными усилиями, под руководством новых героев, Победоносцев и Муромцев.

Некоторые колхозники проявляли эту свою вражду к «драконам» и действенно, в индивидуальном порядке. Колхозники нападали на «драконов», стремясь избить или даже убить их, хотя хорошо знали, что за это установлено тяжелое наказание, вплоть до расстрела, как за «антисоветский террор и бандитизм» — так советская власть квалифицировала эти «антисоветские преступления».

Об одном случае, о нападении колхозника-плотника на председателя сельсовета в Болотном, уже было рассказано в одном из предыдущих очерков.

Был и другой, аналогичный случай. Колхозник напал на местного секретаря партячейки и избил его. Этот секретарь сделал на колхозника донос за то, что тот отрицательно отозвался о колхозной системе, высказав свою уверенность, что проклятая антинародная система скоро сгинет.

Третий случай нападения, — когда колхозник грохнул письменным прибором в служебном кабинете самого председателя райисполкома, типичного «дракона», истязателя колхозников...

Четвертый случай (о котором рассказано в одном из предыдущих очерков), когда колхозник-подросток напал на своего отца-коммуниста и хотел проломить ему молотком голову, — тоже в своей основе имел политическое умонастроение колхозника. Мальчик так сильно озлобился на отца не за то, что тот развелся с его матерью. Таких случаев было слишком много, и они такого враждебного отношения у детей не вызывали. Но мальчик-колхозник так сильно озлобился на своего отца за то, что тот со своей новой, молодой женой живет материально очень хорошо, а оставленным детям-колхозникам никакой материльной помощи не оказывает. Колхозные же порядки таковы, что дети, оставленные без помощи, там голодают, бедствуют, мучаются. Отец-коммунист, живущий хорошо, оставляет своих голодающих детей без помощи не только в противоречии с совестью, но даже вопреки советским, коммунистическим законам о выплате детям алиментов после развода. Именно из-за этого голодающий, брошенный без помощи, колхозник-подросток бросился с молотком на своего сытого отца-коммуниста. Он считал своего отца-коммуниста вдвойне виновным перед собой: и за тот колхозный режим голода, который установила партия «драконов», при активной помощи отца; и за то, что сытый отец-коммунист оставляет безо всякой помощи своих голодных детей, даже вопреки коммунистическим законам.

Все вышеперечисленные случаи нападения на коммунистов были случаями индивидуальными и стихийными, осуществленными сразу, без подготовки, импульсивно.

«Драконы» довели свои жертвы до невыносимого положения, и те с отчаянием, долго не раздумывая, бросились на своих мучителей, «драконов», с кулаками, письменным прибором или молотком.

Мне рассказали о случае группового и обдуманного нападения колхозников на «дракона».

В одном поселке, который при коллективизации не был присоединен к соседней деревне, а остался на положении самостоятельного колхоза, — не было ни одного коммуниста: ни члена партии, ни комсомольца. Председателем колхоза был тоже беспартийный местный крестьянин, действительно избранный собранием жителей.

Пользуясь такими обстоятельствами, этот маленький поселковый колхоз самочинно осуществлял много таких мероприятий, которые для колхозников были очень благоприятны и желательны, но совершенно противоречили советским законам о колхозах. Так, например, председатель колхоза, желая максимально снизить хлебозаготовки, в своих отчетах вдвое снижал уровень урожая. А в соседних колхозах председатели-коммунисты в своих отчетах обыкновенно увеличивали размеры урожая вдвое, по сравнению с действительным: им хотелось похвастать своими «достижениями» перед своими районными партийными начальниками и сдать своему государству как можно больше хлеба в виде хлебозаготовок. Об интересах же колхозников они совсем не заботились.

Хлеб и другие продукты колхозникам раздавали в этом колхозе не по трудодням, как установлено в советском законе, а по едокам. — «Хлеб едят не только рабочие, но и дети, и старики, и больные, и другие неработоспособные. Почему же их оставлять без хлеба?!.»

После урожая на этом поселке хлеб раздавали прежде всего хлеборобам. Затем засыпали колхозные фонды. А потом уже остатки, после выполнения всех сельскохозяйственных работ, они сдавали государству.

Почти весь скот держали в индивидуальном владении.

Усадьбы на колхозный двор у них были прежние, еще с нэповских времен, двухгектарные, то есть, в восемь раз большие, чем в соседних колхозах. Половину дня колхозники работали на колхозных полях, другую половину — на своей усадьбе, на огороде, в саду, в своем

хозяйстве, по своим делам. В воскресенье посельчане не работали ни в колхозе, ни дома: отдыхали.

При этих порядках колхоз выполнял все свои обязательства перед государством (продуктозаготовки) наравне с другими колхозами.

Но жители этого поселка из-за таких порядков получили возможность жить во много раз лучше, чем в соседних колхозах. У них было не только хлеба и картофеля вдоволь, но и все другие продукты: каша, масло, молоко, мясо, овощи, фрукты. Оони жили почти так же, как в нэповские времена. Ввиду того, что свои обязательства перед государством колхоз выполнял нормально, местные органы власти ничего об этих оригинальных порядках не знали. Сами же колхозники-поселяне дружно и крепко хранили в тайне свои дела и порядки. Случайно заехавшего уполномоченного поселковое правление угощало и спаивало так, что он засыпал и не в состоянии был ничего увидеть и узнать. Но вот однажды к ним в поселок, в гости к родственникам, пришел комсомолец из другой деревни, пробыл там несколько дней, кое-что разузнал и настрочил в райком донос об «антисоветских порядках в поселковом колхозе». Представители районных органов власти начали расследовать дело. Поселяне и колхозное правление держались так дружно, что комиссия ничего точно разузнать не могла. Но вынесла решение, что «поселковый» колхоз должен быть присоединен к большой артели в соседней деревне « . . . в целях укрупнения колхоза, усиления партийного контроля над ним и предотвращения возможности устройства антиколхозных порядков на поселке».

После этого жители поселка поймали доносчика и жестоко избили его, приговаривая: «Это тебе пока за один донос! А ежели последует другой, тогда совсем прикончим! . .»

Таковы несколько фактов о покушениях колхозников на местных «драконов»-коммунистов. Эти покушения были произведены в последние годы перед войной. Они могут характеризовать накаленную атмосферу вражды в деревне, озлобленность крестьян против советской власти и коммунистических «драконов».

Отношение колхозников Болотного к коммунистам-«драконам» было настолько озлобленное, что они порвали всякие связи с коммунистами, родными и родственниками, связи, которые в годы нэпа были более или менее нормальными.

Пораженческие настроения колхозников

Живя в «колхозном аду» и испытывая неистовое озлобление против коммунистической власти, виновницы этой адской жизни, колхозники не испытывали ни малейшего желания защищать эту власть, воевать за нее.

С тех пор, как советская власть насильственно, террором и голодом, отняла у крестьян землю и все имущество и ввела колхозные порядки, адскую жизнь для крестьян, — с этих пор у крестьян выработалось иное отношение к войне и защите отечества, чем это было раньше. Крестьяне переменили свое вековое, постоянное и прочное, оборонческое мировоззрение на пораженческое.

— Защищать отечество?! — разговаривали колхозники между собой по поводу коммунистической пропаганды о «советском патриотизме». — Да разве колхозная каторга может быть моим любимым отечеством?! Нет, такое «отечество» защищать нет смысла...

Широкое распространение пораженческих настроений я замечал еще в годы коллективизации. А потом, в связи с публичными процессами над вождями «правых уклонистов» (Бухариным, Рыковым и другими), эти настроения еще более усилились.

Большевистское правительство обвиняло вождей «правых уклонистов» за то, что они, во-первых, боролись против принудительной колхозной системы, и во-вторых, за то, что они были «изменниками» советского государства, так как замышляли, в случае войны, «открыть ворота врагу»...

— Вишь, какое преступление:«распустить колхозы» требуют, — обсуждали крестьяне сообщения советских газет. — Да за это их расцеловать надо, а не судить!..

— «Ворота врагу открыть!».. — Тоже правильно надумали. Если на нашего врага нападет кто-либо, то он нам союзником будет. А более жестокого врага, чем коммунисты-драконы с их колхозным адом, для нас, крестьян, еще никогда не было. Наверное, и быть не может.

При таких настроениях колхозники, хотя и ожидали от войны много бедствий, но питали твердую надежду, что, в конце концов, дело обернется к лучшему для колхозников, для народа вообще.

Конкретно, эти надежды основывались на таких соображениях:

Во-первых, колхозники, хорошо зная советское, социалистическое хозяйство и враждебное отношение народа к власти, были твердо уве-

рены в том, что в войне с другим большим государством Советский Союз будет побежден.

Во-вторых, люди верили в то, что колхозы, созданные насильственно и доказавшие свою полную экономическую несостоятельность, будут распущены любой властью, какая установится после разгрома большевиков. Они не допускали даже такой возможности, что после страшного колхозного опыта может появиться в пределах России другое, кроме большевистского, настолько глупое или сумасшедшее правительство, которое не позволит крестьянам распустить колхозы и продолжит социалистические эксперименты в деревне.

В-третьих, колхозники были так измучены «колхозным адом», государственным крепостным правом, что считали его худшим, чем помещичье крепостное право. И поэтому были уверены в том, что хуже «колхозного ада» для них ничего раньше не было и ничего в будущем не может быть.

Малые, успешные для Советского Союза, войны и захваты 1939-1940 годов — войны с Польшей и Финляндией, захваты прибалтийских государств — этого пораженческого настроения крестьян не изменили ни в малейшей мере.

Солдаты, вернувшиеся с этих фронтов, рассказывали в деревнях, что жизнь крестьян, ведущих индивидуальное хозяйство, в этих странах неизмеримо богаче, лучше и свободнее, чем в «колхозном раю».

А что касается «побед» и «успехов» Советского Союза в этих войнах и захватах, то колхозники со своим здравым смыслом расценивали их реалистически:

— Захватить остатки Польши, уже разбитой Германией, это «победа» небольшая . . .

— А обманным путем ввести армию, сбросить чужое правительство и назначить свое, коммунистическое — как в Латвии, Литве и Эстонии, — это сделать еще легче.

— Но крошечную Финляндию Советский Союз еле-еле, с большой натугой, одолел, да и то не совсем. Двухсотмиллионный великан едва справился с трехмиллионным карликом. Значит, этот великан болен, если он такой слабый. А Финляндия это действительно героическая страна: сумела отстоять себя при нападении такого великана. Вот как борются люди за свое действительное отечество! . .

— Если с Финляндией еле-еле справились, то что же будет в войне с Германией? Германия это тебе, дорогой товарищ Сталин, не Польша и не Румыния . . .

Что большая война Советскому Союзу предстоит именно с Германией, в этом колхозники были убеждены непоколебимо. И в годы сталинско-гитлеровского союза они своего мнения не изменяли.

— Это союз непрочный, для отвода глаз. Кто кого перехитрит и на лопатки положит . . .

По поводу своего участия в этой надвигающейся войне колхозники говорили:

— Воевать за Сталина?! За колхозную каторгу?! Нет, дураков больше не осталось . . .

— За драконов проклятых мы воевать не будем . . .
— Мы им навоюем! . .

В рабочем поезде я видел колхозника-отходника. Он плакал с горя и жаловался: его в этот день присудили за двадцатиминутное опоздание на работу к условному тюремному заключению и огромному штрафу. Вытирая слезы, он жаловался всем пассажирам, находящимся в вагоне, на свое горе, на свою обиду. И постоянно, как припев, повторял угрожающе по адресу власти-обидчицы, драконов-истязателей:

— Ну, погодите! . . Вот наступит война, заберут в армию, я вам тогда все припомню. Я вам тогда навоюю! . .

Приходилось читать письмо колхозника-отходника, бывшего матроса-комсомольца, к своим родным, живущим в колхозе. Оно заканчивалось так: «О ваших жалобах одно скажу: пока потерпите, дорогие мои. Скорой войны не миновать. А после войны дело должно измениться. На войне же . . . мы им навоюем!»

От колхозников, побывавших в лагерях — за колоски, за картофель, за другие пустяки, — приходилось слышать, как они, работая на лесозаготовках и зная, что лес этот пойдет за границу, писали записки и всовывали их в щели бревен. Записки содержали призыв к свободному миру: «Братья! Свободные люди! Нас душат. Придите на помощь! Защитите, освободите! Спасите! SOS! . . »

Свои пораженческие настроения колхозники высказывали всегда, как только беседа касалась темы о войне и когда не было близко коммунистических доносчиков.

— Пусть грянет война... Мы им тогда навоюем!..

Разговор на колхозном кладбище

Апрель 1941 года. Село Болотное. Разоренное кладбище около закрытого храма, превращенного в склад сельскохозяйственного инвентаря. Несколько колхозников занимаются починкой инвентаря.

Подошел. Разговорились о колхозном житье-бытье. Колхозники сразу же стали жаловаться: «Не живем, а мучимся»... Они ругают коммунистов «драконами» и часто посматривают на картину Георгия Победоносца. Эта полустертая картина виднеется на фронтоне храма. Какие-то мысли мелькают в глазах колхозников...

— Да... на днях в избе-читальне мы прочли в газетах, что немецкая армия с танками высадилась уже в Африке. Вы тоже читали это известие? — обратился ко мне один из колхозников.

Перемена темы разговора показалась мне настолько резкой и внезапной, что я даже оглянулся: уж не приближается ли к нам кто-либо из партийных «слухачей» и соглядатаев? Нет, никого, кроме нас, тут не было.

А колхозники продолжали разговор.

— Немец, он в Африке не остановится. Он и до нас доберется. Головой своей ручаюсь за то, что немец к нам обязательно и скоро пожалует. Он будет тут, вот на этом самом месте!..

Взлохмаченный, весь в заплатах, колхозный пророк для вящей убедительности притопнул ногой по пыльной площадке...

— Вот тогда и наше время приспеет, — продолжил его мысли другой колхозник. — И тогда уж берегитесь, «драконы»!.. Каюк вам будет, крышка!..

Колхозники злорадно засмеялись... И опять взглянули на картину Георгия Победоносца...

Тогда мне стали понятны и течение ассоциаций у колхозников и строго-логическая нить их беседы: освобождение от коммунистических «драконов» они связывали с приездом на танке немецкого «Победоносца»...

***

Теперь, через много лет после этого разговора, думалось: малограмотные колхозники оказались пророками-ясновидцами. Не могли предвидеть они только одного: что из «победоносцев» бывают и такие, которые стремятся поразить «драконов» не для того, чтобы освободить их жертвы, а для того, чтобы самим занять место этих низвергнутых «драконов» . . .

18. КОЛХОЗНИК НА РАДИОСТАНЦИИ

Коммунисты стараются возбудить у всего подсоветского населения, в частности, у колхозников, вражду ко всем государствам за кордонами Коммунистической Империи, ко всему «капиталистическому окружению».

Но эта пропаганда не доходит до сердца колхозников. Отношение их к заграница иное. Они чувствуют там свободный мир и с детской наивностью надеются на человеческое сочувствие, ожидают активной помощи со стороны свободных народов тому народу, который мучится в крепостной неволе, в лапах «драконов».

Это отношение подъяремного народа к свободному миру ярко изображено в одном анекдоте, который в Советском Союзе имеет самое широкое распространение: я слышал его и в столице и в колхозных деревнях.

Этот анекдот рассказывает: советский «президент» Калинин произносит по радио речь для заграницы. В слащавом тоне он декламирует пышные фразы о «самом передовом и единственном демократическом государстве в мире», о «культурной революции», о «зажиточной жизни» населения, о «социалистическом рае» в Советском Союзе.

Тут же, в радиостудии, случайно присутствует колхозник и внимательно слушает эту декламацию, иронически улыбаясь.

Когда Калинин окончил речь, к нему подошел колхозник и сказал:

— Хорошо говорили Вы, Михаил Иванович!.. Разрешите и мне слово молвить к иноземным братьям, крестьянам и рабочим. Дополнить малость...

Калинин подумал: наверное, жаловаться станет на свою горькую, колхозную жизнь... О чем же другом может говорить колхозник?! Осрамит меня: уличит во лжи...

— Нельзя!.. — отрезал «советский президент».

— Да я слова три только и молвил бы, — сказал колхозник.

Калинин подумал: три слова . . . Знаем мы эти «три слова»! . . Наверное, с досады голодный колхозник запустит в эфир матерщиной . . . А я только что распинался по радио о величайшем расцвете культуры в нашем социалистическом государстве. Грубиян опозорит на весь мир нашу социалистическую культуру . . .

— Нельзя! — строго повторил Калинин. — Даже близко не подходи к микрофону! . .

— Неужели мужику нельзя и одно слово, единственное словечко, молвить по радио, Михаил Иванович?! . — не унимался колхозник.

Одно слово, — подумал Калинин. — Любопытно, что же он может сказать в одном слове?. .

— Ну, хорошо, — обращается всесоюзный староста к назойливому колхознику: одно слово ты по радио сказать можешь. Но только помни:одно-единственное слово! . . Если ты хоть одним словом больше скажешь, то мы голову твою снимем! . .

— Хорошо: моя голова всегда в ваших руках, — ответил невозмутимо колхозник.

Он подошел к микрофону, откашлялся, набрал полную грудь воздуха и крикнул пронзительным голосом недорезанного:

— Спа-си-те ! ! !

Всю измученную, истерзанную душу свою вложил колхозник в это единственное слово . . .

***

Это удивительно правдивый и талантливый анекдот: он в одном слове выразил муки, надежды и призыв народа-мученика.

— Спасите! — это стон колхозных рабов, придавленных советскими крепостниками.

— Спасите! — это крик жертв, терзаемых драконами.

— Спа-си-те ! ! ! — это вопль окровавленного, истерзанного, народа-мученика, распятого всемирной бандой палачей на коммунистической Голгофе . . .

— Спа-си-те ! ! !

А отклик где?. .

Неужели это — безответный крик вопиющего в Мировой Пустыне?! .

Или бесцельный вопль гибнущего во Вселенских Джунглях?! .

Часть вторая

НИЩЕТА КОЛХОЗНАЯ

Материальный быт деревни за период 1945-67 годов

«...Колхозники и совхозники — это потомки свободных русских крестьян, которые так быстро богатели в XX столетии; это те люди, которых советская власть превратила в пасынков режима, вечно недоедающих и одетых в тряпье».

В. Тарсис

«Жизнь наша известная: колхозная...»

Поговорка колхозников

I. «НЕ ЖИЛЬЕ, А ГОРЕ»...

Жилище крестьян в дореволюционной деревне

Типичным жилищем крестьян в пореформенной России была двухкомнатная изба с крыльцом, открытой верандой.

В русских и белорусских деревнях избы были построены из дерева. В украинских деревнях их строили из каменного щебня, залитого и обмазанного глиной. Стены обмазывали известкой. Для лучшего сохранения тепла бревенчатые избы тоже большей частью обмазывались толстым ровным слоем глины снаружи и изнутри. По площади избы были очень различны. Каждая комната в избе имела площадь от 16 до 64 квадратных метров.

Полы в большинстве изб были деревянные, из толстых досок, а крыши — соломенные.

У зажиточных крестьян избы часто состояли из 3-4 комнат и имели крыши более усовершенствованные: тесовые, шиферные, черепичные, железные.

Дома у зажиточных крестьян нередко были кирпичные. А в некоторых селах даже бóльшая часть домов была кирпичной. В селе Вирятино, Тамбовской области, перед революцией 1917 года из 380 домов 230 были кирпичными и только 150 деревянными. Построены эти кирпичные дома были в конце XIX и в начале XX века.[1])

У бедных крестьян были избы и однокомнатные, с сенями, но без крылечек.

После Октябрьской революции и до коллективизации, от 1917 до 1929 года, в Советском Союзе положение с жильем в деревнях оставалось в основном таким же, как и в дореволюционной России. Но

---

[1] «Село Вирятино», монография. Издание Академии Наук, 1959 г., Москва.

часть бедных крестьян получила от советского государства лес или срубы бесплатно и построила новые избы.

Жилище колхозников в довоенный период

При коллективизации и после нее крестьяне были разорены и обеднели. Они стали терпеть нужду во всем, в том числе и в топливе.

Прежде крестьяне имели лошадей и привозили дров. А у колхозников лошадей нет. Председатель дает лошадей только тем, кто его «угощает», т. е. дает взятку. Но у большинства колхозников нет средств на взятку, и поэтому они остаются без топлива.

Нуждаясь в топливе, деревенские жители стали ломать на дрова те свои нежилые постройки, которые прежде, в своем хозяйстве, были нужны, а теперь, в колхозах, надобность в них отпала. Сносили сенные сараи: сена теперь у колхозников нет; а если они где-либо доставали немного сена, то хранили его на дворе. Сжигали клуни: яровой соломы у колхозников тоже не было. Колхозники ломали риги: нечего было сушить в них. Разбирали они также и свои амбары: зерна теперь колхозники имели очень мало и хранили его в сенях; упряжи и холста, которые прежде хранились в амбарах, у колхозников тоже нет.

В результате коллективизации каждая четвертая-пятая изба в колхозной деревне оказалась пустой: семьи, обитавшие в них, были сосланы в лагери или погибли от голода. Эти пустые избы частью были заняты колхозными учреждениями, начальниками, служащими, а остальные тоже пошли на топливо.

Когда были сожжены нежилые постройки и пустые избы сосланных, тогда колхозники, нуждаясь в топливе, стали по частям ломать для отопления и свои жилые постройки: крылечки, деревянный настил полов, вторые комнаты в избах, те, которые были постарее. За первые годы коллективизации было уничтожено на топливо очень много построек.

А новых изб из-за своей бедности колхозники строить не могли.

Так **прежняя благоустроенная деревня двухкомнатных изб с крылечком и деревянным полом от 1930 до 1940 года превратилась в бедную колхозную деревню однокомнатных хижин, с земляным полом и без крылечка.**

Деревня во время войны и оккупации

Германо-Советская война причинила большой ущерб не только городам, но и деревням Советского Союза. Деревни страдали от военных действий Германской и Советской армий.

Особенно большой ущерб причинил деревням и городам чудовищный приказ Сталина, верховного командования Советской армии, о том, чтобы всякие населенные пункты были использованы для ведения боевых действий воинских частей во всех тех случаях, когда местное военное командование найдет это целесообразным. Выполняя этот приказ, воинские части Советской армии помещали орудия в деревнях и городах и оттуда производили обстрел противника. Противник отвечал огнем по этим деревням и городам.

Сталинский приказ: «уничтожать всё при отступлении!» — разъяснялся в газете «Правда» (в очерках писательницы-коммунистки Ванды Василевской и других статьях), как приказ «сжигать всё», в том числе и жилища, «чтобы враг не мог найти даже тени, где он мог бы укрыться от палящего солнца!..»

«Всё сжигать и уходить на восток!..» — таков был приказ военного командования и клич коммунистических пропагандистов.

Само подсоветское население этим приказам не следовало. Но чекистские отряды перед отступлением поджигали склады в городах и деревнях и нередко устраивали пожары.

Деревни часто страдали также от пожаров, вызванных небрежным обращением с огнем немецких солдат и войск советских, во время их пребывания там.

Но особенно сильно страдали селения в оккупированных немцами областях: от коммунистических партизан и от полицейских отрядов немцев.

Коммунистические партизаны проводили «акции мести» в деревнях: поджигали деревни за то, что крестьяне, их жители, вынужденно, по приказу, сдавали немецкой власти продовольственный налог. А немецкие полицейские отряды, тоже в виде «акции мести», сжигали деревни за то, что крестьяне иногда отдавали, тоже вынужденно, продовольствие приехавшему в деревню коммунистическому отряду партизан. Крестьяне отвечали даже за то, что коммунистический отряд переночевал в какой-либо деревне. Безоружная деревня не могла оказывать сопротивления вооруженным отрядам немцев или парти-

зан, и эти отряды деревню грабили и поджигали. Нередко эти «акции мести», поджоги, проводились немцами и коммунистами в одних и тех же деревнях . . .

Так деревни в оккупированных немцами областях страдали от поджогов обеих воюющих сторон: и немцев и коммунистических партизан. В результате этого в период войны и оккупации много жилищ в деревнях было сожжено. Жилищная нужда крестьян еще более усилилась. Крестьяне-погорельцы копали землянки и жили там.

Дома колхозных начальников

После «раскулачивания», после ссылки миллионов крестьян в Сибирь, в лагери, колхозные начальники забрали лучшие из оставленных домов для себя, для колхозных учреждений: для канцелярий колхоза и сельсовета, для избы-читальни, школы и других.

После войны колхозные начальники строили новые жилища. Но строили не для колхозников, а для себя, для своих семейств и близких им людей.

Описывая белорусскую колхозную деревню в повести «Доброселъцы» (в 1958 году), автор Кулаковский рассказывает любопытную историю. Последний председатель, присланный для «укрепления колхоза», прослужил менее года. Но и за этот краткий срок он успел построить для своей семьи большой новый дом, который «блестел как солнышко». А крышу дома председатель перекрыл два раза: сначала листовым железом, которое было приобретено правлением на «колхозные нужды»; а потом, закупив для свинофермы алюминиевые корыта, председатель перекрыл свой дом этим алюминием. Когда райком партии отзывал председателя на другую работу, жена ругала его за то, что он не успел за год построить второго дома: для ее брата . . .

В советской печати было рассказано о другом начальнике, который за счет колхоза построил четыре дома: два в деревне — для себя и для своей «приятельницы»; и два в городе — для сына и для дочери . . .

Книга «Доброселъцы» сообщает, что у местного милиционера домик был «новый, красивый и веселый».

Председатель сельсовета, житель того же колхозного села, совсем не печалился о том, что электричество из МТС не проведено в школу.

Ученики были вынуждены заниматься во вторую смену в полутьме: под тусклыми, маленькими керосиновыми лампами. Но он позаботился о том, чтобы электричество было проведено не только в его дом, но «опутал электрическими проводами весь свой двор»...

Дома колхозных начальников, как старые, конфискованные у сосланных крестьян, так и новые, выглядят так хорошо, что советский гид охотно показывает их иностранцам — туристам. А потом иностранная печать расхваливает «благоустроенную колхозную деревню»...

В колхозной деревне под Москвой известной американской журналистке советские гиды показали новый дом председателя колхоза — и снаружи и изнутри. Но жилища рядовых колхозников были настолько непривлекательны, что гиды не допустили ее зайти в эти хижины и поскорее увели вообще от этого печального зрелища...

Колхозные постройки

В колхозах происходит огромное строительство. Кроме домов для сельских начальников, строятся общественные помещения: канцелярии колхоза и сельсовета, животноводческие фермы, склады, зернохранилища, овощехранилища, молочные, кирпичные заводы, клубы, школы и т. д. Среди колхозных построек самое главное место занимают животноводческие фермы: конюшни, коровники, свинофермы, овчарни, птицефермы.

Это строительство происходит не только за счет колхозных средств, но и за счет рабочей силы крестьян. Все работы на постройках производятся колхозниками за трудодни: тощие или пустые. Только приглашенных извне мастеров — плотников, каменщиков, столяров — оплачивают натурой или деньгами, по договору.

«Потемкинские деревни» и «колхозные показухи»

В дореволюционной России строительство нового дома являлось только проблемой финансовой: имеющей деньги мог в любое время построить себе дом по своему желанию и по средствам.

При советской власти строительство даже самой бедной избы превратилось в труднейшую и сложнейшую проблему. Строительных материалов очень мало, они страшно дороги. В государственных организациях обычным путем их купить невозможно. Для того, чтобы путем всяческих ухищрений «достать» строительные материалы, требуется огромное количество денег, времени, усилий и хитрости. А у колхозников нет денег: они получают за свой труд гроши. Нет у них и времени: люди трудятся в колхозе от темна до темна, даже без выходных, и без разрешения начальства не могут никуда отлучиться.

А если даже колхознику удастся добыть материалы, то строительство нередко он вынужден вести собственными силами семьи: не хватает средств на наем специалистов-строителей (плотников и других). Это строительство происходит только в свободное от барщины время: колхозное начальство не отпускает с работы.

Американский писатель Стейнбек побывал в одном колхозе в Советском Союзе вскоре после войны. Беседуя в канцелярии с председателем, писатель увидел в окно, что колхозник с женой обделывают бревна и складывают сруб. Начальник рассказал, что изба этого колхозника была разрушена войной; семья несколько лет жила в землянке, а теперь государство отпустило лесу, и люди сами строят избу. Колхоз не может отпустить для этой цели рабочую силу: там ощущается острый недостаток ее. Из-за той же причины председатель не может освободить хотя бы на время и самих колхозников от работы. Поэтому люди должны от зари до зари работать в колхозе, а строительством могут заняться только в обеденный перерыв.

При таких условиях только очень немногие колхозники могут построить себе новую избу. Обыкновенно домики в деревне строят только начальники, механизаторы да некоторые специалисты. Поэтому новых домов в колхозах мало.

Чтобы не показывать туристам-иностранцам ветхих хижин колхозников, кремлевские властители решили воспользоваться опытом «потемкинских деревень».

В 1787 году императрица Екатерина Вторая отправилась в путешествие из Петербурга на юг России, до Крыма. Наместник Южного края, Григорий Потемкин решил доставить ей удовольствие: показать, что край процветает, население живет в полном довольстве и благоденствии и благодарно за свою «счастливую жизнь» великой императрице. На пути следования царицы, в местах остановок для отдыха

и ночлега, в спешном порядке создавались «счастливые селения»: избы — театральные декорации, только с передними стенами. Людей наряжали в праздничные одежды. Крепостные крестьяне преподносили императрице «хлеб-соль», благодарили за «вольготную жизнь», пели веселые песни, водили хороводы, плясали, показывали, что они «счастливы» . . . Императрица осталась очень довольна. За правдивый показ крепостного ада, за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев был сначала приговорен к смертной казни, а потом «помилован» Екатериной, т. е. отправлен на 10 лет ссылки в Сибирь . . . А за красочные декорации на тему «счастливая жизнь крепостных пейзан» Потемкин получил от императрицы титул «князя Таврического». После своего возвращения в Петербург Екатерина писала своему фавориту Потемкину-Таврическому милостивые письма, в которых сообщала, что она непрестанно рассказывает всем «о прелестном положении мест, вверенных Вам губерний и областей, о трудах, успехах, радении, попечении и порядке, Вами устроенном повсюду» . . .

Свидетели и участники этого путешествия царицы писали об этом обмане тогда же. Французский посол в России граф Сегюр сообщал: «Города, деревни, усадьбы, а иногда и простые хижины, были так разукрашены и замаскированы триумфальными арками, гирляндами цветов и нарядными архитектурными декорациями, что вид их обманывал, превращая их у нас на глазах в великолепные города, воздвигнутые дворцы, в сады, роскошно созданные». Французский путешественник маркиз де Линь, который ехал вслед за царицей, писал: «В тех местах, по которым проезжала императрица, богатые декорации, нарочно для нее выстроенные, валились тотчас же после ее проезда . . .»

Этот курьезный исторический случай получил образное наименование: «потемкинские деревни» . . .

Опыт построения «потемкинских деревень» послужил большевистскому правительству примером для подражания. Показывая иностранным туристам «достижения колхозов», кремлевские диктаторы воспользовались этим опытом и усовершенствовали его.

В каждой советской республике устроено по одному выставочному колхозу. Они служат, как говорят в Советском Союзе, «показухами» для иностранцев.

Эти колхозы забиты машинами, переполнены опытными пропагандистами и всякими «затейниками». «Актеры-колхозники» получают хорошее жалованье. Они не работают, а только разыгрывают перед туристами комедию: «колхозный рай». Эти клоуны из выставочных колхозов встречают избранных иностранцев-туристов, угощают их водкой, винами, едой такой вкусной и обильной, что, по признанию одного сановного туриста, «после такого обеда даже подняться из-за стола трудно, а не только работать или что-либо обследовать... Можно удивляться только одному: как колхозники могут работать после такого сверхобильного завтрака и обеда, после такого «тяжкого закусона» и «мирового выпивона», как они говорят?!».

Знатных посетителей, главным образом журналистов и политиков, пирующих в колхозе-показухе, коммунистические актеры развлекают музыкой, песнями, плясками; очаровывают их лестью; удивляют и поражают фантастическими, хлестаковско-мюнхаузенскими сказками о «грандиозных советских достижениях» и «счастливой жизни в социалистическом раю».

Кремлевские верховные организаторы этих «показух» откровенно характеризуют свою роль, называя друг друга «факирами». А свои пропагандные басни для знатных туристов «факиры» цинично именуют: «сказками для малых детей и больших дураков...»

Но доверчивые туристы, посмотрев в колхозе-показухе разыгранный перед ними спектакль под названием «Колхозный рай» и внимательно прослушав пропагандные сказки на ту же тему, — потом по всему миру распространяют их, как «быль», «правду», «виденное собственными глазами» и «слышанное собственными ушами», и показывают фотоснимки вечно пирующих колхозников в «советском раю»...

***

В последнее время «кремлевские кинорежиссеры» усовершенствовали «показухи». Так, например, теперь там стали устраивать «показательные колхозы» не в глуши, вдали от дорог, а тут же, на главных автомобильных магистралях. Сделано это для удобства знатных туристов: чтобы им не приходилось испытывать затруднений при поездке в глухие места. Теперь туристы могут наблюдать «колхозный рай» проездом, даже не выходя из автомобиля...

Группа немецких журналистов-социалистов посетила СССР в 1959 году. Один из участников этой группы в своих очерках о путешествии, напечатанных в 1959 году, в «Рейнской газете» (Кобленц), сообщил интересный факт: недалеко от Сочи (где советские вожди имеют дачи и куда заезжают многие туристы), по обеим сторонам автомагистрали выстроена прекрасная выставочная колхозная деревня. Вся она состоит из новых красивых стандартных домиков с кирпичными стенами, алюминиевыми крышами, с палисадниками и садиками. Эту «колхозную деревню» советское правительство построило будто бы для «колхозников»... Для выплаты израсходованных на строительство денег «колхозникам» предоставлена длительная рассрочка...

Такая «потемкинско-хрущевская колхозная деревня» создана специально: это «показуха» для иностранных туристов. В частности, для рекламирования «достижений» советской власти в сельском жилищном строительстве.

Но дома в массовых колхозах, а не в «показухах», жилища рядовых колхозников, а не их начальников, — имеют совсем иной вид, чем в «потемкинско-хрущевских деревнях».

Ветхие деревянные избы

В книге «Крутые горы (картины сельской жизни)», напечатанной в Советском Союзе в 1956 году, Н. Вирта так описывает дома в колхозных деревнях Тамбовской области: «дома построены из бревен, давно потерявших первородный вид»... Многие избы в колхозных деревнях этой области настолько ветхи, что в них «стены заваливаются»...[2])

«Учительская газета» описывает «старые обомшелые избы» в колхозных деревнях.[3])

Кулаковский в повести «Доброселъцы», напечатанной в Советском Союзе в 1958 году, описывает жилища в белорусском колхозе. Старушка-колхозница, рассказывая депутату сельсовета о своей избе, так характеризует ее: «только ткни пальцем — и изба развалится»...

---

[2]) Н. Вирта — «Крутые горы».
[3]) «Учительская газета» от 2 июля 1960 г.

Так стары и ветхи деревянные избы в колхозах. И немудрено: с 1929 года, с начала коллективизации, прошло уже много лет. После коллективизации рядовые колхозники не могли строить новых деревянных изб. А старые избы прожили свой нормальный век и окончательно обветшали.

Глиняные хижины

Колхозники всегда получали ничтожную заработную плтау. Даже в послесталинский период они получали за свою работу в среднем около 10 рублей (новых) в месяц, 120 рублей в год. Рядовые же колхозники получали около 5 рублей в месяц, 60 рублей в год, включая в эту сумму оплату денежную и натуральную.[4])

А новая деревянная изба, по сообщениям советской печати, стоит от 2000 до 4000 рублей, или в среднем 3000 рублей (новых).

Следовательно, заработать денег на постройку избы средний колхозник мог бы только за 25 лет, а рядовой колхозник за 50 лет, — конечно, при том обязательном условии, если бы они могли копить их, не затрачивая ни на какие другие жизненно-необходимые нужды и потребности. Но это условие неосуществимо: заработок колхозника даже со средней оплатой — 10 рублей в месяц — составляет только пятую часть прожиточного минимума для самого работника . . .

Значит, при тех реальных условиях, в которых жила и живет основная масса колхозников, — накопление денег на постройку избы нормального типа для большинства колхозников невозможно. Поэтому они вынуждены жить в ветхих хижинах-развалюшках или должны сами делать себе жилища примитивного типа: землянки, глиняные мазанки, бараки.

Поэтому колхозники строят теперь свое жилье не из дерева, а из другого материала, который находится ближе, чем лес, и вызывает затраты только на его выкапывание и перевозку: это — глина.

Н. Вирта в книге «Крутые горы» пишет об одном колхозе: « . . . Избы были построены из самодельного серого кирпича-сырца, называемого в обиходе саманом» . . . Саман — это необожженый кирпич, кир-

---

[4]) Т. К. Чугунов —Государственное крепостное право (на немецком языке), стр. 50. Мюнхен, 1964.

пич-сырец, который сделан из глины с примесью соломы и навоза. До революции саманные постройки встречались в Средней Азии и изредка в южной России. А теперь эти глиняные хижины встречаются в колхозных деревнях Советского Союза повсюду. В газетах, журналах и книгах о них теперь упоминается очень часто.

Эти глиняные хаты строят сами колхозники и совхозники. Строят повсеместно: в Белоруссии, в Средней России, на Кубани, на Украине, на Урале, в Казахстане, даже в Сибири.

Саманные жилища теперь строят не только колхозники в деревнях, но и рабочие в поселках. В книге Дудинцева «Не хлебом единым» описываются саманные домики, как жилье рабочих. Описанные там домики представляют собой разновидность саманных строений. Это полуземлянка-полусаманный домик: выкопана землянка; вверху над этой ямой-землянкой построены саманные стены. Такой тип жилья, полуземлянка-полусаманка, теплее, чем домик только из самана. Поэтому он встречается в северных краях.

Колхозники и рабочие строят саманные хижины потому, что не могут приобрести более лучших строительных материалов: ни леса, ни обожженых кирпичей. А глину можно найти почти везде и недалеко.

И подготовлять строительные материалы легче: люди выкапывают глину, размачивают, смешивают с навозом и соломой, высушивают на солнышке эти кирпичи и строят саманные хижины.

Но эти хижины очень неудобны и непрочны. Они постоянно осыпаются, трескаются, расползаются, загрязняют домик, пропускают холод и требуют постоянного ремонта.

Третьей разновидностью глиняной хижины, кроме саманных домиков и саманок-землянок, — является плетневая мазанка. Стены ее строятся из двух плетней, идущих параллельно друг другу на некотором расстоянии. В промежуток между плетнями насыпается щебень, камни, сор. И все это заливается глиной. Глиной же обмазываются стены постройки извне и изнутри. Такие сараи-мазанки бывают и одноплетневые. Плетневый сарай обмажут глиной извне и изнутри, сделают такой же плетневый, обмазанный глиной, потолок, — и жильё готово ...

Эмигрантка из Советского Союза на страницах газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк) в 1960 году сообщала о семье своих зна-

комых: «Живут они в районе Болшева (около столицы), в жидкой рощице, в сарае, кое-как приспособленном под жилье».

В данном случае речь идет, по всей вероятности, об одноплетневом сарае-мазанке: в необмазанном сарае жить зимой невозможно.

Бараки

В советской печати часто встречаются упоминания о бараках в колхозных деревнях.

Бревен для изб колхозники раздобыть не могут. А тонкие доски или обрезки, «горбыли», иногда добывают. И поэтому из теса или из обрезков они строят дощатые бараки.

Русская женщина, жена иностранца, живущая в Западной Европе, посетила своих родных в Советском Союзе в 1959 году. Она увидела, что ее родные живут в большом дощатом бараке — общежитии.

Там есть бараки двух типов. Одни — маленькие, для одной семьи. Такие бараки строят сами колхозники.

Другие бараки — большие. Это бараки-общежития. Их строят колхозы.

Колхозное начальство всячески препятствует людям, живущим в общежитии, вести личное хозяйство. Председатель не позволяет им строить около барака помещения для мелкого скота или птицы. Из-за этого жители общежитий-бараков вынуждены отказаться от личного хозяйства.

Или, имея только одну комнату для семьи в барачном общежитии, люди должны там жить не только сами, но также содержать и выхаживать поросенка и кур... Семья родственников этой эмигрантки-туристки жила именно в таких условиях: вместе с курами и поросенком...

Произвол колхозных начальников в таких бараках-общежитиях доходит до крайней степени самодурства. Председатель не позволил колхознице даже резать поросенка во дворе общежития: «Если вы вырастили его в комнате, то и режьте его там, а во дворе резать воспрещаю!..»

Эти наблюдения женщины-эмигрантки над барачной жизнью колхозников в Советском Союзе были опубликованы в журнале «Свобода» (в 1959 году, в Мюнхене).

Землянки

В Советском Союзе есть и более примитивные жилища, чем бараки и саманные хижины: это землянки.

Турист, побывавший в городах Воронеже и Жлобине в 1959 году, рассказал, что в Воронежской области «в селах некоторые еще живут в землянках, главным образом, вдовы без сыновей».[5])

В Сибири, на берегах Енисея, в деревне Атаманово, Красноярского края, люди тоже живут в землянках.[6])

До войны автор сам видел немало землянок в колхозах и около рабочих поселков. А во время войны и после войны число их сильно увеличилось.

Землянки копают люди, которые не имеют возможности сделать себе более дорогое жилище: барак или саманный домик.

До войны это были самые бедные колхозники или те отходники, которые сбежали от голода в город, нашли работу, но квартиру найти не смогли.

Во время войны землянки копали люди, у которых в результате войны было уничтожено их жилище.

В послевоенных колхозах живет немало людей очень бедных и слабых: инвалиды, старики, вдовы с малыми детьми, сироты. В том случае, когда их избушки разрушаются, они не в силах построить себе никакого нового жилья, кроме пещеры-землянки.

Советский писатель Панферов в книге «Раздумье» описал вид колхозных деревень по обеим сторонам Волги. По одну сторону реки, там, где не было войны, виднелись «темные, ветхие избы». По другую сторону, там, где была война, берег был усеян землянками. Когда-то Волга-матушка видела и слышала бурлаков. Теперь она сумрачно наблюдает . . . землянки . . .

На целине, куда отправляют, главным образом, колхозную молодежь, землянки встречаются очень часто. В одной повести, напечатанной в СССР в 1960 году, отмечено, что даже врач там живет в землянке.

На целине живут в землянках, бараках, а также в палатках и вагончиках.

---

[5]) Еженедельник «Посев» от 7 августа 1960 года, Франкфурт/Майн.
[6]) Газета «Русская мысль» от 16 августа 1960 г., Париж.

***

Таким образом, жилье крестьян стало теперь гораздо хуже, чем оно было в дореволюционной деревне.

Если раньше типичным жилищем была двухкомнатная, прочная, с крылечком, изба, то после коллективизации она превратилась в однокомнатную, без крылечка, и стала ветхой.

Кроме бревенчатых изб, в колхозной деревне все в большем количестве появляются другие, более примитивные, виды жилья: глиняная хижина, барак и землянка. Они составляют теперь значительный сектор жилищ в колхозных деревнях.

Этот примитивный сектор неуклонно расширяется за счет сокращения бревенчатых изб. В ближайшие годы эти примитивные жилища колхозников, по всей вероятности, станут основным типом жилья в советской деревне.

За полустолетие после революции 1917 года, особенно после коллективизации, жилищный фонд деревни окончательно обветшал, был разрушен. Его нужно было заменять новыми строениями. А для строения новых бревенчатых изб или кирпичных домиков у колхозников нет ни средств, ни материалов, ни рабочей, ни тягловой силы. Поэтому колхозники волей-неволей должны строить примитивные жилища: бараки, глиняные хижины и землянки.

«Проблема соломенной крыши...»

В колхозных деревнях остро и в массовом масштабе встала проблема, о которой в дореволюционной России никто не слыхал и не догадывался: «проблема соломенной крыши...»

Прежде такой проблемы и быть не могло. Все крестьяне имели землю, собирали урожай и соломы имели в избытке. Ржаную и пшеничную солому крестьяне употребляли только для двух целей: для подстилки скоту и для соломенных крыш — на новые и на починку старых.

Если у кого-либо из малоземельных крестьян недоставало соломы для новой крыши, ему охотно давали соседи и родственники. Давали солому бесплатно и не вязанками, а возами. Говорить о «соломенной

нужде» в дореволюционной России так же нелепо, как говорить о недостатке воздуха.

Но в колхозных деревнях встала эта неслыханная раньше проблема: вопрос о соломенной крыше и недостатке соломы.

Описывая картины сельской жизни в книге «Крутые горы», Вирта касается этого вопроса многократно. Он пишет об истлевших соломенных крышах: избы «почти сплошь были крыты побуревшей от времени соломой»; крыши «были крыты давно истлевшей соломой». «На многих избах слежавшаяся соломенная масса осела, и такие крыши походили на двугорбого верблюда». На собрании колхозников одна вдова после отчета председателя кричала: «А почему мне,ироды, крышу до сих пор не перекрыли? Крышу мне, вдове горькой, не кроют! . .» Вопрос о крыше для многих колхозников был таким больным, что на собрании поднялся невообразимый шум, который не скоро улегся.

Советский солдат даже на политзанятиях сообщает важную новость: «В письме батя пишет, что ему на колхозные средства крышу залатали» . . .[7])

Почему в колхозной деревне возникла проблема соломенной крыши?

Н. Вирта в книге «Крутые горы» упоминает о том, что, не имея дров, колхозники и сельская интеллигенция топят печи соломой. Но имеют соломы «в обрез».

Колхозы получают теперь низкий урожай, гораздо беднее дореволюционного. Следовательно, и соломы получают меньше. А нужда в ней в колхозах увеличилась. В колхозной деревне ржаную солому употребляют теперь не только на подстилку, но также и на корм скоту, из-за того, что всегда остро ощущается недостаток кормов: сена, яровой соломы, силоса. Нехватка кормов в колхозах нередко доходит до того, что скот массами гибнет от бескормицы. Скот кормят даже соломой полугнилой, снятой с крыш.

Солому снимают с крыш колхозных помещений. Советская газета сообщает о колхозе имени Сталина (Ярославской области): «Нынешней весной на корм скоту пошла солома, которой была покрыта конюшня».[8])

---

[7]) Журнал «Свобода», № 7 за 1960 г., стр. 18, Мюнхен.
[8]) Газета «Советская Россия» от 25 мая 1960 года.

Крестьянам для их личных коров обычно из колхоза кормов не выдают. Поэтому и их коровы часто нуждаются в соломе на корм. Иногда недостаток свежей соломы приводит к тому, что на корм идет солома полугнилая, снятая с крыш дворов и хат. Описывая одно село, Вирта в книге «Крутые горы» пишет: «Крыш на избах нет: солома с них на корм пошла» . . .

Какой острой и неразрешимой стала «проблема соломенной крыши», может наглядно показать письмо одного советского солдата в «Комсомольскую правду», перепечатанное в 1959 году во многих заграничных газетах.

В письме солдат сообщал, что его престарелые родители живут в избе с гнилой соломенной крышей. Дождь протекает в избу. Старики простудились и заболели. Родители жаловались на колхозное начальство, что оно не помогает бедствующим старикам, и просили помощи у сына. Солдат получил кратковременный отпуск из армии и поехал домой с надеждой, что он возьмет в колхозе соломы и сам починит крышу. Но в колхозе соломы он добыть не смог: вероятно, потому, что вся солома пошла на корм скоту. И вернулся из отпуска в армию, не сумев помочь своим больным родителям . . .

Такой острой и неразрешимой стала эта новая проблема колхозной деревни: «проблема соломенной крыши» . . .

Поэтому рядовые люди в Советском Союзе, бедствующие даже от недостатка соломы, страдающие от худой крыши, так сильно возмущаются всякими «спутниками», «лунниками», космическими кораблями и прочими безумно дорогими «небесными зрелищами», «пропагандными игрушками». Школьники пишут в сочинениях: «С каждым спутником улетает в Космос моя квартира» . . .

Внешний вид колхозной деревни

Писатель Н. Вирта в книге «Крутые горы» так описывает внешний вид колхозного села Тамбовской области (в книге он называет ее «Черноземской» областью):

«Дома, построенные из бревен, давно потерявших первородный вид, или сложенные из самана, почти сплошь были покрыты побуревшей от времени соломой. На многих избах слежавшаяся соломенная масса осела, и такие крыши походили на двугорбого верблюда. Редко по-

падались строения под железной кровлей, того реже — под шиферной. Кое-где шумели ветлы да топорщились из-под снега кусты не то сирени, не то акации. Зимой снег смягчал эту безрадостную картину, а весной, особенно же осенью, ветхость и запущенность обнаруживались во всей неприглядности».

Таков внешний вид колхозного села: наглядный образ «ветхости и запущенности», «безрадостная картина».

До революции Тамбовская область, имеющая почву черноземную, очень плодородную, была одной из самых богатых областей России. Описываемое село — большое, имеет несколько сот дворов, до революции было богатое. «Ветхость и запущенность» села вызваны не бедностью в прошлом, а исключительно новыми условиями: крепостной системой, колхозными порядками.

Свои наблюдения над колхозными деревнями иностранец, проведший в лагерях много лет и вернувшийся на Запад недавно, описывает так. Поезд, на котором ехали от Москвы до Вены иностранцы, выпущенные из советских лагерей, останавливался на станциях на полчаса и даже на час. И на стоянках и во время движения поезда эти люди пристально наблюдали за жизнью в коммунистическом государстве, которое они с радостью покидали. «Конечно, все время мы не отходим от окон, — пишет автор воспоминаний. — Нам было интересно все: и бесконечные «массивы» с колосящейся пшеницей и мелькавшие мимо колхозные деревушки, так сильно отличающиеся от любого крестьянского поселка в свободном мире. Вот маленький поселок в поле. На холме стоят 40-50 домиков. Около — ни одного деревца, во всем поселке ни одного забора, не видно бегающих собак. Все пусто: люди в колхозных полях на работе. Вид у строений печальный и запущенный. Тоскливо делается от этой картины. Жалко тех, кто обречен до конца дней своих жить в этой обстановке безо всякой надежды на улучшение».[9])

Георгий Зотов, сын русского эмигранта, живший во Франции и побывавший после войны в Советском Союзе, написал интересную книгу «Я побывал на родине», изданную в Мюнхене в 1956 году.

На обложке этой книги помещены фотографии колхозных изб.

Избы ветхие. Крыши наполовину раскрыты. Солома с крыши, вероятно, пошла на корм корове, которая видна около хаты.

---

[9]) Газета «Новое русское слово» от 3 июля 1960 года, Нью-Йорк.

Фотография дает яркое представление о внешнем облике колхозной деревни, о разорении колхозников, отображает «безрадостную картину» всеобщей «ветхости и запущенности»...

Внутренняя обстановка колхозных хат

Внутренний вид колхозных хижин тоже непривлекателен.

Поэтому советские гиды и все коммунистические чиновники ни в коем случае не допускают иностранцев-туристов заглянуть в колхозные хаты. Гиды не допустили в колхозное жилище американскую журналистку госпожу Рузвельт. Руководители показательных колхозов путем «заговаривания зубов» и всяческих уловок не допустили в колхозные хаты ни американского писателя Стейнбека, ни швейцарских журналистов, которые описали свои впечатления в журнале «Atlantis» (в 1958 году).

Но внутренний вид колхозных хат все же можно воспроизвести по тем мелким штрихам, которые разбросаны в очерках и книгах советских писателей.

«Завалившиеся стены» и «поломанные печи»

Писатель Н. Вирта в книге «Крутые горы» как бы вскользь, мимоходом, бросает лаконичные, но многозначительные замечания о колхозных хатах: «поломанные печи», «стены заваливаются»...

«Стены заваливаются»: сгнили. Ведь, они стоят более 30 лет: в лучшем случае, со времен нэпа или даже дореволюционного периода...

За весь период коллективизации, от 1929 года и до сих пор, колхозники в огромном большинстве не имели и не имеют возможности строить себе жилище.

«Печи поломаны». За 30-40 лет и печи развалились. Они развалились за этот срок даже в тех избах, которые стоят на месте. А ведь многие колхозные хаты совершили за это время ряд «перебросок». В 1918-1920 годах хуторян-столыпинцев советское правительство принудительно переселяло с хуторов обратно в деревни. От 1922 до 1928 года многим крестьянам коммунистическая власть разрешила добро-

вольно переселяться на поселки. А в годы коллективизации и в послевоенные годы большевистские самодуры опять выгоняли колхозников из поселков и «сселяли» их в крупные колхозы, «агрогорода»... И продолжают это делать до сих пор...

От ветхости и «переброс ок» печи были поломаны и разбиты и валились. Укрупненные селения, или колхозные «агрогорода» коммунистических «факиров», превратились в развалины, в трущобы...

Постель — соломенное логово...

В дореволюционной России крестьяне спали на больших деревянных постоянных кроватях или на кроватях разборных: на нарах, которые перед сном из досок настилались, а утром разбирались и выносились в сени. Спали также на печи, на широких лавках, которые стояли, прочно прикрепленные, около печи и около стен.

Постель состояла из самодельных матрацев (приготовленных из грубой холщевины и набитых соломой), из подушек, из одеял или из дерюг (одеял из двойной мешковины).

Нередко постели были примитивны. Но они были элементарно удобны: спать на них было нежестко и нехолодно.

Но теперь, за десятилетия колхозной жизни, у крестьян ничего не осталось от их постелей: ни матрацев, ни одеял, ни холщевины, ни мешковины, ни дерюг. Нет у них теперь ни кроватей, ни нар; часто нет даже лавок.

Поэтому одни члены семьи располагаются на печи, а другие вынуждены спать просто на полу, на соломе, как спят свиньи в хлеву. Причем, спать на полу, на соломе, не только жестко, но и холодно. Полы теперь в колхозных хатах почти сплошь не деревянные, а земляные. Накрыться нечем: нет ни одеял, ни дерюг, часто нет и теплой одежды. Прикрываются тряпьем...

В еженедельнике «Посев» (Франкфурт) были напечатаны воспоминания одного эмигранта о посещении колхозных деревень. Он рассказывает о том, что колхозники спят на полу, на соломе. В романе Андреева «Грачи прилетели», который опубликован в 1960 году, описано это «ложе» колхозников: «Павел с Сережей спали посреди избы на соломенной постели»...[10])

---

[10]) А. Андреев — Грачи прилетели.

Керосиновая лампа и коптилка

Электрическое освещение в колхозных деревнях встречается очень редко.

Главным видом освещения является керосиновая лампа, в том случае, когда есть керосин.

«В правлении колхоза, как всегда, горела керосиновая лампа», — пишет Яшин в рассказе «Рычаги».

Роман Андреева «Грачи прилетели» рисует ту же картину: «В сенях... ощупью отыскали дверь (в правление колхоза). Мигающий язычок лампы без стекла не мог раздвинуть густого дымного сумрака».

Колхозные работники ведут об этом освещении горькие разговоры: «Читаю в газетах: пустили атомную электростанцию мы первые в мире... Нравится мне это! Горжусь. А вот жить здесь с керосиновой лампой категорически не нравится».[11])

Один из тех 30.000 коммунистов, которые были посланы Центральным Комитетом Коммунистической партии для укрепления колхозов в 1956 году, председатель колхоза в Гжатском районе, Смоленской области, говорит журналисту: «Из всех лишений, которые терпят здесь люди, отсутствие электричества показалось мне самым страшным. Странно и дико было мне, инженеру-электротехнику, оказаться под старость при керосиновой лампе»...[12])

Сами колхозники не видят в керосиновом освещении ничего «странного»: и в дореволюционных и в советских деревнях никакого другого освещения крестьяне еще не видали. «Лампочка Ильича» светила и светит пока только в пропагандной литературе. Об этом один автор пишет: «Темновато живет наша глубинка. Только в рассказах иных наших писателей электричество горит обязательно в каждом колхозе». Колхозных электростанций, даже самых мизерных, «... пока еще очень мало. А во многих и многих деревнях горит еще керосиновая семилинейка, с треснувшим и заклеенным бумагой «пузырем» (стеклом).

Для колхозников «странно» и «дико» кажется то, что очень часто ни в своем кооперативе, ни в районе они не могут купить ничего,

---

[11]) Там же.

[12]) Сборник «Литературная Москва», 1956, стр. 777.

что необходимо для керосинового освещения: ни керосиновой лампы, ни стекла, ни фитиля, ни керосина.

И тогда люди вынуждены переходить на коптилку-масленку: блюдце с маслом, где мерцает самодельный фитилек на проволоке. Тот же автор говорит: «А не подвезет сельпо керосину, и коптилка-масленка в ход идет. Тоскливая картина! Видимость самое большее в радиусе полметра, к потолку тянется витой шнурочек копоти, по углам шевелятся густые тени»...[13])

И такие коптилки освещают, или, вернее, «омрачают», не только глухие деревни в сибирской тайге, но и окрестности столицы. Подмосковные колхозники жалуются:

«Живем мы на самом стыке Московии и Рязанщины... Под боком у Москвы... У нас коптилки»...[14])

Таким образом, «странным» для колхозников является не отсутствие в хатах «лампочки Ильича», о которой они так много слышали в пропагандных речах и которую так и не увидели за полустолетие советской власти. Но «странным» и «диким» для крестьян является то, что они не могут зажечь у себя самую простую керосиновую лампу, которую их отцы и деды всегда имели в пореформенной деревне.

Теперь эти лампы и керосин очень трудно «достать». И не только в деревнях, но и в городах, даже крупных. Об этом сообщает советская печать: «В пригороде (Мурманска) «Жилстрой», где сейчас проживает 20.000 человек, электрического освещения еще нет. Но попробуйте, однако, найти здесь обычную керосиновую лампу. Их нет. И чтобы купить керосин, люди часами простаивают на морозе в ожидании разъездной повозки. А ведь это Заполярье! Ночи здесь длинные!»[15])

«Странно» для колхозников не то, что они от керосиновой лампы за полустолетие советской власти не перешли к электрической лампочке, хотя Ленин определил коммунизм как «советскую власть плюс электрификацию всей страны». Странно то, что от удобной керосиновой лампы, которой пользовались их отцы и деды в пореформенной деревне, колхозники должны возвращаться на столетие

---

[13]) Журнал «Наш современник», № 4, 1956, рассказ Зуева «Туман».

[14]) Сборник «Литературная Москва», № 2, 1956 г., рассказ Ю. Нагибина — «Хозарский орнамент».

[15]) Газета «Известия» от 19 марта 1960 года.

назад, к коптилке, которая освещала крестьянскую хату в эпоху крепостного права...

Фотографии внутренней обстановки колхозных хат наглядно изображают состояние нищеты, убожества и темноты, в котором находятся колхозники.

Отопление

Н. Вирта в книге «Крутые горы» сообщает: в деревне все жители отапливаются соломой. Солома из колхоза продается крестьянам и служащим за деньги. И продается не в любом количестве, а «в обрез».

Отопление соломой дает очень мало тепла. Поэтому учительница сидит в комнате около топящейся печи, накинув на плечи теплую шаль.

Старики-колхозники сидят на печи всю зиму безвыходно...

Только в некоторых областях колхозники отапливаются торфом. В селе Вирятино, Тамбовской области, колхозники добывают его из торфяных болот, расположенных на территории колхоза. Добывают в индивидуальном порядке, «исполу»: половину добытого торфа каждая семья отдает колхозу, а другую половину берет себе, для отопления. Колхозники этих деревень довольны такими условиями добывания торфа и от недостатка топлива не «страдают».[16])

О торфяном отоплении сообщает и Солженицын в рассказе «Матренин двор».[17])

В большинстве колхозных деревень нет торфа, а солому не выдают на трудодни и не продают за деньги. В этих деревнях земледельцы воруют солому или покупают за «угощение», за пол-литра водки, т. е. платят за нее гораздо дороже, чем в тех колхозах, где ее продают по установленной цене. Так колхозники бедствуют даже без торфа и без соломы.

Дрова для отопления колхозники добывают очень редко и с огромными трудностями. Лесов местных, которые до революции были почти при каждой деревне, теперь осталось очень мало. Начальники исполь-

---

[16]) «Село Вирятино» — Монография Академии Наук СССР, Москва.
[17]) А. Солженицын — Матренин двор.

зуют их только для себя и для колхозов. Но колхозникам дров из этих лесов не отпускают.

Начальники свирепо охраняют леса от колхозников. В советской печати мелькают сообщения о том, что в таких деревнях, где есть леса, колхозное правление имеет специальных лесных сторожей и снабжает их винтовками или ружьями...

Так свирепо, с огнестрельным оружием, охранялись только леса в некоторых помещичьих имениях в эпоху крепостного права. Об этом рассказано в очерке И. С. Тургенева «Бирюк», в книге «Записки охотника». А в пореформенных, свободных деревнях дореволюционной России общее наблюдение за лесом земельной общины имел сельский староста. Даже лесного сторожа в деревнях обычно не было. А в колхозной деревне не только назначили специального лесного сторожа, но даже вооружили его. Из этого факта можно заключить, как страшно бедствуют люди без отопления и как сильно они стремятся достать дров в «своем» лесу...

Из больших лесов государственного значения достать дров для колхозников очень затруднительно. Продают их по специальному разрешению органов власти. Дрова стоят дорого. Привезти дров издалека тоже очень трудно. Лошадей для перевозки дров сельские начальники дают только за «угощение», практически за литр водки и кило колбасы, т. е. за десять рублей. А где же колхозникам взять такие деньги? Привезти дров на себе они тоже не могут: санок нет.

Из-за этих причин люди испытывают острую нужду в топливе, бедствуют от холода. И определяют эту новую беду своей жизни горькими пословицами: «Дрова — беда наша»; «Топливо — наше горе»... Колхоз превратился в деревню «Знобишино».

В советском букваре описана любопытная сценка. Школьник, найдя ветку, радостно кричит матери: «Мама, ура! Я нашел сухой сук!» Находка ветки превращается в радостное событие в жизни людей... И это происходит в России, которая является самой лесистой страной в мире, страной дремучих дебрей...

Помещения для скота и для колхозников

Коммунистические руководители о людях совсем не заботятся. Но о колхозном скоте проявляют некоторую заботу.

Многие председатели стараются построить для колхозного скота помещения получше: просторные фермы из дерева или из кирпича. Я слышал рассказы о том, что новые помещения строят только для скота, а колхозникам начальники не предоставляют возможности даже починить худую крышу. Все кирпичи с колхозного завода идут на постройку помещений для скота, а людям кирпича не отпускают даже на ремонт печи.

Поэтому в большинстве деревень помещения для колхозного скота выглядят лучше, чем ветхие хижины земледельцев.

Это отметили в своих отчетах также и делегации американских специалистов по сельскому хозяйству, побывавшие в Советском Союзе в 1958-1959 годах. «Американцы находят, что сельскохозяйственные постройки (в колхозах и совхозах СССР) выглядят лучше, чем крестьянские дома».[18])

Нередко скотницы завидуют коровам. Одна сказала, что в их колхозе... «сработаны такие скотные помещения, что хоть сама переселяйся туда».[19]) Часто корреспонденции в советских газетах сообщают о «колхозных хижинах» и «коровьих дворцах»...

Притесняя людей все больше и больше, начальники-самодуры ухудшают жилищно-бытовые условия колхозников до того, что вынуждают их содержать скот в комнатах, в бараках...

Председатель сельсовета, описанный Кулаковским в книге «Добросельцы», провел электрическое освещение не только в свой дом, но даже и в свой хлев... А ученики и в школе и дома занимаются под тусклой керосиновой лампой...

Наблюдая такие картины во многих колхозах, один писатель, объехавший весь Советский Союз, дает такое сравнение жизни людей и скота в колхозах:

«Семья в шесть, в семь душ живет в одной комнате. Тут и кухня, и спальня, тут и белье стирают, и моются в кадке, и школьники уроки учат... У коров водопровод. А колхозница... должна идти по воду к колодцу... **За полтора километра носят воду на плечах!** Кому же лучше живется: коровам или колхозникам? Телятам или ребятам? У животных условиях жизни — применительно, конечно, к их потребностям, — обставлены куда культурнее, чем у хозяев этих жи-

---

[18]) «Вестник Института по изучению СССР», № 2 за 1960 г., стр. 75.
[19]) Сборник «Литературная Москва», 1956, стр. 780.

вотных, у людей ... Ведь, все же мы на лошадях ездим, а не лошади на нас! Коровы для нас, а не мы для коров! ...»[20])

Изучение жизни колхозников в довоенный период приводило исследователей к тому же заключению: жилище людей в большинстве случаев хуже помещений для колхозного скота. Так было в сталинских колхозах. Так осталось в деревнях послесталинских, современных.

В этом проявляется бесчеловечная идеология и антинародная политика коммунизма. Самое важное, самое главное в колхозе, — считают коммунистические рабовладельцы, — это государственный скот, их имущество, пища господствующего сословия: мясо, масло, молоко, яйца. А колхозники — дело последнее: это только роботы, выполняющие государственную барщину, обслуживающие колхозную скотину ...

Жилище колхозников и крепостных крестьян

Более сотни лет назад, в 1847-52 годах, писатель-гуманист И. С. Тургенев создал потрясающе-правдивую книгу о русской крепостной деревне — «Записки охотника». В этой книге он обрисовал все стороны жизни крепостных крестьян, в частности, и жилище.

Вот внешний вид крестьянских хат той эпохи: «дрянные осиновые избенки»; «крыши закиданы гнилой соломой»; «дворы не у всех были обнесены плетнем»[21]).

А внутреннюю обстановку крестьянской избы Тургенев нарисовал более подробно, описывая ночное посещение лесниковой хаты: «Изба лесника состояла из одной комнаты, низкой и пустой, без палатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене ... В углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка ... присела на скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой — поправлять лучину. Я посмотрел кругом, — сердце во мне заныло:

---

[20]) Журнал «Новый мир», № 3 за 1956 год, очерк В. Овечкина — «Трудная весна».

[21]) И. Тургенев — «Записки охотника», рассказ «Хорь и Калиныч».

невесело войти ночью в мужицкую избу... Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошел к столу и зажег светильню»[22]) (масленку-коптилку).

Жилища крестьян в эпоху помещичьего крепостного права и хижины современных колхозников в эпоху социализма похожи друг на друга как близнецы. Хорошие избы, в которых жили свободные крестьяне от Освободительной реформы 1861 года и до революции 1917 года, обветшали, были разорены и превратились в такие же нищие хижины, в которых жили крепостные крестьяне в середине прошлого века.

За время колхозной жизни двухкомнатные избы крестьян превратились в однокомнатные. Жилища обветшали до крайней степени. Крыши сгнили, протекают. От бревенчатых изб колхозники переходят к баракам, глиняным хижинам, землянкам. От керосиновой лампы они часто переходят к коптилке-масленке...

Жилища колхозников, по характеристике их обитателей, это «не жилье, а горе...»

Жилищно-бытовой стандарт жизни колхозников упал на целое столетие, до уровня помещичье-крепостной эпохи середины XIX века.

Этот стандарт колхозной жизни не мог не упасть до этого уровня: сама колхозная система — это не что иное, как система государственного крепостничества, еще более тяжелая и реакционная, чем система помещичьего крепостного права.

---

[22]) И. С. Тургенев — «Записки охотника», рассказ «Бирюк».

II. ДЕРЕВНЯ «РАЗУТОВО-РАЗДЕТОВО»...

У начальников

В 1958 году, в Советском Союзе, в белорусском журнале молодежи была опубликована повесть писателя Кулаковского «Доброселыцы». Автор описывает одну белорусскую деревню, материальный быт колхозников, в частности, одежду.

Колхозные начальники, которые описаны там, одеваются хорошо.

Председатель колхоза имеет: теплое пальто, новые сапоги, валенки.

Председатель сельсовета одет лучше: кожаное пальто, каракулевая шапка, френч, галифе, хромовые сапоги.

Описанные в книге Вирты «Крутые горы» председатели тамбовских колхозов тоже одеты хорошо.

Один председатель имеет очень дорогую шубу, полушубок, костюмы.

О другом автор пишет: «Одевался он красиво и добротно: пальто с бобриковым воротником, такого же меха шапка, на ногах новые бурки».

Об одежде жен колхозных начальников в печати был сообщен факт. Председатель очень отдаленного от Москвы колхоза приехал с женой в столицу и там, в ГУМ-е (в государственном универсальном магазине), купил жене меховое пальто за 15.000 старых рублей (или 1500 новых рублей). Случай этот был описан в газете «Русская мысль» (Париж) в 1959 году.

Так одеваются колхозные начальники и их жены.

Они могут так одеваться потому, что председатели колхозов, по сообщениям советской печати, получают денежного жалованья от 160 до 900 новых рублей в месяц. Они получают также большие премии

за перевыполнение планов по заготовке и продаже продуктов. Кроме того, почти всегда используют колхозное имущество и денежные средства для своих личных целей, а также вымогают у подвластного населения взятки.

У рядовых колхозников

Но простые колхозники одеты очень плохо.

Типичная для них одежда — поношенный ватник или пиджак.

В книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» одежда одного колхозника описана так: «Баранья шуба, вся состоящая из пестрых заплат».

Другой колхозник, из той же повести, был одет в рваный армяк, с веревкой вместо пояса.

А колхозный мальчик-подросток был в старинном бабьем шушуне и тоже подпоясан веревкой . . .

Почти во всех книгах о советской деревне упоминается эта деталь: колхозники были подпоясаны веревкой. Этот факт говорит о том, что на одежде нет ни пуговиц, ни застежек. Поэтому колхозники вынуждены подпоясываться какой-либо веревочкой. Прежде на одежде были пуговицы или застежки, и поэтому никакого пояса не требовалось. Праздничную одежду крестьяне нередко подпоясывали широким, красивым кушаком (красным или зеленым), но для другой цели: для украшения.

Одежда рядовых людей в Советском Союзе, особенно колхозников, очень ветхая. Даже в Москве одежду пожилой бедной женщины одна наблюдательница охарактеризовала так: «Истрепанное платье, сшитое или купленное лет 20 назад».[1])

Американские юноши, участники Всемирного фестиваля в Москве, совершили экскурсию в музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне (Тульская область). В окрестностях Ясной Поляны они увидели колхозников, одетых, по их выражению, «в лохмотья». Американцы подчеркивают, что слово «лохмотья» надо понимать в буквальном смысле, оно употреблено ими отнюдь не фигурально.

---

[1]) Газета «Новое русское слово», от 21 мая 1960 г., Нью-Йорк.

Во многих случаях в советской печати упоминается о «заплатанных рубашках» и «худых штанах».

Русский писатель, выехавший из Советского Союза в 1966 году, В. Тарсис говорит, что «колхозники одеты в отрепья»...

Недаром колхозная одежда вошла в поговорку. Вместо дореволюционной поговорки «одет, как нищий», в социалистическом государстве говорят: «одет, как колхозник»...

Покупка рубахи — «нечаянная радость»..

Некоторые русские эмигранты, вернувшиеся из Бельгии в Советский Союз, прислали своим оставшимся за-границей знакомым письма, в которых в горько-насмешливом тоне описывают нужды и радости жителей «самой счастливой страны в мире».

«У вас там (в Бельгии) что? Получишь гроши, пойдешь, купишь себе рубаху, штаны или ботинки и никакого удовольствия! — пишут они. — А тут (в Советском Союзе), если по случаю рубаху достанешь, — как ребенок радуешься счастливой, зажиточной жизни...»[2])

В социалистическом государстве ощущается острая нехватка не только рубашек, платьев, брюк, костюмов и пальто. Там не хватает даже фартуков, рукавиц и пуговиц...

В белорусском колхозе

В повести Кулаковского «Доброселыцы» многократно описывается одежда крестьян в белорусском колхозе.

Зимой свинарка ходит на работу в свитке. Рукавиц у нее нет. Целый день, с раннего утра до позднего вечера, в жестокие зимние морозы, она работает на ферме без рукавиц. О том, как мороз «донимает» свинарку в плохой одежде и обуви, в повести сказано: «...Мороз злобно хватал за вспотевшие плечи, за ноги и за руки без рукавиц».

---

[2]) Газета «Русская мысль» от 14 июля 1960 г., Париж.

Придет колхозница со скотной фермы вечером домой — обогреться ей негде. Вечером печь она не топит: очень устала после работы, и дров недостаток. А без топки изба так остывает, что женщина иногда ложится спать на печи, не раздеваясь . . .

Конюхам, которые бывают на работе круглые сутки, из колхоза для дежурства выдаются ветхие тулупы. «Около конюшни, — говорит повесть, — был конюх, дед Платон, в старом тулупе, подпоясанном веревкой» (опять веревка!) . . .

Что касается обуви, то сапоги конюху были выданы только один раз и лишь на один день: когда ожидался приезд областного начальства. На следующий день колхозный начальник опять отобрал сапоги . . .

Галоши имеет только одна жительница на всей территории сельсовета: это бывшая церковная сторожиха, сохранившая галоши еще с нэповских времен! . .

Повесть говорит о том, что канцелярские служащие сельсовета тоже одеты плохо. Заведующий военно-призывным столом зимой ходит в осеннем поношенном пальтишке. Зимняя одежда секретаря сельсовета описана кратко, но выразительно: «Поношенное осеннее пальто», «летняя фуражка», «даже рукавиц нет».

В доколхозные времена крестьянки обычно сами делали рукавицы для всей семьи: вязали из толстой суконной пряжи, или шили из кусков овчин, сверху обшивали плотной холщевиной. А теперь колхозницам не из чего сделать рукавицы. Нет овец, — поэтому нет ни суконных ниток, ни овчин. Нет конопли, — поэтому нет холщевины. В магазинах нехватка мануфактуры.

Назначенный из города колхозный председатель, уходя в деревню на службу, захватывает с собой «дополнительные портянки». Он знает, что в колхозной деревне не сможет достать даже портянок . . .

Из всех описанных в повести колхозниц только руководительница молочной фермы, девушка Даша, одета хорошо: она имеет новый ватник, пальто, теплый платок, вязаный шарф, шерстяную кофту, новые валенки. На какие средства и какими путями смогла эта колхозная девушка так хорошо одеться — в повести не сказано. Но сообщение повести о том, что ее брат работает в министерстве и живет в столице, дает основание предположить, что именно он помог ей купить одежду.

Назад, к лаптям...

Глава советского правительства Н. Хрущев в своих речах хвастливо заявлял: «Мы свои лапти давно в музей сдали». Но вот в колхозе Вирятино, в богатой прежде Тамбовской области, Этнографический институт Академии наук Советского Союза всесторонне обследовал жизнь колхозников. Книга об этом исследовании была издана в 1959 году. Обследование установило: **большинство колхозников ходит лаптях...**[3])

Лапти по материалу бывают двух видов: лычные и веревочные. До революции преобладали лапти лычные (из коры молодых лип). Теперь в колхозах преобладают лапти веревочные («чуни»). Один наблюдатель, побывавший в Советском Союзе, пишет об остром недостатке обуви и о том, что колхозники в лаптях встречаются даже в столице мирового коммунизма, в образцово-показательном социалистическом городе. «Плохо обстоит с обувью, — пишет этот наблюдатель. — Даже в Москве встречаются люди в лаптях, вероятно, жители деревни».[4])

До революции в русских и белорусских деревнях большинство крестьян имело кожаную обувь, ботинки, в качестве праздничной обуви, а в будни люди ходили чаще в лаптях. Но около половины деревенских жителей — зажиточные крестьяне и «отходники», ездившие на работу в города, — и в будни носили кожаную обувь.

В других, более богатых, областях России, — на Украине, на Кубани, в Прибалтике, в Сибири и т. д., — почти все крестьяне и в будни и в праздники ходили в кожаной обуви: в сапогах, ботинках, в мягкой кожаной обуви.

Зимой у крестьян была теплая обувь. Огромное большинство земледельцев носило валенки. А те, которые не имели валенок, ходили в лаптях (лычных или веревочных). Под холщевые портянки одевали толстые суконные онучи.

В дореволюционной деревне крестьяне, в общем, были обеспечены обувью и недостатка в ней не испытывали. Крестьяне, имевшие деньги, могли купить себе сапоги, ботинки или валенки в своем уездном городе. А не имевшие для этого денег могли сами сделать обувь: спле-

---

[3]) «Село Вирятино», монография, 1959 г., Москва.
[4]) «Новое русское слово» от 8 мая 1960 г., Нью-Йорк.

сти лапти из лык, «чуни» из веревок, сделать мягкую кожаную обувь из кож своего забитого скота.

Теперь у колхозников нет этих материалов для поделки обуви. Даже лапти приходится им покупать, а денег у них очень мало.

Поэтому от ранней весны и до глубокой осени колхозники чаще всего ходят босиком.

Некоторые ходят в лаптях, лычных или веревочных, другие — в самодельных тапочках, сшитых из тряпок, на картонной подошве. Редко колхозникам удается купить тапочки с резиновой подметкой, сделанные специалистами-кустарями.

Еще реже им удается купить ботинки или сапоги, хотя бы самые примитивные: с резиновой подметкой, брезентовым верхом («кирзовые сапоги»).

В письмах некоторых русских женщин, вернувшихся из Бельгии на родину, эта «обувная проблема» в Советском Союзе описывается так:

«В нашем колхозе, — пишет одна возвращенка, — все живут весело и зажиточно, а некоторые даже богато, например, моя подруга из Антверпена, Валя, купила себе парусиновые туфли... № 41... Приезжайте в наш колхоз и заживем культурно и весело. Только **привезите с собой что-либо из одежды и туфлей, а то у нас не достанешь»** ...[5])

Обуви не хватает даже в городах. Колхозники могут достать ее за очень дорогую цену, только съездив в большой город.

Поэтому, достав ее, колхозники так берегут обувь. Согласно шутливой советской поговорке, «колхозники носят обувь не на ногах, а только в руках»... Советский поэт Евтушенко в поэме «Станция Зима» описал свою встречу с юношей-колхозником, который идет в районный город босиком, а ботинки несет на палке, за спиной... Такую картину часто приходилось наблюдать в Советском Союзе.

Многие иностранные туристы, проезжавшие по проселочным дорогам, тоже нередко отмечали эту непривычную для них картину: идут колхозницы в город, на базар или в учреждение, по обочинам дороги, а ботинки или тапочки несут на плечах. Приблизившись к городу, они обувают ботинки или тапочки и входят в город в приличном виде.

---

[5]) «Русская мысль» от 14 июля 1960 г., Париж.

Впрочем, такая картина наблюдалась порой и в дореволюционные времена.

У большинства колхозниц нет ботинок, даже для праздничных случаев. Такие ходят в родной город, ездят в областной центр, даже в столицу, в лаптях или в «опорках» — порванных и разбитых ботинках, которым место только на свалке.

Почему?

Колхозники не могут купить себе обувь и одежду потому, что не имеют средств. Их работа в колхозе оплачивается очень плохо, а одежда, обувь и другие товары в Советском Союзе слишком дороги.

Колхозник говорит о «проблеме рубашки»: «Кило (зерна) за трудодень — это благодать! Посчитай-ка: кило хлеба стоит 90 копеек (в новых деньгах — 9 копеек). В год 300-400 рублей (в новых деньгах — 30-40 рублей). Вылезу я когда-нибудь из этой заплатанной гимнастерки?!»[6]). Бывший солдат не имеет средств для того, чтобы купить новую рубашку и сменить «заплатанную гимнастерку», которую он носит много лет, со времен военной службы.

Если колхозники часто не имеют возможности купить даже рубашку, то приобрести ботинки, вещь гораздо более дорогую, им еще труднее.

Но даже в тех случаях, когда колхознику удается собрать денег на обувь или одежду, он нередко не может купить их потому, что в местных магазинах, в районном городе, нет ни обуви, ни одежды. Сельские жители должны ехать для этого в большие города.

Обследование села Вирятино, Тамбовской области, показало, что необходимых товаров нет ни в сельском магазине, ни в районных лавках. Тракторист должен был предпринять специальную поездку в Москву для покупки мужского и женского костюмов.[7])

Но и в больших городах этих товаров, одежды и обуви, мало. Поэтому даже там при продаже этих дефицитных товаров, в толкучке огромных очередей, происходят потасовки. По рассказу очевидцев,

---

[6]) А. Андреев — «Грачи прилетели».

[7]) «Село Вирятино в прошлом и настоящем», Москва, 1959 г.

женщины «дерутся, волосы друг у друга из-за паршивых бут рвут» . . .[8])

Деревенский учитель рассказывал, как он безуспешно пытался «добыть» мануфактуру на рубашку и пальто для своего мальчика. Ни в районном, ни в губернском городе достать не мог. Приехал в Москву. В магазинах не было ни мануфактуры, ни пальто для детей школьного возраста. Сказали, что это в специальных ларьках на рынках бывает. Но очереди там такие огромные, что немногим удается достать товары. Нужно с вечера до утра дежурить около этих рынков. Ночь учитель провел около этих рынков. Там было много людей. Милиционеры разгоняли толпу. Утром открывали ворота рынка. Открывали одни ворота, а иногда другие. Утром к открывающимся воротам хлынула толпа. Сбивая друг друга, люди ринулись через ворота к мануфактурным ларькам. Пока учитель добежал, там уже стояла длиннейшая очередь. Очередь двигалась очень медленно. Люди наблюдали, что в ларьке творилось что-то странное. Из трех продавцов работал только один. Два других приходили в ларек и опять уходили. Они уносили куда-то мануфактуру. За целый день очередь продвинулась только на несколько десятков человек. Остальные должны были вечером разойтись, ничего не купивши. Третий день метанья по магазинам также не дал никаких результатов. Из Москвы, после трех дней и ночей беготни по магазинам и ларькам, учителю пришлось возвращаться домой с пустыми руками . . .

Другой случай. Иностранцы, бывшие в советских лагерях и возвращающиеся из СССР в Австрию, едут в поезде из Москвы в Вену. Один из них описывает, как происходит купля-продажа поношенной одежды в Советском Союзе, это «доставание» вместо торговли.

«Поезд останавливается у какой-то большой станции, — пишет он. — Мы открыли окно и наблюдаем все, что происходит перед нами. Громкоговоритель объявил, что поезд стоит 40 минут. Мы видим, как из нашего вагона вышел австриец Х. Под рукой у него свернутый ватный бушлат. Он оглядывается по сторонам и неторопливо шагает вдоль поезда. Его нагоняет замазанный до неузнаваемости мазутом железнодорожник — не то сцепщик, не то стрелочник. Они идут рядом, не обращая друг на друга никакого внимания, и потом расходятся.

---

[8]) «Новое русское слово», 5 мая 1960г., Нью-Йорк.

Австриец входит в вагон и показывает нам смятые 60 рублей, — бушлата у него под мышкой уже, конечно, нету. Нам все ясно. Сейчас же один из нас берет еще два оставшихся у нас бушлата и выскакивает из вагона. Ему кричат вслед, чтобы он остерегался милиционера... Через 10 минут мы пересчитываем помятые и грязные, испачканные мазутом 120 рублей. Смеемся: что и говорить, видно во всей стране цены «твердые». Что в Потьме, что на Украине, везде бушлат стоит 60 рублей» (в старых деньгах).

***

На заседании Верховного Совета СССР 5 мая 1960 года советское правительство в докладе Н. С. Хрущева, тогдашнего председателя Совета Министров, провозгласило обязательство: «В течение семилетки мы... обеспечим население одеждой и обувью в достатке».[9])

Семилетка в конце 1965 года закончилась. Как же выполнено обязательство правительства?

Официальный статистический отчет ЦСУ по продукции легкой промышленности за 1965 год, последний год семилетки, показывает, что этих товаров — белья, одежды, обуви — производится совершенно недостаточно.

В 1965 году на каждого жителя Советского Союза произведено в среднем по две пары кожаной обуви на человека, т. е. вообще мало. Но верхний, обеспеченный слой населения покупает на каждого члена семьи не по две пары обуви, а больше. Поэтому на долю остального населения достается только по одной паре на человека. Условия Советского Союза очень неблагоприятны для обуви: летняя жара и зимний холод, осенняя слякоть, плохие дороги и непролазная грязь не только на дорогах, но и на улицах деревень и рабочих поселков. Поэтому одна пара обуви в год на все сезоны, для человека, который ежедневно проделывает многокилометровые пути пешком, — может свидетельствовать только об острой нужде населения в обуви.

Статистические сведения о производстве в 1965 году трех штук бельевого трикотажа и 24 метров хлопчатобумажных тканей на каждого жителя — говорят о недостатке у населения также белья и одежды.

---

[9]) Газета «Известия» от 6 мая 1960 года, Москва.

Поэтому люди постоянно жалуются на то, что в государстве «социалистического изобилия» они испытывают острую нужду в обуви, одежде, белье и без страшных очередей не могут достать никакого товара. И это повседневное горькое явление жизни в СССР — очереди — получило там грозное и устрашающее наименование: «хвостатое чудовище» . . .

***

В дореволюционной России крестьяне обычно имели два комплекта одежды: будничный и праздничный.

Праздничный комплект одежды: новые полушубки и зипуны, сапоги или ботинки, брюки и рубашка, у женщин — новые кофточки, юбки, платки и шали.

Будничный комплект: «перешитые» полушубки и зипуны (верх — из нового материала, низ — из старого); лапти или поношенные сапоги, ботинки, мягкая кожаная обувь; ситцевые или холщевые рубашки, поношенные брюки из фабричного материала или крашеные холщевые брюки.

У женщин — поношенные ситцевые или теплые юбки и кофты.

Зимой огромное большинство крестьян носило валенки.

Теперь почти никто из колхозников праздничного комплекта одежды не имеет. Осталась только одна будничная одежда.

Типичная одежда современных колхозников: ветхие, износившиеся, оставшиеся еще от дореволюционного или нэповского периодов, полушубки или зипуны; старенькие пиджаки или ватники; заплатанные рубашки и брюки; изношенные кофточки и юбки, нередко из мешковины.

Обувь колхозников под стать одежде: лапти, совершенно изношенные; часто худые брезентовые ботинки; резиновые сапоги. Валенки — исключительно редкое явление в колхозной деревне.

Дореволюционная деревня, одетая, как правило, в простую, но прочную и теплую одежду, за полустолетие превратилась в некрасовскую деревню «Разутово-Раздетово», в «агрогород Голодранцево» . . .

Из-за этого, как пишет Вирта в книге «Крутые горы», старики и старухи в колхозных деревнях «безысходно проводят всю зиму» на печи...

А все другие сельские жители, вынужденные ходить на работу или в школу, завидуют «печным обитателям». Школьники и работающие колхозники страдают от холода, простуживаются, заболевают. Простудные заболевания в советской деревне очень распространены. Среди колхозников, имеющих плохую одежду, ветхое жилище, недостаточное отопление, — смертность очень высока.

III. КОЛХОЗНАЯ «НЕЕЛОВКА»...

«Изобильные» обещания

В докладе на заседании Верховного совета СССР 5 мая 1960 года руководитель советского правительства Н. Хрущев от имени партии и правительства заявил: **«В течение семилетия (от 1959 до 1965 года) мы решим задачу полного удовлетворения потребности населения в продовольствии»** . . .[1])

Это заявление явилось официальным признанием того факта, что в Советском Союзе «потребность населения в продовольствии» не разрешена.

Но если продовольствия в стране всегда производилось мало, зато на посулы «молочных рек и кисельных берегов» коммунистическая власть не скупилась.

Коллективизация началась с обещаний «райской жизни» для всего колхозного и городского населения. После коллективизации советское правительство ежегодно повторяет их.

В своем первом же послевоенном пятилетнем плане на 1946-1950 годы правительство опять обещало населению, что за эту пятилетку для всего населения СССР будет обеспечено «изобилие продуктов».

Это обещание было записано не только в пятилетнем плане. Оно было напечатано даже в советских школьных учебниках. Этот план-директива об «изобилии продуктов» для населения был изложен на последних страницах учебника истории Советского Союза.[2]) Заканчивая изучение мрачного учебника истории, повествующего, главным

---

[1]) Газета «Известия» от 6 мая 1960 года, Москва.

[2]) Проф. А. Панкратова, редактор. — «История СССР», учебник для средних школ, том III, заключительный раздел. Учпедгиз, 1947 г., Москва.

образом, о «голоде», «нищете», «угнетении», войнах и восстаниях в эпоху «проклятого царизма», — ученики заучивали наизусть, как молитву, пророчества и обещания советской пятилетки. Самое важное и желанное пророчество-обещание говорило об окончании голодной «предыстории человечества» и наступлении эпохи «изобилия продуктов», осуществления коммунистического рая с главным принципом: «Каждому по потребности!..»

Но срок первой послевоенной пятилетки истек, а «изобилия продуктов» не наступило.

Пророчества и обещания об «изобили продуктов» были перенесены в следующий, второй, пятилетний план и в следующие, переработанные и дополненные, издания школьных учебников. Но и вторая пятилетка не дала ни «изобилия продуктов», ни «крутого подъема» в жизни населения.

Тогда от незадачливых пятилеток коммунистическая власть перешла к обнадеживающим семилетним планам.

Обещание об «изобилии продуктов», данное партией и правительством народу в 1945 году и не выполненное ими, было перенесено в семилетний план на 1959-1965 годы. Затем оно ежегодно повторялось в резолюциях партийных съездов, пленумов ЦК и сессий Верховного совета.

Пленум ЦК партии в июле 1960 года записал это обещание в самой пышно-торжественной форме, в «высоком штиле»: **«Рассматривая заботу о благе народа, как высший закон социалистического государства, XXI съезд партии поставил задачу: в кратчайший срок превзойти наиболее развитые капиталистические страны по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения и обеспечить самый высокий жизненный уровень советским людям».**

Это заманчивое обещание было записано в семилетнем плане на 1959-1965 годы.[3])

Затем оно попало в новые издания учебников для высших, средних и даже начальных школ. Учебник истории для 4-го класса начальной школы поучал десятилетних малышей: **«Коммунистическая**

---

[3]) «Внеочередной XXI съезд КПСС», стенографический отчет, том I, стр. 63.

партия и Советское правительство уделяют огромное внимание нашему сельскому хозяйству. Они делают все возможное, чтобы... все наши колхозники жили зажиточно и счастливо. Под руководством Коммунистической партии народы нашей страны добьются новых успехов». [4])

Итак, начиная с 1929-го года и до сих пор обещания об «изобилии продуктов», о «самом высоком жизненном уровне», о «зажиточной и счастливой жизни» — вновь и вновь повторяются и в государственных планах, и в партийно-советских резолюциях, и в школьных учебниках.

Но как же выполнялись и выполняются эти планы и обещания в действительной жизни? Как питались после войны и как питаются теперь земледельцы, самый большой и важный общественный слой, который составляет более половины всего населения и вырабатывает продовольствие — основу жизни всех людей?

Приведем и рассмотрим факты, которые говорят более убедительно, чем слова.

Питание колхозного начальства

Колхозные начальники, в распоряжении которых находятся все продукты, питаются хорошо.

Писатель Н. Вирта в книге «Крутые горы (картины сельской жизни)» многократно пишет об этом. Завтрак члена правления колхоза состоит из жареного картофеля с салом и яичницы из пяти яиц. Председатели колхозов, изображенные в этой книге, едят: яичницу. блины с топленым маслом, гречневую кашу, свинину, колбасу, ветчину, **жареных поросят.**

Молока и яиц с колхозных ферм, овощей с огородов, фруктов из садов — у начальства всегда в избытке.

В тех колхозах, где есть пасеки, начальники регулярно пользуются медом. Колхозный пасечник, из повести Н. Вирты, на собрании заявил, что «председатель весь мед поел»...

Колхозные начальники пьют чай с сахаром, с конфетами, с медом. Некоторые пьют брагу, пиво домашнего изготовления. Но больше

---

[4]) С. Алексеев и В. Карцов — История СССР, учебная книга для 4-го класса, стр. 145-147. М. 1959 г.

всего они любят крепкие алкогольные напитки: самогон, водку. Пьянство стало обычным занятием в жизни колхозного председателя. Журналист искал в селе председателя колхоза. Увидев одного мужчину, он спросил колхозницу: «Не этот ли председатель?» — Та ответила журналисту: «Что ты, Господь с тобой?!. Разве ты не видишь: этот же человек трезвый!..» Старик-колхозник на собрании при смене колхозного председателя заявил, махнув рукой: «И этот сопьется!..»

Районное начальство питается тоже хорошо.

О секретаре райкома партии автор повести «Крутые горы» говорит: «... Анна Павловна любила вкусную и обильную еду, ела много, с завидным аппетитом»...

Продукты районному начальству регулярно доставляются сельсоветскими, совхозными и колхозными руководителями...

Н. Вирта о колхозных председателях говорит, что они доставляли районному начальству «поросят десятками, мед — ведрами»...[5])

Так хорошо питаются за счет колхозников «руководящие», то есть начальники колхозные, сельсоветские, районные, которые бесконтрольно распоряжаются и людьми и всеми продуктами колхозов.

А как же питаются рядовые колхозники?

Хлеб насущный

Из повести Кулаковского «Доброселъцы», напечатанной в Советском Союзе в 1958 году, видно, что у колхозников хлеба совсем нет.

На приусадебных участках колхозники хлеба не сеют потому, что участки эти стали совсем мизерными: если до войны они занимали в России и Белоруссии 0,25 гектара, то после войны их урезали в большинстве случаев до 0,12 гектара. Кроме овощей и картофеля, колхозники ничего не могут сеять на таком участке. А на трудодни хлеба совсем не получали. Автор из-за осторожности прямо об этом не писал. Но ряд фактов, описанных в книге, говорит именно об этих бесхлебных трудоднях в колхозе.

Описанная в повести колхозница-свинарка, круглый год усердно работающая одинокая женщина, не имеет хлеба уже в декабре ме-

---

[5]) Н. Вирта — «Крутые горы».

сяце, то есть, через месяц после того, когда обычно происходит выдача натуроплаты по трудодням.

Из разговора председателя сельсовета с депутатом выясняется, что у колхозников хлеба нет. Поэтому они едят только картофель.

Один сельский начальник вспоминает, что хлеб появился у него в достатке только тогда, когда он стал бригадиром.

Из рядовых же колхозников, описанных в повести «Добросельцы», только одна колхозница имеет хлеба достаточно — молодуха «Кадрилиха». Но она получила хлеб не за трудодни: она была «подругой» колхозного председателя, и тот снабжал ее продуктами в достатке. Все остальные рядовые колхозники в этой белорусской деревне хлеба не имеют, так как на трудодни ничего не получили.

В советской печати нередко встречаются упоминания о таких «бесхлебных» деревнях. По выражению хлеборобов из таких колхозов, они «работают за так», «дарма», «зарабатывают не хлеб, а трудодни», имеют «пустопорожние трудодни».

Колхозник из такой деревни разъясняет начальнику, что он и дочка работают в колхозе бесплатно, даже питания не получают. А кормят их те члены семьи, которые работают вне колхоза и получают заработную плату: «Сноха, товарищ уполномоченный, нам харч добывает. Мы-то с дочкой в колхозе служим на домашних харчах!»[6])

О жителях таких колхозных деревень в очерке советского писателя Н. Сергеевича сказано: «У людей редко бывал хлеб».[7])

В книге Вирты «Крутые горы» два колхозных председателя разговаривают о том, что в руководящих партийно-советских учреждениях установилось такое мнение об оплате труда колхозников, что председатели «стеснялись даже заикаться об этом» . . .

Из сотни собранных мною случаев, в которых приводятся данные об оплате трудодней в колхозах, около 20 процентов падает на колхозы «бесхлебные», т. е. такие, в которых за трудодни колхозникам не платили ничего.

Около 60 процентов приходится на колхозы, в которых выплачивали от 100 до 800 граммов зерна на трудодень, и около 20 процентов составляют колхозы, в которых выдавалось от 800 граммов и больше.

Огромное большинство колхозников — около 80 процентов — полу-

---

[6]) Журнал «Огонек», № 41, октябрь 1957 г., Москва.
[7]) «Наш современник», № 3, 1956, Москва.

чает от 0 до 800 граммов, чаще всего от 300 до 500, или в среднем по 400 граммов зерна на трудодень.

Каждый рядовой работоспособный колхозник фактически вырабатывал за год в среднем от 150 до 200 трудодней. Следовательно, получая в среднем 400 граммов зерна на трудодень, работоспособный колхозник зарабатывает только для себя ... 200 граммов зерна на каждый день.

Но каждый работоспособный колхозник имеет на своем иждивении в среднем 1,2 неработоспособного члена семьи: детей, стариков, больных, инвалидов.[8]) Следовательно, **на каждого члена колхозной семьи из такой натуроплаты приходится в среднем 90 граммов зерновых на день. Это — голодный хлебный паек.**

***

Советское правительство держит в строгом секрете, как военную тайну, сведения о том, сколько зерна получают колхозники за свою работу. Уже факт засекречивания говорит о необычайно низкой натуральной оплате: иначе правительство не скрывало бы сведений по этому вопросу.

Но в октябре 1964 года в газете «Сельская Жизнь» (Москва) был опубликован документ, который проливает свет на этот темный вопрос. В октябре и в начале ноября 1964 года, накануне годовщины Октябрьской революции, в советских газетах были опубликованы отчеты республиканских органов власти о государственных заготовках («закупках») зерна. В таких отчетах вопрос о натуральной оплате колхозников обычно бывал обойден молчанием или охарактеризован неопределенно-дипломатической формулой: «для оплаты труда колхозников в колхозах оставлено **необходимое количество зерна».**

Но в отчете украинского правительства и ЦК партии, в виде единственного исключения, эта традиция засекречивания была нарушена. Там были названы точные статистические данные: **правительство заготовило («закупило») на Украине 702 миллиона пудов зерна, а колхозникам было выдано 116 миллионов пудов** (пуд = 16 кг).

---

[8]) Журнал «Наши дни», № 8 за 1959 год, стр. 41, Франкфурт/М.

Следовательно, правительство распределило урожай зерновых в колхозных деревнях Украины так: 86 процентов зерновых оно забрало себе, а 14 процентов оставило колхозникам — за их работу в государственно-колхозных имениях.

Сравним, как снабжали хлебом, или оплачивали труд работников на чужой земле, хозяева-землевладельцы в истории.

Земля в Древнем Египте была собственностью фараона, а крестьяне были ее арендаторами. Фараоны забирали у крестьян для государства 20 процентов урожая за аренду земли, а им оставляли 80 процентов урожая за их работу.

Значит, **современные кремлевские «фараоны» — ЦК партии и советское правительство — оставляют своим крепостным, колхозникам, хлебный паек почти в шесть раз меньший, чем оставляли фараоны Древнего Египта крестьянам, арендаторам государственной земли.**

Помещики в пореформенной России иногда сдавали малоземельным крестьянам свою землю в аренду «исполу»: они оставляли половину собранного урожая крестьянам-арендаторам за работу, а другую половину урожая забирали себе — за землю.

Но **советские, новые помещики перещеголяли прежних: они оставляют своим крепостным работникам, колхозникам, хлеба не 50, а только 14 процентов, то есть, в три с половиной раза меньше.**

На основании отчета украинского правительства можно вычислить, сколько зерна приходится на каждого сельского жителя в республике. В 1959 году на Украине жило 42 миллиона человек; из них сельского населения было около 23 миллионов.[9]) Следовательно, **из оставленного колхозникам зерна (116 миллионов пудов) на каждого деревенского жителя приходится: 5 пудов (80 килограммов) на год, 6,7 килограмма на месяц, или 223 грамма зерновых на день.**

По научным нормам питания, выработанным советскими специалистами, при достаточном питании человек должен потреблять ежедневно в среднем один килограмм зерновых продуктов (хлеба, вермишели,макарон, каши и т. п.). Следовательно,**советское правитель-**

---

[9]) Малая Советская Энциклопедия, 3-ье издание, 1960, том IX, стр. 705-706.

ство оставило украинским хлеборобам-колхозникам из собранного ими урожая менее одной четверти потребного им количества зерна.

Это в среднем на каждого сельского жителя. Но если учесть, что привилегированный слой колхозной деревни (администрация, специалисты, механизаторы) получает хлеба в несколько раз больше, чем рядовые колхозники, то можно заключить, что **хлебный паек членов семьи рядовых колхозников не будет превышать 100 граммов зерна на день. Это значит, что хлебный паек рядовых земледельцев в десять раз меньше нормального...**

И это на Украине, в самой плодородной республике, в 1964 году, т. е. в очень урожайном году в истории Советского Союза... А какой же хлебный паек получают колхозники в обычные годы, в других, менее урожайных республиках, областях и колхозах?!.

***

Вывод из всех приведенных выше чисел, фактов и расчетов напрашивается сам. **Большинство земледельцев, производителей хлеба, в Советском Союзе за всю колхозную эпоху — от 1930 до 1967 года — вынуждено недоедать, сидеть на голодном пайке. Размеры этого пайка находятся в пределах от нуля до 223 граммов, или в среднем около 100 граммов зерна в день на каждого жителя колхозной деревни, на каждую живую (или, вернее, «полумертвую») душу...**

Такого бедственного положения земледельцы-хлеборобы не испытывали еще нигде в мире и никогда в истории: ни в рабовладельческих государствах древнего мира, ни в крепостнических государствах средневековья, ни в областях колониального рабства.

***

Как же выходят из такого положения колхозники?

Одни колхозники, не имеющие ни хлеба, ни денежных средств, вынуждены питаться только картофелем и овощами, без хлеба. Так питаются старики-колхозники и женщины-колхозницы, описанные в повести Кулаковского «Доброселъцы».

Другие колхозники, имеющие хлеба недостаточно, потребляют его в первые месяцы после выдачи, а потом живут без хлеба.

Третья категория колхозников, имеющая мало хлеба, распределяет его в мизерном количестве на весь год и, подтянув пояс туже, ограничивает себя ежедневным голодным хлебным пайком.

А те колхозники — «бесхлебники», у которых появляются какие-либо возможности (продажа молока, яиц, овощей, картофеля), стараются «достать» себе хлеба. Но «достать» хлеба — это дело для колхозников очень сложное, даже при наличии денег.

Нередко хлеборобы покупают хлеб у колхозного начальства: председателей, кладовщиков, мельников. Покупают, конечно, по спекулятивной цене. Поэтому мельник в повести «Доброселъцы» постоянно хвастался: «Тысяча рублей — для меня ничего не стоит»...

Ввиду того, что в Советском Союзе повсеместно ощущается острый недостаток хлеба, цена его на черном рынке в несколько раз превосходит государственную. До войны, когда государственная цена пуда (16 килограммов) ржаного печеного хлеба была около 13 рублей (в старых деньгах), цена пуда ржи на черном рынке была от 60 до 200 рублей, т. е. в пять-пятнадцать раз дороже. Во время войны цена пуда хлеба на черном рынке доходила до 5.000 рублей старых (до 500 рублей новых)... После войны государственная цена хлеб была повышена.

Чаще всего колхозники покупают печеный хлеб в больших городах. В Москву за хлебом колхозники приезжают с округи радиусом до 300 километров.

Один колхозник рассказывал журналисту: «Своего хлеба у нас дольше, как до весны, не хватает, так в Лапшино ходим, в сельпо. А то которые в город ездят».[10])

В другом очерке журналист так описывает бесхлебную жизнь колхозных хлеборобов: «У людей редко бывал хлеб. Наступит утро, и женщины (колхозницы) с корзинами идут в Слуцк на рынок. Туда несут десяток-два яиц, фунт масла, а оттуда — пуд печеного хлеба».[11])

---

[10]) «Литературная Москва», № 2, 1956, очерк Н. Жданова «Поездка на родину».

[11]) «Наш современник» № 3, 1956, очерк Н. Сергеевича — «Начало».

Сведения другие говорят о том же: о бесхлебье колхозников. На основании свидетельских показаний газеты сообщают: «... В Сталинграде, который снабжается лучше других провинциальных городов, появились «мешочники», приезжающие за хлебом издалека, в частности из Пензенской области. Приезжают в город за хлебом и колхозники Сталинградской области. В городах Куйбышевской и Саратовской областей появилось много побирушек (нищих), просящих хлеба. Среди нищенствующих много детей».[12])

Об этих же постоянных поездках колхозников-хлеборобов за хлебом в города сообщает и писатель А. Солженицин.[13])

Из-за того, что в города прибывает очень много колхозников, у хлебных магазинов вырастают огромные очереди. «Колхозники Западной Белоруссии, — пишет эмигрант, выбравшийся из СССР в 1958 году, — питаются исключительно картошкой и хлебом. Хлеб они покупают в городе. О «зажиточной жизни» колхозников свидетельствуют огромные очереди с «хвостами», уходящими на вторую и третью улицы возле хлебных магазинов Бреста».[14])

Советская повесть о колхозниках в 1966 году рассказывает: «Бегают с пустыми мешками, где бы что добыть. **Сами хлеб растят, а без хлеба сидят»...**[15])

О постоянных очередях у хлебных магазинов в городах плодороднейшей Украины, даже в столице, было рассказано на мартовском Пленуме ЦК КПСС в 1965 году.[16])

А вот каково снабжение хлебом и другими продуктами в провинциальных городах уже в 1967-ом, юбилейном, «самом урожайном году в истории советского государства», да еще при условии продолжающейся массовой закупки зерна за границей. Правительственная газета сообщает об этом такие сведения: **«Очереди за черным хлебом, перебои с крупой. В школах нет завтраков для детей».**[16a])

Хлеб, купленный колхозниками в городах, в государственных магазинах, достается хлеборобам с большими трудами и очень дорого. Для того, чтобы отправиться в город, колхозник прежде всего должен

---

[12]) «Посев» от 4 декабря 1960 г., Франкфурт/М.
[13]) А. Солженицын — «Матренин двор».
[14]) «Русская мысль» от 21 июня, 1960 г., Париж.
[15]) Журнал «Новый мир», № 3, 1966 года, Москва.
[16]) Пленум ЦК КПСС в марте 1965 г., стенографический отчет.
[16a]) «Известия» от 17 января 1967 года, Москва.

получить от колхозного председателя отпуск с работы на один-два дня. А это дело обыкновенно без взятки не обходится. За дорогу от деревни до города и обратно колхозник тоже должен заплатить: или за железнодорожный билет или шоферу грузовой машины. Нередко земледец должен заплатить за хлеб более дорогую цену приказчику, который легко узнает колхозников по одежде и может не продать им хлеба или продать только один килограмм и заставить людей стоять в десятке хлебных очередей.

В результате таких порядков крестьянин, у которого власть забрала все зерно за бесценок, может, после всяческих мытарств, привезти себе из города, в самом лучшем случае, пуд хлеба, который обойдется ему в десятки раз дороже той цены, которую правительство платит колхозу за отобранную продукцию.

Так голодают без хлеба и мучаются, добывая его в городах, хлеборобы-колхозники . . .

Из жителей социалистической деревни хлебом обеспечены только начальники, которые являются хозяевами колхозных складов, и механизаторы: трактористы, комбайнеры, шоферы.

Механизаторы получают натуроплату по гораздо более высоким нормам, чем рядовые колхозники. Тракторист в селе Вирятино, Тамбовской области, получил от колхоза 10 центнеров зерна за год.[17]) Но такая оплата в колхозной деревне является очень редким исключением. Обследователи большого села Вирятино, состоящего из 400 дворов, могли указать только одного механизатора с такой натуральной оплатой. Группа советских научных работников, обследовавшая этот колхоз, в книге, изданой в СССР в 1959 году, старалась представить жизнь колхозников в пропагандно-розовом свете. О питании жителей села они писали: «Хлеб и мучные продукты вместе с пшеном составляют основу питания вирятинцев».[18])

Но в этом селе они могли найти только одного тракториста, который мог заработать 10 центнеров, 60 пудов, зерна. Для его семьи в 5 душ это выходит по 12 пудов в год, по одному пуду в месяц, по $^1/_2$ килограмма зерна в день на человека, или в два раза ниже нормы питания. Таким образом, даже тракторист, заработавший зерна больше всех в селе, получил недостаточное количество хлеба для питания

---

[17]) «Село Вирятино».
[18]) Там же.

своей семьи. А рядовые колхозники получают на трудодни зерна в несколько раз меньше тракториста. При таком совершенно недостаточном количестве зерна — хлеб и мучные продукты не могут служить «основою питания».

Сельскохозяйственный рабочий-батрак в имениях Саратовской области еще в 1892 году потреблял зерновых продуктов 419 килограммов в год, или больше одного килограмма в день.[19])

Это значит, что помещичий батрак в дореволюционной России потреблял хлеба вдвое больше, чем член семьи современного механизатора деревни, колхозного тракториста.

В пореформенной русской деревне, от 1861 до 1917 года, потребление зерновых на душу населения было в среднем не ме́нее 22 пудов в год, около двух пудов в месяц, по килограмму в день.[20])

А семья рядового колхозника в Советском Союзе, по вышеприведенным вычислениям, получает на трудодни в среднем только около 100 граммов зерна в день на человека, или в 10 раз меньше, чем потреблял в среднем каждый житель дореволюционной деревни.

Крестьяне в дореволюционной деревне, включая самых бедных из них, батраков, ели хлеб вдоволь. А колхозникам заработанного в колхозе на трудодни хлеба хватает только на один месяц в году. Поэтому колхозники едят хлеба совершенно недостаточно, сидят на голодном пайке или обходятся совершенно без хлеба.

Но крестьяне в дореволюционной деревне ели хлеб не только ржаной. Крестьяне в тех областях дореволюционной России, где сеяли пшеницу (Украина, Кубань и другие области), ели хлеб белый, пшеничный.

В остальных областях, где сеяли, главным образом, рожь, в начале XX века, до революции 1917 года, крестьяне все больше площади засевали пшеницей и переходили к хлебу смешанному (из ржаной и пшеничной муки). Крестьяне часто изготовляли пироги и блины из пшеницы, а булки и калачи они покупали для семьи всегда, когда ездили в город — еженедельно. Бублики, пряники и печенье всегда продавались в каждой деревенской лавочке.

Теперь же коммунистическое начальство обеспечивает земледельцев хлебом хуже, чем колхозный или свой личный скот. Евангель-

---

[19]) В. Ленин — Развитие капитализма в России.
[20]) В. Мерцалов — Трагедия российского крестьянства, стр. 85.

ская притча о блудном сыне рассказывала: батрак завидовал свиньям, которых хозяин кормил лучше, чем батрака. Колхозная действительность на каждом шагу иллюстрирует эту притчу. Писатель А. Кулаковский в книге «Доброселъцы», в которой описывал только факты, — рассказал любопытный случай. Свинарка, одинокая женщина, круглый год работающая от темна до темна, не имея хлеба, питается только картофелем. А на ферме она откармливает на сало свинью колхозного председателя. И кормит ее вдосталь не только картофелем, но и тестом, т. е. колхозным хлебом, который должен был быть роздан на трудодни колхозникам, а пошел для откорма на сало свиньи начальника. Колхозное начальство, отнимая у земледельцев их хлеб до последнего грамма, кормит свою свинью лучше, чем бесплатных крепостных работниц...

Руководитель коммунистической партии и правительства в Советском Союзе, Н. Хрущев говорил, что марксистская идеология плохо воспринимается населением СССР потому, что к марксизму, т. е. к социалистическому строю, не прикреплено сало, что марксизм осуществляется в СССР «без сала»...

Наше исследование показывает, что марксизм в Советском Союзе осуществляется не только без сала, но и без хлеба.

Этот факт, разрыв между марксизмом и хлебом, между социалистическим строем и сносным питанием, признают сами коммунисты. Так один руководитель райкома партии, заведующий отделом пропаганды, в своем разговоре с родственником откровенно признается в том, что в Советском Союзе существует марксистский, социалистический строй, но отсутствует хлеб. Поэтому голодные люди, обеспокоенные больным вопросом о хлебе насущном, совершенно равнодушны к назойливой коммунистической пропаганде. «Делай доклады колхозникам, — говорит этот профессиональный пропагандист, — о построении социализма, о коммунистическом обществе, а колхозников больше беспокоит хлеб»!..[21])

Недостаток хлеба в СССР испытывают все время, со времени осуществления коллективизации, не только колхозники, но часто также и совхозные рабочие. Советская печать многократно это отмечала. Совхозники нередко обедают без хлеба, временами вынуждены есть

---

[21]) В. Тендряков. — «Ухабы», сборник очерков, М., 1959 г.

селедку... с печеньем. Совхозники-целинники часто пишут об этом в своих письмах. «Потребкооперация не торгует предметами первой необходимости, — пишут они в своем письме в газету. — Уж не будем говорить о консервах, о колбасе — мы их не видим. В нашем магазине случается, по два дня хлеба не бывает».[22])

Вопросом о хлебе в социалистическом государстве больше всего обеспокоены колхозники и совхозники, хлеборобы...

Правда, вопросом о хлебе обеспокоены также и американские фермеры. Но американские фермеры и советские хлеборобы обеспокоены этой проблемой по-разному. Американские фермеры производят так много хлеба и других продуктов, что их беспокоит вопрос: куда бы им сбыть накопившиеся излишки пшеницы и других продуктов?

А советские голодные колхозники обеспокоены вопросом о хлебе совсем по-иному. При колхозной системе, при государственной барщине, хлеба в колхозах производится мало: урожайность упала до уровня крепостной деревни середины XIX века. Да и этот хлеб коммунистическое правительство почти целиком отбирает у колхозников. Из-за этого земледельцев ежедневно беспокоит хлеб насущный, черный ржаной хлеб: где бы его достать, как бы его вдоволь поесть?!.

У хлеборобов в Советском Союзе нет хлеба. Колхозная деревня превратилась в некрасовскую «деревню Нееловку». Страна, которая до революции заваливала европейский рынок своими продуктами — хлебом, салом, маслом, яйцами, — страна, которая именовалась «Ржаной Русью», «Житницей Европы», после коллективизации превратилась в некрасовскую «Подтянутую губернию»...

Другие зерновые продукты

В дореволюционной России сложилась пословица о типичном меню сельского населения: «Щи да каша — пища наша». Каша — гречневая и пшенная — была почти ежедневным блюдом на деревенском столе.

Крестьяне получали крупу со своих полей. Они сеяли гречиху и просо. Гречиху земледельцы именовали ласкательно: «гречка».

---

[22]) «Комсомольская правда» от 28 ноября 1959 года.

Крупорушки и просорушки были в каждом городке, во многих деревнях.

Кашу ели с молоком или с маслом: конопляным, подсолнечным или коровьим. Русская пословица с юмором рекомендовала маслить кашу щедро: «Кашу маслом не испортишь»...

Каша с молоком или маслом была обычным блюдом в крестьянском меню, питательным и вкусным.

Крестьяне сеяли также горох. Они любили гороховые блюда: суп, горох с квасом, помасленый, поджареный. Поджареный горох особенно любили дети. Они часто брали его в школу («похрустеть на перемене») и на улицу.

Из пшеничной муки, кроме хлеба, изготовлялся также целый ряд других изделий и блюд в дореволюционной деревне: лапша, макароны, вареники, блины, оладьи. Национальный русский напиток — хлебный квас — был в каждом крестьянском доме. Хлебный квас пили или приготовляли с ним некоторые блюда: окрошку, квас с грибами, рыбой, горохом.

Теперь, по планам сверху, в колхозах мало сеют этих зерновых: гороха, проса, конопли, гречихи. И весь урожай этих культур целиком деревенское начальство сдает правительству, оставляя только колхозу на семена да своим семьям на еду.

На трудодни этих культур обычно не выдают. В очерках, описывающих питание колхозников, о них не упоминается. Эти культуры совсем пропали из обихода крестьян.

Даже в городских столовых этих блюд — каши, гороха, лапши, вареников, блинов — почти никогда не бывает. В городских и армейских столовых обычно готовят только макаронные блюда. Отсюда произошло прозвище — «макаронники» — для сержантов, остающихся на сверхсрочной службе: они, мол, остались в армии из-за макарон. В армии это блюдо обычное, а в деревнях, откуда происходит большинство солдат, его не увидишь.

Каша встречается нередко в столовых армейских и студенческих. Но эта «каша» новая, особенная. Это не гречневая, не пшенная, а каша-«перловка»: ячменная. И по вкусу и своей питательности ячменная каша не может идти ни в какое сравнение с кашей пшенной или гречневой.

Картофель — основной вид питания

В повести А. Кулаковского «Доброселъцы» ужин стариков-колхозников в белорусской деревне описан так: «Митрофан (молоковоз) с Платоном (конюхом) умяли свой котелок картофеля и теперь сидели у печи и вели тихий разговор».

В той же повести рассказано об ужине двух соседок-колхозниц: свинарки и телятницы.

« — Что же вы будете ужинать, тетенька Настасья? — спрашивает девушка Даша свою пожилую соседку, которая поздно вечером, окоченевшая от холода, вернулась с фермы домой.

— Молочка свеженького нальем да и поужинаем. — (У нее недавно отелилась корова).

— А горячего у вас ничего нет?

— Да разве выстоит с самого утра?»

Девушка-соседка сбегала в свою избу, принесла оттуда чугунок с горячим, только что сваренным, картофелем. Соседки объединили в общий ужин свои продукты — чугунок картофеля одной и кувшин молока другой — и поужинали: поели картофеля, запивая его молоком.

« — Спасибо тебе, Даша: отогрела ты меня, — благодарит хозяйка молока свою соседку за ее горячий картофель».[23])

В школьной хрестоматии описан обед одной колхозной семьи. Он состоит из хлеба и супа с грибами.[24])

Эмигрант из Советского Союза, живший там до 1958 года, пишет: «Колхозники Западной Белоруссии питаются исключительно картошкой и хлебом».[25])

Председатель колхоза в Тамбовской области так характеризует питание в своей деревне: «. . . Люди уже который год пробавляются земляными яблочками» (картофелем)[26]).

В 1965 году украинец-эмигрант получил от родственников-колхозников письмо с образным сообщением: «Не жизнь, а беда: одна картопля да вода . . .»

---

[23]) А. Кулаковский — Доброселъцы.
[24]) Соловьева — Книга для чтения в начальной школе, том III, стр. 44.
[25]) «Русская мысль» от 21 июня 1960 года, Париж.
[26]) Н. Вирта — «Крутые горы».

Основная масса колхозников питается, главным образом, картофелем и испытывает острый недостаток хлеба.

У горожан дело обстоит наоборот. Большинство их удовлетворено хлебом из государственных магазинов, но испытывает недостаток картофеля.

Рабочие Донбасса в письмах сообщают: «Картошка и то плохая, мелкая и полугнилая, да селедка — это все, что едим каждый день. Но и картошка очень дорогая и больше кило на нас, троих, в день расходовать не можем . . . Сколько добра осталось под снегом (в колхозах): и картофель, и кукуруза, и свекла»[27]).

До войны цена картофеля в государственных магазинах была около рубля за килограмм, на рынке — от одного до двух рублей в старых деньгах (или от 10 до 20 копеек в новых деньгах). А теперь, после войны, цена картофеля сильно повысилась: рыночная цена ее — от 30 до 50 копеек за килограмм в новых деньгах. По сравнению с довоенным периодом цена картофеля повысилась в 3-5 раз.

В статье одного исследователя питание охарактеризовано так: «. . . Миллионы колхозников и рабочих принуждены сидеть на картошке и капусте».[28])

Итак, многочисленные свидетельства доказывают, что главным видом питания основной массы населения — колхозников — является картофель: суп или картошка «в мундирах», т. е. сваренная целиком и без очистки.

В доколхозной деревне — дореволюционной и нэповской — картофель был тоже повседневным блюдом. Крестьяне ели картофельный суп и картофель в различных видах: вареный, жареный, картофель «в мундире», рубленый и толченый (пюре).

Но прежде картофель ели непременно с каким-либо дополнением, «приправой». Суп ели с маслом, с салом, с грибами, с мясом. Картошку в других видах (целую, рубленую и толченую) тоже ели с маслом, салом, яичками, с молоком, селедкой, огурцами, в крайнем случае, с грибами.

А теперь колхозники едят картошку безо всяких дополнений, всухомятку, едят «как таковую», по ироническому выражению некоторых шутников.

---

[27]) «Посев» от 26 июня 1960 года, Франкфурт/М.
[28]) «Русская мысль» от 16 августа 1960 года, Париж.

Да и картофель не все жители СССР и не всегда едят вдоволь. Низкооплачиваемые категории рабочих не могут есть картофель вдоволь из-за его дороговизны и своей низкой заработной платы. А многие колхозники едят картофеля недостаточно потому, что с общественных полей им этого продукта не дают. Своего же картофеля с приусадебного участка у колхозников недостаточно, потому что средний участок после войны «урезан» от 0,25 гектара до 0,12 гектара. Он очень мал для того, чтобы выращивать на нем достаточно картофеля и овощей для питания семьи и для продажи. Колхозники вынуждены продавать даже тот картофель, который им самим нужен, на покупку самого необходимого: хлеба, одежды, обуви, посуды, инструментов и т. п.

О том, что в Советском Союзе не хватает даже картофеля, говорят такие факты.

В послевоенные годы советская печать называет картофель «вторым хлебом», подчеркивая огромное значение этого продукта для населения.

Цена картофеля на колхозном рынке гораздо выше, чем в государственных магазинах.

Специалисты пишут о том, что картофеля не хватает ни для людей, ни для скота. Чтобы картофеля было достаточно, необходимо увеличить его производство вдвое. Следовательно, потребность в картофеле в СССР удовлетворяется только наполовину.

Овощи

Вторым после картофеля основным видом питания колхозников являются овощи. Колхозники получают их на своем огороде, на приусадебном участке.

На своих огородах колхозники выращивают, главным образом, такие овощи: капусту, свеклу, тыкву, лук, редиску, морковь, салат.

Огурцы и помидоры там встречаются редко. Поэтому, когда в одном тамбовском колхозе «выдали работавшим на полях и на сенокосе огурцы и помидоры (сквашенные), полученные в расчет за бочки» (сделанные колхозниками для овощного треста), — то «харч, сдобренный острой и пряной приправой, народ принял одобрительно», — отметил советский писатель Н. Вирта в книге «Крутые горы».

В той же книге рассказано, что колхозный овощной ларек в областном городе торговал такими овощами: салатом, молодым луком, морковью, редиской.

Иностранец, побывавший в лагерях Советского Союза и проезжавший в поезде от Москвы до Вены, так описывает свои наблюдения над колхозным рынком на Украине, в той стране, где до революции было неслыханное изобилие овощей.

«Под вечер поезд остановился на довольно большой станции, и громкоговоритель объявил остановку на 25 минут, — пишет автор воспоминаний, недавно прибывший из СССР на Запад. — Мы вышли погулять на перрон и увидели, что за станцией расположился так называемый «колхозный рынок». Стояло несколько жалкого вида лотков, и на них была разложена какая-то зелень... На этом «колхозном рынке» в сердце Украины, летом, оказалось всего-то несколько пучков увядшей редиски и зеленый лук. Лук был связан пучками, как сказала продававшая баба, по 100 граммов каждый. Спросили цену. Она даже немного удивилась: «Цена обыкновенная — рупь сорок за пучок». Мы взяли три пучка, чтобы приправить мясные консервы. Надо только подумать: сто граммов зеленого лука за рубль сорок. Значит, килограмм стоит 14 рублей! Каково же это получается при заработке, как, например, у станционных уборщиц, в 275 рублей в месяц (в старых деньгах. — Т. Ч.). Когда-то самые бедные люди питались хлебом и луком. Сейчас это стало, благодаря советской власти, роскошью».[29])

Недостаток овощей сказывается в колхозных деревнях повсюду. Даже на Кубани, в казацких станицах, служащие не могут достать овощей. В письме с Кубани сестра пишет брату, эмигранту в Америке: «... Нам, рабочим и служащим, проживающим в станицах и селах, негде достать... овощей».[30])

Городские жители тоже испытывают недостаток овощей. Советская газета так описывает торговлю в городском овощном магазине: «В магазине, кроме капусты, ничего нет... Ни моркови, ни свеклы. Картофель бывает от случая к случаю. Что касается салата или петрушки, то продавец магазина об этом заявляет: «Я сам давно забыл,

---

[29]) «Новое русское слово», от 3 июля 1960 г., Нью-Йорк.
[30]) Там же, от 17 августа 1960 г.

какой они имеют вкус». Уж на что огурцы — простая вещь, а и те в магазине бывают очень редко».[31])

Во всех овощных магазинах Новосибирска ничего, кроме картофеля и капусты, нельзя найти.[32])

На постоянный недостаток овощей жалуются и повара заводских столовых. В советской газете «Труд» повар так описывает свои заботы и огорчения в связи с недостатком продуктов, главным образом, овощей: «Раннее утро. Повар заводской столовой садится уточнять план-меню. Он хотел бы сварить сегодня хороший борщ из свежей капусты, суп с грибами, сделать окрошку. Приготовить также по-больше вторых блюд из овощей: цветную капусту, кабачки, фаршированный перец с рисом и мясом... Увы, то, чем располагает кладовая, нисколько не отвечает его желаниям. Он с горечью убеждается, что сегодня, как и вчера, может сварить лишь суп с макаронами и сушеной картошкой, испечь макароны с творогом, да еще приготовить пару блюд с одним и тем же гарниром — макаронами... Прошла половина июля, а мы, стыдно признаться, все еще готовим пищу из сушеного картофеля, сушеного лука и сушеной моркови. Ни щавеля, ни огурцов, ни кабачков не видели. Сейчас стоят жаркие дни, а мы не можем побаловать рабочего окрошкой... Единственно, что есть в изобилии, это зеленый лук. Но и его «зеленым» назвать можно только в насмешку».[33])

Овощи в Советском Союзе очень дороги. В журнале «Свобода» (Мюнхен) в 1959 году были опубликованы рыночные цены на овощи в Москве и в Мюнхене. Сравнение этих цен показывает, что **цены на овощи в Москве дороже цен на такие же овощи в Мюнхене в среднем в 8 раз.**

Сравнение рыночных цен на овощи в Москве в 1959-1960 годах с ценами на те же овощи перед войной (1941-1945) на том же московском рынке показывает, что средние **цены на овощи теперь повысились в три раза, по сравнению с довоенным периодом.**

Такой острый недостаток овощей и ухудшение овощного рынка после войны зависит от того, что условия огородничества на приусадебном участке у колхозников в послевоенный период ухудшились. Там, где до войны усадебный участок колхозника занимал

---

[31]) «Казахстанская правда» от 5 сентября 1959 г.
[32]) Газета «Труд» от 3 сентября 1960 г., Москва.
[33]) Там же, от 31 июля 1960 г.

0,25 гектара (в России и в Белоруссии), теперь он занимает в среднем только 0,12 гектара. Коммунистические крепостники притесняют колхозников всеми способами, в частности, «урезкой» приусадебного участка, уменьшением его в два раза.

«Урезая» приусадебные участки колхозников, они проявляют себя такими же тиранами-«землеедами», как и те помещики-«землееды», о которых писал в крепостную эпоху И. С. Тургенев в одном письме.

Коммунистические помещики-«землееды» не ограничиваются «урезкой» приусадебных участков. Они все время повышают трудовую нагрузку для колхозников. Если в довоенный период обязательный минимум работы для взрослого колхозника составлял 180 трудодней, то теперь он повышен до 200-300 дней. Нормы «трудодня» также увеличины. У колхозников теперь остается еще меньше времени для огородных работ, чем было до войны.

При этих обстоятельствах колхозники не могут вырастить на своем приусадебном участке столько овощей и картофеля, сколько они выращивали до войны.

А выращивание овощей на колхозных огородах не улучшилось: незаинтересованные колхозники работают плохо; колхозное начальство растаскивает овощи немилосердно.

Доставка овощей на рынок для колхозников очень затруднена и дорога.

Из-за таких условий в колхозной деревне овощей мало, и они дороги. Поэтому овощей и сами колхозники и городские жители едят невдоволь, потребляют недостаточно.

Фрукты

В деревнях дореволюционной России больших садов было немного, может быть, только у 10-15 процентов домохозяев. Но маленькие садики с фруктовыми деревьями или ягодниками были почти у каждого крестьянина, в особенности на Украине и на Кавказе. В городах России сады были почти при каждом доме; многие сады были большие.

Поэтому фруктов в дореволюционной России было много. В особенности яблок, груш, вишни, слив; ягод: малины, крыжовника, смородины и т. д.

Цена на фрукты была дешевая. Килограмм яблок, груш, вишни стоил две-три копейки.

Купить фрукты в дореволюционной России можно было везде: в городах — на базарах, лотках; в садах у садовников; в любой деревне. По деревням, в которых было мало садов, фрукты развозились городскими торговцами. Фрукты продавались и за деньги и в обмен на зерновые продукты (на рожь, овес), на картофель.

Во время молотьбы или посева озимой ржи торговцы ездили даже по полям и по токам и там на месте продавали или совершали обменные операции: давали фрукты и получали от крестьян зерно.

Крестьяне запасали яблоки и на зиму как в свежем, так и в замороженом или моченом виде.

При этих обстоятельствах в дореволюционной деревне крестьяне, имеющие сады, потребляли фруктов вдоволь, а остальные — достаточно, по мере своих экономических возможностей.

При коллективизации пропагандисты обещали крестьянам превратить каждую колхозную деревню, всю страну — в цветущий райский сад. Все жители этого рая смогут кушать любые фрукты, во всякое время, вдоволь, по своему вкусу и усмотрению. Но после коллективизации, оказалось, что новых, колхозно-райских, садов не появлялось. В большинстве деревень новых садов даже и не заводили: в колхозах не хватает рабочих рук.

В других деревнях колхозные сады были посажены, но большинство их погибло: от засухи, от морозов, от зайцев. Повесть Кулаковского «Доброселицы» рассказывает, как жители рубят на дрова засохшие яблони из колхозного сада.

В некоторых деревнях колхозные сады были посажены и выращены. Но пользы от них не получили ни земледельцы, ни колхоз. Советская печать частенько говорит о том, что весь урожай социалистических садов поедают только начальники, сельские и районные, да их семьи. Школьная хрестоматия рассказывает о налетах озорных ребятишек на колхозные сады: «Жил в селе одинокий старик. Был он слаб, плел корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб... Были на свете такие люди, которые могли бы за это время (пока отлучился сторож) колхозный сад от фруктов очистить».[34])

---

[34]) Соловьева — Родная речь, учебная книга для IV класса начальной школы, стр. 71-75.

Колхозных садов было выращено очень мало. И те пошли на пользу только колхозному начальству да озорникам-ребятишкам.

А личные сады крестьян после коллективизации были постепенно уничтожены.

Сады «раскулаченных», сосланных, вымерших — были загублены. Таких пострадавших от коллективизации домохозяев было в каждой деревне в среднем около 25 процентов. И почти все они имели сады.

За свои сады колхозники должны были платить такие высокие налоги, что содержание их стало убыточным. В повести Кулаковского «Доброселыцы» председатель сельсовета требует от старушки налог за «сад», который состоит из трех старых, гнилых, дуплистых груш-дичков, принесенных из лесу и посаженных лет полсотни назад. Старушка плачет: налог за такой «сад» ей заплатить нечем, а вырубить его она еще не успела.

Во время посещения Хрущевым своей деревни Калиновки, Курской области, колхозница заявила ему, что она решила вырубить свой сад из-за непосильного налога.

Нередко сельское начальство не учитывает официально и не облагает личные сады колхозников. Но зато в таких случаях забирает себе, своим близким и вышестоящим начальникам почти весь урожай таких садов. И в этих случаях хозяева садов остаются в убытке: под садом занята земля приусадебного участка, а фруктов из своего сада хозяева не получают.

Из-за этих причин цены на фрукты стали неслыханно дорогими: яблоки стоят на рынке до 2,5 рубля за килограмм, апельсины и лимоны — до 6 рублей[35]) (в новых деньгах).

По дешевой цене фрукты продаются только в закрытых распределителях и в буфетах партийных комитетов.

Из-за этого фрукты в Советском Союзе стали доступны только партийно-советской аристократии, высоким чиновникам и богатым людям. Дудинцев в своей повести «Не хлебом единым» мельком рисует яркую картину советского «равенства»: директор завода и его жена, проходя по улицам рабочего поселка, кушают апельсины и бросают кожуру от них на снег, а проходящие школьники глазеют на апельсинную кожуру, глотают слюнки и удивляются невиданному фрукту.

---

[35]) «Новое русское слово» от 30 мая 1960 г., Нью-Йорк.

Поговорка помещичье-крепостной эпохи остается верной и для социалистической современности: «Дети (рабочих) видали, как господа (советские) апельсины едали . . .»

Фрукты в Советском Союзе стали теперь таким дорогим продуктом, который редко встречается на столе даже рядовых горожан: рабочих, интеллигенции и служащих.

А на столе колхозников фруктов совсем не бывает, даже по большим праздникам.

Лесные продукты

В дореволюционной деревне крестьяне летом собирали много разнообразных грибов.

Летом они ели грибы свежие: поджареные, вареные. Ели грибы с маслом, со сметаной, в супе, в борще, с квасом, картофелем, яичками, рыбой.

К зиме крестьяне приготовляли много грибов сушеных и маринованных. На сушку шли, главным образом, опенки. Летом и осенью крестьяне ездили в большие леса целыми семьями, на телегах, и привозили оттуда грибы возами. А потом сушили их. Почти каждая крестьянская семья в лесных областях и в лесостепи обеспечивала себя сушеными грибами на весь год.

Много грибов крестьяне продавали: горожанам и торговцам — для перепродажи их жителям степных безлесных областей.

Предложение грибов превышало спрос на них. Поэтому цены на грибы были такие низкие, что их дешевизна вошла в поговорку. А теперь «грибная проблема» тревожит людей и обсуждается в Советском Союзе на страницах центральных газет.

Статья напечатанная в газете «Труд», главном органе профсоюзов, называется «Обида повара» и говорит об этой проблеме: «. . . Об одном продукте . . заготовители вовсе забыли. Речь идет о грибах. Вряд ли найдется человек, который не любил бы грибные блюда. Но, к великому сожалению, повара не могут порадовать ни жареными шампиньонами в сметане, ни украинским капустником, ни юшкой с галушками, ни биточками по-крестьянски. Для этих блюд нужны грибы, а мы их не получаем уже несколько лет. Раньше, когда заходила речь о чем-нибудь недорогом, говорили, что это «дешевле грибов». Теперь

старая поговорка звучит злой иронией, потому что нет продукта дороже грибов. Небольшая связка их стоит столько же, сколько четыре килограмма первосортного мяса или полсотни яиц. Может быть, грибы на Украине перевелись? Ничего подобного! В лесах Волыни и Прикарпатья они гибнут сотнями тонн. Немало их пропадает и в Харьковской области. Облпотребсоюз . . . их не заготовляет».[36])

Как в городах Советского Союза, так и в колхозных деревнях грибы стали продуктом редкостным и очень дорогим. В меню колхозников грибы теперь почти не встречаются.

Колхозники питаются впроголодь, но грибов в лесу не собирают. Почему? Вернувшись из Бельгии в Советский Союз, некоторые «возвращенцы» в своих письмах отвечают на это: «В лесу, говорят, грибов пропасть, но ходить за ними некогда» . . .[37])

Кроме грибов, крестьяне в дореволюционной деревне собирали много различных ягод, которые росли на богатой российской земле: земляники, малины, ежевики, брусники, клюквы, голубики, черники и других.

Ягоды всех сортов крестьяне употребляли в пищу в свежем виде. Ели также ягоды и вместе с другими продуктами. Например, из растертой земляники с хлебом и молоком получалось прекрасное блюдо. Крестьяне консервировали ягоды, делали из них варенье, компоты, ягодные соки.

Много ягод и всевозможных ягодных изделий крестьяне продавали городским жителям.

Летом крестьянские девушки собирали много лесных орехов. Из больших лесов их приносили пудовыми мешками. Деревенские жители употребляли орехи в качестве праздничного лакомства и продавали горожанам.

Теперь, в колхозных деревнях, земледельцы не имеют возможности собирать лесные продукты: ни грибы, ни ягоды, ни орехи. Они работают на колхозной барщине от темна до темна и не имеют выходных дней. Новые помещики не отпускают колхозниц в леса даже в воскресенье. В советской газете был описан любопытный случай. В одном колхозе, расположенном около дремучих Брянских лесов, колхозницы в воскресенье решили отправиться не на колхозную

---

[36]) Газета «Труд» от 31 июля 1960 г., Москва.
[37]) Газета «Русская мысль» от 14 июля 1960 г., Париж.

барщину, которая за много лет не дала им ни грамма продуктов на трудодни, а в лес: за грибами и ягодами. Колхозное начальство, с помощью вооруженного милиционера, под угрозой ареста и применения оружия, вынудило колхозниц идти не туда, куда они хотели и куда направлял их разумный личный интерес, а туда, куда им приказали советские крепостники: на принудительную бесплатную работу, на государственную барщину . . .

Вот из-за этой колхозно-государственной барщины и появились теперь в Советском Союзе и хлебо-картофельно-овощные и грибо-ягодно-ореховые «проблемы» и парадоксы. Удивительные проблемы и удивительные парадоксы! Грибы, ягоды, орехи гибнут в лесах тысячами тонн. А рядом, по соседству с лесами, в колхозных деревнях и в городах, на столе у людей, живущих впроголодь, — нет этих питательных и здоровых лесных продуктов . . .

Этих продуктов нет также и в рабочих столовых и в городских магазинах. Нет потому, что новые, советские, крепостники держат колхозников на принудительной бесплатной барщине и не отпускают в лес за продуктами, даже в праздники . . .

«Социалистическое молоко»

В дореволюционной России в 1916 году было 28,8 миллиона коров.[38]) А населения в это время было около 183 миллионов человек.[39]) Следовательно, каждая корова снабжала молоком около 6 человек. Коров было достаточно.

Немало коров было полупородистых и породистых. Летом коровы имели удовлетворительное пастбище, подкормку при дойке, а зимой запас кормов: сена, яровой соломы, картофеля. Удои молока были средние: примерно от 10 до 15 литров в день. Хозяйки учитывали тогда молоко не в литрах, а в десятилитровых молочных ведрах, «доенках»: «ведро», «полведра», «полтора ведра».

Почти все коровы принадлежали крестьянам. На 20 миллионов крестьянских дворов приходилось около 29 миллионов коров. Значит, половина всех дворов в среднем имела по одной корове, другая половина — по две коровы на семью.

---

[38]) Статистический сборник «Сельское хозяйство СССР», стр. 263. Госстатиздат, Москва, 1960 г.

[39]) П. Рончевский — Население в России и в СССР.

Бескоровных дворов в дореволюционных деревнях было не больше 10 процентов, или около 8 процентов всего населения страны. И горожане, почти все бескоровные, составляли 18 процентов населения. Следовательно, бескоровного населения в России было 26 процентов, четверть, а 74 процента, три четверти населения, имели коров.

В деревнях молока было в избытке. Его употребляли во всех видах: питьевое молоко, молоко с хлебом, картофелем, кашами, простокваша, творог, сметана, масло. И для продажи молока было достаточно.

На молочном рынке выступало больше продавцов, чем покупателей. Поэтому цена на молоко была очень низкая. Крестьянки или детишки из ближайших деревень носили в город молоко и продавали его по одной копейке за литр, с доставкой на дом.

Но доступно ли было дешевое молоко для городских и деревенских покупателей?

Сопоставим цены на этот товар с тогдашними заработками рабочих и служащих низко- и средне-оплачиваемых категорий.

Бескоровный батрак, получавший 9 рублей (в золоте) в месяц, или 30 копеек в день, за свой однодневный заработок мог купить 30 литров молока, или для семьи на целый месяц.

Рабочий, получавший среднюю заработную плату — 23 рубля в месяц, или 77 копеек в день, — мог за дневной заработок купить 77 литров молока, или для семьи на два с половиной месяца.

А сельский учитель начальной школы, получавший 30 рублей месячного жалованья, или один рубль в день, мог на свой однодневный заработок купить молока 100 литров, для семьи на три с лишним месяца, на целый сезон.

Так в дореволюционной России молоко было доступно для каждой бескоровной семьи, в которой был хотя бы один человек, имеющий заработок или другие доходы, даже самые низкие.

А тем, очень немногим, людям в дореволюционной деревне, которые не имели заработков и достаточных доходов от хозяйства (одинокие старики, больные, сироты), им дарили молоко: родственники, соседи, другие односельчане. Также прохожих и проезжих крестьяне угощали молоком бесплатно.

В дореволюционной России текли сказочные «молочные реки». И людей, для которых молоко являлось недоступным продуктом, там не было.

А как же разрешается этот вопрос в Советском Союзе?

По официальным отчетам советского правительства, в частности статистическим, «молочная проблема» там разрешается хорошо.

В сталинский период коммунистическая пропаганда шумела о «великих достижениях социалистического строительства» вообще, в частности, в области животноводства: о создании колхозных молочных ферм; о том, что «каждой бескоровной колхознице Сталин, отец родной, обещал выдать из колхозных ферм по корове». В каждой школьной книге для чтения, начиная с букваря, печаталась великолепная картина в красках, на которой была нарисована огромная красавица-корова с необъятным выменем. Подпись под картиной гласила: «Эта советская корова, находящаяся на молочной ферме такого-то совхоза, побила все мировые рекорды по удою молока. Ежедневно она дает 50 литров. Она одна может обеспечить молоком большой детский сад с двумя сотнями детей» ... Школьники ахали от восторга и удивления. Учительницы смущались... Доярки рассказывали детям и учительницам, что вся колхозная ферма, состоящая из 50 коров, дает молока меньше, чем эта одна корова: 25 коров яловых, а 25 отелившихся дают молока меньше, чем по два литра в день... Девушки-доярки распевают частушки о том, что на колхозной ферме «... больше слез, чем молока»...

После смерти Сталина новый вождь партии и правительства Н. С. Хрущев заявил, что в сталинскую эпоху все сельское хозяйство, и растениеводство и животноводство, находилось в упадке... В частности, и по производству молока... Что касается статистических и всяких других отчетов, то в них в «период культа личности» допускались некоторые пропагандные «преувеличения». Так, например, коровы на колхозно-совхозных фермах давали ежедневно не по 50 литров молока, как указано в школьных учебниках, а в среднем несколько меньше — по три литра... И таким образом социалистические коровы за три десятилетия после коллективизации не смогли перегнать по молоку мелкобуржуазную единоличную козу — как дореволюционную, так и современную...

Исходя из своей чудотворной идеи — «Главное в политике это дать правильный лозунг», —новый глава правительства провозгласил великолепный лозунг: «В ближайшие годы догнать и перегнать Америку по производству молока, масла и мяса на душу населения!..»

Лозунг был превращен в директиву партии и правительства для всего народа. И не только для народа, но и для скота. В докладах и

печати эта директива формулировалась так: «Каждая колхозно-совхозная корова к концу семилетки **должна** повысить удои в два раза и дать такое-то количество молока!..»

Этот лозунг, провозглашенный новым вождем советского государства, так вдохновил социалистических коров, что они выполнили семилетний план... за два года... И советское правительство в официальных отчетах провозгласило, что оно «по молоку» еще накануне семилетки, во время ее обсуждения, «догнало», а в первый год семилетки уже «перегнало» Америку...

По общему производству молока СССР догнал США еще в 1958 году, — сказано в сборнике Центрального Статистического Управления. — **В 1959 году молока в СССР было произведено 62 миллиона тонн,** а в США, по их официальной оценке, — около 57 миллионов тонн». (Подчеркнуто в сборнике. Т. Ч.).[40])

Если бы эти сведения были правильны, тогда на каждого жителя СССР приходилось бы около 300 килограммов (литров) молока в год, или около одного килограмма в день. Этого было бы вполне достаточно для снабжения поголовно всего населения и молоком и маслом.

Но факты противоречат этим пропагандным отчетам.

Советское правительство, отбирая у колхов и колхозников молоко по 8 копеек за килограмм, продает его в государственных магазинах по 18 копеек. Но молока так недостаточно для городского населения, что люди рано утром становятся около магазинов в очередь. «Без очереди не достанешь бутылки молока», — постоянно жаловались и теперь жалуются горожане.

Многим не достается молока в государственных магазинах. Тогда люди идут на рынок, где молоко продают частные владельцы коров: рабочие, служащие, колхозники. Но и там этого продукта недостаточно. На этом основании частные продавцы молока назначают и получают за него дорогую цену — 30-40 копеек за литр, т. е. в два раза более высокую, чем в государственных магазинах. Эти факты свидетельствуют о недостатке в СССР молока и дорогой цене на него.

Для наглядного представления произведем сравнение заработков и цен в дореволюционной России и в Советском Союзе. Как было показано раньше, батрак в дореволюционной России на свой дневной заработок — 30 копеек в золоте — мог купить 30 литров молока. А

---

[40]) Сборник «Сельское хозяйство СССР», стр. 39.

рядовой совхозный рабочий, получающий 40 советских бумажных рублей (новых) в месяц, на свой однодневный заработок — 1 рубль 33 копейки — может купить в государственном магазине, по 18 копеек литр, только 7 литров молока, т. е. в четыре раза меньше, чем дореволюционный батрак. А на рынке, по 40 копеек за литр, рабочий может купить на свою дневную зарплату только три литра молока, или в десять раз меньше помещичьего батрака.

Таким образом, в Советском Союзе молоко стало дороже в 4-10 раз, по сравнению с дореволюционной Россией.

По официальной статистике советские рабочие и служащие в среднем получают 95 рублей в месяц брутто. А нетто они получают процентов на двадцать меньше, т. е. около 76 рублей. Низшая ступень зарплаты раньше была 27 рублей, а потом поднялась до 40 рублей. Следовательно, большинство рабочих и служащих получают теперь зарплату нетто от 40 до 76 рублей, или в среднем около 58 рублей.

Типичная семья рабочего и служащего состоит из пяти человек: двух работников — мужа и жены — и трех иждивенцев (детей, престарелых родителей). Муж и жена вместе получают около 116 рублей. На каждого члена семьи приходится дохода 23 рубля в месяц, или 77 копеек на день. Из этого дохода половина — 39 копеек — идет на питание, а другая половина — на все другие нужды и потребности. Из таких мизерных средств жизни — 39 копеек на питание — трудно выделить 5 копеек, или 12 процентов продовольственного бюжета, на ежедневную покупку четверти литра молока на каждого члена семьи даже в государственном магазине. А выделить из этого бюджета 10 копеек, или 25 процентов, для покупки для каждого члена семьи четверти литра молока на рынке (по 40 копеек за литр), средняя типичная городская семья никак не может.

Таким образом, для большинства горожан — рабочих и служащих с зарплатой от низкой до средней — молоко стало в социалистическом государстве «роскошью», предметом недоступным.

И в колхозных деревнях половина населения молока не потребляет: эти люди коров не имеют, а заработки их до сих пор были в пределах от 3 до 7 рублей в месяц и не позволяли покупать молока. Этот слой бескоровных колхозников, в лучшем случае, может покупать только обезжиренное, «снятое» молоко, «возврат», — то молоко, которое колхозы получают (за плату!) из маслодельных заводов, после выделки масла, и иногда продают колхозникам.

Бескоровных дворов в дореволюционной деревне было около 10 процентов, а дворов с коровами — около 90.

Но за годы после коллективизации это положение в СССР резко изменилось. По данным советской официальной статистики, в личном владении колхозников на 1 января 1960 года было 11,7 миллионов коров на 20 миллионов крестьянских семейств.[41]) Значит, число коров в личном владении крестьян после коллективизации уменьшилось от 28,8 миллиона до 11,7 миллиона, или в $2^1/_2$ раза. Теперь в Советском Союзе каждый второй колхозный двор является бескоровным.

Во время коллективизации Сталин обещал каждой бескоровной колхознице «выдать по корове». Но он и его наследники «выполнили» это обещание так: увеличили число бескоровных дворов от 10 до 50 процентов, или в пять раз . . .

Обследование села Вирятино, Тамбовской области, показало, что еще в 1881 году там было 95 процентов дворов с коровами и только 5 процентов — бескоровных. А в том же селе в 1956 году, через 26 лет после коллективизации, коровы были только в «большинстве» дворов, «однако, часто одна корова на два двора».[42])

Такое резкое уменьшение числа коров у крестьян, по сравнению с дореволюционным периодом, объясняется чаще всего тем, что колхозники не имеют достаточно кормов для коровы. Председатели колхозов иногда совсем не выделяют пастбищ для их коров или выделяют пастбища очень скудные и за дорогую цену. Что касается сена, то в колхозах полагается выделять косцам не больше 10 процентов накошенного ими сена. Это очень мало для коровы. Но и такое правило редко выполняется, и коровы колхозников чаще остаются совсем без сена и без яровой соломы. Половина колхозников не может содержать корову и остается без молока: для покупки этого дорогого продукта у людей нет средств.

А другая половина крестьянских семейств, которая коров имеет, потребляет молоко, но недостаточно.

Коровы колхозников снизили удои, по сравнению с дореволюционной деревней, потому, что кормов теперь не хватает: пастбища скуд-

---

[41]) Статистический сборник «Сельское хозяйство СССР», стр. 263, Госстатиздат, Москва, 1960.

[42]) «Село Вирятино в прошлом и настоящем».

ные; сена мало или совсем нет; нет ни яровой соломы, ни картофаля; нередко крестьяне зимой кормят своих коров скошенным жнивьем или ветками, нарезанными в лесу. Колхозницы говорят об этом иронически: «Коровы кормят нас молоком, а мы их — хворостом»...

Из низких удоев колхозники должны еще сдавать много молока правительству. В сталинский период колхозники сдавали государству 200 литров молока ежегодно с каждой коровы в качестве «молокопоставок», «молоконалога». А в послесталинский период, когда «поставки» и «налоги» с личного хозяйства колхозников были формально отменены, фактически «молоконалог» был увеличен в не сколько раз, только под другой вывеской. Правительство через колхозную администрацию обязало колхозников, имеющих коров, выплачивать государству, в качестве «аренды за пастбище», ежегодно 60 рублей деньгами, или, предпочтительно, уплачивать натурой: ежегодно сдавать государству, через колхозы, по низким «закупочным ценам» (8 копеек за литр) 750 литров молока.

А из оставшегося молка колхозники вынуждены еще часть продать, чтобы приобрести себе самые необходимые продукты, начиная с хлеба и соли, и промышленные товары — от одежды до керосина.

Из-за этих причин даже колхозники, имеющие коров, не могут потреблять молока в достаточной мере.

Сельская интеллигенция тоже бедствует из-за недостатка молока.

— «Кто из учителей не имеет коровы, у того дети остаются без молока», — говорит сельский учитель Омской области.

— «В нашем поселке... молока... не купишь, хотя здесь животноводческий край», — рассказывает другая деревенская учительница из той же области.[43])

В письме от 5 апреля 1960 года жительница казацкой станицы на Кубани пишет своему брату-эмигранту: «... Мы от Рождества и крынки молока не видали... Нам, рабочим и служащим, проживающим в станицах и селах, негде достать молока»...[44])

Молока в колхозной деревне невозможно купить даже в животноводческих областях Сибири и Кубани, самых богатых областях России. Его не могут достать местные учителя для своих детей...

---

[43]) «Советская Россия» от 6 июля 1960 г., Москва.
[44]) «Новое Русское Слово» от 17 августа 1960 г., Нью-Йорк.

Почему же в России, где прежде текли «молочные реки», теперь молоко стало таким редкостным и дорогим продуктом?

Коров в совхозах и на колхозных фермах теперь много. На 1 января 1966 года их в СССР было 40,1 миллиона. Из них в социалистичеком секторе — в колхозах и совхозах — 23,5 миллиона коров (59 процентов) и в частном секторе — у колхозников, рабочих и служащих — 16,6 миллиона (41 процент).[45])

Но удои молока на колхозных и совхозных фермах очень низки: по официальным сведениям — от 1157[46]) до 2006 килограммов (литров) молока в год,[47]) или от 3 до 5,5 литров в день. Эти удои на социалистических фермах в два-три раза ниже, чем они были в частных крестьянских хозяйствах дореволюционной деревни.

Катастрофическое снижение удоев молока на социалистических фермах вызвано такими причинами: недостатком кормов, обусловленным понижением урожайности полей, ухудшением лугов, порчей и хищением кормов; яловостью коров, за которыми не следят; наличием в стаде старых коров, которых не выбраковывают в пропагандных целях (чтобы их больше числилось в стадах).

В целях получения максимального дохода правительство забирает все молоко колхозных и совхозных ферм для выработки масла и для продажи в городах по высокой цене, а для колхозников, совхозных рабочих и специалистов ничего не оставляет.

Но при такой нужде в молоке, советское правительство в статистических отчетах бахвалится тем, что оно за послесталинский период будто бы добилось повышения удоя молока на социалистических фермах от трех до пяти-шести литров в день от каждой коровы и «перегнало по молоку» Америку . . .

Такого «пропагандно-статистического благополучия» правительство добилось и добивается хитроумными комбинациями, статистической фальсификацией.

В сталинский период правительство забирало с колхозных ферм только то молоко, какое там было. А хрущевское правительство обязало председателей колхозов, даже в том случае, если на фермах молока нет или мало, — выполнять государственные планы «молоко-

---

[45]) Сборник «СССР в цифрах в 1965 году», стр. 77.
[46]) Сборник «Сельское хозяйство СССР», стр. 724.
[47]) «СССР в цифрах в 1965 году», стр. 80.

закупок» не молоком, а деньгами, но оформлять это как сдачу молока . . .

В газете «Правда» был описан такой случай «изобильно-молочной статистики». Колхоз имени Кирова, Черкасского сельсовета, Новороссийского района, перечислил в счет Черкасского сельпо 90.000 рублей (старых) за молоко. Ревизор районного государственного банка удивился документу об этой операции. «Что за диковина? — подумал ревизор. — Где же это видано, — колхоз и вдруг покупает молоко?» Дальше ревизору пришлось удивляться еще больше. Оказывается, колхоз платил сельпо за молоко по 1 рублю 80 копеек за литр (в старых деньгах). Это государственная розничная цена. И зачем колхозу покупать молоко, да еще так много — 50.000 литров? В сельпо и в правлении колхоза ревизору разъяснили, что это делается законно, «по директивам обкома партии». Директива обкома партии заключалась в том, что внутрихозяйственные, внутриколхозные расходы молока можно включать в счет продажи государству. А так как колхоз имени Кирова никогда не выполнял план поставки молока государству, потому что его коровы давали по 2,5 литра молока в день, то председатель колхоза и воспользовался директивой обкома. Не моргнув глазом, председатель колхоза имени Кирова перевел 90.000 рублей местному сельпо за 50.000 литров молока, будто бы израсходованных внутри артели. Все шито-крыто. И отставания от плана никакого. Колхоз получает квитанцию от сельпо и сдает эту квитанцию маслозаводу. Несуществующее молоко записывается в счет плана продажи молока государству! . .»[48])

Никакого молока в действительности нет. Но оно, 50.000 литров, записано в квитанциях и отчетах. Эти отчеты идут снизу вверх — от колхоза и сельпо до правительства. Затем в очередном докладе «вождя коммунизма» или в сводке Центрального Статистического Управления они подытоживаются в виде ошеломляющего вывода: «Советский Союз по молоку догнал Америку! . .»

«Социалистическое молоко» является в значительной мере «бумажным молоком», которым не могут питаться даже ко всему привыкшие жители СССР. Так творятся «чудеса» в Советском Союзе.

Но печальнее всего то, что такие «чудеса» являются не только «сказкой для малых детей и больших дураков». Они совершаются в

---

[48]) «Правда» от 10 февраля 1960 г., Москва.

ущерб важнейшим потребностям всего населения. Молока не хватает даже для детей, а власть шумит на весь мир о том, что все жители социалистического государства «купаются в молоке, плывут по молоку, перегоняя Америку» . . .

Для колхозников такие очковтирательные «чудеса» еще более печальны и вредны. Эти «чудеса», когда колхозники только одной деревни «потребили» 50.000 литров молока и даже этого «не заметили», — сотворены за счет средств колхозников. Колхозники уплатили за это «бумажное молоко», на них записанное, 90.000 рублей, заработанные тяжелым трудом за год на государственной барщине.

Из-за такого очковтирательства, «пропагандного чуда», колхозники за свою тяжелую государственную барщину часто получают только жалкие гроши или даже абсолютно ничего не получают, годами работая даром.

Самым массовидным, хитроумным и в то же время простым способом «производства молока» (бумажного) в колхозах и совхозах является метод его двукратного учета. Колхоз сдает правительству молоко на маслозавод («государственные закупки») и получает соответствующую квитанцию. А после выработки масла колхоз забирает с маслозавода это свое обезжиренное, «снятое» молоко. Колхоз покупает это «молоко-возврат» за деньги: маслозавод при расчете берет с колхоза за это «молоко-возврат» 25 процентов стоимости цельного молока, полученного от колхоза. А председатель артели использует это «молоко-возврат» в колхозе по своему усмотрению: для телят, поросят, для продажи бескоровным колхозникам. Это оформляется в бумагах как «внутриколхозное использование молока».

Таким образом, в колхозах, в совхозах, а потом в высших инстанциях, вплоть до ЦСУ и правительства, по графе «производство молока» одно и то же молоко учитывается дважды: во-первых, как «цельное молоко», сданное маслозаводу в качестве «государственных закупок»; во-вторых, как «молоко-возврат», закупленное на маслозаводе у государства и «использованное внутри колхоза» . . .

Из молока, которое колхоз сдает правительству, одна часть идет в государственные магазины для продажи городскому населению. Эта часть молока учитывается один раз: как «государственные закупки». А другая часть молока сдается маслозаводу для выработки масла. Эта часть молока, после выработки из него масла, — обезжиренное, снятое молоко, «молоко-возврат» — учитывается в колхозах дважды:

сначала как молоко, сданное государству (цельное), а потом, как «использованное внутри колхоза» («возврат»). В отчете о «годичном производстве молока» оно суммируется в каждом колхозе, затем в высших инстанциях, вплоть до Центрального Статистического Управления. И таким методом, вопреки истине, общее «производство молока в стране» в официальных статистических отчетах повышается, по крайней мере, процентов на пятьдесят... До такого хитроумного метода не додумался даже Сталин. Такой учет ввел Хрущев для скорейшего осуществления лозунга: «Догнать и перегнать Америку по молоку!..» Прозвище «факира» он получил по заслугам.

Советская статистика ярко выражает успехи этого «факирского метода». За два года, когда этот метод входил в практику, — от 1957 до 1959 года, — «производство молока» в СССР, если верить официальной статистике, сделало огромный скачок. Колхозно-совхозные коровы, которые от 1934 до 1955 года упорно держали средние удои молока на «козьем уровне» — три литра в день,[49]) — за 1957-1958 годы быстро повысили этот уровень до 5,5 литра,[50]) т. е. почти в два раза.

А общее «производство молока» в стране, учтенное по этому чудодейственному методу за тот же период «игры в перегонки» с Америкой, будто бы повысилось от 36,5 миллиона тонн до 58,7 миллиона тонн в 1958 году,[51]) или на 60 процентов.

По примеру Хрущева, который после смерти Сталина разоблачил его пропагандно-статистическую фальсификацию, косыгино-брежневское правительство, после отставки Никиты Сергеевича, частично разоблачило хрущевскую фальсификацию. В статистическом сборнике за 1965 год указано, что за все годы семилетки никакого подъема в производстве молока не было. А за последние — 1963-1964 — годы хрущевской власти — удои коров даже понизились от 2007 в 1958 году до 1600-1700 килограммов (литров),[52]) т. е. на 18 процентов.

Но зато в 1965 году, в первом же году власти нового правительства Брежнева-Косыгина, социалистические коровы опять воспылали восхищением перед современным правительством, прониклись энту-

---

[49]) Сборник «Сельское хозяйство СССР», стр. 370-371.
[50]) Там же, стр. 371.
[51]) Там же, стр.593.
[52]) Сборник «СССР в цифрах в 1965 году», стр. 80.

зиазмом и опять сделали «великий скачок»: повысили удои молока от 1700 в 1964-ом до 2006 литров в 1965 году,[53]) за один год увеличив удои на 18 процентов...

Удивительно ведут себя социалистические коровы: в честь каждого нового правительства в Кремле, они напрягают все усилия и сразу же резко повышают удои молока... А может быть, это «чудо» зависит не от коров, а от кремлевских «факиров» и их официальной «статистики», которая рассчитана на «малых детей и больших ослов»...

Во всяком случае, из анализа «молочной проблемы» следует один ясный и бесспорный вывод.

В дореволюционной России текли «молочные реки», и молоко было таким же повседневным, обычным «предметом потребления», как вода, чай и квас. А коммунистическая власть высушила эти молочные реки и заполнила их русла Гималаями «бумажного молока»... Поэтому коровье молоко стало предметом роскоши, «запретным плодом», недоступным для большинства обитателей «социалистического рая»...

«Бумажное масло»

В меню крестьян дореволюционной России входили жиры — растительные и животные. Из жиров растительных в средней и северной России употреблялось конопляное масло, а на Украине, на юге вообще — подсолнечное.

Крестьяне сами производили масло. Они сеяли много конопли и подсолнечника. А потом на местных маслобойках из зерен этих растений выжимали масло, и, кроме того, получали хороший корм для скота: жмыхи.

Из молока крестьяне на дому выделывали коровье, топленое масло.

Почти все крестьяне имели свиней. И после откорма резали их на сало. Ежегодно почти в каждом дворе резали по две свиньи и больше.

---

[53]) Там же, стр. 80.

Сало регулярно употреблялось для заправки супа и борща, для поджаривания картофеля, яичницы. Его брали крестьяне при поездках (в город, в лес), а также на полевые работы.

Теперь же у колхозников нет жиров: ни растительных, ни животных.

Растительного масла нет потому, что на трудодни из колхоза они масляничных культур не получают. А на мизерном усадебном участке, занятом овощами и картофелем, колхозник не может сеять ни конопли, ни подсолнечника.

Коровьего масла люди не имеют из-за того, что половина колхозников вообще не имеет коров. А у тех крестьян, которые имеют коров, бедствующих от недостатка корма, для семьи молока остается так мало, что масла делать не из чего.

Сала у колхозников тоже нет. Из-за отсутствия хлеба и недостатка картофеля колхозники не могут откармливать своего поросенка на сало и вынуждены продавать его на налог, заготовки или «контрактацию» неоткормленного.

Поэтому колхозники едят теперь свою пищу обычно без масла и без сала. Едят «пустые щи», суп без масла, немасленую картошку.

О потреблении колхозниками масла и сала в советской печати нет никаких упоминаний. В повести Кулаковского «Доброселъцы» вскользь упомянуто, что один колхозник имел сало только тогда, когда стал бригадиром.

В советской печати был описан курьезный случай. Председатель приготовил сало для колхозников на время самых тяжелых работ и держал его в складе. В период весенней пахоты начальник не выдал работникам сала: отложил выдачу до уборочных работ. А в период уборки он отложил выдачу опять до пахоты. Так этот советский Плюшкин ни разу не покормил своих колхозников салом в течение нескольких лет, даже в периоды самых тяжелых работ . . .

Городские жители могут потреблять сало в очень ограниченной мере. Сало стоит дорого: в государственных магазинах — 3 рубля, а на рынке — до 8 рублей за килограмм (в новых деньгах). Колхозы имеют свиней недостаточно и на сало их редко откармливают из-за недостатка кормов.

По сообщению Н. Хрущева, колхозы часто сдают на заготовку свиней весом в два пуда (32 килограмма), то есть, не только не откормленных, а совершенно истощенных.

«Сальная проблема» в СССР при таких обстоятельствах является очень больной проблемой. Рядовым людям эта проблема доставляет физические страдания, которые определяются по Зощенко — «Жрать хочется!» Или по Чехову: люди все время находятся «в рассуждении, чего бы покушать! . . »

Но вождей коммунизма, живущих в роскоши и изобилии, эта проблема беспокоит только со стороны пропагандно-политической. Их беспокоит то обстоятельство, что массы плохо усваивают и недоброжелательно относятся к «марксизму без сала», т. е. к коммунистическому строю, который лишил жителей сала. Поэтому Хрущев высказал пожелание: «прикрепить к марксизму кусочек сала», чтобы люди могли есть «жирный суп» и «борщ с салом». Но сала у колхозников совсем нет, а у горожан — недостаточно. Об этом говорят сотни газетных статей, очерков и десятки рассказов и повестей, в которых описывается колхозная деревня. Об этом же ярко свидетельствует и цена на сало. Если в государственных магазинах килограмм сала стоит 3 рубля, а на рынке цена сала доходит до 8 рублей, т. е. в $2^1/_2$ раза выше, — то это значит, что предложение сала в государственных магазинах далеко не удовлетворяет спроса на него.

Производство и потребление коровьего масла в СССР тоже очень скудное.

На пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии в декабре 1959 года тогдашний руководитель партии и правительства СССР Хрущев заявил: «В 1959 году производство животного масла в стране составило 845 тысяч тонн, или по 4 килограмма в среднем на душу населения. В Соединенных Штатах Америки в 1958 году было произведено с учетом фермерской выработки 685 тысяч тонн животного масла, или по 3,9 килограмма на душу населения. По оценке департамента сельского хозяйства Соединенных Штатов в этом году будет произведено с учетом фермерской выработки 658 тысяч тонн масла, или по 3,7 килограмма на душу населения. Таким образом, **по производству животного масла на душу населения Советский Союз в 1959 году превзошел Соединенные Штаты Америки».**[54]) (Подчеркнуто мною. — Т. Ч.)

Это сообщение включено в советские и иностранные статистические справочники. Оно облетело всю мировую печать, было передано

---

[54]) Статистический сборник «Сельское хозяйство СССР», стр. 39.

по всем радиостанциям мира и произвело неслыханную сенсацию: «советское население питается лучше американского!..»

Но факты говорят о другом. Даже в столице масло продается только по 250 граммов на покупателя. А в других городах масло бывает в продаже не всегда, а в малых городах — очень редко. В колхозных деревнях коровьего масла в продаже совсем не бывает.

Сенсационное сообщение кремлевского правительства основывается на очковтирательской отчетности, которая практиковалась в советском государстве всегда. Эта пропагандная отчетность практикуется повсеместно, на всех ступенях советско-иерерхической лестницы — от колхоза и сельпо до ЦК партии и Совета Министров. Чем больше неудач, тем лживей отчетность.

О методах массового производства «бумажного молока» было сообщено в предыдущем очерке. А теперь рассмотрим факты о производстве «бумажного масла».

Заготовительная контора одного района получила от некоторых колхозов молоко и переработала его в тонну масла. Затем коммунистические «факиры» на глазах почтенной публики стали производить с этим маслом «чудеса». Бочку с тонной масла на складе заготовительной конторы купил райпотребсоюз. Оставив бочку с маслом на месте, в складе заготконторы, райпотребсоюз продал это масло одному колхозному председателю, который не имел молока для сдачи государству молочных поставок. Председатель колхоза сдал квитанцию на эту тонну масла заготконторе в счет государственных молокопоставок. Заготконтора вторично «продала» ту же тонну масла райпотребсоюзу; тот опять «продал» другому колхозу; а колхоз — опять сдал заготконторе квитанцию на масло. И так далее, как в сказке о белом бычке... **За одну неделю одна и та же бочка с маслом была продана районному кооперативу и колхозным председателям шесть раз!..**

По официальным отчетам и по советской статистике выходит, что население района тонет в масле: колхозы района сдали государству за одну неделю шесть тонн масла; заготконтора за неделю заготовила шесть тонн масла; кооперативный райпотребсоюз за одну неделю продал населению шесть тонн масла. Об этом говорят документы: квитанции, официальные отчеты, статистические сводки, сообщения печати.

А в действительности есть только одна тонна масла, которая ни на одну минуту не покидала склада заготконторы.

Так за одну неделю в районе произошло статистически-пропагандное «чудо»: одна тонна масла выросла до шести тонн. Колхозы сдали государству только одну тонну масла. А колхозно-советские руководители и статистики превратили одну тонну коровьего масла в шесть тонн «бумажного масла» . . .

В действительности, в районе не продано населению ни одного грамма масла. А торгово-статистические учреждения превратили этот нуль в шесть тонн «потребленного» масла . . .

Дальше такие «статистические сведения» подытоживаются в областях, затем в центре. Потом они опубликовываются в печати, в качестве официальных сводок Центрального Статистического Управления, в статистических сборниках, в официальном сообщении правительства, в очередном докладе вождя коммунизма на пленуме ЦК партии или на заседании Верховного совета, как это было сделано в отношении рекордного производства масла в докладе Хрущева.

А потом эти рекордно-сенсационные сообщения, построенные на очковтирательских отчетах, облетают всю мировую печать, радио и ошеломляют весь мир: «Советский Союз по маслу обогнал Америку! . . Жители СССР потребляют масла больше всех людей на свете! . . Русские имеют самый высокий стандарт жизни! . . В экономическом соревновании социалистическая система побеждает систему частнособственническую! . .»

Рассмотрим вопрос, соответствует ли сообщение советского правительства о рекордном производстве коровьего масла — фактам, действительности.

Если это сообщение верно, то это значит, что каждый житель СССР потребляет ежегодно 4 килограмма коровьего масла, в месяц 333 грамма, в день 11 граммов. Каждая средняя семья, состоящая из 5 душ, ежедневно потребляла бы 55 граммов масла. Это не много. Но в отношении колхозной деревни все наблюдатели сходятся на одном: рядовые колхозники масла коровьего не видят. У бескоровных нет молока. У колхозников, имеющих корову, остается в лучшем случае ежедневно литр молока на семью. Масла делать не из чего. В колхозной деревне масла не продают. А население колхозных деревень составляет половину всего населения СССР.

Учтем это обстоятельство и сделаем предположение о том, что все выработанное в СССР масло потребляет только городское население, половина всего населения. Тогда получится, что каждый го-

родской житель в среднем ежедневно потребляет 22 грамма масла, а средняя семья — 110 граммов в день, или 3,3 килограмма в месяц. Большинство рядовых горожан — рабочих, служащих, учащихся — столько масла не потребляет.

Да и бюджет большинства рядовых горожан этого не выдержит. Стоимость 3,3 килограмма масла по государственной цене (3 рубля за килограмм), составляет 9,9 рубля, а по рыночной цене, которая доходит до 8 рублей, — 26 рублей.

Половина всех рабочих и служащих, зарабатывающая от 40 до 76 рублей в месяц, или вдвоем на семью от 80 до 152, не в состоянии выделить из своего месячного бюджета 26 рублей только на масло.

Следовательно, официальное сообщение Центрального Статистического Управления о производстве и потреблении в Советском Союзе по 4 килограмма животного масла в год на каждую душу населения, не соответствует фактам, противоречит действительности, в которой живет в Советском Союзе большинство людей в колхозной деревне и в советском городе.

Большая часть этого «статистического масла» является «бумажным маслом», выработанным не на сепараторах, а в советских канцеляриях, под руководством ловких коммунистических «факиров». Но за это «чудо с маслом» платят жители Советского Союза.

Платят горожане, которые покупают масло: если бы масла было действительно столько, сколько указано в правительственных сообщениях, то оно продавалось бы дешевле.

Но главным образом за это «чудо» расплачиваются колхозники. Они платят свои трудовые гроши, заработанные на колхозной барщине, за все огромное количество «бумажного масла». А сами масла совсем не потребляют. «Бумажного масла» они не потребляют потому, что оно несъедобное. А настоящего масла они не в состоянии купить потому, что все колхозные заработки отобраны у них советским правительством для оплаты «бумажного масла» ...

Но зато правящая коммунистическая партия, она же советская власть, получает от этого «чуда с маслом» огромную многостороннюю пользу.

Во-первых, «правящая партия», состоящая из 13 миллионов чиновников, поедает действительное масло, а народу оставляет «масло бумажное», как в сказке о дележе «вершков и корешков» между мужиком и медведем ...

Во-вторых, за «бумажное масло» коммунистическая власть получает в казну от колхозников такую же плату, как и за действительное масло . . .

В-третьих, большевистская власть получает от этого «чуда» огромный пропагандно-политический капитал. На глазах у почтенной публики, числом в три миллиарда человек, на сцене, занимающей пятую часть земного шара, — грандиозная страна — «Колхозная Нееловка», «Подтянутая Коммунистическая Империя» — превращается в страну сказочного изобилия . . . Там, по одному только слову главного кремлевского «факира», на всю империю расстилается скатерть-самобранка, на которой приготовлено «каждому по потребностям», «каждому — чего душеньке угодно». На сцене показана страна, где полностью осуществлен «земной рай» . . .

Так орудуют коммунистические «факиры» . . .

Яйца

У крестьян в дореволюционной России было много кур: обыкновенно на двор 10-20 кур и летом 20-40 цыплят. Поэтому крестьяне имели достаточно яиц для потребления и для продажи.

Крестьяне ежедневно употребляли яички для приготовления различных блюд: борща, супа, картофельного пюре с яичками («толченка»), яичницы с жареным картофелем и салом, лапши, окрошки и т. п.

В праздники для приготовления пищи употребляли яиц гораздо больше: крестьяне ели тогда пироги с яйцами, вареные яйца, яичницу-глазунью (из яиц с салом), лапшу, блины, оладьи и другие блюда и кухонные изделия.

Кроме того, крестьяне много яиц продавали: городскому населению и торговцам. Статистический справочник сообщает, что «Россия поставляла 50 процентов мирового вывоза яиц. В 1908 году из России было вывезено около 2,6 миллиарда штук, а в 1909 году — около 2,8 миллиарда яиц».[55])

---

[55]) Б. Бразоль — «Царствование императора Николая Второго — 1894-1917 — в цифрах и фактах», Нью-Йорк, 1959 г., стр. 8.

Теперь, после коллективизации, многие колхозники совсем не имеют кур, а другие имеют очень мало: обычно, до пяти на двор. Больше колхозники держать не могут: кормить птицу нечем.

Большую часть яиц колхозникам приходится сдавать государству в виде обязательных яйцезаготовок (150 яиц в год со двора) или «добровольно-принудительных яйцезакупок».

Кроме того, на колхозниц набрасывается много других «охотников за яичками».

Как только в сельском кооперативном магазине появляется какой-либо необходимый дефицитный товар (сахар, керосин, мыло и т. п.), — продавец начинает отпускать эти товары только тем колхозницам, которые продают кооперативу (или приказчику) яички по закупочной государственной цене, в несколько раз ниже рыночной.

Нередко и торговцы городских магазинов прежде, чем продать какой-либо нужный товар, требуют, чтобы колхозница продала им яички по дешевой цене.

Шоферов, подвозящих колхозниц на базар, тоже часто приходится оплачивать яичками.

Колхозное начальство, начиная с бригадира и кончая председателем, почти за каждую услугу — за отпуск с работы на несколько часов, за солому, за подводу и т. п. — требует от колхозниц взятки, «угощения». Чаще всего это «угощение-взятка» — яичница с водкой. Колхозница на собрании ругает председателя, пьяницу-взяточника: «Чтобы дать тебе пол-литру в твою ненасытную утробу, я же должна последние яички продать и детишек своих без единого яичка оставить!. .»[56])

А комсомольские руководители устраивают по колхозным деревням «рейды» (налеты, набеги) и «организуют закупку яиц у населения» для нужд социалистического сектора хозяйства. Комсомольская печать сообщает об этом: «В совхозе «Крепь» Калачевского района инкубатор мощностью в 120 тысяч был загружен лишь на 45 тысяч из-за недостатка яиц. Рейдовая бригада, возглавляемая секретарем комитета комсомола совхоза Николаем Верескуном, организовала закупку яиц у населения. Такие же рейды были проведены в Руднянском, Кумылженском, Старо-Полтавском и других районах».[57])

---

[56]) Н. Вирта — «Крутые горы».

[57]) Журнал «Молодой коммунист», № 7, за 1960 г., стр 20.

Комсомольцы проводят «рейды», налеты, для принудительного изъятия яиц у населения, для «добровольно-принудительной закупки» и получают одобрение комсомольского руководящего журнала и Центрального Комитета Комсомола. ЦК Комсомола и его журнал расхваливают такие «рейды» и рекомендуют их в качестве примера для подражания . . .

При этих обстоятельствах огромное большинство колхозников забыло вкус яичек. Самый обыденный род пищи в прошлом — яички — стал теперь в колхозной деревне недоступной для колхозников роскошью.

По отчетам Центрального Статистического Управления в Советском Союзе за годы семилетнего плана (от 1959 до 1965 года) ежегодно производилось яиц от 23[58]) до 29 миллиардов штук.[59]) Это значит, что на каждую душу населения приходилось в среднем ежегодно по 118 штук, в месяц по 10 штук, в неделю — по два яичка. Это мало.

Необходимо еще принять во внимание то обстоятельнство, что советская статистике является сильно фальсифицированной: в свои отчеты она включает много приписок, в данном случае — изрядное количество «бумажных яиц».

Вот как, например, центральный орган правительства — газета «Известия» — описывает очковтирательство при государственной закупке яиц. Председатель колхоза «Красная Ипуть», Брянской области, выполнил план государственных заготовок яиц на 120 процентов. Даже выполнение плана заготовок является делом исключительно редкостным, а тут оказалось «перевыполнение». Центральная газета командировала своего корреспондента в этот славный колхоз, на чудесную птицеферму, перевыполнившую план яйцезаготовок. Газета хотела прославить брянского председателя и его колхозных несушек, которые в интересах коммунизма посрамили капиталистическую Америку. Но когда корреспондент прибыл в этот колхоз и попросил председателя показать ему чудесную коммунистическую птицеферму, то председатель заявил: «В колхозе кур нет» . . . — «Откуда же яйца?»

---

[58]) Отчет Центрального Статистического Управления — О выполнении плана за 1958 год.

[59]) Отчет ЦСУ — О выполнении плана за 1965 год. «Правда» от 3 февраля 1966 года.

— «15.000 приобрел в заготконторе райпотребсоюза и 4.000 — в колхозе «Россия».[60])

Таким образом, «догоняя Америку» по продуктивности животноводства, советские руководители, начиная от колхозных и кончая кремлевскими, производят не только «бумажное молоко и масло», но также и «бумажные яйца» . . .

Действительные яйца поступают, главным образом, в магазины для партийно-советских чиновников, в рестораны для иностранных туристов и в столичные магазины-«показухи».

Только незначительная часть действительных яиц идет в обычные городские магазины для рядовых жителей.

Что касается колхозников, то на их стол попадают только «бумажно-пропагандные яйца» . . .

Мясо

В период коллективизации была уничтожена половина скота в Советском Союзе. С тех пор нормальное скотоводство в государстве так и не восстановлено.

Большой падеж скота в колхозах происходит ежегодно: из-за нехватки кормов, из-за холодов и плохого ухода.

Опубликованные цифры говорят о том, что ежегодный падеж скота доходит в СССР до 6-7 миллионов голов. А в 1960 году, по официальным сведениям, опубликованным на январском пленуме ЦК в 1961 году, — РСФСР, Казахстане, Киргизии, Грузии погибло 9,3 миллиона овец, главным образом, из-за бескормицы.[61])

Из-за недостатка кормов скот перед сдачей на мясозаготовку в колхозах обычно не откармливается. Поэтому живой вес сдаваемых свиней нередко доходит до 2 пудов (32 килограммов). Глава советского правительства Н. Хрущев острил по этому поводу: «Это не свиньи, а свинство . . .»

Из-за этих причин мяса производится в колхозах и продается недостаточно. Часто в советских магазинах «водка есть, а колбасы нет». — рассказывает эмигрант, перешедший на Запад в 1959 году.[62])

---

[60]) Газета «Известия» от 6 января 1960 г., Москва.
[61]) «Посев» от 29 января 1961 г., Франкфурт/М.
[62]) Журнал «Свобода», № 5 за 1960 год, стр. 7, Мюнхен.

Цена на мясо даже на Украине очень дорогая: до 3 рублей за килограмм (в новых деньгах). Средний заработок рабочих в период от 1940 до 1964 года — был от 33 до 90 рублей в месяц. В 1965 году средний заработок рабочих и служащих, по официальному отчету ЦСУ, повысился до 95 рублей в месяц[63]).

При этих условиях рабочие могут покупать мяса недостаточно. А производители мяса — колхозники — вообще его не потребляют.

В лучшем случае колхозная семья в личном хозяйстве выращивает за лето поросенка и теленка. Но осенью каждый двор вынужден одну скотину сдать на мясозаготовку или «на расширение стада» колхозу, государству, а другую — продать (прежде — на налог; в последние годы — на свои нужды, которых у колхозников миллион). А для себя у земледельцев мяса не остается.

Поэтому колхозники не могут есть мяса не только в будни, но и в праздники. Пожилые крестьяне, помнящие дореволюционные или нэповские времена, когда мясо было доступно, теперь говорят, что они «после коллективизации забыли вкус мяса» . . . А молодые колхозники в большинстве «мяса за всю свою жизнь не кушали» . . .

За последние годы напечатано огромное количество статей, очерков, рассказов, повестей о колхозной деревне. Но из них только в одной книге упомянуто о том, что рядовой колхозник однажды, в семейный праздник, ел телятину. Повесть Кулаковского «Добросельцы» рассказывает об этом. Колхозник решил устроить семейный праздник в честь новорожденного сына и для этой цели зарезал теленка. Об этом «пронюхало» сельсоветское начальство: секретарь, председатель и милиционер. Они нагрянули к колхознику «в гости», под предлогом, что сельские начальники якобы проявляют необычайное «внимание к людям»: сами пришли поздравить с новорожденым и записать его в список новых «советских граждан» прямо на дому. На второй день начальство, которому понравились и обильная выпивка и «мировая закуска», натрянули повторно, под новым предлогом: записали ребенка будто бы не на той анкете, на какой следует, и поэтому пришли «исправить дело» . . . После таких налетов колхознику от теленка остались только «рожки да ножки» . . . Так описан праздник у писателя Кулаковского.

---

[63]) Сборник «СССР в цифрах в 1965 году», стр. 125.

А в других книгах о колхозной деревне — даже у самых отпетых лакировщиков — о потреблении мяса рядовыми колхозниками царит полное молчание, как о величайшей «государственной тайне».

Мяса у колхозников действительно нет. Даже сельские служащие не могут достать мяса в колхозной деревне. «Мяса в деревне не купишь»,—говорят учителя Омской, богатой животноводческой области в Сибири.[64])

Органы власти, по рекомендации и приказу бывшего вождя партии и руководителя правительства Хрущева, отбирали скот у колхозников и сдавали его на колхозные фермы.[65]) После этого проблема мясного питания еще более обострилась: на колхозных фермах увеличился падеж скота (от недостатка корма и от холода в неприспособленных помещениях), продажа мяса уменьшилась и цены повысились.

В семилетнем плане намечалось увеличение производства мяса и сала от 7,7 миллиона тонн в 1958 году до 16 миллионов тонн (как минимум) в 1965 году, то есть в два раза. Кремлевские вожди планировали довести производство мяса до такого уровня, чтобы на каждую душу населения приходилось в месяц по 6 килограммов. Так большевистские сирены хотели соблазнить людей этим грандиозным планом: «прикрепить к марксизму сало и мясо».

План этот оказался пропагандным блефом. По отчету Центрального Статистического Управления в 1965 году произведено мяса (в убойном весе) не 16 миллионов тонн, а 9,9 миллиона тонн[66]), или на 38 процентов меньше запланированного. Мяса теперь приходится, по официальным данным, не по 6 килограммов, а по 3,6 килограмма в месяц, или по 120 граммов в день на каждую душу населения.

Если бы такое количество мяса было действительно в советском государстве и распределялось более или менее равномерно, то этой нормой потребления — 120 граммов в день на человека — огромное большинство населения было бы очень довольно. Но из-за дорогой цены на мясо и низкой зарплаты распределение мяса производится очень неревномерно: огромное большинство населения потребляет мяса очень мало, а господствующее сословие — много. Господствующий слой в социалистическом государстве очень большой: 13 миллионов

---

[64]) Газета «Советская Россия» от 6 июля 1960 г., Москва.
[65]) «Посев» от 26 июня 1960 года, Франкфурт/М.
[66]) Сборник «СССР в цифрах в 1965 году», стр. 80.

членов партии, с семьями — более 26 миллионов человек, т.е. более 10 процентов всего населения. В основном этот слой поедает мясо в СССР. При таких условиях распределения мяса господствующее сословие страдает от ожирения, а народ — от истощения.

Но не только распределение мяса в СССР происходит неравномерно и несправедливо. Производство мяса вообще недостаточно. В официальных отчетах к действительному мясу приписывается большое количество «мяса бумажного».

В советских газетах были описаны некоторые типичные случаи «бумажно-мясного производства».

Многие колхозные начальники всяческими способами принуждают колхозников «продавать» колхозу по низкой закупочной государственной цене своего теленка. В противном случае колхознику угрожают: не дать пастбища для коровы, не выделить сена во время покоса, «урезать» усадебный участок до минимума (до 0,07 гектара) и т. п. После такой «покупки» колхозное начальство использует теленка «для восстановления и расширения колхозного стада» или для выполнения плана «государственных мясозакупок».

В графе «производство мяса» такой теленок обычно учитывается дважды: сначала по сектору «личного скота колхозников», а потом по сектору «колхозных ферм». И таким образом в учете к одному действительному теленку добавляется второй, «отчетно-бумажный».

В тех многочисленных случаях, когда у колхозов не хватает скота для выполнения плана государственных «мясозаготовок», или «закупок», колхозным начальникам сверху подсказывают хитроумный выход из затруднительного положения: вместо скота сдать государству деньги, а в документах эту махинацию оформляют как сдачу скота, «государственные закупки». В таком случае колхоз сдает заготовительный конторе скот по низкой государственно-закупочной цене. А потом тут же колхоз сам «закупает» этот свой скот, но по дорогой, продажной государственной цене, якобы в целях его «откорма». Через некоторое время, после откорма или безо всякого откорма, этот скот сдается заготовительной конторе второй раз. Так к действительному мясу добавляется еще такое же количество «бумажного мяса» . . .

Такие плутовские комбинации удовлетворяют правительство: оно полностью «выколотило» из колхоза то, что наметило по своему плану — частью скотом, частью деньгами.

Эти жульнические махинации удовлетворяют колхозных начальников: по официальным документам они полностью выполнили и планы «мясопроизводства» и планы государственных «мясозакупок» и даже получают в газетах похвалу, а от правительства — премию...

Эти комбинации вредны только для колхозников: сданное колхозами «бумажное мясо», в форме денег, оплачено за счет сокращения их и без того нищенской заработной платы. Кроме разорения, эти плутни еще и обижают колхозников. В колхозах люди «забыли вкус мяса». А в отчетах, начиная от сельских и кончая правительственными, в печати и по радио коммунистическая власть трубит о том, что изрядная доля произведенного мяса «израсходована на внутриколхозные нужды», т. е. якобы потреблена колхозниками... Грабляя колхозников, правительство еще и издевается над ними, заявляя в своих отчетах о том, что земледельцы едят мяса достаточно, а государству продают только «излишки»...

В «Комсомольской правде» было рассказано о том, какими «факирскими методами» колхозно-комсомольские организации «производят мясо», «выращивая» неисчислимое количество птицы. Комсомольская организация передового колхоза «Заветы Ильича», Свердловской области, выполняя приказ вождя партии Хрущева — «догнать и перегнать по мясу Америку!», — дала партии и правительству обязательство: вырастить и сдать государству 50.000 уток!.. Срок давно истек, а уток не было. Корреспондент «Комсомольской правды» поехал в передовой колхоз и там обнаружил следующую картину: «Когда мы вечером попали в колхоз «Заветы Ильича», то там нашли единственную молодую птичницу Мащу О. Выяснилось, что она опекает всего лишь 173 утки... По обязательству было 50.000 уток, по подсчету райкома — 8.000 уток, по словам колхозного секретаря «Заветов Ильича», — 3.000 уток, а на самом деле ... всего 173 утки!..»[67])

Если бы «въедливый» корреспондент не разоблачил эту махинацию, то в отчетах было бы указано, что «обязательство выполнено» и таким образом к 173 действительным уткам было бы добавлено 49.827 «уток бумажных»...

И этот отчет показал бы, что «размножение» уток в социалистическом государстве может происходить с быстротой снежного обвала: на пути от колхозной птицефермы до кремлевского министерства

---

[67]) «Комсомольская правда» от 2 февраля 1960 г., Москва.

статистики стая уток за один месяц может увеличиться в 300 раз!.. Такого «биологически-статистического чуда» не было еще ни в истории птицеводства, ни в мировой статистике...

На основании подобной статистики «кремлевские факиры» бахвалятся: «Дела у нас идут хорошо, даже очень хорошо!..»

Когда такие стаи «бумажных уток» — через официальные отчеты, миллионнотиражную прессу, через радио и телевидение — разлетаются по всему миру, — наивные люди во всех странах приходят в транс от изумления и восхищения и повторяют: «Лозунг коммунизма — «каждому по потребностям» — в Советском Союзе уже перевыполнен!.. А что же наши правительства-недотепы плетутся в хвосте, как черепахи?!.»

Так создаются «грандиозные достижения», или полное несоответствие между советской статистикой и действительностью...

Рыба

Рыбы в дореволюционной России было очень много. Все сорта рыбы и консервов можно было купить в любом, даже самом маленьком, городке.

А дешевая рыба — сельдь соленая, сельдь сушеная (тарань) — была в каждой деревенской лавочке. Эту дешевую рыбу крестьяне часто покупали целыми боченками и ели в достаточном количестве. Дорогую рыбу покупали к праздникам.

Жители деревень, расположенных на берегах рек и прудов, озер и морей, — сами ловили много рыбы: сетями, удочками и всякими другими приспособлениями.

А теперь сами жители прибрежных поселений не ловят рыбу: нет удочек, нет сетей, нет времени. Вот, например, что пишет один рабочий, вернувшийся из Бельгии в Советский Союз: «А сколько здесь (на Дальнем Востоке) рыбы в реке! Так на глазах стаями и ходит. Вот бы тут порыбалить да времени нет: вкалывать надо и нормы выполнять, коммунизм строить!» ..[68])

Государственные фабрики и заводы губят рыбу в неисчислимом количестве, спуская ядовитые отбросы из заводов в реки. Рыболов-

---

[68]) Газета «Русская мысль» от 14 июля 1960 г., Париж.

ные артели вылавливают молодняк. Специалист писал в газете, что из-за этих причин в Советском Союзе ежегодно гибнет рыбы не менее, чем на миллиард рублей.

Поэтому в СССР теперь ощущается недостаток рыбы везде, даже в приморских городах и в столице. Работница, встретившая главу правительства Хрущева на улицах Владивостока, пожаловалась ему на то, что в магазинах большого портового города, на берегу океана, нельзя достать никакой рыбы, кроме соленой сельди.

А в колхозных деревнях нет даже сельдей. Сельдь в дореволюционной деревне продавали по 2-3 копейки за штуку, по 5 копеек за килограмм, а теперь сельдь продается в СССР по 1,5-2 рубля за килограмм (в новых рублях). В приморских городах цена свежей рыбы была еще дешевле: две копейки за килограмм. Рыбные торговки в крымских городах предлагали свой товар так: «Три копейки око» (око — три фунта, около полутора килограмма).

А теперь казачка с Кубани, живущая в колхозной деревне, в 1960 году писала в Америку, своему брату, о том, что за селедкой ездят в города: «Живем больше хлебом да тюльку (род сельди) привозим из Ейска (из города). И то слава Богу» . . .[69])

Сахар

Советские научные работники, обследовавщие колхоз Вирятино, Тамбовской области, пишут: «Несоизмеримо, по сравнению с прошлым, увеличилось потребление сахара и вообще сладкого. Чай с сахаром или конфетами принято пить в каждой семье».[70])

А писатель Н. Вирта, тамбовской житель, хорошо знающий жизнь деревни, в своей книге «Крутые горы (картины сельской жизни)» пишет о тамбовских колхозниках совсем другое: они пили «жидкий чай, чаще без сахару» . . .[71])

Кто же из этих авторов пишет правду: советские научные работники или писатель Вирта?

Сахар в Советском Союзе стоит дорого: 1 рубль — 1 рубль 20 копеек (в новых деньгах) за килограмм в государственных магазинах,

---

[69]) «Новое русское слово» от 17 августа 1960 г., Нью-Йорк.
[70]) «Село Вирятино».
[71]) Н. Вирта — «Крутые горы».

а на рынке — гораздо дороже. Колхозники, зарабатывающие менее 5 рублей в месяц, не могут достаточно покупать сахара и потреблять его.

Кроме того, колхозникам трудно «доставать», «добывать» сахар. Сахар производится в СССР в недостаточном количестве. Это видно из того, что он продается только в городских магазинах, да и то часто только по одному фунту на покупателя.

А в деревенские кооперативные лавочки сахар «подбрасывается» очень редко: обычно один-два раза в году. Об этом говорят очерки, описывающие колхозную деревню, рассказы сельских жителей. Письмо казачки из Кубанской станицы от декабря 1959 года сообщает: «... Чтобы купить полкило сахара мы едем в Ростов (за 160 километров от местожительства автора письма, — Т. Ч.), постоим полдня в очереди, получим полкило сахару и довольные возвращаемся поездом домой... Только раз в году привозили сахар в нашу станицу, но там такое творилось, что достать было невозможно»...[72])

О том, что в Советском Союзе сахара недостаточно даже для городского населения и стоит он дорого, свидетельствует и такой факт, что советские матросы, бывая за границей, закупают там сахар мешками.[73])

Что касается конфет, которые будто бы вошли в повседневный быт тамбовских колхозников, то о них тоже есть любопытное упоминание в книге Вирты «Крутые горы». Председатель, желая наладить колхозное производство, решил собрать удобрения из частных дворов и вывезти их на артельные поля. Он решил заинтересовать этим детей колхозников и обещал: за каждое ведро навоза (или золы), принесенное со своего двора к колхозной скотоводческой ферме, выдавать по одной конфетке. И ребятишки с большим рвением собирали навоз на своем дворе и несли его через все село, за километр, к колхозной ферме, чтобы получить за такой труд одну конфетку...[74]) Видно, что редко конфета появляется в деревне и кажется колхозным детишкам очень дорогим лакомством.

При этих условиях едва ли можно поверить тому, что каждая колхозная семья повседневно пьет чай с сахаром или конфетами.

---

[72]) «Новое русское слово» от 17 августа 1960 г., Нью-Йорк.
[73]) Газета «Русское Воскресение» от 27 августа 1960 г., Париж.
[74]) Н. Вирта — «Крутые горы».

Колхозники не могут пить чай с медом. Мед стоит гораздо дороже сахара: от 3 рублей (новых) и больше за килограмм.

Колхозники пьют чай без меда, без сахара, без конфет. А еще чаще даже не чай, а некипяченую воду из ведра. Именно эту картину рисует писатель А. Кулаковский в своей повести «Доброселъцы» (1958 г.). Колхозники-старики — молоковоз и конюх — поели котелок картофеля в мундирах и, чтобы утолить жажду, черпают кружкой холодную воду из ведра и пьют.[75])

Крестьяне дореволюционной деревни пили много молока. А теперь у колхозников молока очень мало или даже совсем нет. В дореволюционной деревне у крестьян почти всегда был квас — национальный русский напиток. А теперь у колхозников квасу нет, потому что нет муки.

В дореволюционной деревне крестьяне пили чай с сахаром, хотя и не каждодневно. В России в 1913 году потреблялось на каждого жителя по 9 килограммов сахара в год,[76]) или по 750 граммов в месяц, по 25 граммов в день.

А теперь колхозники не могут «побаловаться» чайком: сахара нет. Старички-колхозники, описанные в повести «Доброселъцы», поевши картофеля в мундирах, наверное, охотно утолили бы свою жажду даже кипятком без сахара. Но они пьют холодную воду из ведра. Вероятно, потому, что посуды для кипячения нет: чайника вообще нет, а в чугунке и котелке картофель варился. Автор намекает на эту причину, когда говорит о недостатке металлических изделий в деревне: топоров, иголок, посуды.

Эту деталь колхозного быта — питье сырой холодной воды людьми — любопытно сопоставить с аналогичным фактом из жизни животных на ферме. Старик-молоковоз ранним утром ежедневно на колхозной кормокухне подогревает в паровом котле корм и воду для свиней. Колхозное начальство позаботилось о свиньях и приказало старику подогревать корм и пойло для свиней, чтобы они не мерзли и не простуживались от замерзшего корма и холодной воды. Но, подогревая воду для свиней, сам колхозник вынужден пить холодную воду и простуживаться, потому что нет у него чайника для кипячения воды...

---

[75]) А. Кулаковский — «Доброселъцы».

[76]) Б. Бразоль — «Царствование императора Николая Второго в цифрах и фактах», стр. 8, Нью-Йорк.

Так в СССР запускают в Космос спутники, лунники, космические ракеты и корабли, — а чайниками земледельцев не обеспечивают и сахаром не снабжают...

Кухни и столовые в колхозах

Нередко на полях, очень удаленных от деревень, колхозники не только работают, но и ночуют. Тогда колхоз организует для них питание в полевом стане, за счет их зарплаты.

Питание обычно скудное. Даже в донском казацком колхозе, который описал Шолохов в «Поднятой целине», оно состояло из картофельного супа, жидкой пшенной каши, слегка заправленной салом, и кислого молока.

Вирта в своей книге «Крутые горы» рассказывает, что обычная пища колхозников была значительно улучшена овощными консервами, полученными от овощного треста. А раньше колхозники на тяжелых полевых работах ели свое обычное повседневное меню: картофельный суп или капустные щи.

Поваров для полевой кухни начальство подбирает обычно по принципу: того, кто ни для какой другой работы не пригоден. Так, в колхозе, описанном в «Поднятой целине», поваром был назначен дед Щукарь: лентяй, недотепа, болтун, «мастер» только по одной специальности — рассказывать всевозможные анекдоты.

В результате работы такого повара обед прерывался возгласом обедающих: «Братцы, да мы лягушку съели!..» Оказывается, этот повар брал воду в пруду и не смотрел, что в ведро попадало... Обеды иногда заканчивались потасовкой...

Часто в полевых станах не хватало посуды. Можно было бы организовать обед в две смены. Но колхозное начальство не желало этого делать, стремясь сократить до минимума время обеденного перерыва. Из-за этого происходили новые неудобства и недоразумения, о которых сообщает та же книга:

«В бригаде полудновали. Наспех сбитый длинный стол впритирку вмещал всех плугатарей и погонщиков. Ели, ... деловито обмениваясь замечаниями о качестве приготовленной стряпухой пищи.

— И вот она всегда недосаливает. Горе, а не стряпуха!

— Не слиняешь от недосола, возьми да подсоли!

— Да мы же с Васькой двое из одной чашки едим, он любит несоленое, а я — соленое. Как нам в одной чашке делиться?..»

Недоедание

В дореволюционной России продуктов производилось достаточно и для своего населения и для экспорта.

В 1913 году, например, в России производилось зерновых гораздо больше, чем в Соединенных Штатах Америки в том же году: пшеницы — больше, ячменя — втрое больше, а ржи — в 25 раз больше.[77])

Дореволюционная Россия выступала, как главный экспортер хлебов на мировом рынке. В 1913 году Россия производила для «цивилизованного мира» 1/4 часть потребляемой им пшеницы, 1/3 часть ячменя и больше половины всей ржи.[78]) За это Россия получила тогда прозвище «житница Европы».

А в последний период, от 1963 до 1967 года, Советский Союз не только не продает, но сам закупает огромное количество зерна за границей.

Кроме хлебов, дореволюционная Россия вывозила на мировой рынок много других продуктов: яиц, сливочного масла, сахара.

После принудительной коллективизации и организации колхозной системы, т. е. новой барщины, государственного крепостного права, — производство продуктов полеводства и животноводства в СССР сильно понизилось. Поэтому там продуктов не хватает не только для экспорта, но и для прокормления своего населения.

Нехватка продуктов сказывается и в городах.

Но особенно сильно она сказывается в деревнях. Это происходит потому, что правительство отбирает у колхозников главную массу продуктов, колхозникам оставляет совсем мало. А голодные и озлобленные колхозники отвечают на эту грабительскую политику коммунистической власти плохой работой и воровством продуктов.

Партия и правительство стремятся скрыть этот недостаток продовольствия. Но это им не удается. О недостатке продуктов они вы-

---

[77]) Г. Гросвенор — «Молодая Россия, страна неограниченных возможностей» — Цитировано по «Новому русскому слову» от 17 ноября 1960 года, Нью-Йорк.
[78]) Там же.

нуждены говорить в планах правительства и в решениях партийных съездов, пленумов ЦК.

Руководитель советского правительства Н. Хрущев в 1959 году заявил, что он **«получает массу писем, в которых высказываются справедливые требования. Они касались, главным образом, жилищного вопроса и снабжения».**[79])

Снабжение городского населения продуктами за последние годы не только не улучшается, а даже ухудшается.

Доходит до того, что даже в столице не бывает ни капусты, ни молока. «Весной этого (1960-го) года . . . в магазинах Москвы не было не только свежей, но и квашеной капусты», — задним числом признается центральная правительственная газета.[80])

По сведениям иностранных журналистов, дипломатов, туристов, по всему Советскому Союзу за последние годы произошло «резкое ухудшение снабжения населения, в том числе и рабочих, продуктами питания и предметами широкого потребления. Даже в Москве, до сих пор считавшейся самым обеспеченным в Советском Союзе продуктами и товарами городе, . . . наблюдаются перебои в снабжении . . . Проживающие в Москве американцы пишут, что в продуктовых магазинах по несколько дней нельзя было достать даже молока».[81])

Об этом сообщают свидетели и в других газетах: «Перебои с хлебом, сахаром, маслом и другими продуктами увеличились с осени прошлого (1959) года. Растут очереди» . . .[82])

Об усилении продовольственного кризиса в Советском Союзе свидетельствует также правительственное распоряжение, воспрещающее отправку продуктовых посылок из Москвы в провинцию.[83])

О недостатке продовольствия в СССР говорит также тот факт, что цены на продукты стоят очень дорогие и велик разрыв между ценами в государственных магазинах и на рынке.

Туристы-очевидцы опубликовали в газетах такие сведения о ценах на продукты в Мариуполе (на Украине) в 1960 году (в старых деньгах): картофель стоит — 2-2,5 рубля килограмм (в новых деньгах — 20-25 копеек);

---

[79]) «Посев» от 17 июля 1960 г., Франкфурт/М.
[80]) «Известия» от 9 октября 1960 г.
[81]) «Новое русское слово» от 25 августа 1960 г., Нью-Йорк.
[82]) «Посев» от 17 июля 1960 г., Франкфурт/М.
[83]) «Новое русское слово» от 30 апреля 1960 г., Нью-Йорк.

помидоры — 15 рублей килограмм (в новых деньгах — 1 р. 50 коп.);
масло сливочное — 30-35 рублей килограмм (в новых — 3-3,5 рубля);
сало — 22-26 рублей килограмм (в новых — 2 р. 20 коп. — 2 р. 60 коп.);
говядина — 22-24 рубля килограмм (в новых — 2 р. 20 коп. — 2 р. 40 коп.);
молоко — 3 р. 70 коп. литр (в новых — 37 копеек);
порция мороженого — 1 р. 20 коп. (в новых — 12 копеек);
стакан пива — 6 рублей (в новых — 60 копеек).[84])

А в Алтайском крае цены на продукты еще дороже (в старых деньгах):
килограмм мяса — от 35 до 38 рублей (в новых деньгах — от 3 р. 50 коп. до 3 р. 80 коп.);
килограмм сельди — от 17 до 20 рублей (в новых деньгах — от 1 р. 70 коп. до 2 рублей);
килограмм камсы — 8-10 рублей (80 копеек — 1 рубль);
литр молока — 4 рубля (40 копеек в новых деньгах).[85])

Обеды в ресторанах Советского Союза стоят очень дорого: обед из двух блюд и 1/4 литра водки стоит 100 рублей в старых деньгах или 10 рублей в новых деньгах).[86])

Цены на овощи на рынках в Москве выше цен на рынках в Германии в среднем в 8 раз.

Бюро статистики труда в Соединенных Штатах Северной Америки установило, по соотношению средней зарплаты рабочих и цен на продукты, что средний советский рабочий должен работать в 1 1/2 раза дольше американского рабочего, чтобы заработать на хлеб, в 3 1/2 раза дольше — на картофель, в 4 раза — на мясо и молоко, в 8 раз дольше — на яйца и в 9 раз дольше — на масло.[87])

Если брать среднее соотношение по всем этим видам продуктов, то получится, что **средний рабочий в Советском Союзе должен работать для покупки всех видов продовольствия для семьи в 5 раз больше, чем средний американский рабочий. Реальная заработная плата рабочего в СССР в 5 раз ниже реальной заработной платы американ-**

---

[84]) Там же.
[85]) «Комсомольская правда» от 11 июля 1960 г., Москва.
[86]) «Новое русское слово» от 30 апреля 1960 г., Нью-Йорк.
[87]) Газета «Наше общее дело», № 12 за 1960 г., Мюнхен.

ского рабочего, или цены на продукты в Советском Союзе — в 5 раз выше, чем в Америке.

Из-за этого рабочие в СССР плохо питаются и недоедают.

«Картошка, и то плохая, мелкая и полугнилая, да селедка — это все, что едим каждый день, — пишут рабочие из Донбасса. — Но и картошка очень дорогая, и больше кило на нас троих в день расходовать не можем. С хлебом перебои».[88])

В дореволюционной России картофель продавался по 1 копейке за килограмм. В Советском Союзе цена его доходит до 40 копеек за килограмм (в новых деньгах).

Питание семьи среднеоплачиваемого советского служащего, получающего 500 рублей (старых) в месяц и имеющего 5 членов семьи (он, жена, трое детей), очевидец-турист описал так: «Поужинали: была вареная картошка и черный хлеб. Дети запивали картошку водой: молоко покупают они редко. Служащий, глава семьи, сказал, что на эту заработную плату и при существующих ценах они «не живут, а кое-как существуют» ... Когда об этом случае было рассказано в вагоне, то один пассажир, врач, «удивился, как можно впятером жить на 500 рублей. У него семья только три человека (кроме него самого — ребенок и жена, которая из-за болезни не работает), но им его 800 рублей на полный месяц никогда не хватает».[89])

Американские студенты, живущие в Москве и обучающиеся, в порядке обмена, в университете, так характеризуют питание: «Еда в студенческой столовой скверная»[90]). Это в столичном университете, во «всемирной показухе». А каково питание студентов, которые учатся в провинциальных техникумах и получают стипендию не 50, а только от 10 до 30 рублей в месяц?..

Повседневное питание советских солдат, проходящих военную службу в Германии, очевидец, бывший советский солдат, перешедший на Запад в 1959 году, описывает так:

Завтрак: 200 граммов хлеба, перловая каша, 20 граммов сахара, чай.

Обед: 300 граммов хлеба, картофельный суп (или щи) и каша перловая.

Ужин: картофель помятый, перловая каша; иногда кусок сельди.

---

[88]) «Посев», от 26 июля 1960 г., Франкфурт/М.
[89]) «Посев» от 17 июля 1960 г., Франкфурт/М.
[90]) Журнал «Свобода», № 7 за 1960 год, стр. 18.

Выйдя из столовой после такого обеда или ужина, солдаты разговаривают: «С голоду не умрешь, но и сыт не будешь . . . »[91])

Солдаты русской дореволюционной армии имели в своем меню кашу гречневую или пшенную, мясо и сливочное масло.

Итак, **солдаты и студенты, рабочие и рядовые служащие в Советском Союзе питаются скудно.**

Но хуже всех других слоев населения питаются колхозники-хлеборобы, производители продуктов. Они питаются, как мы видели выше, картофелем и овощами, «сидят на картошке и капусте».

Но и овощей и картофеля у них не всегда хватает: приусадебный участок их очень мал; времени для ухода за овощами не хватает; нужда в деньгах (на покупку хлеба, одежды, обуви, посуды и т. п.) у них очень большая.

Из-за этого они должны продавать даже часть необходимого картофеля и овощей.

Огромное большинство земледельцев испытывает острую нужду в хлебе, которого они на трудодни получают очень мало. Поэтому старик сказал своему городскому земляку сущую правду, когда определил питание колхозников так: **«едят плохо».**[92])

Определяя свое питание, колхозники обычно дают только количественную характеристику: «едят мало», «совсем нечего есть». Один колхозный председатель так утешал своих колхозников, которые жаловались ему на недостаток пищи: «Во время войны и того меньше ели» . . .[93])

И хорошее питание в колхозной деревне оценивается только количественной характеристикой: «Плотников кормили до отвала».[94])

Даже книга советских научных работников, излагающая результаты обследования колхозной деревни (Вирятино, Тамбовской области), подводит читателей к такому выводу: в колхозах и в послесталинский период питание недостаточное; основной проблемой колхозника по-прежнему является задача — обеспечить семью достаточным питанием.[95])

---

[91]) Там же, № 6 за 1960 г., стр. 25.

[92]) «Литературная Москва», № 2, 1956, очерк Н. Жданова «Поездка на родину».

[93]) Н. Вирта — «Крутые горы».

[94]) Там же.

[95]) Село Вирятино.

Голод

Немало колхозников не только «едят плохо», но испытывают острую нужду в пище, голодают. «... Людям жрать нечего!» — кричат колхозники на собрании.[96])

Повесть говорит о «вечно голодных трактористах».[97])

Колхозник Миргородского района, на Украине, пишет: «Колхоз за 1959 год продуктов не дал вовсе, а только денег: доставай и кормись, как хочешь. А где достанешь, когда ни буряков, ни картофеля не было. Коров тоже всех забрали у людей в колхоз, да только там они дохнут: ни кормов нет, ни ухода. Голодают люди, многие уже умирают. И умирают не все старые, а и помоложе, питания мало и лечения нет».[98])

Колхозники голодают и умирают в том самом благословенном Миргородском районе, в котором даже при крепостном праве и помещики и дворовые крепостные люди страдали только от объядения, как описал это Н. В. Гоголь в повести «Старосветские помещики».

О голоде пишут в своих письмах и рабочие Донбасса: «Голодаем, весь Донбасс голодает ... Если бы хоть коров не отобрали, а привезли для них кормов, жить было бы легче. Сколько ведь добра осталось под снегом — и картофель, и кукуруза, и свекла ... Бедствуют многие, умирают от недоедания».[99])

От голода мучаются в социалистическом государстве не только взрослые и старики, но и дети.

Вот картинка из одного очерка. В колхозной хате сидит журналист. Туда заходит колхозница, шепчет хозяйке, сует ей в руку что-то и уходит. На вопрос журналиста хозяйка ответила: «Это соседка. Уходя на работу, она всегда приносит ключ от сундука. В сундуке она замыкает хлеб: прячет от ребятишек. Эта колхозница-вдова хлеба имеет с гулькин нос и потому может выдавать своим детям только по маленькому кусочку на день. А если хлеб не замыкать, то дети поедят свой недельный паек за один день, а потом что делать?..»

В сельской хронике колхозный кучер рассказывает новому председателю:

---

[96]) Н. Вирта — «Крутые горы».
[97]) С. Антонов — «Аленка», журнал «Новый мир», апрель 1960 г.
[98]) «Посев» от 26 июня 1960 г., Франкфурт/М.
[99]) «Посев» от 26 июня 1960 г., Франкфурт/М.

« — Я ведь три года отбыл (в лагере) . . .

« — За что?

« — С тока пять кило ржи унес,—повинно сказал Ефим Лукич.— Вот так подошло, поверишь ли?. . — Дома ни крохи, а ребята, словно галчата, рты разевают, есть просят . . . Я и . . . Они (начальники) тоннами воровали, им ништо, а мне . . .

«Он замолчал и махнул рукой».[100])

В одном стихотворении описана такая печальная картина:

«В столовой толпа и дощатый стол.
И плачет девочка: «Мамка, хлеба!»,
Уткнувшись обиженно в бабий подол.

. . . . . .
А рядом усталые взрослые люди
Стоят и не могут ничем помочь» . . .[101])

Если в городах СССР такие картины можно было наблюдать во время войны, то в колхозных деревнях во многих семьях подобные сцены можно наблюдать и после войны, вплоть до наших дней. О голодной смерти в деревнях во время войны советский писатель сообщает: « . . . В селении в . . . эту зиму около трети людей умерло от голода».[102])

О послевоенном периоде сообщаются такие же вести:

«В зиму 1946-1947 годов в России от голода снова умерли миллионы» . . .[103])

На свое содержание, на вооружение, пропаганду и подрывную работу во всем мире коммунистическая власть затрачивает бóльшую часть всего народного дохода в Советском Союзе. А труженики-кормильцы, хлеборобы и их дети, голодают и вымирают в «колхозном раю». Десятки миллионов колхозников погибли от голода во время коллективизации.Миллионы умерли от голодной смерти во время войны, а потом — в послевоенный период. Погибают от голода люди и теперь, особенно в колхозной деревне.

---

[100]) Н. Вирта — «Крутые горы».
[101]) Журнал «Новый мир», № 10 за 1956 г., стихотворение Н. Коржавина.
[102]) Б. Полевой — «Повесть о настоящем человеке» . . .
[103]) «Русская мысль» от 16 августа 1960 г., Париж.

Люди, страдающие от голода, направляют свой протест против «власти людоморов» и их слишком дорогих пропагандных игрушек, из-за которых эта власть ограбляет тружеников и морит их голодом. Ярким выражением этого протеста является письмо молодого рабочего в «Комсомольскую правду»:

«Вот наши ученые запустили ракету на луну... Событие, конечно, важное, шума из-за него много. Но давайте посмотрим, как говорится, на обратную сторону медали, поставим такой вопрос: что же дали эти спутники и ракеты простому смертному, в том числе и мне? Я, к примеру, накануне запуска ракеты был должен 300 рублей, так и до сих пор в долгу, несмотря на удачный запуск. Не кажется ли вам, что увлечение этими спутниками и космосом вообще является несвоевременным, а точнее сказать, преждевременным? Я этим хочу сказать, что у нас еще по горло земных дел: не хватает жилья, яслей, товары дороги. А эта ракета, я не не сомневаюсь, пожирает столько, что, наверное, все ахнули бы, зная ей цену... Ракета, ракета, ракета! — да кому она нужна сейчас?! **Чорт с ней пока, с этой луной, но подай мне на стол получше.** (Подчеркнуто мною. — Т. Ч.). После этого, действительно, можно и с луной заигрывать!.. Равнодушен я к этим спутникам и ракетам. Рано. Бесполезно».[104])

Голодные люди ругают власть коммунистических людоморов не только в анонимных письмах, но и открыто, в очередях. Наблюдатели об этом пишут: «Перебои с хлебом, сахаром, маслом и другими продуктами увеличились с осени прошлого (1959) года. Растут очереди, а вместе с ними раздражение и злость. Люди довольно открыто ругают в очередях и трамваях порядки и власть».[105])

Любопытны впечатления людей, недавно вырвавшихся из «социалистического рая». **«Самые сильные и самые общие впечатления о Советском Союзе, — говорит бывший рабочий, совхозник и советский солдат, перешедший на Запад в 1959 году, — это впечатление голода, холода и гнета».**[106])

Другая эмигрантка, бывшая служащая в Советском Союзе, вспоминает пребывание в санатории, где хорошо кормили: «Пребывание в санатории сохранилось в моей памяти, как единственное светлое

---

[104]) «Комсомольская правда» от 11 июня 1960 г., Москва.
[105]) Еженедельник «Посев», 1960 г., Фракфурт/М.
[106]) Журнал «Свобода» за 1960 г., Мюнхен. Воспоминания Данченко.

пятно на фоне **серой полуголодной жизни в «рабоче-крестьянской стране победившего социализма».** (Подчеркнуто мною. — Т. Ч.) Светлое и в то же время горькое за обворованный русский народ».[107])

За падеж скота от бескормицы руководителей колхозов иногда отдавали под суд, отправляли на принудительные работы. (Вирта — «Крутые горы»)

Но за истязание голодом сотен миллионов людей, за голодную смерть десятков миллионов тружеников-мучеников в Коммунистической империи никто не осужден. И по-прежнему власть «людоморов и людобоев» истязает и умерщвляет миллионы людей голодной, мучительной смертью.

Кардинал Оттавиани правильно назвал коммунистическую власть каиновой властью, убивающей народ — Авеля, властью «убийц, не осужденных и не наказанных» . . .

Питание крестьян в колхозе и в дореволюционной деревне

В иностранной печати встречаются различные утверждения о том, как питаются колхозники в Советском Союзе.

Одни пишут, что колхозники питаются очень хорошо. К этому выводу они приходили на основании своих наблюдений: в показательном колхозе, куда привозили таких знатных туристов, их очень хорошо угощал председатель. Но что рядовые земледельцы в обычных деревнях питаются совсем не так, как председатель выставочного колхоза («показухи»), об этом они и не догадывались и этого не проверяли.

Другие пишут, что колхозники питаются так же плохо, как земледельцы в дореволюционной деревне: едят только картофель и овощи.

Но русскую дореволюционную деревню эти люди не знают и дают заключения на основании своих политических симпатий и антипатий.

Произведем детальное сравнение питания крестьян в дореволюционной деревне и в колхозной.

Дореволюционные крестьяне питались не только картофелем и овощами. У них было для питания и многое другое: хлеб, молоко,

---

[107]) «Русская мысль» от 5 мая 1960 г., Париж.

масло, сало, яйца, мясо, рыба, крупы, горох, фрукты, грибы.

Повседневное меню дореволюционных крестьян в небогатых областях России было вполне удовлетворительное.

Ели четыре раза в день.

Обычный обед и ужин состояли из трех блюд.

Блюдо первое: Овощной борщ или картофельный суп, хорошо заправленные салом или обильно помасленные маслом (подсолнечным или конопляным).

Второе: картофель — пюре (толченка с яичками) или рубленый картофель, хорошо помасленный. Или каша — гречневая или пшеная — с маслом: конопляным, подсолнечным или коровьим.

Третье: молочное блюдо: каша, картофель или хлеб — с молоком.

Так питались крестьяне в небогатых областях России: в средней и северной России, в Белоруссии.

А в богатых областях России — на Украине, на Кубани, на Дону, на Поволжье, в Сибири — питание крестьян было гораздо лучше. Пища была хорошая, обильная. Исследователь так характеризует питание в этих областях: «До революции ... молоко, сметана, сало, яйца, куры — были самой обычной, ежедневной пищей крестьянства этих богатых райнов ... Население этих районов ело только белый пшеничный хлеб ... Подсолнечное масло раньше расходовалось пудами и считалось чрезвычайно дешевым продуктом; ... цена на него была 20-25 копеек килограмм».[108])

Мяса в этих богатых животноводческих областях было так много, что крестьяне ели его достаточно и продавали немало. Н. Крупская в своих «Воспоминаниях о Ленине» писала о том, как они вдвоем с мужем жили на квартире у сибирского крестьянина, когда Ленин отбывал «ссылку» в Сибири. Восемь рублей (в золоте), которые Ленин получал от царского правительства ежемесячно как «пособие» на свое содержание, он платил крестьянину за квартиру со столом. Крестьянин-домохозяин кормил за эту плату двух человек, Ленина с женой, «как на убой», по выражению Крупской. И мясом кормил их вдоволь. Зарезав барана, крестьянин передавал всю тушу своим квартирантам в полное распоряжение. А когда они съедали все мясо, хозяин резал для них другого барана ...[109])

---

[108]) В. Мерцалов — Трагедия российского крестьянства, стр. 86.
[109]) Н. Крупская — «Воспоминания о Ленине».

Таково было повседневное питание в деревнях богатых областей России.

Праздничное питание крестьян во всей России было богатым и обильным.

Обследователи села Вирятино, Тамбовской области, пишут о том, как земледельцы справляли там праздники до революции: «В любой церковный или семейный праздник готовили блюда: щи с мясом, ... вареное мясо (говядину, баранину, реже курятину), студень, рыбу, блинчики, оладьи».[110])

Крестьяне в дореволюционной деревне, кроме воскресений, справляли много других праздников. «Годовой праздник справлялся не менее двух дней, святки — почти две недели и не менее одной недели — Пасха, — пишут обследователи села Вирятино. — В семейном быту праздники занимали существенное место».[111])

В дореволюционной деревне крестьяне праздновали, кроме 52 воскресных дней, еще не мене полсотни других праздников: 12 дней — «двунадесятые» праздники; престольные в своей и соседних деревнях — около 6 дней; Пасха — 7 дней; святки — 14 дней; масленица — 7 дней; семейные праздники — крестины, сватанье, свадьбы, похороны и т. п. — не менее 10 дней на семью и другие семейно-бытовые праздники.

В итоге в дореволюционной деревне крестьяне имели сотню праздников в году. Праздником был каждый третий день. А в эти дни люди не работали и очень обильно питались, гораздо лучше, чем в обычные дни.

Подытожим факты. В небогатых областях дореволюционной России крестьяне питались в будни вполне удовлетворительно, а в праздники — хорошо. В богатых областях крестьяне в будни питались хорошо, а в праздники обильно, прекрасно.

Но большинство земледельцев в Советском Союзе после коллективизации питается плохо или очень плохо. Колхозники живут впроголодь и даже умирают от голода и истощения.

Писатель В. Тарсис, бывший коммунист с многолетним стажем, проживший в СССР полустолетие — от 1917 до 1966 года, охарактеризовал питание колхозников, как «вечное недоедание» ...

---

[110]) «Село Вирятино в настоящем и прошлом».
[111]) Там же.

Государственные крепостные, колхозники, питаются хуже, чем питались крепостные частновладельческие в эпоху помещичьего крепостного права, столетия тому назад. У тех и других картофель и овощи составляли главную пищу. Но большинство помещичьих крепостных, кроме того, имело в достатке хлеб, молоко и растительное масло. А большинство колхозников даже этих продуктов не может потреблять достаточно.

Многие журналисты и советологи утверждают, что крестьяне в пореформенной России, от 1861 до 1917 года, питались так же плохо, как современные колхозники. Но материалы моей книги и воспоминания людей, наблюдавших пореформенную деревню, свидетельствуют о том, что такие утверждения не соответствуют действительности.

Некоторые журналисты-социалисты договаривались до еще более парадоксальных утверждений. «Много было людей (в России, в пореформенной дореволюционной деревне — Т. Ч.), никогда не евших борща, салом заправленного, но иногда месяцами, до «урожая», евших хлеб с лебедой, — так было написано в одной статье. — Лебеда вообще часто примешивалась к черному хлебу, чтобы «дожить» до нового хлебца».[112])

Такая характеристика питания крестьян в пореформенной деревне полностью противоречит действительности. Эта характеристика является следствием неведения или пристрастно-недоброжелательного отношения революционно-социалистических политиков к дореволюционной России.

---

[112]) «Новое русское слово» от 10 марта 1957 г., Нью-Йорк.

Часть третья

КОЛХОЗНАЯ ДЕРЕВНЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Социологические очерки

1. РАЙ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОММУНАХ

Мечты и пророчества Н. Г. Чернышевского

В 1863 году, в тюрьме, писатель-социалист Н. Г. Чернышевский написал пропагандный роман «Что делать?» Этот роман теперь включен в школьную программу и изучается в советской средней школе на уроках русской литературы.

В романе социалистический строй, земледельческие коммуны будущего описаны в виде картин сновидения.

Коммунары живут в больших, роскошных дворцах, окруженных садами и полями, в средней России, на Оке.

Картину изобилия плодов земных в коммуне роман изображает так:

«Нивы это наши хлеба, только не такие, как у нас, **а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Кто же видел такие зерна? Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами.** Поля это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсинные деревья, персики и абрикосы, — как же они растут на открытом воздухе? О, да это колонны вокруг них, это они открыты на лето» . . .

Легкую работу на машинах, радостную работу коммунаров, всегда с песнями, — Чернышевский живописует:

«По этим нивам рассеяны группы людей; везде мужчины и женщины, старики, молодые и дети вместе. Но больше молодых; стариков мало, старух еще меньше, детей больше, чем стариков, но все-таки не очень много . . . **Стариков и старух очень мало потому, что очень поздно становятся ими, здесь здоровая и спокойная жизнь, — она сохраняет свежесть».**

«Группы, работающие на нивах, почти все поют».

«Но какой работой они заняты? Ах, это они убирают хлеб. Как быстро у них идет работа! Но еще бы не итти ей быстро, и еще бы не петь им! **Почти все делают за них машины** — и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их, — люди почти только ходят, ездят, управляют машинами. И как они удобно устроили себе; день зноен, но им, конечно, ничего: над тою частью нивы, где они работают, раскинут огромный полог; как подвигается работа, подвигается и он, — как они устроили себе прохладу! Еще бы им не быстро и не весело работать, еще бы им не петь!..

«И всё песни, всё песни, — незнакомые, новые. А вот припомнили и нашу; знаю ее:

«Будем жить с тобой по-пански;
Эти люди — нам друзья,
Что душе твоей угодно,
Все добуду с ними я»...

Автор романа дальше описывает обильное питание коммунаров:

«Но вот работа кончена, все идут к зданию... Они входят в самый большой из огромных зал. Половина его занята столами, — столы уже накрыты, — сколько их! **Сколько же тут будет обедающих? Да человек тысяча или больше.** «Здесь не все; кому угодно, обедают особо, у себя». Те старухи, старики, дети, которые не выходили в поле, приготовили все это. «Готовить кушанье, заниматься хозяйством, прибирать в комнатах — это слишком легкая работа для других рук, — говорит старшая сестра, — ею следует заниматься тем, кто еще не может или уже не может делать ничего другого».

«Великолепная сервировка. Все алюминий и хрусталь; по средней полосе широких столов расставлены вазы с цветами; блюда уже на столе, вошли работающие, все садятся за обед, и они и готовившие обед. «А кто же будет прислуживать?» — «Когда? Во время обеда? Зачем? Ведь **всего пять-шесть блюд; те,** которые должны быть горячие, поставлены на таких местах, что не остынут; видишь, в углублениях — это ящики с кипятком, — говорит старшая сестра. — Ты хорошо живешь, ты любишь хороший стол, часто у тебя бывает такой обед?» — «Несколько раз в год». — «У них это обыкновенный; **кому угодно, тот имеет лучшее, какой угодно, но тогда особенный расчет; а кто не**

требует себе особенного против того, что делается для всех, с тем нет никакого расчета. И всё так: то, что могут по средствам своей компании все, за то нет расчета; за каждую особую вещь или прихоть — расчет».

Как одеваются и проводят вечера земледельцы-коммунары, — об этом Чернышевский тоже рассказывает.

«Они входят в дом. Громаднейший великолепный зал. Вечер в полном своем просторе и веселье... Как ярко освещен зал... электрическое освещение. В зале около тысячи человек, в ней могло бы свободно быть втрое больше. «И бывает, когда приезжают гости, — говорит светлая красавица, — бывает и больше». — **«Так что ж это? Разве не бал? Это разве простой будничный вечер?» — «Конечно». — «А по-нынешнему это был бы придворный бал, так роскошна одежда женщин...** Самые разнообразные костюмы, разных восточных и южных покроев, все они грациозны; но преобладает костюм, похожий на тот, какой носили гречанки в изящнейшее время Афин, — очень легкий и свободный. И на мужчинах тоже широкое, длинное платье без талии, что-то вроде мантий; видно, что это обыкновенный домашний костюм их, как это платье скромно и прекрасно! Как мягко и изящно обрисовывает оно формы, как возвышает оно грациозность движений!

«И какой оркестр, более ста артистов и артисток, но особенно какой хор!» — »Да у вас в целой Европе не было десяти таких голосов, каких ты в одном этом зале найдешь целую сотню, и в каждом другом столько же: образ жизни не тот, очень здоровый и вместе изящный, поэтому и грудь лучше и голос лучше», — говорит светлая царица».

После необременительной работы коммунары проводят время в самых разнообразных развлечениях: играют, поют, танцуют; посещают музеи, читальни, театры; проводят время с друзьями. Все коммунары много времени посвящают любви, «науке страсти нежной».

Коммунары много путешествуют. Зимой они живут в теплых краях, а весной возвращаются в родные коммуны. Люди здоровы физически и душевно, моложавы, красивы, отличаются долголетием.

Коммунары всем обеспечены, свободны, беззаботны и счастливы. Роман говорит об этом так: **«Все они — счастливые красавцы и красавицы, ведущие вольную жизнь труда и наслаждения — счастливцы, счастливцы!» «... Здесь всякое счастье, кому какое надобно. Здесь все живут, как лучше кому жить, здесь всем и каждому — полная воля, вольная воля».**

Земледельческую коммуну в социалистическом государстве Чернышевский изобразил в своем романе, как «земной рай», а коммунаров — как счастливых обитателей этого рая.

***

С тех пор, как Чернышевский написал роман-утопию, прошло более столетия.

Его идею о коллективных земледельческих хозяйствах стало осуществлять в России советское, коммунистическое правительство сразу же после Октябрьской революции 1917 года. За первое десятилетие после Октября, за 1918-1928 годы, было организовано мало таких хозяйств: менее двух процентов всех крестьянских дворов.

Но потом, когда власть стала проводить коллективизацию насильственно, начиная с 1929 года, все крестьяне поголовно были принудительно объединены в коллективные хозяйства — колхозы. С тех пор прошло уже около 40 лет.

Как же работают и живут земледельцы в современных колхозах: так ли, как об этом мечтал и пророчествовал Чернышевский, или по-иному?

Ознакомимся с книгами на эту тему современных писателей, которые видели колхозы и жизнь земледельцев не в мечтах и сновидениях, а наяву, в суровой действительности.

2. БЕЛОРУССКАЯ КОЛХОЗНАЯ ДЕРЕВНЯ

Повесть А. Кулаковского — «Доброселыцы»

Характеристика повести

В ежемесячном журнале для молодежи, органе Центрального комитета Комсомола и Союза писателей Белоруссии («Юность», № 5 за 1958 год), была напечатана на белорусском языке повесть о колхозной деревне писателя-коммуниста Алексея Кулаковского — «Доброселыцы». Руководителям Коммунистической партии произведение очень не понравилось, было объявлено «клеветническим». Автор был снят с поста редактора журнала, секретаря Союза советских писателей Белоруссии и был подвергнут заушательской «проработке».

В повести описана жизнь колхозников в одной белорусской деревне: сельских руководителей и рядовых колхозников. Автор назвал свое произведение повестью. Но по существу это очерки: писатель фотографически изобразил те факты, какие он наблюдал в деревне и о которых ему рассказывали колхозники. В предисловии «От автора» Кулаковский говорит, что **он описал в книге только факты.**

Причем, при отборе фактов и персонажей для книти, при описании их автор совсем не стремился к тому, чтобы «очернить», «оклеветать» советскую власть, колхозную систему. Наоборот. Писатель-коммунист старался обелить, осветлить, подкрасить колхозную действительность: сфотографировать меньше отрицательных фактов и больше положительных; описать меньше плохих руководителей и больше хороших.

Так, например, автор описывает в своей книге все то положительное, что он видел в колхозных деревнях.

Он начинает повесть с описания того, что в деревне Доброселыцы машинно-тракторная станция осуществила исключительно редкост-

ное мероприятие: провела электрическое освещение в каждую колхозную избу в деревне Доброселъцы. В хате колхозницы «... горит электрическая лампочка... Заплати в МТС (машинно-тракторную станцию) пять рублей в месяц и жги сколько хочешь... Когда... старый Митрофан провел в избу лампочку и внес первую плату, он даже спал при свете».

В повести рассказано: в соседней деревне работает школа-десятилетка. Там происходят не только учебные занятия, но и устраиваются спектакли для населения.

На терретории сельсовета, которая охватывает четыре колхоза, работают еще такие учреждения: молочный пункт, кооператив, медицинский пункт.

В избах проведено радио: громкоговорители от трансляционной сети. Колхозники встают утром и ложатся спать в полночь, слушая гимн Советского Союза. В хатах есть будильники: чтобы на работу люди могли выходить, не опаздывая.

Из рядовых колхозников автор описывает два отрицательных типа: пьяницу-вора и хитрую сожительницу колхозного председателя. Но писатель противопоставляет им больше положительных типов, усердных тружеников-колхозников: свинарку, конюха, молоковоза, молодого колхозника-орденоносца, заслуженного героя войны.

Из местных начальников-коммунистов автор описывает три темных типа: председателей сельсовета, колхоза, а также финансового агента («финагента»).

Но в положительном свете в повести изображено больше коммунистов: секретарь местной партийной организации, директор школы; руководительница молочной фермы, девушка-колхозница Даша, «идеалистка-коммунистка», ведущая активную борьбу с непорядками в деревне; ее брат, агроном; инструктор райисполкома.

В конце концов группа «идейных коммунистов», изображенная в повести, одерживает верх над отрицательными типами, снимает их с постов, а председателя сельсовета даже исключает из партии. На место изгнанных начальников местная партийная организация, с предварительного согласия райкома и райисполкома, при единодушном одобрении всех колхозников, выдвигает местных «коммунистов-идеалистов»: колхозницу Дашу — председателем сельсовета, а ее брата, агронома из министерства, председателем колхоза. Таким образом,

«коммунистическая добродетель» на страницах повести восторжествовала.

Ряд фактов из жизни колхозников автор тоже освещает совершенно в духе правоверной коммунистической пропаганды. Писатель говорит, что местную церковь закрыла не коммунистическая власть, а будто бы «прихожане закрыли»... Мельком упоминая о местных людях, «пропавших без вести», автор пишет, что некоторые из них, наверное, еще живы, но с чужбины «их не пускают на родину, и они не могут оттуда подать голоса»... Так повесть изображает вопрос об эмигрантах...

Что касается неприятных для советской власти фактов в колхозной деревне, то автор повести о многих из них совсем ничего не говорит. Так, например, упомянув вскользь о коллективизации деревни в 1930 году, писатель ни одного слова не сказал о повторной коллективизации, которую белорусские деревни переживали в 1945 году, после оккупации (под немецкой оккупацией колхозы Белоруссии были распущены).

Многократно касаясь вопроса об уплате налогов колхозниками и об описях имущества неплательщиков, автор нигде не указал размер этого денежного налога с колхозников.

Там, где автор говорит об отрицательных явлениях в колхозной деревне, он старается говорить о них как можно короче, иногда — одним предложением или даже только одним словом.

Анализ повести показывает, что писатель-коммунист А. Кулаковский не ставил перед собой задачу: написать о колхозной деревне как можно больше плохого и таким образом очернить, оклеветать колхозную систему и сельских коммунистов. Наоборот, он ставил задачу противоположную: показать, что отрицательные факты в жизни колхозной деревни нехарактерны и преходящи, что отрицательные типы коммунистов являются исключением из общего правила, а большинство коммунистов это — «коммунисты-идеалисты», хорошие работники и люди. В борьбе хороших коммунистов с плохими победа остается за идеалистами.

Недостатки в советской деревне, по мнению автора, зависят не от колхозной системы хозяйства, не от советской власти и коммунистической партии, а только от двух причин, о которых он многократно говорит на страницах повести: во-первых, от плохих индивидуальных качеств местных советско-колхозных руководителей; во-вторых, от

уступчивости, которую часто проявляют идейные коммунисты и рядовые колхозники в борьбе с недостатками в общественной жизни и плохими руководителями.

Как только «идеальные коммунисты» и хорошие колхозники станут активнее и организованнее бороться против плохих начальников, эти негодные начальники будут заменены хорошими, «люди станут на ноги», деревня из колхозного ада превратится в «колхозный рай» . . .

В конце повести автор нарисовал символическую картину наступающей в селе «оттепели» и грядущего «колхозного возрождения».

Колхозники, веселые и торжествующие, шумной толпой возвращаются по домам с собрания, на котором был снят с поста негодный председатель колхоза. Этот отрицательный тип был заменен «коммунистом-идеалистом» Михаилом, агрономом, оставившим свою службу в министерстве и приехавшим в свою родную деревню перестраивать разоренный колхоз, «поднимать колхозников на ноги». Крестьяне радуются, что наконец-то от них убрали прежних начальников, которых они иронически называли «князьками» и ругали «собаками». Теперь руководителями поставлены честные и хорошие работники. Люди шутят над тем, что два новых начальника — председатель сельсовета Даша и председатель колхоза агроном Михаил, брат и сестра, — живут в одной избе.

А бывший председатель сельсовета, Мокрут, который хотел Дашу «в порошок стереть», сразу же осознал свои «грехи», «покаялся» перед ней . . . Теперь он сидит на завалинке в своем дворе, под первой предвесенней капелью, и слышит, как зовет его бабка-повитуха к новорожденному сыну в избу . . .

Так автор повести закончил ее идиллической картиной совершенно в духе «социалистического реализма»: «колхозная оттепель», «возрождение советской деревни», «перерождение» раскаявшегося коммуниста . . .

Но удалось ли автору выполнить поставленную им задачу: написать книгу в защиту колхозной системы и коммунистической власти?

Описывая жизнь одной колхозной деревни, да еще по личным живым наблюдениям и впечатлениям (это при чтении книги чувствуется), автор повести сфотографировал немало фактов из жизни колхозников. Выберем эти рассыпанные в книге факты, системати-

зируем, проанализируем их и установим общую картину жизни белорусской колхозной деревни в послесталинский период, в 1957 году, т. е. тогда, когда ее наблюдал и описывал автор.

Сельсовет

Кроме колхозного начальства, которое управляет хозяйством, в деревне есть административный орган местной власти — сельсовет. Под управлением описанного в повести сельсовета — Красномаковского — находятся четыре колхозных деревни (одна из них подробно описана в повести «Доброселъцы») и несколько примыкающих к ним поселков, со всеми теми предприятиями и учреждениями, которые находятся на территории сельсовета (молочным пунктом, кооперативом, школой и медицинским пунктом).

Председателем сельсовета является колхозник, житель села Доброселъцы, кандидат партии Леонтий Мокрут. Власть он расценивает прежде всего, как «хлебную должность», «кормление». Смотря на печать сельсовета, он произносит восторженный гимн в ее честь: «Печаточка ты моя . . . Что бы я делал без тебя? Кормишь ты меня теперь и поишь . . . Будешь кормить, поить и одевать! Она у меня волшебница, все сама умеет и все может. И никому другому она в руки не попадет, пока я сам ее не отдам».

Начальственный пост не только «кормит, поит и одевает» председателя и его семью, но он также удовлетворяет ненасытное властолюбие председателя сельсовета.

Еще с подросткового возраста Леонтий Мокрут, единственный сын у матери, своенравный и непослушный, проявлял свой крайний эгоизм, пренебрежение ко всем людям, стремление главенствовать и обижать других. Повесть об этом рассказывает: «Если бы кто-нибудь заявил, что он не первый, Леонтий, наверное, плюнул бы ему в глаза . . . Любил Мокрут, чтобы на него смотрели, и еще больше, чтобы его боялись . . . Любил смотреть на перепуганных и ожидающих какого-либо несчастья людей» . . .

Сам он однажды сказал так: «Жизнь у меня шла только в одну сторону, в свою». Замечал он только тех людей, которые для него были чем-либо полезны: девушку, какая ему понравилась, или человека, ему во всем послушного. Но особенно Мокрут замечал тех, кто

в чем-либо мешал ему. «Замечал я только тех людей, — говорил он, — которые, желая этого или не желая, иногда становились на моей дороге. И я их легко сталкивал с дороги» . . .

В этом «сталкивании с дороги» неугодных ему лиц Леонтий Мокрут был беспощаден. Главное средство, которое применял он для этой цели: клевета, политический донос. Так на одного крестьянина он написал ложный донос о том, что тот будто был когда-то церковным старостой, и районные органы власти сняли этого человека с поста колхозного председателя. По его же доносу другой односельчанин был арестован, сидел в тюрьме, заболел. Не взлюбив секретаря своей партийной организации, директора средней школы, председатель сельсовета Мокрут и о нем намеревается собрать порочащие сведения (не жил ли он на оккупированной трритории?. .) и «убрать с дороги» . . .

Девушке Даше, которая изображена в повести как «коммунистка-идеалистка», отрыто борющаяся с несправедливостями председателя, Мокрут угрожает: «Хочешь жить со мной в мире . . ., так давай будем работать. Если же ты выбрала себе другой путь, то говорю по чистой совести — берегись! В порошок сотру» . . .

Так людей, мешающих ему, председатель сельсовета «сталкивал с дороги» или даже «стирал в порошок». А по отношению ко всем остальным он держался высокомерно, с презрением и любил ругать, «распекать» всех: и колхозников и своих служащих. Он любил производить описи и обыски у колхозников: пугать, «нагонять страх» на людей . . .

В повести нарисована типичная картина повседневной деятельности председателя сельсовета:

«Леонтий Мокрут сидел в старом дубовом кресле с высокой спинкой . . . Это кресло было принесено в сельсовет из поповского дома . . . Против председателя, около стола, опираясь на палочку, стояла сухонькая, маленькая старушка.

— «Так все ясно? — кончая разговор, спросил у бабушки Мокрут и постучал пальцем по краю стола. — Если через два дня не внесешь . . . — и председатель не сказал больше ничего, только стучал пальцем . . .

«Что означал этот стук и какие слова заменял, догадывалась бабушка: она заплакала и еще ниже нагнулась над своей палочкой . . .

— «Из чего же я вносить буду? — сквозь слезы сказала она жалобно.

— «Не знаю, — ответил Мокрут.

— «И если бы хоть было за что, — тянула старушка, — а то ведь за какое-то дуплистое дерево.

— «Мне это все равно, — повторил председатель.

— «... Пускай бы пришли и посмотрели. Три груши стоят. Старые, сучья наполовину засохшие. Еще отец моего покойника, когда молодым был, посадил, принес дичку из лесу...

— Можешь, старуха, идти, — сказал Мокрут.

«Взгляд у него был такой, как будто он оказывал старушке большую услугу. — А деньги все-таки готовь. Вот так»...

Начальственно-грозно и бюрократически-бездушно обращается председатель не только с крестьянами, но и со служащими сельсовета. Средства, отпущенные на содержание уборщицы канцелярии, председатель расходует на содержание лошади, а работу уборщицы возлагает на канцелярских служащих. Он использует их также в качестве своих кучеров и дровоколов. Одного служащего сельсовета, хромого юношу, председатель посылает за несколько километров от канцелярии, в свой дом: колоть там дрова для семьи начальника...

Произвол и деспотизм председателя по отношению к служащим дошел до того, что начальник напоил пьяным своего юного секретаря сельсовета и приказал ему: ночью украсть у вдовы-колхозницы теленка со двора, чтобы организовать для компании пьянствующих начальников, по выражению председателя, «мировую закуску»... Вор был пойман в пути, с теленком, и рассказал о том, кто послал его на это преступное дело. Для юного секретаря сельсовета дело это закончилось трагически: этот «вор поневоле» от тумаков, которыми его попотчевали юноши-колхозники, от долгого лежания на снегу после этих побоев и от сильных моральных переживаний — заболел и умер.

Широкая огласка этого дела среди населения, скандальное положение, в которое была поставлена местная партийная организация, — привели к тому, что сельский председатель был в конце концов исключен из кандидатов партии и снят со своего поста.

Председателю сельсовета, злобному доносчику и грозному начальнику, колхозники дали меткие прозвища: «князек» и «собака».

Его помощник по сельсовету, финагент, в повести обрисован кратко, но очень наглядно. «... Финагент с утра совсем в сельсовете не показывался и появлялся тогда, когда руки его с трудом нащупывали дверную ручку, а ноги еле переступали по лестнице»...

Таковы были сельсоветские начальники в деревне Доброселъцы и в селе Красные Маки, в Белоруссии, в послесталинский период, в период политической «оттепели», коммунистического «либерализма»...

Тирания коммунистических «князьков»

Факты, рассказаные в повести «Доброселъцы, свидетельствуют о том, что колхозниками, государственными крепостными, распоряжаются всецело по своему произволу коммунистические крепостники — начальство сельское и районное.

Колхоз в Доброселъцах был организован вопреки воле крестьян. В период коллективизации мужички отнеслись к ней так враждебно, что изба односельчанина, который только один проголосовал за колхоз, была сожжена... И все же власть «организовала колхоз»...

Во время немецкой оккупации в Белоруссии (в 1941-1944 годах) все колхозы были распущены. А после возвращения советской власти в 1944-1945 годах они были опять восстановлены. Как — об этом автор повести не проронил ни слова. Эта повторная коллективизация была проведена еще более беспощадно, чем первая: террором и голодом. В результате этой послевоенной коллективизации, в 1946-1947 годах в СССР был страшный голод, вызвавший смерть миллионов людей.

Назначение и увольнение колхозных и сельсоветских начальников в деревнях Доброселъцы и Красные Маки происходят не только без согласия и выбора их колхозниками, но часто даже и без их ведома.

Первым колхозным председателем был назначен тот самый крестьянин, который в единственном числе проголосовал за колхоз и за это был жестоко наказан односельчанами. Потом он был снят с должности, по доносу местного коммуниста, на том основании, что будто был когда-то церковным старостой. И это увольнение было произведено без ведома колхозников.

О последнем председателе колхоза в повести рассказано, что он был городской житель, абсолютно ничего не понимал в сельском хозяйстве. В городе он был бригадиром бондарной артели. Как член партии, был назначен колхозным председателем — для «укрепления», без согласия колхозников.

О председателе сельсовета повесть говорит, что все колхозники, живущие на территории сельсовета, были настроены против него. Но, несмотря на это, именно он был много лет председателем сельсовета по приказу райкома партии.

Колхозники не имеют никаких политических прав, в том числе и права выбирать своих начальников или устанавливать форму хозяйства. Поэтому они всячески избегают посещать собрания, на которых должны только послушно голосовать за то, что им приказывает власть. «На собрания (колхозников) за уши не притащишь», — так определил председатель сельсовета бойкот собраний крестьянами.

Окрыто возражать начальству или критиковать его действия — на это беспартийные колхозники не решаются. Этому «научены» террором, который царил в сталинский период и продолжается в хрущевский.

Так, например, председатель Мокрут в период «послесталинского либерализма» на заседаниях сельсовета предлагает на голосование проект резолюции в такой издевательски-запугивающей форме: «Кто **против** постановления райкома партии и райисполкома?..»

Чтобы запугать колхозницу, у которой секретарь сельсовета украл теленка, и заставить ее молчать об этом скандальном деле, — председатель приходит к ней в избу с милиционером, кричит на нее, что она будто бы гонит самогонку, и начинает производить обыск... Эта колхозница боится председателя. Она уже имеет страшный опыт. Ее муж, по доносу этого Мокрута, был арестован, сидел в тюрьме, заболел там. А сама она со своим сыном-школьником чуть не погибла, в связи с этим делом: ночью, возвращаясь из городской больницы после посещения мужа, она в поле была застигнута метелью и натолкнулась на волчью стаю...

И другие колхозники боятся сельсоветского и колхозного начальства: говорят о беспорядках только с близкими приятелями, шопотом и намеками.

Своих начальников колхозники так не любят, что стараются не встречаться с ними, не попадаться на глаза.

Опыт прямой и открытой борьбы против плохих начальников и вредных порядков надломил уже некоторых идеалистов, описанных в книге «Доброселъцы». Инструктор райисполкома идеалист Павел Павлович рассказал о своем опыте: «Надо всегда чувствовать, что ты человек и сохранять мир в душе. Я давно так живу. В молодости я был иным... Еще пять лет тому назад у меня была совсем другая натура... Увижу, бывало, где-нибудь беспорядок, жить не могу, пока не вмешаюсь. Был я когда-то председателем райисполкома и в области работал. А теперь вот только записную книжку с собою ношу. Если уже слишком припечет, — выну, запишу»...

Повесть заканчивается победой «коммунистов-идеалистов». Председатель сельсовета, «князек» и «собака» Мокрут снят со своего поста и местной организацией исключен из партии, а председателем избрана «коммунистка-идеалистка» Даша. Колхозный председатель Шулай тоже снят с поста и на его место назначен «коммунист-идеалист», брат Даши, агроном, покинувший службу в министерстве и приехавший на работу в колхоз, в свою деревню.

Но у читателей повести, особенно у тех, кто сам знает колхозные и советские порядки, возникает сомнение в прочности этой победы. Что существенного могут сделать два «коммуниста-идеалиста» при советско-колхозной антинародной системе и при тех обстоятельствах, что и в коммунистической партии и в советском государстве господствуют и руководят не идеалисты, а «князьки»-крепостники, тираны Мокруты, с их грозным, чудовищным девизом: **«Всех, кто сознательно или даже несознательно становится на нашем пути, — в порошок сотрем!..»**

Публикация повести «Доброселъцы» подтвердила эти опасения читателей-реалистов. Автор, осмелившийся сказать только часть правды о колхозном аде, сбит с ног столичными Мокрутами, а при дальнейшем сопротивлении будет «стерт в порошок».

Это обстоятельство, что в коммунистическом государстве диктаторствуют Мокруты — от глухой деревни до «столицы мирового коммунизма» — хорошо понимают колхозники. Поэтому они не жалуются на своих сельских тиранов ни в район, ни в область, ни в столицу: делу это не поможет, а лишний синяк на лице прибавится. Такие порядки были при Сталине. Такими они остались и при его «либеральных» наследниках.

Школа

В селе Красные Маки, в котором находится сельсовет, работает средняя школа, десятилетка. В ней устраиваются спектакли. Из-за недостатка помещений (классов), школа работает в две смены. Электрического освещения в ней нет. Вечерние занятия происходят при тусклом освещении керосиновых ламп.

В селе Доброселъцы, при котором расположена машинно-тракторная станция, электричество проведено во все крестьянские избы, а у председателя сельсовета освещен даже хлев. Но в соседнем селе (Красные Маки), которое находится на расстоянии нескольких километров от машинно-тракторной станции, электричество даже в школу не проведено. Об этом не заботятся ни председатель сельсовета, ни директор машинно-тракторной станции.

Заведующий школой давно добивается электрического освещения, часто ходит к директору МТС и упрашивает его, но безрезультатно. Служащему сельсовета он жалуется на пренебрежительное отношение местного начальства к школе: «Обещали свет провести в школу, так уж который раз хожу... У меня в школе света нет, зимой ученики и учителя слепнут и страдают при керосиновых лампах, а, вишь, у директора МТС электрические кнопки на столе» ...

Кроме тесного школьного помещения и плохого освещения, есть и еще тяжкая беда у местных учителей. Заключается она в том, что сельсовет, с одобрения райкома партии и райисполкома, привлекает их в обязательном порядке для сбора налогов в деревнях. Эта «общественная работа» для учителей очень тяжела и неприятна, потому что она ставит их в конфликтные, враждебные отношения с родителями и учениками и подрывает их авторитет среди населения.

Вопросы быта

Повесть «Доброселъцы» свидетельствует о том, что огромное большинство взрослых в колхозе — это женщины. Так было еще до войны. А после войны эта особенность колхозной деревни проявляется еще ярче. «Колхозы — бабье царство» — говорят в деревне.

Многие колхозники живут одиноко, не вступая в брак. Женщины вынуждены жить вне замужества: в колхозе очень мало мужчин.

Некоторые мужчины, упоминавшиеся в повести, тоже одинокие. В повести никакого объяснения этому не дано. Но наблюдения авторов других книг и статей о колхозах говорят о таких причинах, препятствующих брачной жизни колхозников (кроме несоответствия между числом женщин и мужчин в колхозах).

Во-первых, крайняя бедность колхозников и трудность содержания детей.

Во-вторых, соображение о том, что при женитьбе и замужестве супругам будет оставлен только один усадебный участок, а без женитьбы они пользуются двумя усадьбами.

В-третьих, оформлению браков мешает также советский закон о выплате детям пособия. Этот закон гласит, что пособие на содержание малолетних детей от государства получают только «матери-одиночки», а состоящие в браке родители этого пособия не получают, и что отцы не платят алиментов своим детям, рожденным вне брака.

Эти обстоятельства — громадное преобладание женщин в колхозе и советские законы о пособиях для детей — очень поощряют распущенность деревенского начальства. Этот закон создан в угоду сословию «новых помещиков».

Одни деревенские начальники покупают «любовь», оплачивая свои утехи за счет колхоза. Так, например, колхозный председатель, оставив свою семью в городе, имеет в деревне приятельниц-молодух, которым всячески благоприятствует, не жалея артельных средств. Он снабжает своих приятельниц пшеницей с такой щедростью, что им хватает зерна не только для себя, но и на продажу. Начальник дает этим молодухам лошадей для поездок: в лес за дровами, в город и т. д. Он столуется у своих приятельниц, снабжая их продуктами из склада, и освобождает от барщины.

А председатель сельсовета, властолюбец по своему характеру, действует и в романтической области не подкупом, а шантажем, принуждением, властью. Женатый человек, он пристает со своими любовными домогательствами к юной колхозной девушке, которая имеет жениха-курсанта. При первом же объяснении по этому вопросу начальник прямо заявляет ей, что он имеет средства для того, чтобы заставить ее «стать ласковой» . . . В повести это «объяснение в любви» председателя сельсовета с девушкой изложено так: «Мне не трудно было бы заставить тебя стать более ласковой. В моих руках разные

средства. Но я не хочу быть для тебя плохим... Я все для тебя сделаю! Все! Понимаешь?»

Руководитель «советской власти на селе» говорит девушке, что он выдвинул ее делегаткой в сельсовет только для того, чтобы можно было «чаще встречаться с нею»...

Доходы и налоги

Официально широко рекламируется, что колхозники получают за свою работу доход из трех источников: во-первых, от колхоза — натуральная плата за трудодни (продукты); во-вторых, от государства: денежная плата за сданные колхозом продукты и скот; в-третьих, от личного хозяйства колхозника: от усадебного участка, от личного скота (корова, поросенок, птица).

Но в своей повести о колхозной деревне автор-коммунист ни единым словом не упомянул о доходах земледельцев из колхоза и от государства. Можно предположить с уверенностью, что автор умолчал об этом не по забывчивости и не из желания «очернить» колхозную систему, а потому, что колхозники в описанных деревнях за свою работу никакой платы не получают. Колхозные продукты были сданы государству, а остальные были съедены сельским и районным начальством, их семьями и «близкими», и растранжирены на «крепкую выпивку с мировой закуской».

Что касается денежной оплаты за сданные государству продукты, то, во-первых, она очень низка (раз в двадцать ниже цен в государственных магазинах); а, во-вторых, она идет «на нужды колхоза» (в том числе, такие, как строительство дома колхозного председателя и т. п.). А колхозники деревни Доброселъцы не получили за свою работу денег ни от колхоза, ни от государства.

Факты из повести подтверждают это предположение. Старушка-колхозница говорит, что уплатить налоги она не может потому, что нечем платить. Сам председатель совета прекрасно это знает: он говорит своим сослуживцам откровенно, что у неплательщиков налога «нет ни копейки за душой».

Из повести видно, что хлеборобы не получили от колхоза не только денег, но и никаких продуктов. Весь год они работали бесплатно.

Но абсолютно ничего не получая за выполняемую ими государственную барщину, колхозники еще вынуждены платить государству налоги.

Во-первых, колхозники, имеющие коров, платят советскому государству молочный налог с коровы: около 200 литров молока в год по самой мизерной цене («молокозаготовки»).

Во-вторых, все колхозники платят государству налоги за усадебный участок, находящийся в их пользовании. Налоги за усадебный участок установлены и денежный и натуральный.

Натуральные налоги колхозников многообразны: мясной (до войны он составлял 2 пуда в год), яичный (150 яиц в год), картофельный.

О сборе натуральных налогов автор повести ничего не говорит. Вероятно, потому, что эти налоги собираются летом и осенью и к зимнему периоду, который описывается в повести, они уже собраны.

Что касается денежного налога, то до войны он выражался в сумме 600 рублей на двор, на усадьбу. После войны он, по всей вероятности, увеличился. О сборе этого денежного налога в повести «Добросельцы» говорится многократно. Судя по этой повести, сбор денежного налога в белорусских колхозных деревнях проходит с большими затруднениями и составляет главную задачу местного сельсовета. В штате сельсовета теперь есть специальная штатная должность сборщика налогов: финансовый агент (финагент). Финагент ежедневно и неутомимо ходит по всем дворам в сельсовете и беспощадно «выколачивает» налоги. Ходит он не один: почти всегда его сопровождает секретарь сельсовета, а часто — и милиционер, в форме и с оружием.

К сбору налогов привлекаются не только все служащие сельских органов власти, но и все делегаты сельсовета — из всех деревень и поселков, расположенных на его территории. Повесть рассказывает, как председатель сельсовета «отчитывает» за налог девушку-колхозницу, депутата сельсовета: «Ты сколько денег собрала на этой неделе? Что мне за тебя ходить по избам?..» На возражение, что «для этого финагент приставлен», председатель объявляет ей: «А для чего ты здесь? Для чего?.. Мы тебя для этого и поставили, чтобы ты помогала сельсовету» ...

Сбор денежного налога с нищих колхозников представляет такое трудное дело, что с ним не может справиться ни финагент, ни весь аппарат сельсовета, ни даже все депутаты. Тогда к этому делу при-

влекают учителей местных школ. Председатель уже приготовил проект резолюции по этому вопросу для заседания сельсовета: «Обязать всех делегатов сельсовета и учителей активно включиться в срочный сбор платежей по всей территории сельсовета».

Таким образом, сбором денежного налога на территории Красномаковского сельсовета — в четырех деревнях, имеющих приблизительно 400 дворов, — занимаются: 5 работников государственного аппарата, около 20 делегатов сельсовета и около 15 учителей десятилетки и других школ, — итого около 40 человек. **В советских деревнях — один сборщик налогов на 10 колхозных дворов!..**

После того, как многократное посещение бедных колхозников не дает никаких результатов, и они в сотый раз повторяют, что им «платить нечем», — неплательщиков приводят пред грозные очи председателя. В канцелярии сельсовета тогда разыгрывается сцена, подобная той, которая изображена выше.

Если же и после вызова к председателю налог не выплачивается, тогда следует опись имущества и продажа его для уплаты налога. Продаже подлежит все, что только найдет нужным продать местное начальство: скотина, одежда, обувь, ведро, последний чугунок или топор. Продажа происходит за бесценок: само «начальство» может почти даром «купить» эти вещи неплательщика.

Немудрено, что колхозники боятся описи и распродажи своих последних вещей, без которых они жить не могут. А сельсоветское начальство вымогает от неплательщиков взятку, «угощение» за то, что оно отложит опись на некоторое время. Этим и занимаются сельсоветские начальники: берут взятки и занимаются шантажем.

Итак, земледельцы работают в колхозе на советское правительство бесплатно. Но, ничего не получая за свою работу, они еще вынуждены платить государству огромные налоги — натуральные и денежные — за крошечный усадебный участок, который до войны занимал в Белоруссии 0,25 гектара, а после войны был сокращен в среднем до 0,12 гектара. И с этого крошечного усадебного участка колхозники должны кормить семью, свой скот (корову, летом — теленка и поросенка), да еще выплачивать правительственные налоги.

Колхозники надрываются под тяжестью этого непосильного бремени, взваленного на них коммунистическим Государством-Драконом.

Питание и здоровье колхозников

Что рассказывает повесть о питании колхозников? Питаются земледельцы, главным образом, картофелем и овощами.

Хлеба у рядовых колхозников, живущих на территории Красномаковского сельсовета и описанных в повести, нет. Нет у земледельцев также и масла: коноплю сеять негде — усадебный участок мал; коровьего масла делать не из чего: после выплаты налога молока остается очень мало.

У скотоводов нет сала: из-за отсутствия хлеба и недостатка картофеля они не могут откармливать своего поросенка на сало и вынуждены продавать его на налог неоткормленного.

Хлеб и сало есть только у сельсоветского и колхозного начальства, начиная с бригадира.

Сельский начальник вспоминает, что когда он стал бригадиром, то у него появились в достатке те продукты, которых не было у других колхозников: хлеб и сало. Хлеб он имел в избытке: столько, что мог даже сшить новые сапоги за этот дорогой продукт.

При машинно-тракторной станции, расположенной в селе Добросельцы, есть хлебный ларек. Но хлеб там продают только рабочим и служащим МТС и служащим сельсовета. И только в исключительных случаях, когда рабочие и служащие МТС бывают в отъезде, остатки хлеба продают подвернувшимся колхозникам. Так однажды в этом ларьке свинарке удалось купить полкилограмма хлеба, и это было важным событием в ее жизни...

Колхозники деревень и поселков, описанных в повести, не имеют хлеба потому, что они ничего не получают от колхоза за свои трудодни. В повести об этом прямо нигде не сказано. Но это заключение можно сделать из описаных фактов.

Свинарка-колхозница, одинокая женщина, в декабре месяце, т. е. через месяц после того, как обычно раздается зерно на трудодни, в те годы, когда эта раздача происходит, — уже не имеет хлеба. Следовательно, она никакой натуроплаты за свои трудодни не получила. Если бы колхозница получила хлеб на трудодни, хотя бы в самом мизерном количестве, по 100 граммов на трудодень, то этот хлеб она не поела бы за один месяц.

Из рядовых колхозников, описанных в повести, только одна молодуха «Кадрилиха» имеет достаточно хлеба. При содействии своего

приятеля и покровителя, председателя колхоза, она летом, во время уборки урожая, наворовала много колхозной пшеницы около комбайна. А остальные колхозники хлеба не имеют.

Немудрено, что крестьяне, работающие тяжело и питающиеся впроголодь, только картофелем и овощами, — своим здоровьем похвалиться не могут. Об одном юноше в повести сказано, что «в детстве он не отличался хорошим здоровьем» и во время призыва в армию был забракован. Другой юноша был «такой худой и бледный, как будто только что выписался из больницы».

Что касается местных начальников — сельсоветских и колхозных, то повесть характеризует их совсем по-другому. Председатель сельсовета имеет «круглое, расплывшееся лицо». Колхозный председатель «морду наел — даже смеяться уже не может, щеки не позволяют» ...

Совершенно по-разному питаются колхозники и их начальство. Рядовые труженики питаются картофелем, овощами и не имеют ни хлеба, ни масла, ни сала. У колхозного начальства вдоволь и хлеба, и сала, и молока, и мяса; оно имеет обильную выпивку и «мировую закуску».

Поэтому колхозники худы и истощены, а начальники — упитанные, разжиревшие. Недаром колхозники часто называют их «кабанами». Или говорят еще более зло: «Рожа кирпича просит» ...

Работа колхозников на ферме

В повести описан только зимний период. Следовательно, о главных видах работ — о полевых, огородных, садовых, луговых, пастбищных, — автор ничего не говорит. В повести кратко рассказано только о зимних работах скотоводческих бригад: свинарок, доярок, конюхов.

Рабочий день колхозников очень долгий. Летом он продолжается от восхода до захода солнца и занимает от 12 до 18 часов. А зимой он измеряется не по солнышку, а по часам, и начинается у свинарок и доярок задолго до рассвета и кончается в темноте, вечером. Об одном конюхе сказано, что он идет на дежурство в конюшню в полночь. Из этого можно заключить, что рабочий день колхозников зимой продолжается, вероятно, 12 часов.

О работе на скотной ферме повесть рассказывает, что колхозницы откапывают из снега, в яме, корм (силос, картофель), согревают корм

и воду в паровом котле на кормокухне, приготовляют корм и воду, разносят животным, кормят и поят их, вычищают навоз.

Работы эти очень тяжелы для женщин-колхозниц, плохо питающихся и истощенных. В повести многократно упоминается о том, что колхозницы на работе зимой «потеют», чувствуют большую усталость.

О летних работах колхозников повесть мельком говорит: «С самого утра они возят на поле навоз, руки у них грязные и неприятно пахнут».

А зимние работы колхозниц описаны так:

«Когда коровы телятся, Даша (руководительница молочной фермы) даже ночует на ферме и в эти дни ходит с покрасневшими от бессонницы глазами».

«Андреиха (свинарка) в подоле носит домой маленьких поросят, обсушивает их дома, поит молоком»...

В одном этом предложении выражена вся жуткая сущность колхозной системы, государственной барщины. Для опоросившихся свиней с маленькими поросятами до сих пор, за много лет, не построены изолированные отдельные помещения. Поэтому оставлять поросят на свиноферме нельзя. Их надо отделять от свиней, которые могут их подавить и пожрать. Куда же поместить? Свинаркам приказано: нести в свои хаты... Нести не в чем: нет даже корзин. Свинарки должны нести поросят... в подолах. Колхозницы должны носить для поросят солому от омета, носить им молоко из фермы и обогревать, кормить и выхаживать социалистических поросят в своей хате, вместе со своими ребятишками...

Но крестьянки не ограничиваются тяжелой колхозной работой. Начальство дает им еще дополнительную нагрузку. Так, например, председатель колхоза «Доброселыцы» предлагает пожилой женщине придти к нему и побелить его квартиру. Этой свинарке председатель предложил ежедневно приготовлять для его личного кабана, который находится и выращивается в колхозной свинарне, особый корм (болтушку, тесто) и заботливо откармливать этого поросенка на сало для начальника.

Рабочее утро скотниц и «работа» председетеля на ферме в повести изображены ярко.

В темноте, задолго до рассвета, скотницы по глубокому снегу идут работать на ферму.

Доярки «... уже выгребают снег из силосной ямы. Яма глубокая, так как большая часть силоса уже выбрана, и снега там по пояс. А сколько снега на початых копцах картофеля!..»

«Пока нагребли из копца картофеля, пока Митрофан (старик-молоковоз) разжег в кормокухне паровой котел, начало светать...

«Андреиха (свинарка) торопилась, она знала, что через час уже может наведаться председатель... Он зайдет прежде всего на молочную ферму, напьется там молока, а, может, даже и позавтракает...

«Председатель не пропустил завтрака... Вскоре он появился на кормокухне и, облизываясь, приветливо улыбнулся...

«Андреиха понесла корм на ферму, а вслед за ней пошел и председатель... Ступив на деревянный подстил свинарника, он сразу остановился около угловой удобной загородки и задержал Андреиху.

« — Ну, как он, ничего?... (Так председатель всегда спрашивает свинарку о судьбе своего собственного поросенка, находящегося на откорме в колхозной ферме).

« — Да ничего, — ответила Андреиха.

« — Ест хорошо? — Шулай (председатель) оперся животом о дверку, нагнулся и попытался погладить тупорылого рябого поросенка. — Вы уж ему, пожалуйста, как нужно... Понимаете?.. Скоро заберу...

« — Да понимаю, — Андреиха поставила большое ведро на пол, а с меньшим вошла в клетку.

«Поросенок начал быстро глотать тесто, а Шулай стоял около клетки и довольно облизывался. Когда теста в корыте осталось уже немного, председатель пошарил в карманах, вытащил полгорсти соли, перемешенной с крошками хлеба, и, зайдя в клетку, посыпал тесто. Подсвинок принялся с большим усердием за еду, а председатель щупал его спину и про себя прикидывал, какой толщины будет на нем сало, на сколько пудов он потянет.

« — Много у нас еще картофеля? — спросил он у Андреихи, разносившей уже, может быть, в десятый раз ведра.

« — Два копца, — на ходу ответила женщина.

« — Два? — Шулай вылез из клетки и на мгновение задумался или удивился. — Что-то маловато. На сколько же это хватит?

« — На месяц, — не оборачиваясь, сказала Андреиха. — А, может, и меньше.

«Маловато», — подумал председатель. — «Совсем мало. Если так, то ранней весной могут передохнуть все свиньи, хотя, впрочем, их у нас и так не ахти сколько. Что же делать?» Хотелось спросить у Андреихи, что делать, но он понял, что это неудобно. Председатель задумался, но на лице его не видно было ни беспокойства, ни тревоги. Тяжелые мысли не задерживались в голове Шулая. Ему невольно вспомнилось, что дома, у жены, картофеля хватает: машины три отгрузил он туда, частично собственного картофеля, частично и несобственного» . . .

Шулай, накормив своего поросенка, «самодовольно улыбаясь, покинул ферму . . . и пошел в деревню, на приятный запах утренних дымков».

Так по-разному работают колхозницы и их начальство. Живущие впроголодь, истощенные колхозницы тяжело работают на колхозной ферме, приходя туда задолго до рассвета и уходя оттуда темным вечером. А разжиревший председатель занимается постройкой своего дома на колхозные средства, снабжением семьи колхозными продуктами, откармливанием на сало своего кабана да пустыми разговорами, которые отвлекают занятых работниц от дела и раздражают их . . .

Домашняя работа колхозниц

Но кроме колхозного труда, крестьяне имеют немало работы и дома.

Рано утром, в темноте, прежде, чем идти на ферму, описанная в повести колхозница-свинарка должна была основательно поработать дома: отгрести снег от дверей; дать корму корове и подоить ее; напоить теленка; наколоть лучины, вытопить печь; приготовить и сварить еду на день.

После работы, возвратившись домой поздно вечером, колхозница должна опять накормить и подоить корову, напоить теленка, приготовить дров, помыть посуду, помыть белье, убрать хату.

У колхозниц-матерей к этому добовляется еще много дополнительной работы: кормление детей, уход за ними, пошивка и штопанье белья и т. п.

В повести рассказано, что председатель дает лошадей для перевозки дров из леса только своей сожительнице. Остальные колхозники вынуждены ходить в лес и таскать дрова на себе, волоком.

И для поездок по другим нуждам начальник лошадей колхозникам не дает. Поэтому крестьянка вместе со своим сыном-школьником однажды зимой вынуждена была за один день сделать поход в город к больному мужу за 22 километра, или пройти за день в оба конца 44 километра . . .

Другой колхозник имел сына с больной ногой. Мальчик не мог ни ходить, ни стоять. Его нужно было часто доставлять для лечения на медицинский пункт, за несколько километров. Председатели никогда не давали колхознику лощади для этой цели. «В любое время, в бездорожье брал отец больного сына (школьного возраста) на руки и нес за несколько километров на медпункт». Каждый день носил колхозник на руках своего сына также в школу и обратно домой.

В этом случае поражает не только бездушие колхозного начальства, но и неслыханная нищета колхозников. Прежде, в дореволюционной деревне, для перевозки маленьких или больных детей крестьяне сами делали простые, самодельные детские тележки: ящик из досок на простых деревянных колесиках. А теперь отец не может сделать для своего больного ребенка такой тележки: нет для этого ни досок, ни долота, ни буравчика, ни гвоздей.

Из-за этого же колхозники не имеют теперь маленьких самодельных санок — для возки дров.

Коммунистическая власть запускает ракеты на Луну, космические корабли. А «советские граждане», колхозники, вынуждены пешком ходить в город, в лес, в больницу и десятки километров тащить свою ношу: дрова, картофель для продажи, больного ребенка — на руках. Таковы парадоксы в большевистской «стране чудес» . . .

***

Работы у крестьян в колхозе и дома накопляется так много, что они, как отмечает повесть, все время «бегут», «торопятся», «спешат». Автор повести отметил, например, такой характерный момент в психологии переобремененных трудом колхозников: «Войдя в свою деревню, Даша прибавила шагу, пошла быстрее: неудобно идти по деревенской улице, как на прогулке, люди еще подумают, что ей нечего делать».

Новые помещики-крепостники так переобременили колхозников трудом, коммунистические погоняльщики так запугали крепостных

рабов бичом, что люди все время торопятся и в то же время испуганно оглядываются по сторонам: откуда хлестнет плеть колхозного погонялыцика?..

Новая барщина и отношение крепостных к колхозу

Крестьяне в колхозе «Доброселыцы» работают много, но за свою работу ничего не получают: ни натуроплаты, ни денег. Их принуждают выходить на колхозную барщину, поэтому они и выходят. В сталинскую эпоху за уклонение от работы грозило тюремное заключение, лагерь. В послесталинскую эпоху за это расправляются проще: отбирают усадебный участок — единственный источник для добывания продуктов, источник жизни колхозников. И не отпускают на работу в город.

Вынужденные отбывать бесплатную государственную барщину, колхозники не могут работать прилежно и успешно. Не могут прежде всего потому, что, живя впроголодь, они физически истощены и слабы. И еще потому, что люди не имеют никакого интереса к труду бесплатному и принудительному. Они относятся к государственной барщине и колхозному хозяйству, построенному на ней, с неприязнью, в лучшем случае — равнодушно.

Это проявляется, в частности, и в отношении к колхозному скоту, за которым крестьяне обязаны ухаживать.

Старик ругается на лошадь, на которой он ежедневно возит молоко на заготовительный пункт: «Чтоб ее волки сожрали!..» В единоличной деревне крестьяне никогда не ругались на свою скотину.

Во время заготовки силоса колхозная лошадь исполняла работу «топтуна» и по несколько суток работала в яме, не выходя оттуда. «Иногда ей подавали туда ведро воды, а иногда и не подавали». Зимой лошадь попала в силосную яму, пробыла там целые сутки, жрала мерзлый силос, сама не могла выбраться из глубокой ямы, и никто из колхозников ее оттуда не хотел вытаскивать.

Колхозники совершенно по-разному относятся к своему скоту и артельному.

Старик-конюх рассказал своему приятелю любопытный случай на эту тему: «Дал вчера по приказу председателя одной женщине подводу. Положил в сани сена, чтобы было чем покормить лошадь в до-

роге. Приказал ей, чтобы смотрела как надо, берегла кобылу. А она что сделала? Заехала в свой двор, сбросила все сено своей корове и целый день возила дрова на голодной кобыле. Пригнала ее в конюшню поздно вечером, бросила нераспряженную. Кобыла мокрая, дрожит» . . .

Для своей скотины, которая их кормит, — для коровы, — крестьяне не получают от колхоза никаких кормов. А колхозная скотина получает корм и летом (на пастбище) и зимой (на скотной ферме). Крестьянам колхоз ничего не платит за их работу, в частности, и за работу на скотной ферме. Поэтому работники не могут хорошо относиться к колхозной скотине, за которой они вынуждены ухаживать бесплатно. Колхозники не могут бережливо относиться к кормам, которых недостает их личной скотине, «комилице-Буренушке».

Итоги хозяйственной деятельности колхоза

Итоги хозяйственной деятельности белорусского колхоза «Добросельцы» в 1956-1957 годах, как они описаны в повести Кулаковского, очень неутешительны.

Урожайность на колхозных полях очень низкая. Поэтому продуктов хватает колхозу только на государственные заготовки, на оплату машинно-тракторной станции, на семена и снабжение начальства. Для оплаты труда рядовых колхозников не остается продуктов. Люди за свой труд никакой натуральной оплаты не получают.

Урожайность кормовых тоже очень низкая. Поэтому в колхозе перед весной из-за нехватки кормов происходит падеж скота.

В повести мельком упомянуто, что колхозники топят печи яблонями из колхозного сада. Следовательно, колхозный сад погиб полностью или частично: от засухи или от того, что деревья были огложданы зайцами, скотом.

Незаконное растранжиривание колхозных средств велико: снабжение продуктами семей колхозного начальства (начиная от председателя и кончая бригадирами), сельсоветского и районного; организация для них «крепких выпивок с мировой закуской»; капитальные затраты на жилищное строительство для начальства (за один год председатель выстроил для свой семьи за счет колхоза хороший большой дом, под железной крышей, а это стоит несколько десятков тысяч рублей).

Из-за этих причин земледельцы лишены всякой оплаты за свой тяжелый труд и **работают в колхозе круглый год бесплатно, принудительно, отбывают «колхозную каторгу».**

Общие итоги колхозной жизни в белорусском колхозе в 1956-57 годах, когда советская печать гремела о «крутом подъеме сельского хозяйства», были очень печальны. **Колхозное хозяйство разорено. Крестьяне живут в нищете, впроголодь и впрохолодь. Их работа тяжела, но малопроизводительна, малоуспешна. Земледельцы очень недовольны своими начальниками и колхозными порядками. Родители мечтают только о том, чтобы их дети получили образование, вырвались с колхозной каторги и могли бы добиться сносной жизни вне колхоза, в городах.**

3. ВОРОНЕЖСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Роман А. Андреева — «Грачи прилетели»

Роман Александра Андреева «Грачи прилетели» опубликован в журнале «Октябрь», в №№ 1 и 2 за 1960 год. Он изображает колхозную деревню 1958-1959 годов, в которой уже пять-шесть лет осуществляются послесталинские так называемые «реформы по крутому подъему сельского хозяйства». Автор рассказывает, как в колхозах осуществляется хрущевский лозунг, принятый партией в качестве главной директивы в области сельского хозяйства на период от 1958-го до 1965-го года: «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла!..»

Новый председатель

Для проведения коллективизации, «колхозной революции сверху», Сталин и Каганович командировали из городов в деревни 25.000 «твердокаменных» большевиков. Для осуществления «крутого подъема» сельского хозяйства в послевоенный период Центральный Комитет партии, по инициативе Хрущева, направил в деревню 30.000 партийных организаторов, надежных коммунистов.

Судьбу и наблюдения одного из этих «тридцатитысячников» описывает роман «Грачи прилетели».

Роман Андреева начинается с типичной для подобных книг завязки: семейного конфликта.

Коммунист-чиновник, по командировке ЦК партии, приезжает из города в колхозную деревню на два года для того, чтобы выполнить задачу, поставленную руководителями партии: возродить неблаго-

получный колхоз, поставить его на ноги, «совершить переворот в жизни и судьбе колхозников» и через два года вернуться в город с победным рапортом.

В деревню он приехал с семьей: женой и сынишкой дошкольного возраста. От станции до деревни добрался только к вечеру.

Сам он сразу попал на партийное совещание, которое затянулось до поздней ночи, а жену с сыном отправил на квартиру. Когда в полночь новый колхозный председатель добрался до квартиры, то там он увидел картину, от которой защемило его сердце. В колхозной деревне теперь двухкомнатных изб почти нет. Поэтому семью нового председателя назначили на квартиру в однокомнатную избенку, где помещалась старушка-хозяйка. Председатель увидел, что сынишка спит на чемодане, рядом с теленком, который стоял в вонючей луже... Жена сидит на другом чемодане, убитая и подавленная этой обстановкой, такой «квартирой». Она резко заявила мужу, что в таких условиях не выживет и поэтому не останется в колхозе ни одного дня...

Утром на следующий день жена с сыном уехала обратно в Москву, а мужа оставила одного совершать «переворот» в колхозе, осуществлять «крутой подъем» советской деревни до американских высот...

Что увидел, услышал и предпринял новый председатель в колхозной деревне за год — этому и посвящен роман Андреева, или, вернее, очерки о колхозной деревне в средней России в 1959 году (в советской печати было упомянуто, что это деревня Воронежской области).

Принцип: «давай!..»

Колхозы являются филиалами единого государственного имения СССР. Хозяева этой невиданной в истории латифундии — ЦК партии и советского правительство — ограбляют все филиалы этого имения, не считаясь не только с интересами крепостных — колхозников, но даже пренебрегая интересами филиалов своего имения — колхозов. В ряде земечаний, разбросанных в романе, автор говорит об этом довольно ясно.

Главный принцип той политики, которая проводится ЦК партии по отношению к деревне, бывший председатель охарактеризовал так: «Пока что к колхозу относятся по принципу: «давай!» Хлеба, мяса,

молока, масла, шерсти — давай. Другой принцип, «на́», пока что только пускает росточки».

В бедных хозяйствах весь урожай зерна идет на выплату обязательных государственных поставок и натуроплаты за машины из МТС. Описанный колхоз бедный и потому он купить себе тракторы из МТС до сих пор еще не мог. «Обязательные поставки, натуроплата — вот и весь хлеб. За работу их (машин из МТС) столько утекает хлеба — реки! А денег все нет», — рассказывает прежний председатель новому.

В результате у колхоза нет ни хлеба, потому что его забрало правительство, ни денег, так как плата за хлеб, сданный в качестве обязательных поставок, мизерная.

Но иногда советские заготовительные учреждения забирают в колхозе абсолютно весь урожай зерна, даже семенной фонд для ярового посева. В романе один колхозник информирует нового председателя: «Семена придется доставать в «Заготзерно». Свои осенью сдали под метелочку» . . .

«Гады» . . .

Сам председатель колхоза так охарактеризовал себя и своих помощников: «Встаем утром с заботой о себе и ложимся спать с той же проклятой заботой . . . И ты, Кузьма (заместитель председателя), думаешь сперва о себе. Все мы так думаем, вот в чем беда» . . .

Колхозники так говорят о своих начальниках: «Чьи интересы они отстаивают? Думаете, партийные, народные? Ошибаетесь! Свои. Только свои!» Старик-крестьянин добавил: «Да, честного человека отодвинули в задний угол . . .»

Сельские начальники занимаются прежде всего и главным образом воровством и стяжательством колхозных средств в свою пользу. Колхозники об этом красочно рассказывают: «За 28 лет в нашем колхозе сменилось 28 председателей! . . . Проворуется какой-либо или набедокурит чего . . . его бы запрятать подальше, чтобы он, зараза, не разъедал живое тело, — а его к нам. Кадры сохраняют! . . Каждый из них, если он не дурак, — а они для себя не дураки были! — норовил урвать побольше: строили пятистенные избы, на «Победе» в Москву

гоняли, как наш Коптильников (председатель)! Что там председатель — министр!» . .

О масштабах стяжательства этого председателя в романе сказано: «Совесть его со временем как бы заплыла жиром. Он построил себе пятистенный дом, на высоком каменном фундаменте, под железом, . . . лучший во всем районе». «Летом, перед уборкой хлебов, Коптильников сел в «Победу» и помчался в Москву. За ним катил, громыхая, грузовик с «товарами». Коптильников привез из Москвы обстановку венгерского производства. Односельчане ахнули и зажмурились от переливчатого блеска лакировки серванта, круглого стола, стульев, обитых узорчатой материей. Такого не видывали ни деды, ни прадеды» . . .

Начальники, начиная с маленьких, пьянствуют: за счет колхозных средств или за счет взяток с крестьян. Женщина-агроном об этом рассказывает: «Здесь многие пьют. Сперва пьют, затем с восторгом вспоминают, как пили и сколько выпили, потом опять пьют, и дерутся, и опять вспоминают» . . .

Начальники пьют чаще всего по причинам, о которых люди говорят: «с жиру бесятся», «на даровщину пьют».

Иногда их совесть тревожит, когда вспоминают дела свои. Так колхозный председатель покаялся: «Иной раз видишь: бьется семья (колхозника) в нехватках, помочь бы надо. Нет, отвернешься, пройдешь мимо: ничего, протянут . . . Ну, и пойдешь, выпьешь . . . Дома у меня лучше, чем вот в этой прокопченной дыре» (в колхозной канцелярии).

Стяжательствуя и пьянствуя, **председатель, описанный в романе, устроил в колхозе гарем. По выражению колхозников, он «по бабам шлялся, как мирской бык» . . . Своим любовницам он покровительствовал: освобождал от работы, делал подарки, за колхозные средства строил избы.**

Будучи в колхозе на положении самовластного «князька», председатель упивался чувством властолюбия. Роман говорит: «Коптильников испытал ни с чем несравненное чувство власти: с ним всюду считались, в колхозе слово его — закон, женщины искали его внимания».

Никаких положительных качеств этот председатель не имел. Он сменил семь колхозов и нигде хороших результатов не оставил.

О деловых качествах его и подобных ему начальников колхозники иронизировали: «Не отличит быка от коровы!.. Кидают, что под руку попадется: на́ Тебе, Боже, что нам негоже!.. Крой, мол, там приспособят к чему-нибудь»...

Крестьяне, особенно фронтовики, ненавидели этого начальника. «Ядовитые упреки хлестали Коптильникова как пощечины: «Окопался, отъел рожу-то, пока другие сражались... Разбазарил всё, что наживали все своим горбом»... «По бабам шлялся, как мирской бык»...

Таких начальников в деревне называли: «болтуны-обещатели», «люди с нечистой совестью».

Но, несмотря на отсутствие всяких положительных деловых качеств, вопреки отрицательному отношению колхозников к таким сельским руководителям, — районное начальство покровительствовало именно им.

Перед районным «вождем» описанный в романе Коптильников, негодный председатель, выслуживался тем, что он жестоко эксплуатировал людей на колхозной барщине и услужливо сдавал государственные заготовки. В романе об этом читаем: «... Людей заставлял работать от зари до зари. Он сдавал хлеб и за свой колхоз и за соседей, вывозил под метелку»...

Вот о таких-то сельских руководителях, грабителях и пьяницах, обидчиках и эксплуататорах, ползучих и ядовитых, — колхозники говорили: «Гадов на земле много»...

Тяжелая барщина и легковесный «трудодень»

Колхозная барщина, как об этом свидетельствует роман «Грачи прилетели», и в 1959 году отбывается по сталинским инструкциям: летом от зари до зари, т. е. до 18 часов в сутки.

В романе об этом говорится многократно. Председатель «людей заставлял работать от зари до зари». Сослуживец-солдат говорит другому, возвращающемуся после военной службы в свою деревню: «Зачем тебе соваться опять в эту дыру? Запрягут тебя в колхозе и будешь ишачить от зари до зари»...

Что касается оплаты трудодня в этом колхозе, то в романе об этом есть такое упоминание: «Кило хлеба на трудодень — это благодать!»

— воскликнул колхозник. Выражение «благодать!» означает, что это бывает только в лучшем случае. А в худшем случае, когда председатель все зерно сдает «под метелочку», даже семена, — в этом случае колхозники абсолютно ничего на трудодни не получают. Следовательно, в описанной деревне колхозники получают на трудодень от 0 до 1 килограмма, или в среднем по 0,5 килограмма зерна на трудодень.

Из-за непогожих дней и зимнего времени рядовые колхозники могут выработать менее 200 трудодней в году. Каждый работающий имеет на своем иждивении одного неработоспособного члена семьи. Колхозники в описанной деревне получают зерна на заработанные трудодни столько, что хлеба придется на каждого члена семьи только около 125 граммов в день.

Следовательно, хлебороб на колхозной барщине не может заработать для себя и своей семьи даже буквально «куска хлеба»... Земледельцы в описанном колхозе работают почти «задаром», трудодень их — «пустой». Поэтому один крестьянин, собравшийся бежать из колхоза, говорил: «Что мне терять здесь?..»

Действительно, работнику терять в колхозе нечего, кроме «пустопорожних трудодней» и «кроме своих цепей», если воспользоваться выражением «Коммунистического Манифеста».

Нищета и здоровье колхозников

При таком «символическом трудодне» колхозники могут питаться скудно: картошкой да пустыми капустными щами. Представление о сале и жирном борще имеют только старики, помнящие дореволюционную или нэповскую деревню.

Приобрести сносную одежду и обувь люди не могут. Поэтому колхозник-животновод много лет носит военную заплатанную гимнастерку и ватную стеганку.

А дед его ходит в галошах, одетых на носки, т. е. носит галоши без ботинок.

Деревенские девушки носят резиновые сапоги и ватники.

Колхозник, описанный в романе, и его племянник спят на полу, на соломе, прикрытой дерюгой. Утром старуха-хозяйка убирает дерюгу, а соломой топит печь.

Итак, колхозники одеваются плохо, питаются скудно, работают тяжело, страдают от недоедания, холода и истощения. Поэтому здоровье у них слабое, и с юношеских лет они выглядят уже пожилыми...

Колхозник говорит новому председателю: «Вы видели сестру мою Катьку? Поверите ли Вы, что ей 26 лет?.. Все сорок дадите»...

Бегство в город

Из-за таких трудных условий многие колхозники бегут в города.

И там их ожидает тяжелая работа: на строительстве, на шахтах, в качестве уборщиц, домашней прислуги и т. д.

Об этой работе колхозницы в романе говорят: «В домработницах при генерале состоять или кирпичи на стройке таскать — не велика радость!..»

Но все же там труд оплачивается лучше, чем в колхозе. Поэтому колхозники бегут в город. Особенно часто это делают демобилизованные солдаты. О них роман рассказывает: «...Показались, понюхали, чем тут пахнет, самогонки попили неделю — и кто куда!..»

В городах демобилизованные солдаты устраивались грузчиками, рабочими, шоферами.

Воровство

Питаясь впроголодь, многие крестьяне стараются красть что-либо из колхозных продуктов или имущества.

В романе рассказано, как женщина-мать, заработавшая много трудодней, но не получившая от колхоза ничего, пыталась украсть мешок ржи с тока.

Испытывая острый недостаток кормов для своей коровы, колхозники воруют сено или яровую солому в артели. Об этом говорит заведующий животноводческой фермой.

Получая за свою работу «граммы» и «гроши», испытывая острую нужду во всем, крестьяне стараются «стащить» из колхозного добра то, что «плохо лежит». Новый председатель сам увидел, как мальчик-дошкольник схватил на колхозном дворе какую-то длинную железку

и потащил ее домой. Мальчику не удалось довести до конца свое дело только потому, что сельский начальник отнял у него железку и наградил его шлепками.

Прежний председатель, в беседе с новым, так охарактеризовал эту проблему отношения колхозников к «священной и неприкосновенной социалистической собственности»: «Вот мы твердим на все лады: «Народ, народ! Творец!» А этот творец норовит как бы что нарушить, а не сотворить, как бы урвать, прикарманить, стащить из колхоза последнее, а не дать побольше колхозу! Неделю назад купил новые вожжи. А сегодня, гляжу, висят обрывки. Кто подменил, когда — с собакой-ищейкой не найдешь. Сбрую, ведра, деготь, лопаты — все под замком держать надо. Без замка минуты не пролежит» . . .

Колхозники воруют все, начиная с веревки, железки, лопаты, — потому, что ничего этого у них нет. А за свою работу они получают жалкие гроши, на которые этих вещей не купить. Да и с деньгами достать эти вещи очень трудно. Честный колхозник, прослушав обличительную речь председателя — главного вора и грабителя, — заявил ему прямо в лицо: «Не надо показывать пример» . . .

Колхозное имущество разворовывают почти все жители советской деревни, начиная от председателя и кончая малолетними детьми крестьян . . .

Гибель садов и упадок полеводства

Сельское хозяйство в колхозе находится в упадке.

О судьбе садов в деревне роман рассказывает: «Сады повысыхали, корни яблонь и вишен были ошпарены кипятком, отравлены мыльной водой или купоросом, и деревья были срублены на дрова».

Люди уничтожали свои сады: налог был установлен властью такой большой, что сад стал убыточным для хозяина. А когда вырубка садов была воспрещена правительством, тогда колхозники стали предварительно «засушивать» деревья, а потом вырубать их . . .

О низкой урожайности колхозных полей в этой деревне говорят факты. Только в лучшие годы колхозникам выдавали по одному килограмму зерна на трудодень, в средние — гораздо меньше.

А в худшие годы зерна не хватало даже на выплату государственных поставок, и тогда весь урожай, «под метелочку», включая и семенной фонд, сдавался государству на заготовку.

Упадок животноводства

Особенно подробно и ярко в романе описан упадок животноводства в этом колхозе, который носит громкое название: «Гром Революции».

В колхозе кормов не хватает. Поэтому на корм достают солому с крыш. Приехавший новый председатель увидел такую картину: «На одном дворе... вместо кровли высились редкие ребра стропил. Другой был наполовину раскрытый. Человек вилами скидывал с конька соломы».

Такой корм — полугнилая солома с крыш — привел скот к истощению и падежу.

Кони в романе изображены так: «... Лошади всю зиму висели на веревках от бескормицы»... «У конюшни человек запрягал лошадь, качающуюся на ветру, и... ворча, затягивал супонь». «... У лошади из глаз катятся слезы, не может встать, оплошала».

От соломенного питания и холодов в колхозе гибнет много скота, особенно молодняка. Телятница объясняет: «С гнилой соломы долго не протянешь!.. А тут еще постой-ка на ветру да на морозе»...

Жалостливая пожилая женщина, телятница, плачет и причитает над каждым погибающим с голоду теленком. Роман рисует такую сценку:

«Донеслись причитания женщины. Аребин (новый председатель) приостановился.

— Макариха голосит, — пояснил Мотя (колхозник) ... — Должно еще один теленок ноги протянул».

Но плач и причитания доброй женщины делу не помогают. **Только за одну зиму в этом колхозе, по свидетельству заведующего животноводческой фермой, погибло от бескормицы 98 телят и 123 овцы. Ягнят не считаю, добавил он: это все равно, что семечки».**

Ягнят погибло, конечно, более, чем овец. Следовательно, **за одну зиму 1958-1959 года погибло скота в одном небольшом колхозе более 350 голов: телят, овец и ягнят.**

Такой огромный падеж скота произошел, главным образом, из-за того, что начальство усердно проводило в это время приказ ЦК партии о срочном увеличении поголовья скота в «социалистическом секторе сельского хозяйства» (в колхозах) за счет принудительного изъятия скота (принудительной «закупки» за бесценок) из частного сектора (у крестьян).

Автор романа выясняет этот вопрос — о массовом падеже скота — в драматической сцене. На партийном совещании в колхозе происходит спор о том, кто виноват в падеже скота. Заведующий животноводческой фермой Павел кричит председателю райисполкома:

— «Это Вы до этого довели, если говорить правду! Вы! Из-за Вас гибнут телята и овцы! Вы виноваты! И он! —

Зеведующий фермой махнул рукой на председателя колхоза, Коптильникова.

— Он похоронил молодняк, а Вы, товарищ Прохоров, ему помогали!..

— Думай, что городишь! — предупредил Павла Коптильников. — За такие слова... знаешь.

— Не пугай! — огрызнулся Павел. — **Кто спустил нам разверстку на покупку молодняка?** — Он шагнул к Прохорову. — Вы спустили. А Вы бы сперва спросили, куда поставить телят, чем кормить. Я со слезами просил: не покупайте столько телят, не сохраним мы их, не переживут они зиму!.. Так мне вот эти молодчики (опять взмах в сторону Коптильникова и Конуздова, заместителя) прижгли клеймо: «Враг развития животноводства!..» Накупили молодняка, отрапортовали правительству: план выполнен, даже перевыполнен! **Телеграмма ушла в Москву. А телята да овечки где? Валяются в Козьем овраге! Вот вам и план!..»**

Так в колхозе был «выполнен» приказ ЦК партии о быстром росте поголовья скота в социалистическом секторе сельского хозяйства и о том, чтобы «догнать Америку по мясу!..»

Не менее «успешно» в колхозе борятся за увеличение продуктивности молочного скота, за вышолнение лозунга Хрущева: «Догнать и перегнать Америку по молоку и маслу!»

Автор романа рисует состояние молочного хозяйства на ферме в такой сцене. Заведующий фермой перегородил путь дояркам, уходящим с фермы:

« — Куда разбежались?.. Стойла не чищены, скотина не ухожена, — вам и дела мало. Небось, и не напоили... Марш назад! Хозяйки!..

« — Много ли надоили молока, хозяйки? — спросил новый председатель.

«... Дарья устало, с безнадежностью махнула рукой:

— Набрызгали, по черепкам разлить — три кошки напьются...

— А свои, наверно, побольше дают? — заметил Аребин (новый председатель).

«Нюра Блинова быстро-быстро проговорила:

— Своих-то коровушек мы по-родственному упрашиваем: «Зорюшка-матушка, не скупись, милая, не жадничай, ты поилица- кормилица наша». Вот как! А к этим, — она кивнула на двор, — мы обращаемся вполне официально: «Знаешь, корова, сколько ты по плану должна давать? Не даешь, ну и шут с тобой!..»

« — Официально, значит? А по-родственному нельзя? — спросил председатель.

« — Не получается, — бойко ответила Нюра. — Не сдаются они, твердо стоят на достигнутом уровне, начальством приучены...

« — Хватит тебе, болтушка, — одернула Нюру Дарья... — Не больно радостно садиться к пустому вымени. Но что поделаешь?.. Коровы старые, корма бедные. Руководство никакой заботы не проявляет... Коровы держатся только на нашей жалости. Проку от них ни колхозу, ни нам нет...»

Колхозница указала ближайший корень зла: колхозникам от их работы нет «проку», пользы... Поэтому и работа не может быть хорошей. «Проку» нет и колхозу: государство все забирает, а колхозу ничего не оставляет, даже на его хозяйственные нужды, на содержание работников. Поэтому и колхоз беден.

Работа бесплатная и принудительная унижает и оскорбляет труженика и вызывает с его стороны отвращение к труду и ненависть к колхозу. Это понял новый председатель и выразил так: «Самое святое для человека это его труд. А он был обесценен. Человек, как труженик, как творец, был унижен и оскорблен. Это значит: произошло что-то противоестественное, ужасное преступление против людей. **Колхоз был не матерью, а злою мачехой для них»...**

Писатель Александр Андреев, член редакционной коллегии журнала «Октябрь», не мог, конечно, сказать о «колхозном рае» правду полностью, во весь голос. Он мог ее сказать только в полголоса. И при этом условии он сказал о колхозной деревне много правды.

Самое общее впечатление, которое получается от его романа, такое: колхозная деревня и в 1959 году, через 30 лет после коллективизации, через 6 лет после смерти Сталина, в «эпоху хрущевских реформ» — **остается в своей основе той же, что и раньше, закрепощенной деревней, нищей, разоренной и угнетенной коммунистическими рабовладельцами.**

Для того, чтобы получить наглядную картину современной колхозной деревни, достаточно привести только несколько выписок из романа.

«... Все голо кругом, пусто и лопухи да крапива, да кое-где картошка... да избенка торчит».

«Село «простреливалось» взглядом из конца в конец, без изгородей, без единого деревца на огородах... Пустыри на месте бывших хозяйств»...

«Длинный двор с рухнувшей крышей, словно с переломленным хребтом, с оголенными остриями стропил из-под соломы и подпорками с боков — стоял, как символ запустения»...

«Посреди площади ржавела в грязи жатка».

Стояла «... одинокая ветряная мельница с отхваченным крылом».

«Хозяйство рушилось из года в год. У всех на глазах обваливались дворы, подгнивали амбары, на упряжь, сбрую — жалко смотреть: обрывки да узлы».

Колхозная деревня это, действительно, как сказал автор романа, «символ запустения»...

И самое обобщенное впечатление от колхозной деревни новый председатель, приехавший из Москвы, выразил очень ярко: **«... Словно неприятельское войско прошло и оставило повсюду следы своего нашествия»...** (Журнал «Октябрь», № 1, стр. 32).

Трудно выразить сущность дела более метко, чем оно определено в этой формуле.

Деревня разорена и закабалена потому, что в ней орудует «неприятельское войско» коммунистов, что это «неприятельское нашествие» продолжается полустолетие.

Деревня возродится только тогда, когда она освободится от колхозно-крепостного ига, когда ее разорители и закрепостители будут изгнаны из органов власти.

Возрождение деревни начнется только тогда, но не раньше. А послесталинская суета с хрущевско-брежневскими «колхозными реформами», командировками городских коммунистов в деревню, всякое «организационное укрепление колхозов» — бесплодная переседка музыкантов в крыловском «Квартете», пересадка, которая доказывает старую истину: «Как ни садитесь — всё в музыканты не годитесь!..»

До тех пор, пока крестьяне вынуждены жить в государственно-крепостной деревне и работать на подневольной колхозной барщине, — до тех пор они будут испытывать бедствия нищеты и разорения, голода и холода.

Смогут ли «хорошие» коммунисты улучшить колхозы?

В предыдущих романах о колхозной деревне — например, в романе Вирты — «Крутые горы» и других — выведены положительные коммунисты, которые будто бы многое сделали для улучшения колхозного хозяйства и жизни крестьян. В повести Кулаковского «Доброселыцы» дана утешительная концовка: плохие председатели — сельсовета и колхоза — сняты, новые выбраны, и колхозники радуются, что все теперь пойдет по-другому.

В романе «Грачи прилетели» автор тоже вывел двух положительных коммунистов: местного колхозника, заведующего скотоводческой фермой, и нового председателя, приехавшего из Москвы. Иначе его роман не был бы напечатан.

Но что же этим «хорошим коммунистам» удалось сделать положительного в колхозе?

Роман дает ответ: очень немного.

О заведующем фермой и его усилиях в борьбе за улучшение колхоза в романе написано: возвратившись из армии, «десять лет он работал, не щадя сил, и в поле, и на ферме, и на токах, и бригадиром, и

плотником, спорил, ссорился, бушевал при виде непорядков и злой людской корысти. Издергал себя вконец. А хозяйство не поднялось, упало еще ниже, и он, Павел, еще и виноват в этом, и его судить собираются» (за падеж скота на ферме).

Так десятилетние усилия честного коммуниста, направленные к тому, чтобы усовершенствовать колхозное хозяйство и улучшить жизнь земледельцев, — оказались совершенно тщетными. Колхозная система и партия, которая создала эту систему и поддерживает ее, не дают возможности отдельным коммунистам сделать что-либо положительное при этой системе и вопреки основной массе членов партии.

Новому председателю удалось за год сделать только одно значительное дело в деревне. Дом, который был построен правлением за счет колхоза для председателя, он передал одной трудолюбивой колхознице-вдове с детьми, на условиях долгосрочного кредита (сам собрался возвращаться в город).

Но колхоз так беден, что он в лучшем случае может строить не больше одного дома за год. Следовательно, если бы эта хорошая инициатива нового председателя была продолжена, — тогда вся сотня семейств колхоза могла бы получить новые дома через сотню лет. Едва ли найдутся другие такие «чудаки-идеалисты» из начальников, которые захотели бы ждать нового дома десятилетия, — и едва ли эта практика будет продолжена.

Вероятнее всего, что будет продолжена практика обыкновенных коммунистов: себе — «по потребностям», а рядовым колхозникам — «пустопорожние трудодни» . . .

При колхозно- крепостной системе под руководством новых помещиков дело по-другому идти не может.

4. ВОЛОГОДСКИЙ КОЛХОЗ

Повесть А. Яшина «Сирота»

После войны Александр Яшин опубликовал два рассказа: «Рычаги» и «Вологодская свадьба». Скудная жизнь колхозной деревни и портреты деятелей изображены там реалистически, без прикрас. За эту правду писатель был подвергнут в советской печати грубой, необоснованной критике.

Но мужественный писатель-правдолюб и после этого не стал изготовлять «колхозный сироп», а продолжает итти своей честной, тернистой дорогой. Об этом убедительно говорит его повесть «Сирота», опубликованная издательством «Молодая Гвардия» в Москве в конце 1963 года.

Вместо сусальных «героев колхозной деревни», которых начал расписывать еще Михаил Шолохов, повесть «Сирота» показывает нам персонажи колхозных руководителей иного типа.

«Начальнички»

Повесть изображает жизнь колхозной деревни, начиная от первых послевоенных лет и кончая самым последним периодом, когда автор писал книгу, т. е., вероятно, до 1962 года. В книге живо изображены и простые колхозники и «начальнички» (так иронически колхозники называют всех руководителей, начиная от бригадиров и кончая районными руководителями). Из «начальничков» наиболее детально изображены: председатель колхоза, бригадир и молодой колхозник, которого председатель готовит себе в заместители.

***

Колхозному бригадиру автор повести дает такую характеристику: «... немного занимался делами, хотя среди начальства считался неплохим работником. Он состоял в разных комиссиях, был то бригадиром, то каким-нибудь учетчиком, много выступал на собраниях и даже на районных активах, следил за тем, чтобы работали другие, постоянно кого-то хвалил и выдвигал, кого-то отчитывал — словом, руководил. Время от времени он признавал и свои ошибки, и это производило на всех хорошее впечатление».

Бригадир любил выпивать, конечно, за чужой счет, но в такой умеренной степени, чтобы «не заваливаться».

Для того, чтобы «зарабатывать на жизнь», преуспевать, он считал необходимым: иметь партийный билет (он коммунист); учиться, окончить по крайней мере семилетку. «Без ученья никуда» — говорил бригадир своему сыну.

Но главное, для того, чтобы выдвинуться в начальники и остаться в них, это — «проявлять активность», «говорить», «выступать» на собраниях, совещаниях, перед начальством. «Только и с ученьем можно в дураках всю жизнь проходить, а на дураках воду возят, — наставлял бригадир своего сына-школьника. — Активность надо проявлять..., выступать надо, заинтересованность показывать. Говорить не научишься — жить не научишься!»

Так, выполняя роль погоняльщика на колхозных полях и болтуна на собраниях, бригадир вырывал подачки, получал заработную плату, кормил себя и свою семью, жил «сыт и пьян», освобождал от колхозной работы жену и готовил своих детей следовать по его стопам. Бригадир дал знакомому такой похвальный отзыв, который может служить также и автохарактеристикой его самого: «Парень толковый: пальца в рот не клади...»

***

Председатель колхоза «Красный Боровик» — Прокофий Кузьмич — описан в повести с наибольшей полнотой.

Кроме начального, он никакого образования не имеет. На колхозную работу он приехал по партийной командировке из города. Управляет колхозом около двух десятилетий, но сельского хозяйства не знает.

Главное, что Прокофий Кузьмич твердо усвоил — это то, что он полный «хозяин колхоза»: и земли, и колхозного имущества, и самих колхозников. Часто он заявляет: «Я здесь хозяин!.. Будет по-моему... Прав или неправ, а я хозяин»...

Это право «хозяина» он распространяет на колхозное имущество. Построил и оборудовал дом для семьи. Все колхозные продукты берет как из своего личного склада, в частности, мед из колхозной пасеки — бидонами. Устраивает финансовые махинации при продаже и закупке птицы и т. п.

И над самими колхозниками и их личным имуществом он тоже чувствует себя «хозяином». В повести изображена такая картинка: «... В избу, не стучась, вошел председатель колхоза Прокофий Кузьмич... Он входит в избу колхозника, как в контору правления, по-хозяйски». Он «входит в чужие дома как в свой дом». При этом кричит так, словно он пришел не в избу, а на гумно.

Взяточничеством председатель занимается систематически.

«Прокофий Кузьмич не стеснялся заходить то в один дом, то в другой, когда ему хотелось выпить. И колхозники потворствовали этой его слабости, рассчитывая, в свою очередь, на разные поблажки с его стороны». Он называл взятку способом «с начальством ладить». «Дружку — стакан, от дружка — карман», — любил он говорить при таких случаях.

Стиль его обращения с колхозниками — это приказ, ругань, издевка, угрозы. Застенчивая девушка, прилежная работница-доярка, почтительно и боязливо доказывает председателю, что без пастуха нельзя обойтись. Коровы бегают повсюду и топчут траву, а вечером доярки часами разыскивают их. Председатель отвечает этой девушке издевательством: «Что, жениха захотела?!» Девушка-колхозница должна была приходить к нему три раза с этой просьбой о пастухе...

На старуху председатель кричит: «Ты, пережиток капитализма!».. Своим служащим угрожает: «Под суд отдам...» Колхозникам, спокойно и убедительно ему возражавшим, председатель угрожал: «Из колхоза выгоню и участки отберу!..» Смирных колхозниц он доводил до слез: от него плакала и старушка и смиренная девушка Нюрка. Председатель «нагонял страх на всех»...

Свое пренебрежение к людям председатель довел до того, что в качестве клички своему псу дал человеческое имя: «Тишка». Председатель натравливал свою собаку на птиц, овец, даже на детей...

Повесть рисует такую картину: «На улице она (собака) каталась колобком от дома к дому, бросалась на кур, на овец, на жеребят, на мальчиков с лаем, то злобным, то веселым, и от нее все сторонились, убегали» . . . А председатель радовался, забавлялся . . .

Сельский начальник считал безропотность и беспрекословное послушание главными положительными качествами колхозника. Повесть А. Яшина рассказывает: «Нюрка нравилась и председателю колхоза, и бригадирам, и всем прочим колхозным начальникам: безотказная, нестроптивая, нетребовательная, куда ни пошлешь — пойдет, что ни поручишь — сделает, нагрубишь ей — слова в ответ не скажет, роптать не станет». Изо всех колхозников председателю больше всего нравилась эта послушная, прилежная и безропотная колхозница.

А наиболее недоброжелательно и даже враждебно колхозный председатель относился к Шурке, юноше самостоятельно думающему, критикующему колхозные непорядки и распоряжения начальства. Колхозный председатель сильно не любил Шурку, хотя тот был очень хорошим работником . . .

Директор школы похвалил Шурку в присутствии председателя:

« — Понравился мне паренек: умный, самостоятельный . . .

— Вот-вот, самостоятельный! — вскинулся Прокофий Кузьмич. — Знаете к чему такая самостоятельность приводит? **Сегодня он меня не признает, завтра — вас, потом секретарю райкома нагрубит, а там, гляди . . .» «Такой вот Шурка подрастет, да волю ему дай, да власть, весь народ разболтается, сами править начнут, колхоз распустят» . . .**

Самостоятельно мыслящие и непокорные колхозники внушают начальнику кошмарный страх: «Колхоз распустят, сами править начнут . » Поэтому, когда Шурку хотели избрать бригадиром, колхозный председатель не допустил этого. Сказал, что еще молод, рано и доверия не заслуживает — «шумит много». «Шумит» — это значит критикует . . .

В повести Яшина дан яркий, живой, детально обрисованный портрет колхозного председателя, нового помещика-крепостника.

«На том свете выспишься . . .»

Работа в колхозах очень тяжелая. Повесть Яшина так описывает труд коровниц:

«Доить коров, конечно, не легко, особенно, если их много. Убирать двор лопатой и вилами тоже не сладость. А носить утром и вечером воду на коромысле, да греть ее, да разливать пойло по корытам — от этого за один год можно сгорбиться. Но, пожалуй, тяжелее и надоедливее всего — каждый вечер бегать за коровами на выпас». Пастуха в колхозе нет. Прежние изгороди сгнили. «И скот пошел гулять по посевам, по сенокосам, по болотам и лесам. Вечером жди не жди — не придет в колхозный двор ни одна корова. Долгое время на выгон бегали сами доярки... Несутся все в разные стороны. Найдут коров, пригонят домой, но сами так вымотаются, что и подойник в руки брать неохота»...

Кормов мало, скотина зимой голодает. У чувствительных скотниц «сердце кровью обливается». Зимой колхозники вынуждены заготовлять для коров очень много веток: кормят коров... «хворостом»...

Для свиней тоже кормов мало. И свинарки вынуждены для них добывать дополнительный корм. Иногда даже таким способом, о котором рассказывает колхозник в повести:

— «Тогда Нюрка (свинарка) что придумала? Стала собирать конские свежие яблоки и кормить ими свиней... Навалит полное корыто, чуть посыплет отрубями да перемешает, и свиньи жрут на доброе здоровье. Падеж прекратился. В районной газете — читали, наверно? — целая страница была напечатана, как в нашем колхозе свиное поголовье сохранили. Нюрка делилась своим опытом.

— Изобретательная девушка! — восхищенно воскликнул директор школы, прослушав этот рассказ. — Правильно сделала, молодец!

— Конечно, правильно сделала, — заметил рассказчик Шурка. — И молодец — тоже правильно. Только про такую правду лучше бы в газетах не печатали. Свиньям и то стыдно было»...

Кроме тяжести труда и жалости к голодающему скоту, колхозницы нередко испытывают смертельный страх при уходе за злыми, рассвирепевшими, голодными животными, например, свиньями. Колхозницы работают словно в отделении тигров или ядовитых змей в зоологическом саду...

В повести «Сирота» приведен рассказ колхозника об условиях ухода за голодающими свиньями: «Есть у нас такая Нюрка, маленькая девочка. Ее поставили на свиноферму. А зимой свиньи от голода — совсем как дикие звери. Все деревянные кормушки изгрызли. Нюрка каждое утро уходит из дому и с матерью прощается, потому что

боится: схватят ее когда-нибудь свиньи и съедят... И падеж каждую зиму».

Колхозники делают все, что заставит их начальство. Руководители могут каждый день менять место и характер работы колхозника. В повести рассказано: бабушка показывает внукам фотографию их отца, колхозника, погибшего на войне, когда дети еще были маленькими.

« — Кем он был, бабушка?.. **Что в колхозе делал?**

— В колхозе-то? Все делал... Что надо было, то и делал... Колхозник ведь!..»

И такую, истинно каторжную, работу в колхозе выполняют в основном женщины и девушки. В повести «Сирота» состав одного полеводческого звена охарактеризован так: из 15 членов звена — один молодой мужчина — звеньевой, два-три старика и дюжина девушек и женщин.

Работу колхозники выполняют ежедневно, «с утра до ночи», без выходных дней, летом и зимой.

А кроме колхозной, у крестьян еще много работы в доме, в своем хозяйстве. Поэтому у них не хватает сил на работу, не хватает времени даже для сна...

Автор охарактеризовал вопрос о переутомлении и недосыпании колхозников несколькими штрихами:

«Шурка (сильный юноша) так уставал на колхозной работе, что с вечера забирался на сеновал спать... Спать хочется. Если не заснуть сейчас, то завтра опять придется клевать весь день, того и гляди под колеса попадешь, а то и под лемеха»...

Вечерний разговор девушек-колхозниц: «Груня, пойдем полуношничать». — «Спать охота!» « — Плюнь, на том свете выспишься...»

При колхозной каторжной работе люди не имеют возможности выспаться. У них пропала даже всякая надежда на это: выспаться они смогут только... «на том свете»...

Артель «Напрасный Труд»...

Колхоз, описанный в повести, носит поэтическое имя: «Красный Боровик». Шурка называет его иронически: «Артель «Напрасный Труд»... Это название лучше всего характеризует социалистическое хозяйство.

Колхозный председатель сельского хозяйства не знает, хотя управляет колхозом уже два десятилетия; хозяйством не интересуется. Главные задачи он видит в том, чтобы обеспечить свою семью, ублаготворить ближайшее районное начальство (медом, водкой и всем прочим) и сдать правительству как можно больше продукции — за счет колхозников, интересы которых он совершенно игнорирует. Много людей сбежало в города, постоянно ощущается недостаток рабочей силы.

При таких условиях колхозное хозяйство из болота не вылезает. «Яровые посеяны были слишком рано, задолго до окончания заморозков, — председатель колхоза очень хотел отчитаться первым, — и проку от яровых не предвиделось», — сообщает повесть.

В частности, и лен, главную культуру этого колхоза, председатель тоже распорядился «сеять в грязь». На поле происходит такая сцена: старые колхозники и тракторист возражают бригадиру и говорят, что лен нельзя сеять в грязь.

«Тракториста оборвал полеводческий бригадир:

— Сей, тебе говорят! Указание есть.

— Не вырастет, ведь, ничего.

— А что я могу сделать?.. Пускай не вырастет...»

Мыши в этом колхозе семена поели. Колхоз должен закупать семена.

О заготовках сена колхозники рассказывают:

« — Каждое лето не скашиваем. А и скосим, так сено гниет на месте, неубранное.

— Трава нескошенная под снег уходит, а скот приходится хворостом кормить». (Зимой заготовляют ветки).

Гибель коров происходит из-за того, что, во-первых, в колхозе не хватает рабочей силы (люди сбежали в город); во-вторых, от неразумных распоряжений начальства: земледельцам не дают кормов для скота и не заинтересовывают в работе.

Льнотеребильная машина работает так: «... Старая, проржавевшая, плохо налаженная машина больше путала, чем теребила. Соломка перемешивалась с сорняками и ложилась на полосу в таком неприглядном виде, что к ней страшно было подступиться».

Наблюдая такую работу машин, колхозницы решили, что лучше теребить лен руками.

Кроме колхозного руководства, невежественного и вредного, хозяйству наносили большой ущерб также другие руководители и учреждения: оравы всевозможных «уполномоченных», которых надо было «угощать» (медом, водкой, продуктами животноводства); и те учреждения, с которыми колхоз имел дело.

Только приемщики на льнозаводе, понижая сортность льняной тресты в своих интересах, ограбляли колхоз на десятки тысяч рублей ежегодно. То же делали и всякие другие приемные пункты и учреждения.

Но председателя колхоза это не трогало: убытки покрывались за счет зарплаты колхозников . . .

Разоренное хозяйство колхозников

На личных приусадебных участках колхозники выращивают для питания семьи картофель и овощи. Индивидуальное же скотоводство в колхозе находится в бедственном положении.

Прежде всего потому, что для скота нет кормов. Эта проблема очень ярко обрисована в повести, в разговоре директора школы (коммуниста) с юным колхозником.

Подросток критикует колхозные «порядки»: « — Сено каждое лето не скашивают в колхозе или оно гниет не убранное. Лучше бы разрешили для своих коров хоть понемногу корму заготовить, а то и свои коровы голодные стоят всю зиму . . .»

Директор школы обрывает подростка:
« — Выходит, что вы хотите в первую голову кормить своих личных коров?. . Слыхали вы что-нибудь о частном секторе в народном хозяйстве?. .

« — Коровы не виноваты, что они в частном секторе, — отвечает колхозный паренек директору. — Они ведь не в чужом государстве, все советские. И молоко от них пьют не буржуи какие-нибудь, а свои люди. А получается, что ни колхозных, ни своих коров не кормим. Вон какие они стали теперь, от овец не отличишь, разве это коровы — выродки». . .

Перед колхозниками встает также другая трудная проблема, кроме кормовой: замена старых коров молодыми. Старушка-колхозница ночами не может заснуть, обдумывая эту трудную проблему: корова

старая, молока дает очень мало, а как ее можно заменить молодой? Прежде, при достатке кормов, эта проблема решалась просто. Крестьянин выращивал в течение двух-трех лет корову из собственного молодняка, а потом старую корову продавал на мясо. Но как это можно сделать теперь, когда корма не хватает даже для одной скотины?! А забить старую корову на мясо, а потом купить молодую корову — для этого требуется большая дополнительная сумма денег, а у колхозников денег нет.

В описанной деревне многие колхозники разрешили эту проблему так:вместо коров они завели коз. Хотя козы дают меньше молока, но зато они требуют гораздо меньше корма и могут питаться ветками. Кроме того, колхозники не обязаны уплачивать с коз «молоконалога», или «закупа».

Колхозный председатель из-за этого ненавидит коз. В повести изображена такая любопытная картина:

«В конце деревни они (козы) запрудили улицу — целое стадо...

« — Враги колхозного строя, — сказал председатель колхоза (уполномоченному райкома партии). — Корму меньше — верно, но и молока от них ни себе, ни государству. Козы людей из повиновения выводят. Выродки!.. Козами обзавелись (колхозники), чтобы с колхозом меньше считаться».

В повести автор мельком описывает состояние скотоводства у крестьян-единоличников и у современных колхозников. Старушка-колхозница по ночам долго не спит и все озабоченно думает о перестройке двора и о своем скоте — теперь и в доколхозной деревне:

«... Коровник ломать, перестраивать надо. **Ставился двор не на одну скотину, а на целое стадо. И стояло в нем раньше, худо-бедно, четыре-пять коров, бык, да телята...**, какой ни мороз — тепла хватало. А ныне в этом же дворе стоит-дрожит одна Пеструха, вздыхает, зимой и на морде иней и в пахах, даже вымя в инее. А корму маловато — какое уж тут молоко. Развалить надо этот двор, отобрать бревна, которые еще поцелее, укоротить их, добавить свеженьких и собрать новый коровничек, чтобы в нем уместить всю свою живность — **корову, пару овец, поросенка**. Эх, силы нужны, деньги нужны, хозяин нужен».

В повести А. Яшин дал картину полного разорения хозяйства в современной колхозной деревне, вплоть до 1961-62 годов: и в колхозном и в частном хозяйстве закрепощенных крестьян.

В повесть автор включил очень много фактов, характеризующих нищету колхозников. Но сделал это дипломатично. Он не рисовал одну большую картину этой нищеты, а разбросал десятки фактов, штрихов, замечаний по всей книге. В собранном и систематизированном виде эти факты производят сильное впечатление.

Конкретных цифр об оплате труда колхозников в описанной деревне автор не приводит. Но в ряде замечаний эта оплата охарактеризована довольно ясно.

«По трудодням, как и прежде, одни разговоры» . . . — так определяет эту оплату молодой колхозник, сбежавший в город. А написано это письмо, судя по некоторым датам и расчетам, в самый последний период, в 1960 или 1961 году.

В другой деревне бригадир говорит о том, что колхозники хлеб на трудодни не получают «полной мерой».

А денежная оплата труда так мизерна, что она никакой существенной помощи колхознику не дает. Старушка-колхозница с горькой обидой думает о своем внуке:

«. . . Молод еще, не все понимает, старается не для дома, встает рано, приходит поздно, все на колхозной работе, все там, трудодни зарабатывает, ему не до своего хозяйства. **А трудодни тебе двор не перестроят, крышу не закроют» . . .**

Следовательно, годичная заработная плата молодого колхозника, звеньевого, такова, что на нее нельзя даже «закрыть» протекающую крышу избы или перестроить двор для скота.

При такой оплате труда колхозники живут в большой нужде.

Питаются они плохо, живут впроголодь. Обед колхозника-юноши, живущего вдвоем с бабкой, в повести описан так: Шурка «поел вареной картошки и готовился снова итти в поле» (на работу). «Вареная картошка» — это картофель в кожуре, без масла, без сала, безо всяких приправ.

Кроме картофеля, колхозники выращивают на своих усадебных участках овощи. Но их недостаточно. В повести рассказан случай: колхозные ребятишки подрались на улице из-за того, что один у другого . . . морковку отнял . . .

Хлеба на трудодни колхозники совсем не получают или получают так мало, что его не хватает. Они вынуждены покупать хлеб.

Старушка-колхозница говорит своему внуку: «А мы от кого помощи ждать будем, **кто тебя выручит, когда хлеба купить будет не на что?»** Причем, колхозники не могут купить хлеба по государственной цене ни в местном кооперативе, ни в ближайшем городе. Они вынуждены ездить за хлебом в большие города или покупать его по спекулятивным ценам на черном рынке. Услышав рассказ бригадира о том, что в Москве есть магазины, где булок можно купить сколько угодно, — люди высказали удивление, восхищение и такое предположение: «Если бы наши колхозники попали туда, то они все булки по карманам рассовали бы» . . .

Воровство рядовых колхозников старик-пчеловод объясняет исключительно крайней нуждой этих людей: когда «лучше дела пойдут, — тогда всем хватать будет, и воровать люди перестанут: что без нужды воровать?»

Молока крестьяне потребляют недостаточно: из-за плохих кормов удои невысокие; государство отбирает много.

Итак, питание колхозников плохое: картофель и овощи; хлеба и молока недостаточно. О других продуктах — масле, сале, яйцах, мясе — повесть даже не упоминает.

У колхозников недостает также обуви и верхней одежды. Они испытывают большую нужду даже в белье, в носках. Носки у молодого человека штопаются бесчисленное количество раз.

Повесть Яшина мельком упоминает о том, что колхозницы вернулись к домашнему, ручному, изготовлению холста, льняных тканей. В помещичье-крепостной деревне, до 1861 года, крестьянки пряли нити для холста «веретеном», т. е. оструганной палочкой. О «жужжании веретена» писал еще Пушкин в своих стихах. Но после Освободительной Реформы 1861 года крестьянки стали жить более зажиточно. Некоторые из них совсем отказались от домашнего изготовления полотна и стали пользоваться исключительно фабричными тканями. Иные частью пользовались фабричным полотном, а другую часть полотна изготовляли домашним способом. Но при этом свободные крестьянки заменили допотопное веретено прекрасным рабочим станком — прялкой, или «самопрялкой». А теперь, в XX веке, колхозницы опять занялись домашним изготовлением полотна, и **от «самопрялки» вернулись к веретену** . . . Надо полагать, что колхозницы сделали это из-за горькой нужды: фабричного полотна они не могут достать, а прялок, вероятно, больше не сохранилось. Жительницы «великой индустри-

альной державы» вернулись к веретену, тому инструменту, с помощью которого пряли нити их прабабушки в помещичье-крепостной деревне, более 100 лет назад...

Хаты в колхозной деревне писатель изображает так: «Избы, кривые от времени». «Крыша над избой давно прохудилась, течет и весной и осенью, кое-где дранка совсем сгнила, сколько уже лет не смолили ее»...

Старушка ночами не спит: все обдумывает, где бы достать денег, чтобы купить дранки и смолы и отремонтировать крышу...

Хаты колхозников освещаются керосиновой лампой. Но даже этих ламп и частей к ним в деревне недостаточно. Поэтому, когда треснуло ламповое стекло, то колхозница восприняла это, как огромную и почти непоправимую беду. В повести этот случай описан так: «Бабушка ахнула так, словно кто ее кулаком в живот ударил: стекол больше не было ни в доме, ни в магазине...»

Жизнь колхозников в современной советской деревне, через 15-17 лет после войны, изображена в повести, как нищая, бедственная, горемычная. Сбежавший в город колхозник охарактеризовал ее словами: «... они (колхозники) едва концы с концами сводят на своем участке... Им... тошно. Плохо у них»...

В повести приведено любопытное высказывание председателя колхоза: **«И все это послевоенные годы: вместо коров — козы, вместо дворов — хлевы. Избы тоже перестраиваются: от старых пятистенок (двухкомнатных изб) остаются половинки», т. е. избы однокомнатные.**

Следовательно, материально-бытовые условия жизни в хрущевской колхозной деревне, через полтора десятка лет после войны, не только не улучшились, а даже ухудшились по сравнению с довоенным периодом. По крайней мере, таковы дела в той Вологодской деревне, которую описывает А. Яшин в повести.

«Сучье вымя»

В повести «Сирота» на одной страничке нарисована потрясающая картина на тему — о здоровье и долголетии колхозников.

Колхозница-вдова была истощена тяжелым колхозным трудом и голодом во время и после войны. Об этой трагической истории автор рассказал в своей книге.

«Работа была тяжелая, и она (вдова-колхозница) не жалела себя... Она заболела. Особенно истощали и мучили ее чирьи под мышками, из-за которых она не могла ни поднимать, ни опускать рук.

« — Сучье вымя! — сказал про эти чирьи сельсоветский фельдшер, случайно оказавшийся в деревне. — Организм истощен. От работы на время освобождаю, справку дам».

«Мать мучилась долго... В правлении колхоза чирьи не считали серьезным заболеванием, от работы ее не освободили. Председатель Прокофий Кузьмич говорил так:

« — Если из-за каждого пупыша будем руки опускать, то весь колхоз по миру пустим»...

В бессмертной комедии «Недоросль» Фонвизин изобразил помещицу-крепостницу Скотинину, которая, узнавши о болезни своей крепостной слуги, возмутилась: « — Как смеет болеть она, крепостная девка?!». Новые, советские, помещики-крепостники тоже не позволяют болеть крепостным колхозницам и даже считают себя вправе отменять решения врачебного персонала и выгонять на работу больных людей...

О дальнейшей судьбе больной колхозницы повесть рассказывает: поскольку фельдшер никакого лекарства не дал, а колхозный председатель продолжал выгонять ее на работу, свекровь-старуха взялась лечить невестку «своими средствами». «Сначала пользовала разными травами, потом стала прикладывать к нарывам лепешки из свежего конского навоза. Но облегчения больная не чувствовала. Через несколько дней умерла от заражения крови»...

Вину за смерть этой несчастной колхозницы председатель свалил с себя на старуху, которая лечила невестку «своими средствами».

Тусклое «просвещение»

В повести Яшина рассказано также о школьном образовании в колхозных деревнях. Автор и в этой области нарисовал неутешительную картину.

Во главе школ, в которых учился колхозник Пашка, были члены коммунистической партии. Директора ремесленного училища автор изобразил так: «Директор очень боялся за свой пост. Его уже не раз перемещали, как не обеспечивающего нужного руководства, с одного

места на другое: с картофелесушильного завода на лесопильный, с лесопильного на маслобойный, с маслобойного — в ремесленное училище, но все в должности директора . . .»

Следовательно, на должность директора ремесленного училища партийный комитет назначил такого «деятеля культуры», который не имеет образования, не знает никакого дела и ни с какой работой не справляется . . .

Директором школы-семилетки тоже состоит член партии, который не любит и не знает педагогического дела. В повести он охарактеризован так: «Сам директор школы любил физический труд больше, чем занятия у доски, — он преподавал математику, — и охотно соглашался выводить на поля всю школу» (семилетку) . . .

Этот коммунист, для которого, вероятно, больше подходила бы должность колхозного бригадира, чем директора школы, — повинуясь указке сверху, превратил школу в молодежную бригаду колхоза. На стенах школьного коридора висят « . . . лозунги о борьбе за молоко и масло, за лен и силос, о подготовке к весеннему севу на колхозных полях» . . .

Когда к нему приходят посетители — родные ученика — для беседы о школьных делах, об успеваемости школьников, то он заводит с ними разговор о проведении весенней посевной кампании, о разрешении кормовой проблемы на фермах, о частном секторе сельского хозяйства и т. п.

Руководитель школы занимается, главным образом, не школьными делами, а хозяйственно-политическими кампаниями. « . . . Директор школы много раз приезжал в деревни в роли уполномоченного райкома и райисполкома, либо от сельсовета по разным кампаниям и налоговым обложениям и сборам».

Он ежегодно «мобилизовал» учителей и учеников своей школы на колхозную работу. «В течение многих лет, — говорит повесть, — учителя и старшеклассники каждую осень проводили на колхозных полях, а не в классах: жали рожь, овес серпами, теребили лен, копали картошку, вывозили на скотных дворах навоз и раскладывали его под плуг, делали многое такое, что требует простой физической силы. Нередко работа находилась для них и весной. Председатели колхозов утверждали, что это и есть соединение учебы с производительным трудом; учителя же объясняли все проще: в колхозах не хватает рабочих рук . . .»

Так неполная средняя школа в деревне была превращена по существу в колхозную бригаду, которая весной, летом и осенью больше занималась колхозными работами, чем ученьем.

Писатель Яшин рассказал и показал, что огромное большинство детей рядовых колхозников в описанной деревне ограничивается только начальным образованием, а в старших классах семилетки не обучается, вопреки закону о всеобщем семилетнем (потом восьмилетнем) образовании.

Причина заключается в том, что ближайшая школа-семилетка находится в 12 километрах от описанной деревни. Интерната при школе нет. Поэтому обучаться в этой школе могут только те дети, родители которых могут найти квартиру в том селе, где находится школа-семилетка, заплатить за эту квартиру и обеспечить школьника продуктами. Для рядовых колхозников этой деревни такая задача непосильна. Описанный в повести Паша попал на учение в семилетку только благодаря покровительству председателя колхоза. Сельский начальник увидел в нем такого человека, который легко может стать колхозным руководителем. Поэтому председатель привез Пашу в семилетку, нашел и оплачивал ему квартиру, снабжал его продуктами из колхозного склада: председатель готовил себе заместителя и зятя ...

***

Как поставлено внешкольное просвещение и культурные развлечения в той колхозной деревне, которая описана в повести? Девушки-колхозницы вечером спрашивают бригадира о том, когда же, наконец, покажут кинокартину. Бригадир набросился на них с руганью:

« — Какое вам кино в горячую пору?! — Планы сорвать хотите?. .»

Колхозник-юноша Шурка слышит эту брань бригадира и с горькой обидой думает:

« — План, план ... А люди для тебя что?.. Кино тоже по плану можно бы показывать. А то кампания за кампанией по плану, всякие заготовки и сдачи по плану, а все, что для души, — от случая к случаю ... Почему это?..»

«Сирота» . . .

Свою повесть о колхозной деревне А. Яшин назвал «Сирота».

Он дал это название книге по многим соображениям.

Главные персонажи повести — братья Пашка и Шурка и девушка Нюрка — сироты.

В книге сказано, что в послевоенный период сироты в деревне составляют большинство среди детей и молодежи.

«Сирота» — это также земля, которую покидают колхозники, бегущие в сельские конторы или в города.

Вся книга его показывает, что «сиротой» является вся колхозная деревня, у которой нет ни любящего отца, ни разумного хозяина. Эту «сироту» повседневно ограбляют, угнетают и оскорбляют всевозможные «начальнички», начиная от бригадира и кончая теми высокими сановниками, которых колхозный председатель даже не решается назвать . . .

В повести А. Яшина «Сирота» колхоз описан, как он есть, правдиво, без прикрас, без лакировки, без «сиропа». Писать такие произведения в Советском Союзе — дело опасное и трудное. Только писатели-правдолюбы, мужественные духом, могут писать такие книги.

5. «КОЛХОЗНЫЙ РАЙ»...

Фотография частушечная

В 1960 году в городе Курске издан сборник «Курские частушки». В нем собрано около 1.500 частушек.

Большинство этих частушек составлено журналистами и участниками художественной самодеятельности по заказу газет и партийно-комсомольских организаций. Это — пропагандные частушки: наду-манные, серые, бездарные.

I. «ТРУДОВОЙ ПОДВИГ»...

Казенные частушки

Сотни частушек посвящены теме об «ударном труде», о «трудо-вом подвиге», о «героях труда».

Сборник прежде всего подчеркивает перед колхозниками полити-ческое значение их работы: она должна помочь правительству вы-полнить «величественный семилетний план», или, как в высоком штиле пишет об этом советская печать, «одержать победу на фронте трудовой битвы за семилетку».

Ты играй, играй, гармошка,
Ты играй, играй, баян.
Мы в колхозе выполняем
Семилетний новый план.

Чтоб страну свою прославить,
Не жалеем мы трудов.

Выполнить «величественный семилетний план», догнать и перегнать «хваленую Америку» по производству сельскохозяйственных продуктов, — нужно для того, чтобы посрамить ее и с нею весь «отсталый и реакционный» капиталистический строй.

Производство мы повысим
Мяса, масла, молока,
Чтоб кичиться перед нами
Не могла Америка.
Мы Америку хваленую
Оставим позади.
Нам нельзя теперь ни часу
Даром времени терять,
Чтоб по маслу и по мясу
Нам Америку догнать.

Разве можно «жалеть трудов», если поставлена такая величественная цель: «Америку хваленую оставить позади»?!.

Но в советской пропагандной литературе, в том числе, и в сборнике, изданном на родине Хрущева, нового «великого вождя коммунизма», и , надо полагать, под его высоким покровительством, — встречаются значительные «неувязки». Официальный статистический сборник «Сельское хозяйство СССР» сообщает о том, что Советский Союз еще в 1958-1959 годах **уже перегнал Америку по производству молока и масла**[1]). А курские пропагандные соловьи, авторы частушек, оказывается, этого еще не знают и требуют от колхозников, «не теряя ни часа», догонять Америку, которая, по официальным сведениям советского правительства, уже давно осталась позади...

И чтобы ускорить эту курьезную погоню — «погоню за... обогнанной американской клячей», — курские трубадуры в своих частушках соблазняют колхозниц всяким дешевым, залежавшимся коробейно-пропагандным товаром: орденами, медалями, почетными званиями. Большая часть курских «кукурузных частушек» (так они справедливо называются в сборнике) на тему о «трудовом подвиге» расхваливанию этого товара и посвящена.

Ты играй, играй, гармошка,
Разливаясь дробью вдаль.

---

[1]) Сборник «Сельское хозяйство СССР», стр. 39, 1960 г., Москва.

За хорошую работу
Получила я медаль.
Ой, подружка, погляди,
Дорогая, погляди:
Орден Ленина родного
На моей горит груди.
Я ударница в колхозе
По замочке конопли,
Премирована часами —
Ну, а чем, подружка, ты? . .
Будем в поле мы работать
Дружно и старательно,
И награда от страны
Будет обязательно.

Ударников-рекордсменов в СССР не только награждают, но и повсюду прославляют. И частушки напоминают об этом колхозникам:

Хороша у нас бригада,
Всем пример она дает,
И не зря о ней в районе
Слава громкая идет!

Трубадуры «трудового подвига» своими пропагандными частушками внушают колхозной молодежи, чтобы она отдавала свои симпатии, свою любовь только начальникам или ударникам, но не рядовым людям и тем более не «отсталым».

Как же мне не погордиться —
Лучше всех залетка[2]) мой:
Председатель он колхоза,
А колхоз — передовой.
Ты играй, играй, гармошка,
Ты играй страданьице,
Мой миленок бригадир,
Ну, а я ударница.

---

[2]) «Залетка» — любимый. Это новое слово, появилось в колхозной деревне. Происходит, вероятно, от слова «залетать». Говорит о кратковременных, случайных встречах колхозных девушек, женщин с «залетками».

Я, подружки, вам скажу:
Что я милым дорожу:
Мой миленок хоть куда,
Он теперь Герой Труда!

В качестве главной задачи жизни для колхозной молодежи курские борзописцы ставят: борьбу за высокий колхозный урожай и игнорирование всяких других потребностей, интересов, чувств, которые с этой всеохватывающей задачей не связаны.

Ой, скорее, мой залеточка,
В деревню приезжай:
Будем мы с тобой бороться
За высокий урожай!

Я иду, а трактор пашет,
Тракторист платочком машет.
Ты платочком не маши —
Аккуратнее паши!..

Летом, во время полевых работ, колхозной молодежи должно заниматься «работой от утра и до утра», то есть, целые сутки... И только!.. А всякие там романтические и прочие «благоглупости» необходимо отбросить, как помеху делу...

Так об этом курские «труба-дуры» и поют в своих «кукурузных частушках».

Ой, подружка дорогая,
Едут в поле трактора,
Мы с тобой работать будем
От утра и до утра!..

Мы с подружкою вступили
В соцсоревнование:
Чаще в поле выходить,
Реже — на свидание...

Приходи ко мне, Ванюша,
Только после посевной...
За работу тебе вышью
Я платочек расписной.

«Кукурузные частушки» настойчиво рекомендуют колхозникам: хорошо кормить скот. Без этого животноводство не расцветет.

Не задашь коровам корму —
Молока не спрашивай.
Для коров овес с горохом —
Замечательная смесь.
Свиньи хрюкают довольно:
Наедимся силоса!
Будем жить мы так привольно,
Как во сне не снилося!..

Но этого мало. К скотине нужно подходить с ласковой заботой, «с уваженьем и душой».

Если хочешь ты от стада
Получить доход большой —
Подходить к скотине надо
С уваженьем и душой!..

Мудрая истина! Жаль только, что из 1500 курских частушек ни одна не говорит о том, что прежде всего самих колхозников-работников нужно кормить хорошо и к ним «подходить с уваженьем и душой»...

«Кукурузные частушечники» забыли истины, которые народ еще в старинных пословицах выразил: «Тощий живот ни в пляску, ни в работу»; «Человек хлебом живет, а не промыслом»...

II. «РАЙ» В КУРСКИХ КОЛХОЗАХ...

Частушки сатирические

В сборнике «Курские частушки», кроме казенно-пропагандных, есть также и частушки реалистически-правдивые, сатирические. Правда, их очень мало: из 1500 частушек сборника таких неказенных частушек можно было разыскать только около полусотни.

Эти частушки изображают действительность и живых людей, настоящую деревню и живых колхозников. Они дают яркие зарисовки колхозной жизни, такой, какая есть в действительности.

Одна из этих частушек справедливо говорит:

Мы при помощи частушек
Попадем не в бровь, а в глаз.

Как же выглядит колхозная деревня настоящая, всамделишняя, а не показная, не отчетно-плакатная?

«На служебном посту» . . .

Частушки рисуют яркие портреты колхозного начальства — председателя, агронома, зоотехника, бригадира — при исполнении служебных обязанностей.

Председатель смотрит косо —
Видно, совесть не чиста:
Есть у нас еще в колхозе
Очень слабые места.

***

Агроном сидит в конторе,
Нос в чернильницу клоня.
Сорок галок на заборе
Насчитал он за три дня.

Домоседу-агроному
Я сказала, не тая:
«Ой, совсем зачахнет дома
Агротехника твоя» . . .

Деятельность колхозного зоотехника изображена очень метко:

Об уходе за приплодом
Он отчет послал в аршин.
Но от этого «ухода»
Поросята — как ерши...

Хорошо нарисован портрет партийного бригадира, повседневного колхозного руководителя:

Бригадир у нас растяпа,
Правдой вовсе не высок:
Трудодни он начисляет
Без проверки, на глазок.

Нарисовав типичных колхозных начальников, сборник отмечает, что главное их служебное занятие — это постоянные, бесконечные совещания и заседания.

Вызван Пров на заседанье,
Что не выполнил заданья.
Он бы выполнил заданье,
Да заели заседанья...

***

Есть у нас в делах старанье
Поднять на ноги колхоз:
Через день — на совещанье,
Через два — на сенокос...

Но колхозные начальники занимаются не только делами бумажными и не едиными заседаниями живы. Гораздо ближе их сердцу — другие дела.

«Выпивка с мировой закуской» . . .

Это прежде всего — изобильные пирушки с изрядной выпивкой, или на советском жаргоне, «крепкая выпивка с мировой закуской». Частушка с лукавой усмешкой об этом оповещает:

Председатель блины пек,
Кладовщик подмазывал,
Счетовод про это знал,
Никому не сказывал.

Колхозные начальники часто устраивают выпивку коллективную, но не забывают и индивидуальную.

Зоотехник наш Ванюша
Самогонку только глушит,
Позабыл он про свиней,
Только пьет, работать лень.

Бригадир единоборствует с «зеленым змием» не только дома, но и на всех лесо-луго- полевых угодиях:

Мой знакомый бригадир
Рано в поле выходил:
Чтоб не видели в бригаде,
Как в лесу он водку пил . . .

От колхозного начальства не желают отставать в «борьбе против зеленого дракона» и их ближайшие помощники, механизаторы.

В поле ехали с заправки
Трактористы здешние —
И застряли у прилавка
На два дня сердешные . . .

Когда механизаторы собираются «разуть» чужой трактор, автомашину, или когда колхозникам нужно стащить что-либо ценное из-под охраны, то они спаивают сторожа. И тогда предстает любопытная картина из гоголевской повести:

На дороге я споткнулся —
Думал, спит в грязи свинья;
Пьяный сторож огрызнулся:
«Осторожней, это — я» . . .

Такое повальное пьянство начальства и их слуг происходит не только в колхозных деревнях, но и в районых центрах, куда съезжаются сельские начальники по разным делам и безделицам.

Есть закусочная в Судже,
Сильно там ругаются.
Кто-то крепко «закусил» —
Под крыльцом валяется . . .

«Радение родному человечку» . . .

Колхозные начальники покровительствуют своим родным и близким. Начальники обильно их питают, хорошо одевают и освобождают от колхозной барщины. Частушки об этом подробно рассказывают. Прежде всего о детях колхозных начальников.

Бригадир у нас хорош . . .
Кто же сомневается?!
Только дочки у него
В поле не являются.

***

Наша Маша брови бреет,
Голова с завивочкой,
А работать лишь умеет
Ложечкой да вилочкой.

***

Хлеб он ест в обед и в ужин,
Хлеб на завтрак ему нужен;
Где и как родится хлеб —
В двадцать лет не знает Глеб.

Колхозные начальники покровительствуют — за счет колхоза, конечно, — своим «зазнобам»: снабжают продуктами из колхозных складов, освобождают от барщины.

Полюбила бригадира,
На работу ходить лень:
Бригадира поцелует,
Он запишет трудодень.

***

Полюбила бригадира,
На работу не ходила:
Ночь гуляла, день спала
И ударницей была . . .

***

Маша третий год мечтает
Быть на ферме птичницей:
По три нормы уплетает
Колбасы с яичницей.

Расплата за «романтические повинности» трудоднями, освобождением от работы происходит и тогда, когда «она» является колхозной начальницей, а «он» — крепостным.

Моего бедняжку Ваню
Одолела, видно, лень —
Говорит: «За провожанье
Начисляй мне трудодень . . .»

«Грабиловка» . . .

Для того, чтобы колхозные начальники могли обеспечить свою семью, родных и близких хорошим питанием, одеждой, могли обзаводиться домами, — нужны большие средства. Эти средства они достают, разворовывая колхозное добро. «Грабиловку», «растащиловку» частушки рисуют как повседневное явление колхозной жизни.

Вот, например, как живописно изображена самоотверженная деятельность колхозного кладовщика:

Кладовщик Иван Кукушкин
Сил в работе не щадил:
За два дня в свою избушку
Воз зерна перетащил...

Самым активным деятелем «грабиловки» является управляющий колхозным имением, председатель. Больше всего частушек посвящено ему:

Председателю колхоза
Кони задали вопрос:
«Ты скажи нам, председатель,
Где девался наш овес?..»

***

Про откорм пустые речи
Председатель наш ведет:
Чтоб жилось ему полегче —
Поросят он продает.

Председатель на базаре
Разбазарил поросят.
«Он в торгашеском ударе» —
Так в колхозе говорят.

А в свинарнике приплод
На беду пошел в расход...

«В расход» пускают колхозные начальники и скот и птицу, оформляя свои преступления «липовыми» документами.

У нас курочки гуляли
И на горке и в лесу.
Девяносто штук пропало —
Все списали на лису...

В оформлении таких «липовых» оправдательных документов председателю колхоза и кладовщику чаще всего помогают бухгалтер и зоотехник. Частушки об их «деятельности» были уже приведены выше.

Нищета наглядная и «любовь заочная»

Так частушки свидетельствуют, что колхозное начальство занимается, главным образом, воровством, пьянством, растранжириванием колхозного добра. А колхозную деревню начальство повергает в трясину нищеты и бедствий.

О жилищах без окон и ремонтных порядках частушка иронизирует:

Здесь же рядом ремконтора
Восстанавливает дом,
И хотя прошло три года,
Но стоит он без окон...

«Граждане» самого передового коммунистического государства, жители социалистической деревни, не имеют «лампочки Ильича». Часто они вынуждены обходиться даже без дедушкиной керосиновой лампы, пользуясь лунным освещением...

А как в нащенском колхозе
Света не имеется:
Председатель, видимо,
На луну надеется.

В деревенских лавочках хоть шаром покати: нет ничего, кроме водки да иногда гнилой кильки.

В дождь и слякость в магазины
Возят водку, возят вина,
Но зато здесь нет и нет
Мыла, соли и конфет.
Килька пряного посола,
Для обеда — в самый раз:
Покупая, не забудьте
Одевать противогаз...

Частушки говорят не только о материальных неурядицах колхозников, но также и о душевных их бедствиях: об одиночестве колхозных женщин, их горькой «заочной любви», об увядании без мужа. Нищета колхозной деревни, бегство мужчин в города, горькое одиночество колхозниц — это неизбежный результат жестокого ограбления деревни, бесчеловечной эксплуатации и растранжиривания грандиозных средств на подрывную работу советского правительства во всем мире и на безумно-дорогую пропаганду, в частности, на всякие «спутники» и «лунники».

Разлучила нас дорога,
Дальняя, восточная.
У нас с милым переписка
И любовь... заочная...

Колхозницам всякие «космические зрелища» ненавистны вдвойне: эти дорогие пропагандные игрушки являются одной из важных причин и колхозной нищеты и бегства мужчин в города, т. е. женского одиночества. И колхозницы, слушая пропагандный бум о спутниках и лунниках, вздыхают и горько жалуются друг другу:

Ой, подружка дорогая,
Справедливо или нет:
У Земли давно есть спутник,
У меня же... его нет!..

«От работы прячутся...»

Советское правительство беспощадно ограбляет колхозы. Сельское начальство систематически эксплуатирует и грабит колхозников, растранжиривает их добро и издевательски записывает земледельцам «пустопорожние трудодни». Могут ли колхозники при этих условиях работать прилежно, трудолюбиво и успешно?! «По плате и работа», — говорит народная пословица.

Поэтому частушки нередко говорят о таких колхозницах, которые стараются вообще избежать государственной барщины и на работу не приходить.

Есть такие у нас Маши —
До чего же ловкие:
Выходные дни находят
Всякими уловками.

***

Маня — девица у нас —
Загляденьице как раз:
И танцует и поет,
А на ферму не идет.

«Сербиянку» танцевать —
Первое колено,
А картошку выбирать —
Спина заболела.

***

Завершил ученье Коля —
Не затащишь парня в поле.

Советские помещики выгоняют своих крепостных на колхозную барщину. Но выйдя на ненавистную работу, крепостные стараются всяческими способами «от работы прятаться», отлынивать от даровой обузы.

А на поле Маша вдруг
Скрылась за спину подруг,
Ходит и дурачится —
От работы прячется.

***

Курит лодырь целый день,
В холодке торчит как пень:
«Вот цигарку докурю,
Может, поработаю».

***

Мой знакомый самым первым
На работу просится,
А потом весь день за фермой
Храп его доносится.

Если же нельзя «от работы прятаться», то крепостные колхозники работают вяло, плохо, нерадиво.

На базар Сережка с Улей
Прилетают утром пулей,
А шагают на поля —
Обгоняет даже тля.

***

На вечерке у доярки
Голос звонкий, губы ярки,
Спляшет польку и трепак, —
А на ферме — кое-как...

Иногда, выполняя ненавистную колхозную барщину, государственные рабы даже намеренно вредят колхозному имению, своим кровным врагам, новым помещикам — крепостникам.

Бракодел у нас известный —
Ее Тонею зовут.
Где стояла кукуруза —
Ничего не видно тут:
Вырубает все растенья
Наша Тонечка подряд...

И результаты бесплатного принудительного труда, колхозной барщины налицо: колхозное хозяйство разорено, находится в полном упадке. Частушки ярко изображают этот развал.

В деревне — навоз, в поле — «зеленая тоска»

На фермах и скот и колхозницы утопают в навозе. А руководители не помышляют о том, что навоз должен быть на полях. Частушки отмечают эту «навозную проблему» колхозной деревни.

На дворах полно навоза —
Словно горы на Луне,
Но правление колхоза
Успокоилось вполне.

Если поля без удобрений, а работа на полях нерадивая, то урожайностью колхозы похвалиться, конечно, не могут.

Есть в колхозах лежебоки:
Сев не в срок, прополка — тож;
Кукуруза иль осока
На полях — не разберешь.

***

У людей глаза лучатся:
Кукуруза высока.
А у Марьи — не участок,
Но зеленая тоска ...

В результате такого урожая для колхозников постоянно нехватает хлеба, а для скота — кормов.

А в соседней-то артели
Смех, и грех, и суетня:
Кукурузу всю поели
Две коровы за два дня ...

«Больше слез, чем молока» ...

При упадке растениеводства, при недостатке кормов, и животноводство в колхозах находится в самом плачевном состоянии.

Частушки говорят о молочных фермах:

Молоко дают коровы,
Когда сыты и здоровы.
Если скот в грязи зарос —
Молока не жди, колхоз.

***

А зимою в той артели,
Подтянув к спине бока,
Все коровы заревели —
Больше слез, чем молока...

***

«Обязательство даю, —
Хвасталась подружка, —
Двести литров надою!»
Надоила... кружку.

Свинофермы нарисованы в частушках не менее ярко, чем молочные.

Свиноферма есть в артели,
Только в сводках хороша.
Замели ее метели,
А доходов — ни гроша.

***

Все мы знаем: без воды
Ни туды и ни сюды.
А на ферме, вот беда,
По колено там вода...

***

Хохотали дружно свинки,
Хряк со смеху помирал,
Как в грязи свои ботинки
Председатель потерял...

Живя в холоде и голоде, свиньи превратились в щепки. Частушечники сочувственно изображают «свинскую жизнь» на колхозной ферме.

Нет в свинарнике счастливцев:
Всем приходится дрожать.
Это ж подлинное свинство —
Так свиней не уважать.

***

Горько плакала свинья:
«Стала щепки тоньше я,
Чуть не взяли на охоту —
Думали, что гончая» . . .

***

В Заготскот вели скотину,
Выдавали за свинину.
Оказалось — не свинина,
А лишь кожа да щетина . . .

Потеряв всякое терпение, свиньи, в конце концов, пришли к правильному решению.

Возмутившись к свиноводству
Свинским отношением,
Нынче свиньи руководству
Пишут заявление:
«Жизнь у нас невыносима,
Так не можем дальше жить.
Предлагаем к нам в свинарник
Председателя вселить! . .»

6. НИЩИЕ В «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РАЮ» . . .

Коммунистическая власть, «построив социализм», строжайшими приказами воспретила нищенство в советском государстве. И поручила милиции неукоснительно выполнять их. Голодным людям, даже детям, не имеющим достаточно пищи и средств, эти приказы говорят: «Помирайте с голоду, но не смейте просить милостыню! Не смейте нищенствовать, потому что нищенство позорит наше комунистическое государство, подрывает нашу пропаганду о «социалистическом рае», о расширении этого рая до вселенских масштабов» . . .

Воспретив приказами нищенство, кремлевские вожди провозгласили лозунги о «зажиточной и счастливой жизни», о том, что «жить стало лучше, жить стало веселей . . .» А коммунистические пропагандисты, которые в своем кругу откровенно называют сами себя «разбойниками пера», на весь мир, через печать и радио, громогласно декламируют: «Нищенства в советском государстве нет и быть не может! . . »

В колхозной деревне нищенство, действительно, встречается редко. По той простой причине, о которой колхозники говорят: «Нищий не может подать милостыню нищему« . . . Иногда только, в случае задержки скудной зарплаты, сельские учительницы, не имеющие даже огородного участка, пройдут по колхозным дворам, попросят милостыню: не хлеба, которого у колхозниц нет, а картофеля, овощей . . .

В городах же, несмотря на строгий запрет, нищих немало. Много их было в эпоху Сталина. Не уменьшилось их число и при его «либеральных наследниках», после «крутого подъема» благосостояния «советских граждан» . . .

Советские нищие происходят как из колхозной «зажиточной деревни», так и из «богатых социалистических городов».

Они снуют на вокзалах и привокзальных площадях.

Толпятся около храмов.

Особенно много их шныряет на колхозных рынках. Дети школьного и подросткового возраста предлагают покупательницам свои услуги: поднести мешки с картофелем, кошелки с другими покупками. И за эти услуги получают милостыню-воздаяние: картофель, овощи, иногда даже яблоко получат.

Многие нищие стоят около хлебных магазинов, выпрашивая кусок хлеба.

Вот, например, картинка, которую дает на своих страницах советский журнал в 1966 году, накануне полустолетнего юбилея «социалистического рая»:

«Возле входа в булочную стояла морщинистая сгорбленная старуха. Она кланялась каждому выходящему и жалостливо приговаривала:

— Подайте милостыньку, не пожалейте довесочка бедной старухе . . .

«Юрка стал рядом. Почти все покупали хлебные кирпичи или круглые караваи, но иногда старухе совали довески, чаще — медяки. Юрка стыдился протягивать руку и кланяться. Жалостливо приговаривать не умел. Ему ничего не давали. Старуха несколько раз оглядывалась на него, а когда рядом никого не оказалось, сердито прошипела:

— Ты чего тут торчишь? . .

— Есть хочу, — сказал Юрка.

— Булочных тебе мало? Это мое место, я тут кажное утро стою! На вот и иди отсюдова . . .

«Старуха сунула ему горсть довесков».[1])

Эта картинка показывает неработоспособных нищих: старуху и мальчика.

А очень правдивый советский анекдот рассказывает о нищенстве рабочих.

Одну важную иностранную делегацию водил в центре Москвы сам вождь партии и глава правительства Н. С. Хрущев, расхваливая чудеса и райскую жизнь в столице мирового коммунизма. Вдруг на главной улице он увидел одетого в отрепья, изможденного человека, который сидел на тротуаре с протянутой рукой: просил милостыню . . .

Вождь рассвирепел и накинулся на нищего с руганью:

— Ты, почему, тунеядец, не работаешь, а нищенствуешь?!.

— Да, ведь, я . . . после работы, Никита Сергеевич . . .

---

[1]) Журнал «Новый мир», № 4 за 1966 г., стр. 89.

6. РАЙСКИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ И АДСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В советской газете была описана встреча двух молодых специалистов, бывших школьных товарищей: городского инженера и сельского учителя.

— Помнишь, как обстоятельно мы изучали в школе, на уроках литературы, роман Чернышевского «Что делать?» Хотелось бы знать, как живут люди в колхозной деревне: так ли, как описано в романе, или по-иному?..

Горько усмехнулся, махнул безнадежно рукой сельский педагог:

— Не живут там люди, дорогой друг, а мучаются... В действительности колхозная деревня это полная противоположность тому, что приснилось Вере Павловне[1]) и Николаю Гавриловичу[2]) ...

Деревенский интеллигент говорил правду.

Бегло сравним, что нарисовал Чернышевский в своем романе о земледельческих коммунах будущего и что наблюдали в колхозной деревне советские писатели, чьи произведения были кратко изложены в предыдущих очерках.

Коммунары Чернышевского живут в роскошном дворце, в окружении красивых садов, цветистых лугов, урожайных полей. Во дворце, кроме помещений общего пользования (столовой, библиотеки, помещений для игр и развлечений), для каждого коммунара есть особая, личная комната, в которой он живет.

А жилища колхозников — это поселения без единого деревца; ветхие хижины; бараки, глиняные мазанки, землянки... Семья колхозника живет в одной комнате; зимой — нередко с теленком вместе...

---

[1]) Вера Павловна — социалистка из романа Чернышевского, которой приснился сон о земледельческих коммунах будущего.

[2]) Николай Гаврилович — Чернышевский, автор романа «Что делать?»

Вместо электрического освещения в колхозных хижинах мерцает маленькая тусклая керосиновая лампа или даже слепая коптилка. В большинстве случаев колхозники не имеют ни кроватей, ни матрацев, ни одеял, ни подушек. Они спят на печке и на лавках, на тряпье, а нередко на полу, на соломе...

Одежду земледельцев-коммунаров Чернышевский описал, как роскошные красивые костюмы самых разнообразных покроев.

А современные коммунары, колхозники, одеты как нищие: носят заплатанную одежду и белье, замызганные ватники, «тряпье», «лохмотья», «опорки», лапти...

Коммунары, изображенные в романе, питаются обильно: меню их состоит из пяти-шести блюд. А колхозники питаются впроголодь: картошкой, капустой, супом или щами, без масла и сала, часто даже без хлеба...

Не жизнь изобилия — «Каждому по потребностям», — а жизнь впроголодь и страшную нищету принес социализм в деревню.

Чернышевский рисует коммунаров, как людей здоровых, долго живущих, беззаботных, веселых и счастливых.

А из советских романов и очерков колхозники выглядят, как люди истощенные, слабые, больные, преждевременно состарившиеся, неживающие даже до среднего возраста. Их угнетает нужда, голод, страх, постоянная озабоченность. Они печальны и боязливы, хмуры и озлоблены.

В романе «Что делать?» труд коммунаров изображен, как легкий, радостный, всегда сопровождаемый веселыми песнями.

А в колхозной деревне земледельцы выполняют работу очень тяжелую: от темна до темна, от 12 до 18 часов ежедневно; за весенне-летний и осенний сезоны работники не имеют выходных дней. Они делают «каторжную работу». В колхозах песня умерла, хороводы пропали. Голодному, переутомленному и изнуренному земледельцу не до песен и плясок: «не до жиру, быть бы живу...»

Вместо «вольной жизни» колхозники живут под ярмом «государственной барщины». Они работают и живут в абсолютной зависимости от коммунистических крепостников, «царей и князьков», начиная от кремлевских диктаторов, устанавливающих антикрестьянскую политику, и кончая колхозными бригадирами, которые с дубиной ежедневно «выгоняют» колхозниц на работу...

Чернышевский в романе охарактеризовал жизнь коммунаров, как райскую, счастливую: там «... всякое счастье, кому какое надобно»; «все живут, как лучше кому жить»...

А сами колхозники, на основе полустолетнего опыта, свою жизнь в коммунистическую эпоху определяют иначе: «не жизнь, а мука», «каторга», «второе крепостное право», «колхозный ад»...

Результаты «колхозной революции сверху», «построенного в боях социализма» в деревне, кратко и образно можно определить так: **крестьянство в коммунистическом государстве распято на Голгофе, а сельское хозяйство сброшено в болото...**

***

Коммунистическая печать и радио непрерывно, днем и ночью, на весь мир гремят о «грандиозных достижениях социализма» в советском государстве, в частности, в колхозной деревне: о «передаче крестьянам всей земли навечно», о «переходе земледельцев на путь социализма», о «добровольно организованных колхозах-кооперативах», о «социалистической деревне, незнающей эксплуатации», о «свободном труде», о «зажиточной колхозной жизни» и «социалистическом рае».

Сами же крестьяне, на основе полустолетнего эксперимента, проведенного коммунистической властью на территории самого обширного государства мира, определили этот «рай» новой пословицей: «В колхозах — везде «рай»: ложись и помирай...»

И советскую печать народ тоже определил метко: «розовая лакировка», «колхозный сироп», «литература великой лжи, или брехология», «сказки для малых детей и больших ослов»...